

Гай Юлий
Орловский

Гай Юлий Орловский

ФИЧ@РД

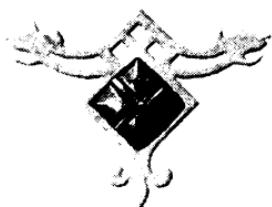
Длинные Руки —
маркграф

— Фридрих маркграф
Пфальц-Зулцбург

Рожденный
героем
должен
летать!

**Баллады
о Ричарде
Длинные Руки**

Ригард Длинные Руки
Ригард Длинные Руки — воин Господа
Ригард Длинные Руки — иладин Господа
Ригард Длинные Руки — сеньор
Ригард де Амальфи
Ригард Длинные Руки —
властелин трех замков
Ригард Длинные Руки — виконт
Ригард Длинные Руки — барон
Ригард Длинные Руки — ярл
Ригард Длинные Руки — граф
Ригард Длинные Руки — бургграф
Ригард Длинные Руки — ландлорд
Ригард Длинные Руки — ифальциграф
Ригард Длинные Руки — оверлорд
Ригард Длинные Руки — коннетабль
Ригард Длинные Руки — маркиз
Ригард Длинные Руки — гроссграф
Ригард Длинные Руки — лорд-протектор
Ригард Длинные Руки — майордом
Ригард Длинные Руки —
маркграф

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Фиц@Рд

Длинные Руки —
маркграф

ЭКСМО
Москва
2009

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-66

Оформление серии *A. Старикова*

Серия основана в 2004 году

Орловский Г. Ю.

О-66 Ричард Длинные Руки — маркграф : фантастический роман / Гай Юлий Орловский. — М. : Эксмо, 2009. — 448 с.

ISBN 978-5-699-33574-9

Непросто нанести поражение сильному противнику. Еще труднее остаться в захваченном королевстве и удержаться, когда в противниках не только блистательные и гордые рыцари, но маги, тролли, оборотни, колдуны и волшебники...

...но опаснее всех могущественные лорды, владеющие летательными аппаратами!

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-33574-9

© Орловский Г. Ю., 2009
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2009

Часть 1

Глава 1

Меня несет на черных крыльях ночи, внизу горит земля, трещат крыши падающих домов, жалкие людишки орут и мечутся, как муравьи по вершине своего холмика, а под моими жестокими ударами рушатся башни и крепости...

Я вынырнул из жуткого сна с таким воплем, что распахнулась дверь. Заметались дымные факелы, воины с мечами наголо ворвались быстрые и готовые к бою.

— Ваша светлость?

Я прошептал:

— Все-все, идите... Недобрый сон.

Все послушно удалились, я с сильно колотящимся сердцем смотрел в закрывшуюся дверь, огромную, укрытую золотыми накладками, с массивной дверной ручкой в виде головы неведомого зверя. Надо мной красный матерчатый полог, натянут над столбиками из резной слоновой кости, что значит, я на королевском ложе и в королевской спальне.

С правой стороны появилась гигантская черная морда с распахнутой жуткой пастью, красной и жаркой, длинные зубы блестят как алмазы. Бобик уперся передними лапами в постель и всем видом показывал, что готов ко мне в постель, а там будет бдить и защищать.

— Брысь, — сказал я слабым голосом. — Тебя разок пustи, потом вовек не выгонишь.

Бобик вздохнул с укором и снова исчез, растянувшись на полу. Я медленно сел, спина уперлась в гору подушек с нежнейшим лебяжьим пухом. Ей хорошо, а вот в груди странное и очень неприятное ощущение,

словно совершил нечто опасное, не помню что, потому не понимаю, как исправить и как избежать еще более неприятного, что злорадно ждет во тьме.

Спальня огромная, как помещение театра, не случайно все кровати в таких местах отгораживаются пологами как сверху, так и со всех сторон. Неуютно спать среди огромного пустого пространства. Человек не с дерева слез, а вылез из норы.

Голые ступни коснулись толстого мягкого ковра. Я подвигал пяткой, вроде бы даже теплый, будто пол с подогревом. Впрочем, кто знает возможности бытовой магии.

Шагах в двадцати роскошный стол персон на двадцать, но стульев два. Именно стульев, а не кресел, хотя из дорогих пород дерева и в золоте. Кресла в ряд выстроились вдоль стены, это для тех, кого допускают к утреннему туалету короля.

Сердце стучит часто и сильно. Спальня Кейдана больше смахивает на внутренности Версаля плюс Эрмитаж, и вот теперь здесь я, вышвырнув прежнего владельца, тот еще экспонат.

Я начал одеваться, пальцы привычно скользнули по спинке стула, куда всегда вешал пояс, сердце болезненно заныло. Пояс сгорел дотла, как и мои доспехи Арианта и меч. Рассыпались в черную пыль болтеры, все кольца, волшебные свойства так и не успел узнать, превратился в пепел молот, и даже загадочный красный демон исчез...

Несколько раз щелкнул пальцами, бесполезно, тоска сдавила грудь, без волшебных доспехов страшно и одиноко. Хорошо, лук Арианта уцелел, оставался на седле Зайчика, да всякая ерунда в седельной сумке...

В дверь громко постучали. Я выпрямился и, надев нужное выражение лица, сказал властно:

— Да, можно.

Заглянул стражник, лицо виноватое.

— Ваша светлость, как вы?

— А что, — спросил я настороженно, — не так?

Он пробормотал:

— Ну, все-таки трое суток даже не копыхнулись.

— Сколько? — вскрикнул я.

— Трое суток, — повторил он испуганно. — Ваша светлость, к вам священник.

— Что, — спросил я, — причащать?

— Ваша светлость, — вскрикнул страж в страхе, — и слова такие забудьте! Это от великого инквизитора.

— Пусть войдет, — разрешил я настороженно.

Стражник отодвинулся, в щель проскользнул в рясе до пола и подпоясанный простой веревкой молодой священник. С порога он перекрестил Адского пса, но тот лишь следил за ним с ленивым любопытством. Я сделал знак приблизиться, но священник в своей длинной рясе и сам уже шел ко мне, словно плыл над полом.

В глаза остро блеснуло. Я подавил желание закрыться ладонью; не так поймут, встретил посланника как можно более прямым и честным взглядом.

— Что-то случилось?

— Сэр Ричард, — сказал священник, избегая обращения «сын мой», это я терплю только от одного человека, — отец Дитрих велел срочно передать вам вот это... взамен потерянного. Очень срочно.

Он склонился в легком поклоне, снова блеснуло, но уже не так болезненно. На протянутых ладонях простой полотняный платок, в середине играет искорками такой же незамысловатый крестик. Глаза священника следили за каждым моим движением. Я заподозрил, что явился не один из рядовых служителей церкви, у отца Дитриха не бывает простых. Мои пальцы чуть дрогнули, я медленно протянул руку, готовый в любой миг выронить опасную вещь из рук, как только вспыхнет, ужалил или как-то еще начнет войну с... недостаточно чистым.

Священник явно наблюдал за моей реакцией. Руки дрожали, но крестик приятно холодит кончики пальцев. Я перестал задерживать дыхание, бережно повесил на грудь и прикрыл рубашкой.

— Спасибо, святой отец, — сказал я. — Да, вы правы, мой расплавился в схватке, и теперь очень недостает... Можно сказать, сгорел на работе. Как отец Дитрих?

— Еще плох, — ответил он скорбно. — Этот крест спас ему жизнь. Но отец Дитрих велел немедленно отнести его вам, сэр майордом.

— Польщен, — пробормотал я.

— Он говорит, — продолжил священник тем же ровным голосом, — вам он сейчас нужнее. Намного.

— Спасибо, — ответил я настороженно. — Я чем-то могу помочь отцу Дитриху?

Он продолжал так пристально всматриваться в мое лицо, что не сразу понял вопрос, вздрогнул, виновато покачал головой.

— Нет, сэр майордом, — ответил он ровным голосом, — вы всего лишь паладин. Отец Дитрих на таких уровнях святости, что ваша сила рядом... мала. Очень мала. Сейчас к нему прибыли братья из монастыря Сен-Крус. Они лучшие лекари из возможных.

— Понимаю, — пробормотал я. — Просто хотел бы что-то сделать.

— Отдыхайте, сэр майордом, — сказал он все так же бесподобно. — Удивительно, вы восстановили силы так быстро. Удивительно!

Я промолчал, а он, выждав чуть и не дождавшись ответной реплики, поклонился и пошел к двери. Я провожал его тяжелым взглядом. Заметил, гад, что отец Дитрих все еще не пришел в себя, а мне как с гуся вода. Да я и сам не очень-то понимаю. С одной стороны, чувствую эту недобрюю мощь, сила Терроса ворочается, огромная, как галактика, требует выплеска темной энергии, но в то же время все еще паладин.... Вроде бы.

Да и крестик лишь пару раз дрогнул в пальцах, а так висит спокойно. Возможно, потому, что темный бог из давних времен. Его свергли и заточили в камень задолго до рождения Христа. Про Христа даже не знает. Другое дело, если бы кто-то из ангелов, боровшихся против Творца.

Шаги священника стихли за дверью, как только та захлопнулась. Я прислушался еще, в памяти выплыло то странное, когда терял сознание, а кожа превращалась в нечто более плотное, чем просто кожа. Даже с чешуйками, если не совсем рехнулся. Не то рыбьими, не то еще какими...

Плечи передернулись от пережитого ужаса. Держа руку перед глазами, я шевелил ее так и эдак, кисть нормальная, пальцы тоже. Хотя в самом деле кожа на ладони слегка потолстела,

однако это от ребристой рукояти меча. Не так уж и часто за него хватаюсь, но все-таки твердые мозоли. Не такие, как у сэра Растера, у того вообще копыта, однако кожа затвердела...

Вдруг мизинец зашипало, словно нечаянно сунул его в горячую воду. Кожа утолщилась на глазах, блеснули искорки... и тут же пальцы снова стали чистыми, с розовой кожей. Сердце пошло барабанить по ребрам так, что могли услышать за дверью.

Пес зарычал во сне, вскочил и, подбежав быстро, обнял мне руку. Шерсть на его спине медленно улеглась, хотя глаза еще оставались багровыми. Он посмотрел с недоверием, я погладил по башке и почесал за ушами. Яростное пламя погасло, глаза стали масляными, он чуть ли не замурлыкал.

В дверь снова постучали, громко и требовательно. Ясно, не слуги.

— Войдите, — сказал я.

Чеканными шагами вошел барон Альбрехт. Поверх блестящих, тщательно сделанных доспехов небрежно наброшен голубой кафтан с золотым шитьем, дорогой пояс поддерживают брюки из тонкой кожи, от красных сапог с золотыми шпорами не оторвать взгляда, сам барон при своем негигантском росте выглядит просто величественно и вообще блестяще.

На груди тускло поблескивает золотая цепь с медальоном, где, как говорят, хранится прядь золотых волос. По его словам, жены, хотя Митчел, его сосед, всякий раз загадочно улыбается при таком сообщении.

Еще от двери он держал меня на перекрестье прищела серых внимательных глаз, за которыми я всегда видел недюжинный ум и цепкую хватку очень расчетливого человека.

— Рад вас видеть, барон, — сказал я первым. — Когда же дворец заработает как следует?.. Ору, будто в запертом туалете. Что у вас новенького?

Он ответил с легким поклоном знатного человека чуть более знатному, но из одного круга:

— Прежде всего ваше здоровье...

Я огляделся.

— А где вино?

Он уточнил:

— Я интересуюсь вашим здоровьем, а не предлагаю за него тост.

— Да, — ответил я с напускным разочарованием, — вы не сэр Раster. По-моему, вы вообще не пьете. Садитесь, барон, рассказывайте.

Он сел, придвинув стул поудобнее, глаза его смотрели испытывающе.

— Вы не ответили, — проговорил он, — значит, со здоровьем пока неважно... Новостей немного, все по мелочи. Пользуясь случаем, провели дополнительную чистку по всей столице. Появление Терроса видели в городе и окрестностях, все напуганы, так что знают, что и зачем, сильно не противились, черномесенцев не защищали. Наоборот, нам даже помогали. К тому же мы доказали, что способны справиться даже с проснувшимся темным богом, а это заткнуло пасти и самым крикливым. Заодно устрашило отважных, готовых бросить нам вызов.

— Такие были?

— Немного, — ответил он сдержанно.

Я криво усмехнулся.

— Хвастаетесь такой победой? Нескромно.

— Скромных людей не бывает, — ответил барон серьезно. — Просто некоторым нечем хвастаться. И вообще даже самый скромный человек думает о себе лучше, чем думает о нем его лучший друг. Отец Дитрих еще не встает, но послал священников закрепить победу и выжечь остатки... гм... искушения, что ли. Он говорит, что соблазн — это духи, их вдыхаешь до тех пор, пока не захочешь иметь весь флакон. Поэтому нужно разбить все флаконы, а духи вылить в сточную канаву.

Я сказал вяло:

— Искушение — самый строгий экзаменатор нравственности. Увы, я слаб, потому отец Дитрих прав: крепкое вино надо в унитаз... в смысле, в выгребную яму. Словом, лучше избавиться от искушения, чем с ним бороться.

Он пожал плечами.

— Есть несколько способов, — ответил он холоднова-

то, — с ним справиться. Самый верный — трусость. Так спасается большинство. Но мы не они?

— Мы они, — возразил я. — Я тоже трушу и стараюсь избегать... насколько удается. Как в столице?

— Начинает приходить в себя, — сообщил он. — Народ пока что отсиживается по домам, но лавки по приказу графа Ришара открыты. Работают пекарни и булочные. Воды в цистернах хватит на несколько недель. Лорды Брабанта и Армландии празднуют победу и, похоже, будут праздновать долгого. Что и понятно.

— Почему понятно?

Он поморщился.

— Стрелок натягивает лук, — объяснил несколько вяло, — когда он нужен, и спускает тетиву, когда опасность прошла. Если лук держать натянутым всегда, он лопнет. Так и мы... Всегда быть серьезным и не позволять себе забав... гм... либо сойдем с ума, либо наши тетивы лопнут.

Некоторое время мы смотрели друг на друга. Я поинтересовался:

— А как вы, дорогой барон, спускаете тетиву?

Он ответил мне тем же прямым взглядом.

— Как и вы, сэр Ричард. Откладывая на потом.

— Вот уже много лет, — сказал я полуопросительно.

— Вот уже много лет, — повторил он. — Ничего, пока не рвусь. Хотя с ума сойти с вами легко! Еще вам будет интересно, по некроманту отслужили панихиду.

— Что? — ахнул я.

— Что слышите, — заверил он. — Самую настоящую. В церкви. Посовещались сперва и пришли к выводу, что если так поступил, то часть души у него была христианская. В момент истины взяла верх, потому некромант уже не некромант, а благочестивый христианин в первую очередь, а некромант где-то там, позади. Потому достоин похорон как истинный христианин, положивший жизнь на спасение высокого иерарха церкви.

— С ума сойти, — пробормотал я, — церковь отвечает благородством на благородство... Или что-то иное?

Глава 2

Все проблемы, как гласит закон, делятся на две категории: одни разрешаются сами по себе, другие вообще неразрешимы. После ухода барона я перебирал новости, особенно врезалось в память то, что священники искренне жалеют о гибели презираемого ими некроманта. Ишь, самоотверженно спас жизнь великого инквизитора, отдав взамен свою и приняв мученическую смерть в пламени!

В дверь деликатно постучали, что значит кулаком, а не рукоятью меча или ногой. Я положил обе руки на стол и сказал державно:

— Да, что там?

В дверь заглянул дворецкий. Бобик рыкнул, раздраженный, что кто-то мешает самому лучшему на свете занятию. Дворецкий старался держаться, как и положено, бесстрастно и невозмутимо, но чувствую, тряется, как осинка на ветру. И Пса боится, и не знает, как общаться со всесильным завоевателем.

— Ваша... светлость, — проговорил он таким привычно громким голосом, что сам испугался и пустил петуха, — ваша светлость! К вам на прием Великий Инквизитор.

— Проси, — велел я.

Дворецкий суетливо исчез, наверное, непривычно выполнять роль одновременно и лакея, но что делать, многие разбежались, в распахнутую дверь мелкими шажками вошел отец Дитрих. Двое священников вдвинулись следом и остановились у двери, опустив головы и сложив руки.

Отец Дитрих пошел через зал, но я выскоцил из-за стола, встретил на полдороге и почтительнейше провел к креслу.

Пес встретил великого инквизитора уже там, зато приветливо помахал хвостом. Отец Дитрих привычно осенил странную тварь крестным знамением, но Бобик не закричал страшным голосом, не превратился в дым и не вылетел в окно. Отец Дитрих легонько провел пальцами по умело подставленной для чесания голове и опустился в кресло так тяжело, словно не потерял после схватки с темным богом килограммы, а набрал центнеры. Его сухое, как у кузнечика, тело

стало еще тоньше, черты лица заострились, а дышит, как я обратил внимание, все еще учащенно.

Я сел рядом и терпеливо прислушивался к его надсадному дыханию.

— Сын мой, — сказал он тихим, но твердым голосом, — огонь и воду ты уже прошел. Теперь — медные трубы... А это самое трудное. Куда бы ни направил стопы, везде трубят и возглашают: вон он, тот самый великий сокрушитель королевства!.. Несравненный и непобедимый!.. А еще и темного бога сокрушил!

Я вяло отмахнулся.

— Отец Дитрих, я на такие простые крючки не ловлюсь. Чтобы меня подцепить, нужна приманка похитрее. Я еще та рыба! Хи-и-итрая.

— Какая?

— Не знаю, — признался я. — Но знал бы, не сказал бы даже вам.

Он скupo улыбнулся.

— Это правильно.

— Я рад, — сказал я, — что вы приходите в себя так быстро. И уже обличаете.

Он позволил губам чуть-чуть раздвинуться в слабой улыбке.

— Плоть излечить легко. Братья из монастыря Сен-Крус в этом сильны, как никто. А вот крепость духа зависит от нас самих. Я, собственно, зашел к тебе, сын мой, чтобы выразить соболезнование...

Я спросил настороженно:

— С чем?

Он взглянул с укором.

— С гибелью некроманта. Да-да, знаю, ты им тоже пренебрегал, а я вообще собирался предать церковному суду... Говорят, смерть равняет всех, но это отговорка простолюдинов. Смерть как раз показывает, кто чего стоил. Только после нее видим подлинную цену человека.

Я вздохнул, развел руками.

— Гм, да...

Он осенил себя крестным знамением. Лицо стало серьезным, он выпрямился, из груди вырвался тяжелый вздох.

— Тот некромант, — произнес он тихо, — пожертвовал собой, чтобы спасти меня, человека церкви.

— Он старался остановить темного бога, — пробормотал я. Отец Дитрих покачал головой.

— Нет, сын мой. Он говорил, что темный бог непобедим. И понимал, что погибнет, если вступит в борьбу. Но видел, как я упал, как меня крашит мощь нечестивого противника, и... бросился на помощь.

Я вздохнул и снова развел руками.

— Да, гм... печально. Мог бы еще жить.

Он продолжил, словно и не слышал меня:

— Я бы погиб, если бы он не принял бой и не отвлек внимание темного бога. Я не мог двигаться, я смотрел с ужасом, а потом отец Варлампий сумел подбежать и оттащить в безопасное место. Некромант погиб, а я даже сейчас стараюсь не называть его по имени, отказывая ему в этом праве...

— Его звали Логирд.

— Логирд, — повторил он. — Человек, по имени Логирд. Неважно, чем занимался всю жизнь, но этот миг, когда отдал свою еще молодую жизнь, чтобы спасти меня, старика, самый весомый на чаше весов!

— Да, — пробормотал я. — Господь именно об этом и говорил.

— Раскаяние, — продолжил отец Дитрих наставительно. — Человек одним мгновением, одним поступком может все изменить... И одна минута может перевесить всю прежнюю жизнь! Уверен, Логирду уготовано царство небесное, а не адские муки.

Я кивнул.

— Да... гм... неплохо бы.

Он взглянул на меня остро, недовольство пропустило в глазах.

— Сын мой, я понимаю, что ты хочешь сказать. Вернее, в чем меня укорить.

Я выставил, защищаясь, ладони.

— Отец Дитрих! Мы через такое прошли! Нам ли друг друга укорять?

Он покачал головой.

— Когда все гладко, тоже нехорошо. Ладно, я не о том... Отныне маги и некроманты нашего войска под моей защитой! И под защитой церкви в моем лице. Под защитой инквизиции. Никто не смеет обидеть даже самого малого из них. Это я сказал священникам, а они сейчас объясняют всему войску. *Dixi!*

Он с трудом поднялся, я поспешил вскочил и почтительно приложился к его руке. Он кивнул и пошел к двери, исхудавший и все еще сгорбленный, но чувствуется в каждом движении, что дух его прям и несгибаем. Даже в том, как оглянулся в дверях и ожег меня требовательным взором.

Священники вышли вслед за ним, дверь закрылась, я сидел с бьющимся сердцем. Нет, не ради благодарности за спасение жизни он объявил амнистию всем чернокнижникам моего войска. Великому инквизитору чуждо личное, однако некромант, спасая высокого иерарха церкви, показал свое благородство и преданность крестоносному войску. А это значит, что и другие колдуны и маги могут прийти к Господу иными путями, чем только через костер.

— Спасибо, Логирд, — сказал я. — Ты такую тяжелую ношу с меня снял!.. И такой гордив узел разрубил...

Небо мутное, затянуто серой кисеей, солнце по ту сторону, и потому кажется, что раскалено все небо. Плечи и спины землекопов черны, все раздеты до пояса, а головы уже завязаны белыми тряпками. Вдали белеют похожие на высохшие скелеты руины крепости Песчаных Королей, их постепенно заносит песком, но дальше оптимистично зеленеет полоса могучих деревьев.

Здесь, за чертой города, где отбушевала страшная битва с Темным Богом, закончили рыть большую могилу. Когда я слез с коня и поручил его Бобику, убитых уже укладывали ровными рядами. Плащи и маски сгорели, теперь отчетливо видно, что все, в основном аристократы, погибли дважды: сперва от наших мечей, затем во время схватки с их хозяином.

Один обугленный труп пострадал особенно страшно: нижняя часть превратилась в пепел, от грудной клетки лишь обгорелые кости, но череп уцелел — массивный, с высоким лбом мыслителя и тяжелой нижней частью воина.

Землекопы уже перестали кланяться, но, когда я медленно поднял череп, один сказал почтительно:

— Это тот некромант, что дрался так храбро?

— Да, — ответил я невесело, — а теперь хороним вместе с той дрянью, что освободила его убийцу и дала силу.

Землекоп подумал, почесал в затылке.

— Вообще-то нехорошо... Ваша милость, а давайте похороним отдельно? Только и делов, что еще одну ямку вырыть! Нам для хорошего человека нетрудно. Зато крест можно поставить!

Я покачал головой.

— Крест... это слишком.

Он выглядел озадаченным.

— Как же... если человек хороший, то надо крест...

— Человек хороший, — пробормотал я, — Ладно, пока с могилкой погодим. Лучше я отнесу это вот в его лабораторию. Она и станет его склепом. И памятником заодно.

Он поклонился, так и не поняв, но лорды иногда говорят непонятно, я поднялся в седло, разобрал поводья. Арка ворот понеслась навстречу, народ шарахается в стороны, кого-то даже сбили с ног, но сейчас ни малейшего угрызения совести не шевельнулось в моей мохнатой душе.

Глава 3

Несмотря на то что некромант прожил здесь всего несколько дней, едкий запах химикалий я ощущал еще перед закрытой дверью. Когда был Логирд, я не обращал внимания на ароматы, уродливые черепа, высущенные лапы, пучки трав, а сейчас перешагнул порог и сразу ощущил нечто древнее и враждебное человеку.

В комнате тихо, камин черен и почему-то упорно напоминает бездонный космос, но там тишина, никаких молний, никаких звездных катаклизмов, только застарелый запах дыма, давно не убиравшегося в пепла, а также легкий запашок неизвестных трав.

Пес быстро пробежался везде, иногда носом терся по полу, я даже слышал скрип, кое-где шел почти на задних лапах,

а то и подпрыгивал, стараясь поймать запахи вверху, а я, не обращая внимания на его изыскания, деревянными шагами прошел к столу, там все те же три пузырька и череп.

Бобик посмотрел в ожидании: вдруг да буду бросать ему череп, а он станет приносить, классная игра, но я переставил все на полку, освободив стол, вытащил обгоревший череп некроманта и водрузил на середину стола.

— Прощай, — сказал я невесело. — Не скажу, что чувствовал к тебе хоть какую-то симпатию... Да и сейчас нет во мне горя, люди гибнут всюду, однако ты показал себя достойно... а самое главное, спас отца Дитриха... Нет, даже не это главное. Ты изменил его отношение к магам! Ты, можно сказать, спас их от костров. Спасибо.

Я отступил, отдал честь и уже хотел повернуться и уйти, когда взгляд упал на пузырьки. Как сказал тогда Логирд, его предшественник отыскал способ, как упростить вызывание тени мертвых, как обойтись без жертвоприношения черного петуха в новолуние, длинных и запутанных заклинаний. Всего то и нужно, что...

Мои пальцы коснулись пузырьков. Я смотрел на обгоревший череп, нижняя челюсть наполовину обуглена, половины зубов уже нет... а тем временем тугая пробка нехотя вылезла из горлышка.

Я капнул на череп сперва зеленым, потом синим, запоздало подумал, что не знаю, в каком порядке, но раз уж запел — пой до конца, вылил половину из красного.

На макушке черепа капли зло шипели, растворяя кость, взвился легкий дымок. Я постоял немного, однако дымок рассеялся.

— Прощай, Логирд, — сказал я и пошел к двери.

Бобик требовательно гавкнул. За спиной легонько трещало, словно рвались нити тонкой паутины. Я обернулся, в темной дыре камина едва заметно поблескивает, но не молнии, как в прошлый раз, а будто далекие зарницы, только их так далеко видно ночью.

Я постоял у двери, зарницы медленно утихли. Бобик застыл со взъерошенной шерстью, неотрывно смотрел на стол. Я потрепал его по башке.

— Ну что там? Пойдем. Ты его совсем не знал.

Пес уперся, я слышал, как в горле зарождается глухое рычание. Я вздохнул, обошел его и толкнул дверь. Она скрипнула и отворилась. Я переступил порог, и тут краем глаза поймал какое-то движение в комнате. Над столом, где я оставил череп, колышется легкий туман, бесформенный, но компактный.

Бобик опередил меня, уже стоит там и принюхивается. Я вернулся к столу с внезапно застучавшим сердцем и дрожью в руках. Туман медленно принял очертания человеческой головы, а шея и грудь едва заметны, истончаются, там колышутся щупальца тумана, как отростки медузы.

— Логирд, — прошептал я.

Черты лица сдвигались, смазывались, исчезали, и с каждой переменой я видел яснее массивную голову, тяжелую нижнюю челюсть с раздвоенным подбородком, крупные глаза под нависшими дугами бровей, проступили и перестали размываться мясистые губы широкого жабьего рта.

Бобик перестал рычать, сел на толстую задницу и просто смотрел. Я в потрясении наблюдал, как оформились из тумана роскошные волосы, они и раньше были такого же цвета, как сейчас, а мертвенно бледное лицо Логирда как будто стало даже больше похожим на живое.

Толстые губы разомкнулись.

— Сэр Ричард... — услышал я свистящий шепот, — это необыкновенно...

Я с трудом прочистил горло, прохрипел:

— Ну да... Хорошо выглядишь!.. Сейчас ты даже не такой бледный...

Лицо колыхнулось, теряя пропорции, но тут же застыло на пару мгновений, пока Логирд брал свою новую форму под контроль.

— Необыкновенно, — повторил он так же тихо, — вы сумели... решились... Честно говоря, о такой удаче даже мечтать не смел...

Я сказал с беспокойством:

— А удача ли?

— Разве не видно?

— Отец Дитрих сказал, — сообщил я, — тебе уготован рай. И царство небесное!

Он поморщился, это было устрашающее, гримаса почти превратила лицо в нечто ужасающее звериное. Логирд это ощутил и снова некоторое время восстанавливал, закреплял, сдерживал, а ответил, едва шевеля губами:

— Сэр Ричард, я, конечно, благодарю... Теперь понимаю, почему мне удалось задержаться. В ад уволакивают сразу... И я, конечно, отправлюсь в это уготованное мне, однако... здесь слишком много интересного! Я отправлюсь в рай не раньше, чем... словом, либо все исследую, либо здесь надоест раньше...

Я удивился:

— А как будешь исследовать?.. Ты песчинки не сдвинешь!

— Неважно, — прошептал он счастливо. — Еще не знаю, что могу, но бывать в разных местах, слушать разговоры... даже великих некромантов... смотреть на их работу...

— А толку? — спросил я трезво. — Уже не применишь.

Он умолк, некоторое время колыхался над краем стола, переместившись от черепа, медленно поплыл по комнате, плавно поднимаясь до потолка, опускаясь до пола. Бобик следил за ним заинтересованно, даже поднялся на все четыре, но с места не сошел. Логирд не рассчитал и погрузился до половины, а когда поднимался, по инерции вошел в стену. Вынырнул через пару секунд уже выше, на лице обрадованно-сконфуженное выражение.

— Да, — признал он, — к новому состоянию надо привыкнуть. В стене даже мне жутковато.

— Придется привыкать, — сказал я.

— Да, — согласился он, — иначе не смогу подсматривать, как работают маги... Сэр Ричард, как вы решились на такое?

Я сдвинул плечами.

— Не знаю. Дурак просто. Ты не один, во мне тоже хватает дурости и здоровой помешанности. Хотя в целом я такая же тупая здоровая норма, как и все прочие, на ком держится мир.

— Замечательно, — сказал он. — Но я жив благодаря вашей помешанности, как вы сказали, а не унылой норме!

Я сказал нерешительно:

— Ну, не все это назвали бы жизнью.

Он сказал уже намного энергичнее:

— Дураки! Или — норма, как вы сказали изящно. Я вполне могу обойтись без пожирания мяса. Или вина. Однако проходить сквозь стены, не страшиться мечей... могу нырнуть в озеро кипящего огня... и никакого жара! Сэр Ричард, я ваш вечный должник.

Я отмахнулся.

— Да ладно тебе. Мне просто повезло, что запомнил твои слова насчет вызывания теней. Только и делов, что вылить эти пузырьки вон на ту черепушку. Ладно, исследуй новые возможности, Логирд!

Я улыбнулся, махнул ему рукой и пошел к двери. Пес посмотрел на Логирда уже без интереса и понесся следом. Зайчик деловито сгребал железную верхушку ограды, как другой конь жрал бы сочные листочки молодых веточек. Я вставил ногу в стремя, Зайчик повернул голову и с удивлением смотрел за мою спину. Я проследил за его взглядом.

Из стены, как нечто отпочковавшееся, выдвинулся и отлепился Логирд. На этот раз сумел восстановить облик почти до колен, хотя голову и грудь пролепил со всей тщательностью, даже отчетливую цепь на груди с амулетом, но ниже все так же размытые клочья тумана.

— Меня никто не видит, — сказал он успокаивающе еще издали. — И не слышит.

Я указал на Зайчика.

— Даже мой конь услышал. Не говоря о собачке.

Логирд сморщил нос, на этот раз он у него не ушел на середину лба и не опустился ниже подбородка.

— Конь... Он не обижается?

— А чего ему обижаться? — ответил я вопросом на вопрос.

Он загадочно улыбнулся.

— Я как-нибудь соберу все о таких «конях», сэр Ричард. Уверен, ахнете. Я уж молчу о вашей «собачке». Сэр Ричард, можно попросить вас об одной необычной услуге?

— Просить можно, — ответил я с неохотой, — только сделаю ли... Ты же знаешь, как все мы не любим что-то кому-то делать. Другое дело, когда все нам, нам...

Он растянул широкий рот в строго зафиксированных пределах.

— Вы сделали гораздо больше, сэр Ричард, осмелюсь напомнить! Впрочем, это совершеннейший пустячок. Даже, если просто отмахнетесь, я не обижусь.

— Ну, говори, — сказал я, — а то Зайчик уже вон ушами прядает.

— Теперь моя прежняя оболочка не нужна, — сказал Логирд. — Совершенно. Но что-то сентиментальное, что ли...

— Ты сентиментальный? — удивился я.

— Сам не думал, — признался Логирд. — Наверное, плоть дает больше возможностей для притворства. Даже себя ухитряемся обманывать... Нельзя ли мой череп как-то сохранить? Я видел, у всех священников черепа на столах.

Я пробормотал:

— Не только у священников. Была одно время мода на такое... Якобы напоминание о краткости жизни, а на самом деле бравада... Ладно, я заберу череп, чтоб не сперли. У тебя он, кстати, хорош! Массивный такой.

Он сказал польщенно:

— Спасибо, сэр Ричард.

— Будто у мясника, — добавил я, — или у гладиатора. Или такими и были интеллигенты Средневековья? Еще ничего тут тебе не надо? Какие-нибудь склянки, растворы?

Он покачал головой.

— Мне уже ничего не надо. Как и вам, кстати.

Глава 4

Во дворец я возвращался с черепом в мешке, успел призадуматься, где положу в своих покоях, места много, но все слишком роскошно, чтобы где-то присобачить испачканный золой и обгорелый череп.

Возле центрального собора толпы рабочих спешно очишают площадку от строительного мусора. Его использовали в последние годы как склад, но отец Дитрих пришел в ярость, как только увидел кощунственное осквернение священного места, велел из собора все выбросить, а его заново освятить.

Массивные красочные ворота распахнуты, изнутри льется ласковый яркий свет дюжины люстр, доносится негромкая церковная музыка. Бобик подбежал и заглянул вовнутрь, а когда оглянулся, глаза его сверкнули багровым.

Я натянул поводья.

— Зайчик, погоди... Эй, что здесь происходит? Собор открыт? Без освящения?

Один из рабочих отвесил низкий поклон.

— Его святость отец Дитрих, — сообщил он словоохотливо, — вчера велел освятить собор!..

— Без всяких торжеств? — спросил я, внутри тревожно екнуло. — Без крестного хода?

— Его святость сказал, — ответил рабочий очень значительно, — что очень важно открыть собор как можно быстрее. Больше чистых спасется, больше нечистых будут наказаны!

Я соскочил на землю.

— Зайчик, жди здесь. Бобик, сидеть!

Бобик посмотрел с обидой, а Зайчик кивнул и посмотрел по сторонам ищущими глазами. Не увидев подходящего железа, подхватил крепкими зубами мелкий булыжник. Послышался треск, Зайчик мерно двигал нижней челюстью.

Я подошел к дверям, но странное чувство не позволило шагнуть дальше. Собор изнутри выглядит еще огромнее и объемнее, чем снаружи. Призрачно-нереальный свет падает под углом через синие окна, та часть кажется в странном волшебном тумане, словно некая неведомая страна просвечивает из дальней дали. Сводчатые арки залов строги и возвышенны, я чувствовал трепет в сердце и нечто особенное в душе, чему не мог подобрать название.

Снова хотел шагнуть, тревога стала острее, затем как шелчок в черепе осветил картинку из церковной книги, где колдун входит в церковь, а его мгновенно испепеляет гнев небесный.

В груди стало холодно, я замер с поднятой ногой, затем осторожно вернул ее на прежнее место. Бобик помахал хвостом, глаза уже не светятся, как раскаленные угли.

Рабочий сказал благожелательно:

— Заходите, ваша милость! Там все убрали, подмели!.. Теперь чисто, благородно!

Я с трудом вытолкнул через перехваченное тугой удавкой горло:

— В другой раз. Сейчас некогда.

Зайчик повернулся ко мне боком, я поднялся в седло и повернул его в сторону королевского дворца. Бобик ринулся вперед широкими прыжками.

Барон Альбрехт буквально выбежал навстречу, теряя достоинство вельможного лорда. Бобик подбежал к нему и требовательно помахал хвостом, однако барон холодно и прямо смотрел, как спешиваюсь и передаю слугам повод. Отвесив церемонный поклон, поинтересовался очень сдержанно:

— Хорошо ли погуляли, ваша светлость?

— Брось, — сказал я, морщась. — Что случилось?

Он сообщил язвительно:

— Возможно, сэр Ричард, для вас это новость, что захвачено огромное королевство, почти захвачено. Сейчас нужно вообще не есть, не спать, а стараться со всем этим... да этим!... справиться!.. Граф Ришар днует и ночует в казармах, приводя их в порядок и переподчиняя местные отряды, сэр Растер инспектирует...

— ...винные подвалы? — спросил я.

Он холодно поморщился.

— ...оружейные склады, — ответил ледяным голосом, — сэр Максимилиан комплектует свою пехоту кнхтами из Ген-негау... да что там перечислять, все до единого заняты так, что некогда и на небо взглянуть! И только вы...

Я вскинул руку, прерывая его обвинения.

— Барон, барон... С этими «днует и ночует» вы перегнули. Мы только вчера захватили этот город! Да, признаю, работы там, «мама» сказать будет некогда. Но я тоже не к бабам ездил!

— А куда? — потребовал он. — Вы теперь майордом, сэр Ричард! Ваша голова стоит дорого, а мы, кстати, во враждебном городе!

— Вы мыслите старыми категориями, — ответил я прими-рительно. — Здесь же новый мир. Обывателям почти все равно, кто ими правит. Нет патриотов, чтобы бросились на меня с ножами в руках!.. Это не Рим времен Цезаря и не наша Арм-ландия. Но я понимаю вашу тревогу и раздражение.

Он сказал сердито:

— Да что вы понимаете!

— Все успели смыться раньше, — посочувствовал я, — а вы остались на хозяйстве. Угадал? Хорошо, барон, можете идти и выбрать себе дело по душе. А я останусь нести монаршую ношу, хотя и не монарх.

Я улыбнулся ему примирительно, взбежал по ступенькам, а когда передо мной распахнули двери, я ощущал по шагам за спиной, что барон Альбрехт идет следом.

— Что, барон, — спросил я дружелюбно, — решили проверить, чтобы я не выскочил через черный ход?

— Точно, — ответил он сварливо.

— Тогда пойдемте, — сказал я, — угощу кофе.

— И сыром, — буркнул он.

— И сыром, — согласился я.

Он злорадно улыбнулся, я не придал значения его ухмылочке, пока не увидел в приемной кучу народа. Все одеты бедно, даже демонстративно бедно, словно боятся грабежей прямо во дворце, но почти у всех в руках бумаги, и многие, завидев нас, с робостью, но решительно попытались сунуть нам в руки петиции, прошения или проекты, уж не знаю. Барон строго прикрикнул и сказал, что его светлость майордом Ричард сейчас немного отдохнет и начнет разбирать их просьбы.

Когда за нами закрылась дверь и мы оказались в королевском кабинете, я спросил рассерженно:

— Зачем такие обещания?

— А как иначе? — ответил он вопросом на вопрос.

— Что-нибудь не такое конкретное!

— Вам в самом деле надо принять ряд прошений, сэр Ричард.

— Зачем?

— Или начнете рулить королевством, даже не поинтересовавшись, чего люди хотят?

Я вздохнул, сел за стол, роскошнейший и инкрустированный невиданными породами дерева. Впрочем, я и в виданных не разбираюсь, но что красиво, это чем-то соображаю. Весь кабинет блещет золотом, однако оно за заднем плане, на пе-

реднем — изысканная красота помещения, сплав архитектуры, дизайна и таланта художников.

Барон быстро пил кофе, обжигался, а когда отставил пустую, я тут же взял ее с вопросом:

— Еще?

— Если это вас не истощит, — ответил он.

— Тогда я в эту же, — сообщил я и пояснил, — чтобы поменьше истощаться.

Он принял вторую чашку, с этой уже смаковал и сыр, укладывая ломтики на язык и наслаждаясь, как растворяются, оставляя пикантный аромат и дивный вкус. Я отхлебывал мелкими глотками и думал, что человек начал жить обществом еще будучи дочеловеком: обезьяной, а то и лемуром. И с той поры его общество только усложнялось, росло вширь и ввысь, а то и в глубину. И все опаснее было что-то нарушить, чтобы не обрушился весь карточный домик отношений, связей и подчинений.

Сперва за поддержанием порядка следил шаман, обеспечивая идеологическую составляющую, затем появились еще люди и еще, их называли по-разному, но все удерживали общество в том виде, в каком должно быть, потому что способность к саморегенерации хоть и есть, но наличие иммунной системы и большого количества фагоцитов не мешает.

Дверь отворилась от мощного пинка, вошел Бернард, за ним Асмер. Барон поморщился, остро взглянул на меня, что за бесцеремонные эти старые приятели, неужели не понимают, что перед ними уже не тот прежний собутыльник, а гроссграф и майордом.

Я приглашающе указал на свободные места за столом.

— Кофе?

— Лучше бы вина, — прогудел Бернард.

Я похлопал в ладоши, никто не ответил, потом приотворилась дверь, страж просунул голову.

— Что-нить нужно, ваша светлость?

— Вели принести вина, — сказал я.

Барон Альбрехт поднялся с самым недовольным видом, будто брезговал с ними сидеть рядом. На полдороге к двери обернулся. Лицо снова стало злым и раздраженным.

— Я пока проверю тех, — сообщил он, — кто в приемной.
Я отмахнулся.

— Да никто не кинется...

Он посмотрел с легким презрением.

— Чувствуется, сэр Ричард, что вы только завоеватель.

И вышел, хлопнув дверью. Бернард с укоризной покачал головой.

— Что он такой злой?.. В бою был веселее...

— Хорошо сражался? — спросил я. — Ты видел?

— Хорошо, — сообщил Бернард с одобрением. — И сам рыцарь знатный, против троих разом дерется, и отрядом командаeт так, чтоб все вместе и без потерь...

Дверь открылась, двое воинов, убрав мечи, принесли по кувшину вина. Асмер побегал по кабинету и, отыскав потайную дверцу, обнаружил с десяток драгоценных кубков.

Они заканчивали первый кувшин, когда появился барон, еще злее, чем был, и хмуро сказал с порога, что на прием просится господин Крумпфельд, бывший старший королевский советник. Асмер и Бернард переглянулись, Асмер поморщился, а Бернард посмотрел на меня с ожиданием в глазах, мол, не лучше ли и этого повесить.

Я сказал торопливо:

— Дорогой барон, раз уж вы решили поиграть в дворецко-го, то... зовите!..

Бернард скривился.

— Я слышал, при дворах всегда церемонии.

— И чем двор больше, — добавил Асмер с ухмылкой, — тем церемонии сложнее. И побольше их, конечно.

Я отмахнулся.

— Верно. Ну и что?

— Помариновать бы часок, — сказал Бернард авторитетно. — Пусть знает! Их власть кончилась.

Я отмахнулся.

— Они это знают, а лорд-протектор выше церемоний. Да и поймет он, что нарочито выдергиваем. Они тут все хитрее нас!

— Помогла им хитрость, — буркнул он.

Барон смотрел на них оловянными глазами, а когда Ас-

мер и Бернард не поняли, чего от них хотят, он сгреб кувшин и оба кубка, требовательным кивком пригласил идти за ним.

Ворча, они удалились, за дверью донесся чей-то громкий голос, приказ покатился дальше, прыгая по головам. Я оглядел себя в зеркало, вмонтированное в стену напротив, но тут же одернул. Это перед своими легко надеть нужную морду лица, а в этой хитрожопой стране мое притворство раскусят быстро, потеряю очки, а этот королевский советник, изощренный в дворцовых интригах, их получит...

Через несколько минут по ту сторону двери раздалось приближающееся топанье. Мне показалось, что стражи стучат копытами нарочито громко, то ли меня будят пораньше, то ли нагоняют страху на советника.

Дверь распахнулась, на пороге возник высокий худой господин, весь в серой, хоть и прекрасно сшитой и подогнанной по фигуре одежде, то есть скрывающей недостатки и подчеркивающей достоинства, хотя скрывать приходится намного больше.

Лицо его показалось мне маской, тоже выкрашенной в бледно-серый цвет. Даже тонкие губы серые, впрочем, там вместо губ ротовая щель, и, что удивительно, глаза тоже ухитрился сделать абсолютно оловянными, полная противоположность всему люду, что встречался раньше.

Я невольно поднялся из-за стола, эта дурацкая привычка вставать перед людьми старше меня по возрасту, сделал приглашающий жест к креслу и сказал, ненавидя себя за излишнее гостеприимство:

— Прошу вас, советник... э-э...

— Крумфельд, ваша светлость, — подсказал он с поклоном.

Я кивнул, словно только сейчас услышал его имя, спросил как можно равнодушнее:

— Вы человек незнатный, судя по тому, что никаких титулов?

— Барон Крумфельд, — ответил он с поклоном. — Но, ваша светлость, в приемной толпятся и герцоги! А с высоты этого порога все равно: барон или простолюдин.

Он смотрел бесстрастно, я подумал, что это не все равно,

знатности придают значение везде, но смолчал, у советника могут быть свои причины.

— Надеюсь, — сказал я холодновато, — у вас действительно важное дело, а то времени у меня в обрез, и расходовать его на ерунду не намерен.

Он еще раз поклонился и опустился в указанное кресло, не сводя с меня взгляда. В его движениях я не увидел ни подчеркнутого достоинства моих рыцарей, ни самоуничтожения слуг, а некую доверительность, словно пришел к неизвестному торговцу с большими возможностями и надеется на взаимовыгодную сделку.

— Крумпфельд, — повторил он, — Куно Крумпфельд, королевский советник. Заведовал постелью, дворцовыми соколами, а также кухней. Это звучит несколько унизительно, но на самом деле...

— Знаю, — прервал я, — в одной из стран я коннетабль, что вообще-то просто конюх.

Он наклонил голову, ничуть не удивившись.

— Королевский.

— Но все равно конюх, — сказал я сварливо.

Он позволил себе чуть-чуть улыбнуться.

— Названия остаются, а полномочия расширяются, не так ли? В этом случае вы понимаете, что постельничий занимается также торговыми связями, подготовкой посольств, рудниками и налоговыми сборами. Сейчас в занятых вашими войсками землях сравнительно спокойно, народ не голодает. У всех есть какой-то запас необходимого, но через несколько дней, пустя недель...

— Хаос? — подсказал я.

Он посмотрел на меня несколько удивленно, слишком быстро я среагировал.

— Сперва волнения, — сказал он бесстрастно. — Совершенно вам ненужные. Хаос потом.

Я кивнул.

— Вы обрисовали ситуацию верно.

— Осмелюсь ли я узнать, — проговорил он осторожно, — что вы намереваетесь делать? Или скажем точнее: намереваетесь ли вы что-то делать? Или же, как истинный полководец,

проводете войска дальше, не обращая внимания, что за спиной?

Мы некоторое время изучающе рассматривали друг друга.

— Мне вообще-то нужны управленцы, — произнес я медленно, стараясь, чтобы мой голос не прозвучал слишком уж заинтересованно. — Но у нас несколько иная система. Все держится на личном вассалитете.

Он наклонил голову.

— Так везде, только называется иначе. Король, как вы догадываетесь, а вы догадываетесь... тоже ставит на все должности прежде всего лично преданных ему людей. Хотя они обычно не самые лучшие или знающие.

— Вы, — спросил я в упор, — считаете себя лучшим?

Он позволил улыбке чуть-чуть коснуться его серых губ.

— Скорее, знающим.

— И готовы сотрудничать?

Он ответил так же спокойно, как и раньше:

— Да, ваша светлость.

— Вы в состоянии взяться, — уточнил я, — за обеспечение экономических нужд населения?.. Хотя бы первой необходимости?..

Он кивнул снова.

— Да, ваша светлость. Я занимался этим и раньше. Среди прочих дел.

— Потянете? — спросил я. — Если учесть, что сейчас придется заниматься областями, по которым прокатилась война. Сперва дикие варвары, потом красиво и культурно прошли мы, как более просвещенная нация, дограбив остальное.

— Возьмусь, — повторил он. — Если, конечно, позволите пользоваться моими людьми. Многие уже знают, что делать, а ваших нужно долго учить.

— Даже переучивать, — сказал я великолдушно. — Хорошо, сэр Куно, я даю вам все необходимые полномочия для хозяйственной деятельности по восстановлению экономики пострадавших областей. Вплоть до принятия чрезвычайных мер.

Он сразу насторожился.

— Простите?

— Придется кого-то повесить, — любезно пояснил я, —

распять или сжечь на костре... дела житейские! Война — кому-то горе, кому-то мать родная. Разбойников и мародеров вешайте без раздумий и проволочек. Один повешенный на виду у всех сразу делает тысячу других добропорядочными и даже богообязненными. Правда, это относится к людям подлого звания, а с благородными потрудитесь составлять отчеты: кого и за что. Это на случай, если вдруг обвинят, что сводите какие-то счеты.

Глава 5

Он внимательно слушал, по его лицу я видел, что о таких возможностях даже не мечтал, но не выказывает радости, молоц, больше полномочий — больше и спрос, сказал размеченно:

— Я сделаю все, ваша светлость, чтобы население продолжало усердно трудиться.

— Словно ничего особенного и не произошло, — сказал я.

— Словно ничего особенного и не произошло, — повторил он послушно, будто делал заметки в блокноте для деловых записей.

— А купцы должны торговать, — подчеркнул я. — Кстати, под Хребтом в моей личной собственности Тоннель. Так, небольшой, всего лишь на ту сторону. В смысле, короткий. А так вообще просторный, удобный! У Древних не хватило ума жить мирно, но строить умели.

Он ахнул, впервые растеряв невозмутимость. Я видел, что проняло, глаза загорелись, как у кота при виде цистерны свежей сметаны.

— Тоннель?.. Вы не шутите?

Я отмахнулся.

— Какие шутки? В числе моих войск из Брабанта есть и добровольцы из стран, что находятся по ту сторону Хребта. Их немного, но они есть, есть.

Он выглядел все еще ошарашенным, но я видел, с какой скоростью работает его мозг, так как сразу же пробормотал:

— Да-да, теперь все яснее. А то я все ломал голову, откуда у вас столько прекрасных воинов...

— Это все из Брабанта, — сказал я настойчиво. — Из диких северных королевств совсем немного. Ограниченный контингент! Добровольцы. Энтузиасты. Они разбросаны по воинским единицам лордов Брабанта, угрозы не представляют.

Он уронил взгляд.

— Да-да, ваша светлость. Именно так я и думал.

Я стиснул челюсти, такого обмануть непросто, сказал четко:

— Не то важно, что вы думаете. Главное, чтобы придерживались этой линии. А все прочие разговоры пресекали. Словом, сэр Куно, действуйте!

Он понял, что разговор закончен, полномочия получены, напутствия даны, и, поднявшись, отвесил почтительнейший поклон, отступил к двери.

— Я не подведу вас, ваша светлость!.. — заверил он напоследок. — Но, простите, последний вопрос...

— Если последний, — сказал я милостиво, но властно.

— Насчет Тоннеля...

— Имеете в виду торговлю? — спросил я.

Он торопливо кивнул.

— Мне радостно, что вы, полководец и герой, замечаете и такие мелочи жизни...

— Торговля пока беспошлинная, — сказал я, бросая на стол козырный туз, что бьет любую карту. — На самом деле, если честно, просто не успел продумать эту систему. Неважно, подавайте как хорошо продуманную рекламную акцию по расширению и ознакомлению. Первые торговцы, что проследуют из Сен-Мари через Тоннель в северные земли, получат тем самым все преимущества. И продавать свои редкие товары смогут по ценам, какие установят. Разве не рай для купца? А закупать местное смогут по более низким ценам, пока нет конкуренции. Это вообще, даже не знаю, как и назвать.

Он кивнул, несколько ошарашенно, я уже видел по его глазам, как оформляет в уме создание транснациональных компаний, осторожно закрыл за собой дверь.

Толстая дубовая дверь не пропускает звука шагов, но едва он исчез, появился хмурый Бернард.

— Прохвост, — сообщил он раздраженно. — Мы все слышали через стенку. Там нарочито такая тонкая. Наверное,

чтобы советники все слушали, а потом королю подсказывали ответы. Не слишком ли большими полномочиями наделил? Добрый ты, Дик!

— Кто смел, — ответил я, — тот двух съел. Он пришел сам и предложил свои услуги! А другие все выжидают, присматриваются. Жизнь такая штука: более знающих и умеющих обычно опережают именно инициативные да напористые.

— Да уж...

— А что делать? — возразил я. — Откуда мне знать, кто что может? Сидят и ждут, что сам предложу работу и пряники за нее?.. Да, жизнь несправедлива. Но она ко всем несправедлива. Однаково, если уж уточнять, несправедлива! Пусть и пряники получает этот Куно Крумпфельд, раз уж и работать взялся. А нам одной заботой меньше.

Он качал головой, но я видел по его глазам, что из наших в самом деле некому поручить налаживать разоренное войной хозяйство. Пусть даже не разоренное, но все же ущерб немал, а этот, похоже, работу знает, плюс сумеет организовать местных торговцев и поскорее двинуться с товарами на загадочный север.

Асмер, солидаризуясь с Бернардом, тоже с неодобрением посмотрел на закрывшуюся за советником дверь.

— Скользкий какой-то...

— Можно обладать достоинствами, — согласился я, — и не достигнуть высокого положения! Но нельзя его достигнуть, не имея хоть каких-то достоинств. По крайней мере, у этого хватило отваги явиться и предложить свои услуги человеку, в руке которого меч!

— А умение?

— Думаю, какими-то навыками обладает, — ответил я. — Иначе бы так не рисковал. Посмотрим!

Асмер вздохнул, допил вино и поднялся, красивый и гибкий. За время кампании в Сен-Мари стал как будто еще стремительнее в движениях, а уши совсем уж заострились, выдавая потомка эльфов издали.

— Пойдем, Бернард! — сказал он. — Мы обещали Митчеллу помочь с разбором королевской оружейной.

— Там же сэр Раster, — сказал я, похвалившись знанием, кто чем занят из моих приближенных.

— Где Раster, так и Митчелл, — ответил Асмер весело.

Они направились к двери. Я сказал строго:

— Асмер, Бернард! Вам не отвертесь от рыцарских званий. Берегитесь, скоро беспечная жизнь кончится.

Асмер вздохнул и поскорее выскользнул за дверь. Бернард, сразу став мелким и незаметным, просочился за ним следом чуть ли не в замочную скважину.

Первые дни по всей столице спешно и по возможности тайно прижигали язвы, как мы деликатно называем эту операцию, надо же сохранить общество здоровым. И хотя я в этом не участвовал, в самом деле некогда на небо взглянуть, а на счет чистки только принимал доклады: сколько уничтожено языческих культов, сколько убито жрецов, сколько убежали.

Куно Крумпфельд поступил мудро, в первую очередь заявившись дворцом, я уже к концу дня ощущил его железную хватку. Появились слуги, тихие, молчаливые и очень исполнительные. Возле дверей моих покоев на страже церемоний-мейстер и главный дворецкий, оба определяют, кого пустить, а кого сразу в шею.

Заработала на полную мощь кухня. Готовят пока из дворцовых запасов, но советник обещал в ближайшие дни наладить бесперебойную доставку свежих продуктов из ближайших сел.

О темном бое, которого «проглотил», я помню постоянно, но забиться в угол и поэкспериментировать хотя бы с полчаса, не удается: под дверью кабинета не уменьшается наплыв ходоков.

Граф Ришар с местными архитекторами прикидывал, как надежнее защитить город, пустые проемы ворот — безумие, если их не закроет магия намного более мощная, чем врата из толстых досок, да еще и оббитых железом. Но все-таки надежнее, когда и магия, и крепкие ворота.

Раз уж я занял королевский дворец и личные покой Кейдана, ко мне то и дело пытаются прорваться безумно красивые женщины из числа придворных дам. То ли прежние фа-

воритки, то ли метяющие в них, неважно. Я со злостью велел стражам не пропускать никого, ни одной и ни при каком случае. Даже, если какая разденется догола прямо перед моей дверью и окажется подлинной Афродитой. Или Венерой.

Это просто теплое парное мясо, даже Афродита не заменит Лоралею, а других женщин ну не нужно мне вовсе, не нужно. Настоящие женщины — это те, от общения с которыми в душе хоть что-то шевельнется!

Отца Дитриха, исхудавшего и бледного от недосыпа, я увидел только раз, он привлек уцелевших священников столицы к работе, меня благословил мельком, напомнил отрывисто:

— Держиешься? У тебя сейчас время соблазнов!

— Каких? — переспросил я. — Отец Дитрих, я та самая свинья, что искренне, представьте себе, убивается по Лоралее, но уже успела дважды согрешить с женщинами просто так, на ходу. И хотя второму разу еще можно отыскать оправдание, мол, покрыл позор деревенской дурочки, то для первого у меня оправданий нет. Я вел себя как свинья, как сладострастное насекомое. Я не просто поддался зову плоти, но наслаждался тем, что это запретно, что... что это гадко, а я вот беру и делаю!

Он отмахнулся.

— Ты уже калялся, я тебе тот грех простили. Иди и работай. Это лучшая молитва на свете.

Я ушел и в самом деле попробовал заморить себя работой, спешно продумывал головоломные экономические реформы с национальными особенностями, прикидывал, как насаждать религию без насилия и нажима...

Несколько раз делал кофе, а чтобы не вызывать слуг, сговаривал еще и пирожки, которые впервые удались во дворце Роджера Найтингейла.

Заглянул церемониймейстер и сообщил непривычным для него шепотом, что на прием просится барон Фортескью. Говорят, что ему назначено.

— Точно, — подтвердил я. — Зови.

Стражи отворили двери, из просторного зала в кабинет шагнул и остановился в ожидании поджарый господин, одетый со сдержанной пышностью. Я не сразу признал преобра-

зившегося барона Фортескью. В крепости герцога Готфрида это был сытенький и розовощекий вельможа, а сейчас вошел худой, как гвоздь мужчина с запавшими глазами и ввалившимися щеками, кожа все еще желтая, на щеке два рубца, их во время пребывания в Брабанте не было.

— Барон, — сказал я, поднимаясь из-за стола, — прощите, что оторвал вас от домашнего уюта!

Он поспешно поклонился.

— Сэр Ричард, — произнес он учтиво, — я не могу выразить слов благодарности за мое освобождение. Располагайте мною, моим имуществом, землями, моим временем и моей жизнью как пожелаете!

Я выставил перед собой ладони.

— Что вы, барон, я же сказал, вам причитается еще и компенсация за несправедливое заточение... А так как за неимением королевской власти я представляю закон, то от меня и получите... гм... Но с этим успеем, а сейчас я просил вас зайти по весьма щекотливому делу. Король Кейдан, по нашим данным, отступил в анклав Ундерленды, там сама природа противится вторжению... Я намерен послать к Кейдану послы. В конце концов, мы же цивилизованные и христианские правители! Европа обычно грызется между собой, но, когда на пороге мавры... это фундаменталисты такие, Европа должна выступать единым фронтом. Но я не нашел никого, любезный барон, кто мог бы послужить общему делу примирения, кроме вас, сэр... сэр?

— Людольфинг, — сказал он поспешно. — Нелепое имя, но уж родителей осуждать нехорошо. Сэр Ричард, но... смотрите, вам виднее, хотя лично я отправлюсь с великой и злобной радостью! И постараюсь сделать все, что в моих силах... и даже больше. Среди окружения Кейдана почти все со мной в хороших отношениях, с некоторыми давно дружи домами. Я сумею их склонить к сотрудничеству с вами! А уж как получится с королем, вы же знаете его вздорный нрав...

Я снова выставил как щит ладони.

— Барон, полностью полагаюсь на вас! Никаких связывающих вам руки инструкций. Просто действуйте во благо королевства. Кстати, велю подготовить указ о присвоении

вам титула графа. Это будет одновременно и компенсация за время, проведенное в темнице, и аванс на будущее.

Он ахнул, я видел, готов целовать мне руки, в глазах такая благодарность, что я сказал поспешно:

— Барон... э-э... граф, я вас отправляю не на отдых к морю. Не благодарите, у вас впереди трудная дорога.

Он сказал горячо:

— Клянусь, я все сделаю! Я буду счастлив показаться там и многим утереть нос. О, сэр Ричард, как я этого жажду!

Глава 6

Я невольно хихикнул, представив себе, как герцог Готфрид прибыл через чудовищно тяжелый Перевал в Армландию и с изумлением узнал, что я давно уже не в пленау, за это время произошло удивительно многое, целый вихрь событий, его сын Ричард уже гроссграф, земли Армландии под его железной рукой, и, самое главное, открыт Тоннель под Великим Хребтом, через который он только что перебрался с таким трудом поверху...

Более того, его сын Ричард вторгся с небольшой, но сплоченной и хорошо обученной армией в Сен-Мари!.. Представляю, с каким пылом герцог, загоняя коней, бросится к Тоннелю, чтобы поскорее увидеть это чудо и с комфортом вернуться в Брабант!

Я прикинул, что герцогу пришлось дожидаться весны, когда сойдут снега, освобождая дороги, потом вытерпел, пока подсохли, иначе тяжелые рыцарские кони увязнут по брюхо, и вот в конце весны он со своим эскортом уже карабкался к Перевалу... Неделя на подъем, неделя на спуск, в начале лета вступает в пределы Армландии, узнает ошеломляющие новости... Вообще-то пора уже и вернуться. Обратный путь через Тоннель проще. Либо задержался в Армландии, там оставшиеся лорды наверняка изматывают пирами в честь отца их гроссграфа, либо вернулся в Брабант и пытается разобраться, сколько же народу я увел из его герцогства...

Во дворце заинтересовалась дверь, больше похожая на ворота, под самый потолок, словно сделали для великанов. Це-

ремониймейстер почтительно сообщил, что за нею зал с троном Древних Королей. Однако закрыт такими заклятиями, что ни один из магов отворить не может. И распахивается только раз в году.

Я подошел, подергал за ручку. На миг показалось, что вот я такой то ли крутой, то ли везунчик, возьмет и распахнется, однако даже не дрогнуло. Ощущение такое, что проще сдвинуть с места Великий Хребет, чем эту дверь.

— Не очень-то и хотелось, — пробормотал я, скрывая разочарование. — Подумаешь, раритет.

— Лучше и не надо, — сказал церемониймейстер с явным облегчением. — Древняя опасная магия. Разумнее держаться подальше.

— И что, — спросил я раздраженно, — никто не открывает?

— Только Великая Жрица, — ответил он почтительно, — хранительница Знаний Древних Королей! Но никто не знает, где обитает, появляется из ниоткуда. Не чаще, чем раз в год...

В зал вошел барон Альбрехт в сопровождении моего оруженосца, я помахал рукой.

— Барон, — сказал я, — вы мне очень нужны, иначе бы не посыпал за вами. Я понимаю, что пьянствовать с сэром Растером и ходить по гарпиям интереснее...

Церемониймейстер поклонился, когда я, уже забыв о таинственной двери, взял военачальника под руку и повел к своему кабинету. Барон посматривал недоверчиво и настороженно.

— Сэр Ричард, как я понимаю, хотите навесить на меня что-то еще? Совсем уж гадостное?

Стражи отсалютовали, перед нами распахнули двери в мои покои. Я указал барону на кресло, он выждал, когда сяду, поклонился и опустился с такой осторожностью, будто я мог усадить на острые ножи.

— А что, — спросил я сердито, — мне одному разгребать эти навозные кучи? Нет уж, раз пошли за мной, идите дальше. Даже если придется топать по колено в этом самом... Про чистки не спрашиваю, этим занимается отец Дитрих. А вот как с купечеством?

Он проворчал:

— Я велел собрать их сегодня в большом зале.

Я поднялся, обошел стол и обнял его за плечи.

— Расцеловал бы вас, барон, да боюсь, не то подумаете...

Хотя что можно подумать, здесь пока еще существует только крепкая мужская дружба, обниматься можно без страха... Вы сделали, барон, то, о чём я как раз хотел просить вас!

Он буркнул:

— Они уже собираются. Я ждал, когда освободитесь, чтобы... словом...

— Идемте! — сказал я с подъемом.

Главный зал забит придворными, ловят каждый мой взгляд и каждый жест. Быстро перестроились, мелькнула мысль. Впрочем, это хороший знак. С тонущего корабля крысы бегут, а на благополучный стараются попасть с семьями.

Перед нами расступались с низкими поклонами, красивый такой коридор из пышно одетых вельмож, только в задних рядах злобное шевеление, стараются пробиться поближе.

Во втором зале, что победнее обставлен и размерами поменьше, в креслах расположилось около дюжины человек. Все вскочили и низко кланялись, в движениях меньше артистизма и отточенности, но, как мне почудилось, больше достоинства.

Я широко и благожелательно улыбался, я же отец народа, теперь и этого, вскинул руки.

— Приветствую!.. А теперь все садитесь. Вы старше меня, должны сесть первыми...

Но все-таки сел первым я, а то они заколебались от такого чрезмерного жеста. Я похлопал ладонью по столу.

— Итак, — сказал я бодро, — вы старшины и главы основных гильдий? Прекрасно. А я, как уже знаете, тот самый, что власть. Неважно, как в данном случае называется, главное — власть. Некоторые соратники предлагают мне называться майордомом. Ну, вам не надо объяснять, что это такое. Так вот, как верховная и абсолютная власть, я собрал вас здесь, чтобы заверить в своем уважении и симпатиях. Вы — соль земли, вы создатели богатства королевства!.. Кстати, что-то не вижу среди вас господина Рамола.

Они переглядывались, один проворчал:

— Этот проходимец состоит в моем торговом союзе... Но он слишком мелок, чтобы бывать на таких высоких собраниях.

— А, вас зовут господином Луи? — спросил я. Все выглядели потрясенным, а Луи так и вовсе затрясло. — Да, господин Рамол о вас тоже говорил, говорил...

Я сделал многозначительную паузу, чтобы они поняли, что мог наговорить Рамол. В центре поднялся и с поклоном заговорил, слегка заикаясь от страха, солидный купец в бархатном кафтане:

— Простите, ваша светлость! Я — Герберг, глава совета гильдий. Удивительно, что даже вы слышали о Рамоле. Это наш позор, но у нас свобода, а он вроде бы не нарушает правила... слишком сильно. Ваше светлость, здесь купцы только главного звена, а Рамол мелковат, чтобы входить в совет гильдий...

— Да? — удивился я. — А я, когда работал у него охранником, думал, что он крупный торговец...

Они все превратились в соляные столбы, на лице Луи был шок. Всесильный завоеватель работал у Рамола охранником? У Герберга, более расчетливого, в глазах читалась острыя злость, что сволочный Рамол везде пролезет и нужные связи заимеет. Остальные просто застыли, не зная, что думать и как реагировать.

Луи пролепетал осевшим голосом:

— Вы... у Рамола...

Я отмахнулся.

— Да это было давно. Неделю тому. Варвары осаду не начинали, наши войска еще не подошли, вот я и подрабатывал у Рамола по охране его караванов... Ладно, как только появится, скажите ему, что его караванам разрешен проход через Тоннель под Хребтом на ту сторону... и торговля в тамошних королевствах. Беспошлина!

Герберг охнулся, глаза выпучились. Купцы уже изумленно и с раздражением переглядывались. Луи спросил, заикаясь:

— Тоннель? Под Хребтом?

— Да, — ответил я быстро и в нетерпении, насточертело всем объяснять, — Тоннель просторный, хорошее освещение, товары не придется нести на руках, телеги пройдут легко. Вам, кстати, тоже можно торговать. Беспошлино! Пока что. Для привлечения и популяризации.

Герберг поклонился, лицо превратилось в маску, только в

глазах мелькают изображения монет, да вид больно сосредоточенный, что-то подсчитывает в теневом режиме.

— А как вообще... — спросил он медленно, — с торговлей...

— Здесь? — спросил я.

— Да, в королевстве.

— Все по-прежнему, — заверил я. — Разве что товары народного потребления, которые используются исключительно в черных мессах, подлежат запрету и уничтожению. Изготовители будут красиво повешены, а распространители... гм... тоже. Советую переходить на церковные товары. Церковь — солидная фирма, ассортимент может быть еще шире, не прогадаете. Особенно, если учитывать, что ее роль возрастет... Словом, власть в моем лице будет всячески помогать экономическому становлению Геннегау и всего королевства! Помощь — вот наш девиз! И лозунг.

Они переглядывались, осваиваются достаточно быстро, это же торговцы, улавливают нюансы моего поведения, уже убедились, что опасность им не грозит.

Герберг сказал осторожно:

— Помощь должна совершаться не против воли того, кому помогают.

— Абсолютно верно! — сказал я отечески. — Вы абсолютно правы!.. Геннегау должен быть счастлив, что во главе совета гильдий стоит такой мудрый человек, как вы. Потому мы и помогаем вам, что в глубине своих душ каждый жаждет жить хорошо и чисто, но наша плоть затмевает разум, и живем совсем не так, как хотим... в глубине души. Где-то там, на очень большой глубине.

Он сказал настороженно, еще не зная, как далеко можно зайти в сопротивлении:

— Но вы ее видите?

— Господь видит все, — сказал я твердо. — И подсказывает церкви, что выполняет его волю. А мы, рыцари, выполняем волю церкви. Геннегау будет очищен от гнили и разложения, после чего, как выздоровевший, ощутит жажду жизни и развития. После кризиса всегда подъем! А кризис я вам уже обеспечил.

— Жажду жизни?

— Жизнь ерунда, — сказал я, — главное — развитие! Вы представляете, какие у вас возможности в связи с открытием Тоннеля? Перед вами, как более развитыми в экономике и торговле, лежат бескрайние поля сбыта ваших товаров! Северные королевства купят у вас любые, потому что здесь значительно лучше и технологичнее. Разве это не перевешивает все остальное? Или для вас так уж важны черные месссы? Ведь плоть можно тешить и без всяких глупых ритуалов!

Он слушал внимательно, выражение лица несколько раз менялось, сказал нехотя:

— Да, конечно, для меня дело — самое важное. И если все так, как вы говорите...

— Так, — сказал я уверенно. — Торговец Рамол, как я уже говорил, наверняка отправил караваны в северные королевства! А у него чутье, чутье...

Герберг помрачнел, тугое желваки вздулись под красной от солнца кожей.

— Рамол... Этот проходимец... Всегда первым старается пролезть в каждое новое место...

— Его уже не обогнать, — лицемерно посочувствовал я, — но и вторым быть неплохо, не так ли? А можно стать и первым, если завезти товаров впятеро больше и перехватить нити рынка.

Он задумался, оглянулся на притихших купцов, у каждого из которых те же вопросы. Глаза остро блеснули.

— Вы очень хорошо разбираетесь в нашем деле.

— Я не всегда был только рыцарем, — ответил я загадочно, — да и сейчас, гм... словом, я имею свою долю в ряде очень выгодных предприятий. Смело можете считать меня своим, господин Герберг.

Оставив купцов обсуждать сногшибательные предложения, я покинул зал, в приемной увидел советника Куно Крумпфельда, он и здесь держится настолько скромно и незаметно, что я заметил его сразу.

По моему кивку он приблизился, я посмотрел на остальных, произнес громко:

— Прошу вас, барон. Вас я приму в любое время.

Когда дверь за нами захлопнулась, он проговорил торжествующе и в то же время обеспокоенно:

— Ну, теперь меня загрызут.

— У вас кости крепкие, — ответил я. — Да и кожа. Садитесь, барон. Рассказывайте.

— Мелочи вас не интересуют... — начал он.

— Вы как в воду смотрите!

— ...потому доложу о том, что мне совсем не по зубам.

А вот вы могли бы...

— Что именно?

Он развел руками.

— Есть смысл привлечь на свою сторону местную знать. К примеру, герцог Бруно Гандергеймский обладает огромнейшим влиянием, к тому же он всегда был в опале у короля. Возможно, Его Величество ревновал его или остерегался, ибо род герцога Бруно древнее и значительнее, чем род короля Кейдана... Словом, если привлечь герцога на свою сторону, то вам обеспечена поддержка многих знатнейших семей, что идут за герцогом. Мне кажется, что...

— ...что не следует пренебрегать такой возможностью, — договорил я. — Так?

Он ответил с поклоном.

— Так, сэр Ричард. Хочу заодно выразить свое восхищение, вы в первые же дни приняли глав купеческих гильдий и вдохновили их. Вы не только великий воин и удачливый полководец. Это очень важные сигналы для предприимчивых людей.

— Хорошо, — ответил я, — герцог Бруно Гандергеймский?

— Да, сэр Ричард.

— Сегодня же постараюсь договориться о визите к нему.

Он вскинул брови.

— Вы не станете вызывать его к себе?

— Ему больше польстит, если прибуду к нему лично, — пояснил я. — Как младший рыцарь к старшему.

Он поклонился.

— Сэр Ричард, это можно счесть за лесть... Но вы поступаете непривычно мудро для своего возраста.

Глава 7

Да что они все о возрасте, думал я, когда поднимался в седло. Человек, который учился чему-то, всегда старше одногодок, которые не учились. Правильно сказать, мне столько лет, сколько моей цивилизации.

Я удивился, обнаружив, что дворец, которым я так впечатлился издали, хоть и безумно высок, но одноэтажен. И похож на нечто древнегреческое, то есть массивная плоская крыша, подпиравшая колоннами по две, и так семь пар. С боков, правда, сразу стены, а с фронта из-за глубокой тени создается впечатление, что можно пройти насовсем.

Впрочем, этот холл в самом деле велик, но если здесь отсутствует проблема морозов с метелями, то местным достаточно защититься только от дождя.

Я въехал на Зайчике прямо в холл, распугивая красивый, как бабочки с неистрепанными крыльшками, народ. Ко мне бросился самый ярко и богато одетый вельможа, понятно, швейцар или что-то соответствующее.

— Умоляю! — прокричал он в панике.

— Да? — спросил я с интересом. — Что вам?

— Сюда нельзя!

— Правда? — удивился я. — Вот уж не думал... Какие везде разные обычай! Ну хорошо, в чужой монастырь...

Я соскочил на мраморный пол, на меня все смотрят ошалело. Я бросил повод паникеру.

— Держи. Герцог еще не спит?

— Герцог никогда не спит, — ответил он автоматически. — Но сейчас он весьма и зело занят.

— Морда, — произнес я мирно, — ты еще не знаешь, кто я?

— Догадываюсь, — произнес он, трепеща всем телом. — Просто не мог поверить... Позвольте, доложу?

— Только быстро, — велел я.

Он сунул повод кому-то из слуг пониже рангом, но все равно одетому так, что можно спутать с самим королем, унесся бегом. Его провожали обалделыми взглядами, а на меня смотрели с суеверным ужасом.

Я медленно шел следом, морда ящиком, если уж с испу-

гом смотрят со всех сторон, надо соответствовать роли пугателя.

В большой зале навстречу заспешил церемониймейстер, поклонился с превеликим достоинством.

— Как изволите доложить?

— А никак, — ответил я легко. — Ты-то знаешь, кто я?.. И достаточно. Где герцог?

— Он... сейчас в саду.

— Проведи, — велел я. — Заранее докладывать не надо, я не по делу и всего на несколько минут. Не стоит его светлость тревожить по пустякам. А то еще начнет готовиться к моему визиту... ну, ты понял.

Он поклонился и ответил с запинкой:

— Да, сэр майордом...

— Лорд-протектор, — поправил я.

— Я слышал, вас называют майордомом...

Я отмахнулся.

— Все это неважно. Лишь бы человек был хороший, а я не просто хороший, я замечательный, понял?

Он поспешно поклонился.

— Да, сэр! Вы — победитель, а побеждает, как известно, всегда добро и всегда лучшее. При любом исходе битвы.

Я благосклонно кивнул.

— То-то. Я вам покажу вертикаль власти. Веди!

Мы прошли дворец или это крыло насквозь, всего-то с десяток залов, за колоннадой сразу открылся роскошнейший сад. Дворецкий повел по извилистым дорожкам, я топал следом, делая вид, что полностью расслабился и посматриваю по сторонам с ленивым интересом, но все-таки я в завоеванной стране, где почти все враги, замечаю не только цветы, но и легкие шевеления веточек, которые мог потревожить ветер, а мог кто-то еще.

На этой стороне дворца, как понимаю, сад для «себя»: нет широких дорог для гуляния толпами гостей, для празднеств и шашлычков, после чего эта пьянь потопчет все цветочки и облюет все орхидеи.

Мы шли между высокими деревьями, со стволов прямо от земли усыпанных огромными розами. Воздуха нет, один при-

торно-сладкий запах, бесшумно шлепают по воздуху неряшливые бабочки и мотыльки, роняя с крылышек цветную пыльцу. Красиво и стильно проносятся стрекозы, важно гулят жуки, похожие на уменьшенных сэров растеров...

В глубине сада спиной к нам высокий мужчина с двумя дамами, театрально поводит руками и что-то рассказывает.

На мой взгляд, он пил из одного стакана, глядя на другой: обращается с рассказом к одной, а взглядом уже залез в низкий вырез на платье другой, улыбающейся томно и обещающе.

До меня долетели слова, сказанные красивым мужественным баритоном:

— ...я на это сказал королю, что наберите команду плыть в рай и попробуйте сделать стоянку в аду на жалкие полчаса, просто чтобы взять углей из жаровни, и будь я проклят, если какой-нибудь сукин сын не останется на берегу!

Женщины весело и звонко смеялись, выгибаясь и волнистично двигая плечами, чтобы груди колыхались шибче, сверкали улыбками и глазами. Ни одна из них почему-то не показалась женой герцога, или я совсем не разбираюсь в этих существах.

Я надел на лицо самое благожелательное выражение, ибо хорошее воспитание — это умение скрыть, что вы очень высокого мнения о себе и очень невысокого о своем собеседнике, требовательно взглянул на дворецкого.

Тот, уменьшаясь в росте, кашлянул, а когда герцог начал поворачиваться, объявиł торопливо, в то же время громко и звучно:

— К его светлости сэр... майордом Ричард!

Все трое повернулись, на лице герцога гримаса неудовольствия сменилась изумлением. У дам приоткрылись рты, а глаза полезли на лоб. Герцог унаследовал рост и могучее сложение от дальних предков, что огнем и мечом завоевывали эти земли, но сейчас даже умело сшитый камзол не в состоянии скрыть немалых размеров живот, руки выглядят тонковатыми, а крупное лицо завоевателя смягчено толстыми складками на щеках и тремя подбородками.

Дамы выглядят великолепно, сочные и в то же время царственные, одна, как теперь понимаю, жена, а другая... леди

Бабетта! Хотя, кто знает нравы герцога да и Бабетты, может быть, тоже жена.

Она смотрела на меня в изумлении, но быстро пришла в себя, даже зашепталаась с подругой, бросая на меня чисто женские взгляды.

Я отвесил церемонный поклон.

— Дорогой герцог! Я, будучи наслышан о ваших талантах, не мог не нанести вам визит! Потому пользуясь случаем свидетельствовать почтение...

Он смотрел неподвижно, ошарашенный, я видел, как по его лицу пробежала целая гамма чувств, от возмущения, что явился агрессор и захватчик, до лестного понимания, что это же сам майордом, вытеснивший варваров и захвативший королевство. Явился лично, а не сообщил, что готов принять его в ныне своем королевском дворце.

— Гм, — произнес он, все еще раздираемый сомнениями, как поступить лучше, выгнать меня в шею или же принять, как гостя, — позвольте представить мою жену Каринтию, а также ее лучшую подругу, леди Элмариэль.

Герцогиня чуть склонила голову в приветствии, а леди Бабетта, которую он назвал Элмариэлью, смотрела на меня хитрыми глазами, то ли не в силах скрыть, то ли не желая скрывать неподдельное удовольствие от встречи.

Я коротко и несколько деревянно поклонился.

— Мое почтение дамам. Очень хотелось бы побывать именно в вашем обществе, но дела, дела... Дорогой герцог, все в городе говорят, что вы наиболее влиятельный человек в королевстве! Может быть, даже влиятельнее самого Кейдана.

Герцог приосанился, посмотрел гордо на дам, затем перевел более благосклонный взгляд на меня.

— Ну... я как-то не обращаю внимания, что говорят.

— Очень мудро, — согласился я. — Мало ли что говорят. Дорогой герцог, вы можете мне уделить пару минут? Клянусь, я не задержу вас. Дамы просто не заметят вашего отсутствия.

Он нахмурился, мои комплименты звучат двусмысленно, но позволил взять себя за локоть и отвести в сторону, чтобы дамы не слышали нашего мужского разговора.

— Вы самый влиятельный человек, — повторил я уже не-

громко, — мне посоветовали нанести визит именно к вам. Что я и делаю... Как вы понимаете, в условиях военного времени законы упрощены. Все функции законодательной, судебной, исполнительной и прочей власти переходят к командующим войсками. Потому все, способные носить оружие в вашем герцогстве, отныне подчинены мне.

Он напрягся, голос прозвучал натянуто, как тугая струна:

— Сэр Ричард, я не вижу в этом крайней необходимости...

— Потому королевство и захватили варвары, — прервал я. — Беспечно живете, герцог! Впрочем, спорить не о чем, как и убеждать вас. Время не терпит, потому я уже отдал приказ влить ваши отряды в наше войско. Конечно, предварительно разбив их на небольшие группы.

Он стиснул челюсти, метнул быстрый взгляд в сторону дам, не слышат ли. Герцогиня красиво выпрямилась, настоящая королева, а леди Бабетта на этот раз не строит мне глазки, отрабатывает целомудренный и строгий, как в северных королевствах, вид.

— Я все еще не вижу необходимости, — повторил герцогтише и уже не таким твердым голосом, — впрочем, с вашей помощью мы окончательно избавимся от варваров. А потом все вернем на свои места.

В его голосе прозвучала затаенная угроза, а вот хрен тебе, подумал я и, светски улыбнувшись, заверил горячо:

— Конечно-конечно, любезный герцог! Я счастлив, что вы меня поняли и охотно предоставили в мое распоряжение свои вооруженные силы, крестьян и прочие ресурсы. Вы совершенно правы: все для фронта, все для победы! А потом да, вернемся к мирной жизни...

Я не сказал «прежней мирной жизни», пусть понимает по-своему, я уже научился вкладывать другой смысл в привычные слова, подбирая те, которые можно истолковать двояко, а те, которые нельзя, заменяя и опуская вовсе.

Дамы встретили наше возвращение милыми улыбками, я сказал с подъемом:

— Как самый влиятельный человек в королевстве, герцог понимает, что ему нельзя стоять в стороне в такое неспокой-

ное время!.. Я рад, что он с нами. А теперь, дорогие друзья, позвольте откланяться. Что делать, работа, работа, работа...

Леди Бабетта, заговорщицки улыбнувшись герцогу и его жене, сказала живо:

— Дорогой сэр, позвольте вас чуть проводить? Хочу побывать рядом с великим полководцем, что так стремительно очистил нашу землю от варваров!

Герцог и супруга переглянулись. Герцог сказал с сомнением:

— Сэр Ричард очень занятой человек, он ценит время...

— Это я заметила, — живо сказала Бабетта. — Сэр Ричард?

Я кивнул:

— Да, конечно. Но, к сожалению, я отбываю в расположение войск, могу уделить времени совсем немного.

Она прощебетала:

— Я вас просто провожу до выхода из сада!

— Польщен, — пробормотал я.

Она подхватила меня под руку и, прижимаясь горячей тугой грудью, повела через сад, улыбаясь весело и таинственно. Я чувствовал ее тепло и податливое тело, очень женственное и зовущее, но шел так, словно со мной идет рядом нечто из дерева.

— Милый Ричард, — произнесла она щебечуще, — а вы изменились...

— Надеюсь, — спросил я с показным беспокойством, — в лучшую сторону?

Она улыбнулась.

— О, да!.. Так возмужали.

Я кивнул.

— Сам чувствую.

Ее улыбка стала шире, глаза лукаво смеялись.

— В каком месте?

Я постучал пальцем по лбу, самому почудился тихий медный звон.

— В этом вот.

— Это как? — спросил она, все еще улыбаясь, играя глазами и чуть двигая плечом, чтобы сползла лямка.

— Она великолепна, — ответил я, — это когда смотришь на красивую женщину и видишь не только ее роскошную грудь.

Она обрадованно заулыбалась.

— Правда? Вам моя грудь понравилась?

— Она великолепна, — ответил я искренне. — По крайней мере та часть, что выставлена взорам.

— Ох, сэр Ричард, я вам разрешаю взглянуть и на остальное...

— Польщен, — ответил я. — Ну да, польщен. Весьма. Леди Бабетта, с какой целью вы проникли в расположение наших войск?

Ее улыбка слегка померкла, хотя уголки рта не сдвинулись ни на миллиметр, продолжая показывать в веселой улыбке безукоризненные зубки, влажный красный рот, но я ощутил некоторое напряжение в ее лице.

Бабетта придержала меня за руку, вдали уже ворота, лицо разрумяненное, глаза блестят живо, трудно не поверить, что безумно рада встрече. Она повела плечами, лямки соскользнули, и платье не опустилось до пояса уж и не знаю почему, за что именно зацепилось, вроде бы за грудь. Но если она чуть шевельнется или даже глубоко вздохнет...

— Леди Элмариэль, — повторил я, не спуская с нее взгляда. — Кажется, что-то я слыхивал про некую Элмариэль... Вот уж не подумал бы, что встречу старую знакомую...

Она сказала с упреком:

— Сэр Ричард, какие оскорбительные слова употребляете!

— Оскорбительные? — переспросил я. — Да, сам понимаю, знакомиться придется заново.

— Мне тоже, — сказала она живо. — Вы совсем не тот мальчик, что приехал к леди Изабелле и так ее напугал, заявив, что он — незаконнорожденный сын ее мужа! Ха-ха!..

Я улыбнулся.

— Как видите, леди Бабетта... или все-таки Элмариэль?.. эта шутка имела продолжение.

— Вы неподражаемы, граф, — заявила она.

— Спасибо.

— Или лучше майордом, как вас называют?

Я отмахнулся.

— Что титулы... Так минует слава мира. Я и графом побыл недолго. Хотя, конечно, в Брабанте я все еще граф.

Она прощебетала и грубо:

— Как вам это удается?

— Мало пью, — сообщил я, — редко по женским постелям прыгаю. Вот и остается время, чтобы коварные планы воплощать.

— Ах, — воскликнула она жарко, — так вы еще девственник?

— Ага, — согласился я, — только в ваши коварные руки не попаду, леди Бабетта и продолжу... целибатство. Или Элмариэль?

Она проигнорировала вопрос, на губах двусмысленная улыбка, в глазах смех, поинтересовалась в свою очередь:

— Как вам удалось набрать столько войск в герцогстве?

Я спросил в свою очередь:

— Так все-таки с какой целью вы оказались в расположении моих войск?.. Кстати, леди Элмариэль, ладно уж, вас отвлекает эта лямка, что зацепилась за что-то, хотя кожа у вас гладкая и шелковистая даже с виду... спустите ее сами! Вообще можете сбросить платье, если мешает. В смысле, разговаривать вам мешает. Уверяю вас, мне оно ни разговаривать, ни мыслить... вообще ничему не мешает. Совсем.

Глаза ее округлились, я говорю настолько спокойно и серьезно, что лишь пару мгновений всматривалась в мое лицо, затем принужденно улыбнулась.

— Вы такой неотвлекаемый?

— Кто любил, — ответил я, — уж тот любить не может, кто сгорел — того не подожжешь. Итак?

Она воскликнула обиженно:

— Ах, сэр Ричард! Везде видите подвох, а я вами просто очарована... разве не естественно желание женщины затащить в постель понравившегося мужчину? Были бы вы старый и уродливый, меня можно бы заподозрить, да, в чем-то корыстном! Но вы посмотрите в зеркало! Посмотрите, посмотрите, вон слева от вас прямо в стене!

Я не стал поворачивать голову, с леди Бабеттой надо быть настороже, смотрел на нее в упор.

— Леди Элмариэль, — произнес я холодновато, — я выказываю вам высшую степень уважения, предпочитая разговор

с вами барахтанием и сопению в постели. Для этого существуют женщины попроще.

Она чарующе улыбнулась.

— Ах, милый Ричард, одно другому не мешает! Я вами очарована, как молодым и красивым мужчиной. При чем тут ваша роль в этом вторжении? Нам, женщинам, все эти сражения совсем неинтересны!

— Что вам понадобилось вызнать в моем лагере? — задал я встречный вопрос. — Или не только вызнать, но и совершил диверсию?

— Дорогой Ричард, — произнесла она с упреком, — это не я оказалась! Это вы захватили Геннегау так быстро, что я не успела упорхнуть...

— Успели бы, — сказал я, — если бы захотели. Да-да, леди Элмариэль, что-то мне подсказывает, что успели бы. Но вы как раз и прибыли сюда, чтобы оказаться на захваченной территории.

Она лукаво улыбалась.

— Сэр Ричард, это ваши домыслы.

— Сейчас военное время, — напомнил я. — Адвокаты и суды упразднены. Все решают полевые командиры на месте. Домыслы или нет — решают те, у кого в руках меч длиннее.

Улыбка ее начала медленно застывать, в глазах появилось нечто похожее на легкую тревогу.

— Сэр Ричард, вы говорите так серьезно...

— Время куртуазности миновало, — ответил я в самом деле очень серьезно. — На мне весь этот поход, у меня мало опыта, и я страшусь совершить ошибку. Потому лучше повешу вас... так, на всякий случай, чем рискну отпустить. Вы на Кейдана работаете?

Она сказала неопределенным тоном:

— Он король, на него все работают... в той или иной мере.

Глава 8

Я взял ее за руку и почти дотащил до ворот. Она шла, принужденно улыбаясь, лямки платья уже на месте, хотя я все время почему-то чувствовал, что она под платьем совершен-

но голая. Вот про герцогиню и мысли такой нет, хотя тоже голая, а вот эту прямо вижу, какая она там под платьем...

Привратник поспешил распахнуть ворота. По ту сторону нас дожидается целый отряд, сам сэр Норберт во главе. Он моментально послал ко мне взмахом руки нескольких человек.

Я сказал отрывисто:

— Спасибо за оперативность, сэр Норберт! Эту женщину взять и определить в самую надежно охраняемую комнату. К ней никого не допускать!.. Не разговаривать. Не отвечать.

Леди Бабетта, быстро бледнея, вскрикнула:

— Сэр Ричард, это жестоко!.. Хорошо-хорошо, я вам по старой дружбе все расскажу.

Я кивком отоспал людей, даже сэр Норберт отъехал, повернулся к немножко напуганной женщине.

— Ну? Только коротко, я теперь обременен войском.

— Большим войском, — согласилась она льстиво. — Очень большим... Даже и непонятно.... Так вот, сэр Ричард, вы правы, Его Величество король Кейдан попросил меня выехать навстречу вашим наступающим войскам и постараться разузнать побольше, что это за странность, почему именно так и чего можно ожидать.

Я спросил отрывисто:

— Вы и раньше выполняли такие поручения?

Она на крохотный миг замялась.

— Ну... вы теперь догадаетесь, что и у герцога Готфрида я появилась тоже не случайно. Его Величество был обеспокоен растущей изоляцией Брабанта. По его просьбе я выехала туда и выяснила, что там все в шатком равновесии. Стоит приложить малейшее усилие... Мы предприняли некоторые... действия, и все случилось бы по нашей задумке, но очень некстати появились вы... или кстати, смотря с какой стороны смотреть. Планы Его Величества были сорваны.

— Значит, — проговорил я в задумчивости, — обыкновенная шпионка... Да и знатная ли вы дама? Или из самых низов?

Она выдавила бледную улыбку.

— В самом деле, сэр Ричард. Правда-правда. Я не очень этим горжусь, но могу и прихвастнуть при случае: моя родословная насчитывает десятки знатнейших предков! Но мне

очень уж скучно было играть роль одной из кукол при дворе Его Величества. И мне нашли более интересное для меня занятие... Осуждаете, сэр Ричард? Вы ведь суровый паладин...

Я промолчал. Не помню, говорил ли при ней, что я паладин, или же как-то узнала из других источников, да это и неважно. Штучка еще та... Правда, помню страну, где женщины не только шпионили, но даже в боевых действиях весьма активно, да. Сперва как медсестры, и то было неслыханно, впервые появились в Крымской войне, а потом, по мере того, как самцы спивались и слабели, женщинам пришлось научиться стрелять, рубить, бить ногой в челюсть, освобождать захваченных в заложники мужчин...

— Ну что же молчите, сэр Ричард? — продолжала она шаловливо, но плечиком не шевельнула, хотя лямка снова на самом краю, вот-вот сползет.

— Да вот думаю, — сказал я, — что с вами делать.

— Вы, такой мужчина, и не знаете?

— Еще не решил, — сказал я. — То ли повесить, как шпионаку, то ли утопить...

Она предложила:

— А может быть, просто зверски изнасиловать?

Я уточнил любезно:

— В смысле, отдать солдатам?

Она вздрогнула, побледнела.

— Сэр Ричард, вы так жестоко шутите...

— Какие шутки, — ответил я почти искренне. — Я же не знаю, что именно вы успели выведать. Потому на всякий случай благоразумнее вас удавить прямо сейчас.

— Если в вашей постели, — сказала она, сияясь улыбнуться, — то я... начинаю раздеваться? Или вы сами предполагаете срывать с меня все-все в порыве страсти?

— Ага, страсти, — бурнул яsarкастически.

— Тогда, — сказала она вопросительно, — похоти?

— Леди Элмариэль, — произнес я, — или как вас там... Имя-то, если честно, дурацкое. Слишком высокопарное и славшаво-красивое...

— Это не я придумала, — возразила она живо. — У меня вкус получше! Недаром же я так воспылала к вам.

— Дорогая леди, — сказал я значительно, — я во главе похода, как вы уже догадываетесь, еще и потому, что не волочусь за юбками. И не даю дурить голову так называемому слабому полу. Бабники... они, как понимаете, высоко не летают. Пока что побудете под стражей. А повесить или утопить — решу чуть позже.

Не знаю, как это Македонский с войсками крохотной Македонии сумел покорить всю Грецию, разбить несметные войска Дария, покорить Персию и всю Азию. Мне людей недостает катастрофически. Я с ужасом вижу, как тает мое войско. И даже не в боях, это было бы понятно, но я осторожничал и оставлял гарнизоны в захваченных крепостях, городах и даже особо крупных замках.

Когда я еще в начале похода предупредил барона Альбрехта, что в этих землях он наивный идеалист, если сравнивать с местными, он не поверил, понятно, даже обиделся, так приятно сознавать свою порочность и бесстыдность, но сейчас убеждается при любом контакте с местными, что он овчак и девственник. И потому, не дожидаясь моих указаний, усилил охрану лорд-протектора плюс майордома, а сэр Норберт, похоже, получил от него лично какие-то дополнительные возможности в области разведки и сбора сведений.

Уже за полночь я заявил, что падаю с ног и, если не сплю хоть часок, завтра буду вообще ни на что не годен, и удалился в покой. Бобика небрежно чеснул по спине и рухнул на ложе.

— Логирд, — сказал я негромко, — ты меня слышишь?

Пару мгновений ничего не происходило, затем Пес шевельнулся ушами и привстал. Из стены медленно выплыл призрак, почти прозрачный. Пооранжевел, когда проплыл мимо светильников, но в тени обрел оттенок неприятной сини.

— Прям каракатица, — заметил я.

— Что это? — спросил он заинтересованно.

— Ну... такой морской хамелеон... Что такое хамелеон, не спрашивай, ладно?

— Хорошо, — ответил он, — вы меня позвали, или мне почудилось?

— Тебе не послышалось, — заверил я. — Я рад, что у нас получается.

— Проблемы?

Он завис в центре комнаты, лицо красиво и точно вылеплено, теперь уже не рыхлый туман, а цельный мрамор, красивые плечи, медальон на груди ухитряется даже поблескивать, широкая мускулистая грудь, вроде бы даже шире и выпуклее, чем была.

— Нет, — ответил я с неловкостью, — просто проверка слуха. Вдруг у вас, призраков, другой диапазон? Вспомнил, ты говорил, что удалось позвать меня тогда в городе.

— Теперь проще, — ответил он. — Плоть не мешает. Я не могу, конечно, видеть и слышать все в мире, но могу побывать...

— Везде?

Он покачал головой, я подсознательно ожидал, что все смажется при движении, привидения должны бояться сквозняков, однако сурое и значительное лицо некроманта оставалось четким и резким.

— Увы, — сказал он с сожалением, — много мест, куда никак.

— Уже проверил?

— В первую очередь...

— А что не пускает?

Он пожал плечами, и снова движение было абсолютно естественным.

— Некие стены, — сообщил он. — Где неведомая мне магия, где силы святости, где что-то вообще странное... Вас что-то тревожит?

— Да, — ответил я. — Ты некромант, лучше знаешь все эти темности. Скажи, как получилось, что не этот чертов Террос поглотил меня, а я его? У меня такого и в мыслях не было! Стал бы я всякую гадость...

Логирд снова пожал призрачными плечами, проследил, как это получилось, ответил не сразу, долго морщил лоб и сам старался понять, насколько хорошо морщится:

— Пока точно не скажу... И никто не скажет. Могу только предположить...

— Давай, — пригласил я, — предполагай.

— Когда Террос, — сказал он, — начинает поглощать жертву, открывается и сам! Грубо говоря, жертва тоже начинает его поглощать хотя бы по капельке. Возможно, у вас, сэр Ричард, были какие-то умения... хотя мне такую дикость даже предположить трудно, пусть даже совсем ничтожные для него, которые темный бог поглотить не смог... Старался, но не смог. Или что-то в вас такое, что оказалось ему не по силам. А вот вы смогли.

— Глупости, — пробормотал я.

Он окутался легкой дымкой, исчез на миг, а когда появился снова, мне показалось, что синеватая дымка стала серой.

— У меня другого объяснения нет, — сказал он. — Или какие-то знания...

— Глупости, — повторил я уже не так уверенно.

Впрочем, со дня рождения я жил в мире, где информацией можно захлебнуться. Там за час я видел больше, чем здесь за всю жизнь. Даже когда просто топаешь по своим делам, со всех сторон световая реклама, вывески, масса людей, мигающий светофор, что еще и попискивает для слепых, рядом по шоссе проносятся тысячи разнообразнейших машин, в нагрудном кармане задергался мобильник, ага, эсэмэска, электронные часы на стене напротив и на запястье, на ухе блютузная прищепка, интересный фонтан, дай сфоткаю... сразу брошу по инету на свой комп, а то и перекину Валюшке...

А с даром предков Валленштейна помнить все-все, этим мусором информации могу угробить и десять таких темных. Пусть проглотит и усвоит умение отправлять эсэмэски из метро! А вот то, что знает он, для меня куда объяснимее.

Логирд очень внимательно наблюдал за моим лицом. Что-то понял, во всяком случае, ничего больше не сказал, да и я не стал ничего уточнять.

— Я ничего не знаю о возможностях Терроса, — признался он, — и даже не знаю, можно ли ими пользоваться... человеку? Или для этого нужно стать... им? Но если вам удастся освоить хотя бы часть, доступную существу из плоти...

— И что?

— Я просто не знаю, — сказал он. — Просто не знаю.

Я пробормотал:

— Я тоже не знаю... Ты сам видишь, знание — сила. Молодые и здоровые дурни гибнут, как мухи, а у магов даже старицы выживает среди сплошной резни. Ты хоть еще в цвете лет, а я знал одного старого пердуна, песок сыпался, точно вроде бы погиб при захвате замка, хоть никто его мертвым и не видел, а потом я встретил живехоньского и крепенького у той же хозяйки и за тем же занятием! Будто ничего и не случилось. Как с гуся вода.

Логирд пробормотал польщенно:

— Ваша светлость, вы с такими опасными мыслями вообще договоритесь непонятно до чего! До полезности образования, например, или до необходимости грамотности.

Я огрызнулся:

— Ладно, умник! Не отвлекай.

Я сосредоточился, положил руку на стол и вперил в нее бараний взгляд. Долгое время ничего не происходило, я напрягался, кряхтел, грозно шевелил ушами и складками на лбу, вроде бы пальц зашипало, стало горячо, кожа на миг затвердела, но тут же все вернулось к норме.

Я сказал с раздражением:

— Это ты сопишь, отвлекаешь!..

— Я?

— Или топаешь, — обвинил я. — И вообще... Топающее привидение — это отвратительно!

— Сэр Ричард, — ответил он с достоинством, — я не привидение!

— А кто?

— Призрак.

— Ух ты... здорово... Не знал. А что, есть разница?

Он проигнорировал детский выпад, сказал успокаивающе:

— Сэр Ричард, не переживайте, у вас получилось. У меня глаз наметанный... Это вы увидели только ороговевший палец, я же заметил больше. Да, это значит, что сумеете трансформироваться в нечто крупное, мохнатое, и у вас вполне могут быть крылья... Вы о таком мечтали?

Я посмотрел на него ошарашенно.

— Что, правда?..

— Я говорю серьезно, — ответил он. — Признаться, я сам не ожидал, что станете так быстро проникать в умения Терроса.

Я проговорил тихо:

— Вообще-то да, я до сих пор помню это ощущение... Признаюсь, Логирд, некромант из меня хреновый, но я провел ночь с вампиршой и на всю жизнь запомнил ощущение, когда она в огромную мохнатую... нет, не птицу, а что-то вроде летучей мыши, а я у нее на спине, обхватив ее и жадно щупая там, где у нее никакой шерсти... Этот сладострастный полет в ночи, когда в небе полная луна, а внизу серебряный свет, это падение всего святого во мне...

На его лице оставалось выражение сильнейшего изумления, но заговорил достаточно деловито:

— Тогда понятно. Вас тряхнуло, вы сохранили это сладостно-позорное... гм... ощущение. Вам нетрудно его вызвать снова. Нет-нет, повторять не нужно! Только представить. Сэр Ричард, только не говорите, что никогда не вспоминаете. Такие картинки сами возникают жаркими ночами.

Глава 9

Сердце колотится, как у зайца. Я вообще-то странная смесь отчаянного труса, который всего боится и который хотел бы оставаться в стороне от всех неприятностей, но, когда неприятности приходят, еще больше боится «потерять лицо». Может быть, встретясь один на один в лесу с волком, я не раздумывая бросился бы бежать, но на людях буду красиво и презрительно улыбаться, даже сам брошусь на него первым, чтобы показать себя, да...

Но сейчас в комнате никого, глухая ночь, я плотно задернул шторы и встал так, чтобы мой силуэт ни в коем случае не увидели со двора. Логирд вышел из стены, я сказал, что готов, он начал подсказывать, как должен вызвать в памяти все тестыдные ощущения, что я испытал, вцепившись в мягкую и мохнатую плоть, вжиться в них, представить поярче, вообразить, что это ты и есть...

Я закрыл глаза и старательно вспоминал, воображал, до-воображался до вообще непристойности, в этот момент и

ощутил сильнейший толчок, а Логирд охнул то ли испуганно, то ли восторженно. Я не поднимал веки, продолжая держаться за сладостную картинку, развивая ее во всей гнусности, в теле жар и непонятная дрожь, но непристойности перед внутренним взором разгораются ярче и слаще...

— Получилось! — услышал я голос Логирда.

Я хотел ответить, но услышал скрежещущий звук. Я открыл глаза, помещение почему-то меньше в размерах, хотя и намного ярче, а за гранью красного еще один цвет... Когда я посмотрел на свои ноги, сердце застучало еще чаще, хотя и с сердцем что-то не так... ах да, их два, если не больше...

— Вон зеркало! — прокричал Логирд восторженно.

Я повернулся, по телу пробежала крупная дрожь. Поместились только нижняя половина туловища, но этого хватило, чтобы сделать заикой. Огромный крылатый зверь, помесь птеродактиля с летучей мышью, черная шерсть с головы до пят, острые когти на передних лапах, да и на задних, чересчур коротких...

— Хорошо, — сказал Логирд. — Хорошо. А теперь обратно!

Я все всматривался в себя, веря и не веря, что удалось вот так просто трансформироваться. Ну, пусть не совсем просто, попотеть пришлось, но все-таки...

— Довольно! — сказал Логирд настойчиво. — Летать здесь негде! И кроме того... Это может быть опасно. Хватит, сэр Ричард! Обратно. Обратно!

А вот хрень тебе, стучало у меня в голове. Окна — да, слишком узкие, но кто меня остановит, если рвануться через двери, пронестись по залам, сбивая всех с ног, а затем выпрыгнуть из дворца и — в воздух?

— Довольно! — прокричал Логирд. — Сэр Ричард, вы сейчас погибнете!.. Вы уже начали...

Я невероятным усилием преодолел жажду открытого пространства, закрыл глаза и начал наговаривать себе слова, что я — паладин, что бабников не уважают, извращенцев... тем более, мужчины как раз те, кто может переступить через вопли спинного мозга, да здравствует воля, натиск, дранг нахт вэст...

Жар начал стихать, молоточки в черепе затихли. Подо мной холодный гладкий пол в ключьях разорванной одежды.

Сам я распластался, как большая злобная ящерица, кого бы хватить пастью... но пасти уже нет, только морда, а это значит, я человек...

Поднялся на четвереньки, в зеркале на стене напротив воздел себя все еще неуверенно, будто только что слез с дерева. Тело зудит и чешется, словно по нему прошлись крапивой.

Логирд пронесся вокруг со скоростью смерча, я спросил хриплым каркающим голосом:

— Ну как?

— Фу, — вскрикнул он, — как меня трясло!..

— Опасно?

— Еще как, — заверил он.

— Звериность могла взять верх?

— Точно, — подтвердил он. — Нельзя так сразу! Вы рисковали остаться в этом прекрасном облике... с точки зрения некроманта, конечно. Слишком быстро, сэр Ричард! Слишком быстро.

Он покрутился вокруг, изображая свирепое торнадо, оглядел еще раз со всех сторон. Я согнул и разогнул руки, пару раз присел, все работает.

— Нельзя так сразу, — повторил он с великим облегчением. — Зверь в человеке силен! Он и так часто подминает, а если еще помочь магией... Зверю, я имею в виду!

— Зверю все помогают, — буркнул я. — Так уж у нас заведено. Потому и создана инквизиция, чтобы помогателей стало меньше. Услышал бы тебя отец Дитрих! Предложил бы стать инквизитором.

— Фу, я лучше головой о стену.

— Особенно сейчас, привиденьевой. Или призраковой.

Ладно, я, типа, понял...

Он отодвинулся, оглядел так и эдак, словно фотограф на свадьбе, сказал со вздохом:

— Боюсь вам это говорить...

— Ну-ну!

— Однако, — сказал он нехотя, — у вас слишком много молодой энергии и мало дисциплины ума. Это лучше всего указывает на то, что вы, сэр Ричард, очень молоды, хотя иногда кажетесь умудренным старцем в теле юноши.

Я сказал требовательно:

— Говори, что хотел сказать, а не юли!

Он снова вздохнул.

— То, что вы сделали, сэр Ричард... примитивно. Это каждый оборотень делает легко и просто. Даже я умел трансформироваться на уровень выше, хотя прибегал... редко. Словом, в следующий раз попробуем...

Он замялся, я спросил с подозрением:

— Что?

— Повысим уровень комфорта, — ответил он непонятно. — Это нехорошо, когда верховный лорд рвет штаны, как начинающий оборотень...

Я спросил неверяще:

— Можно будет вместе с ними?

Он усмехнулся, это было удивительно, как быстро Логирд освоил призрачную оболочку, ни один из призраков, которых я встречал, не мог двигать мышцами лица.

Заметив мое изумление, он произнес довольно:

— Сэр Ричард, это сложнейшая проблема, но возникала перед всеми оборотнями высшего ранга... возникала постоянно, при каждом перевоплощении. Потому, как понимаете, над нею бились лучшие умы. Над ее решением.

— И как?

— Однажды решили, — ответил он. — Сперва этим заклинанием пользовался лишь магистр Целегаст Великий, потом ученикам удалось упростить так, что смогли уже с десяток... словом, за века неустанных поисков сумели сделать приемлемым для большинства магов среднего класса.

Я сказал тоскливо, но с жадной надеждой, что меня переубедят:

— Я не маг, я черт-те что...

— Даже хуже, — согласился Логирд. — Намного хуже!

— Что может быть хуже?

Он развел призрачными руками.

— Ученик чародея. Слышали про умника, которому чародей велел наносить воды, а тот решил использовать заклинание?.. Вот-вот. Я заклинание не помню, всего раз пользовался, да и то по книге... Довольно сложное и длинное, но упрощенное.

шать дальше некуда, увы. И так упрощали до отказа, чтобы сделать доступным рядовым некромантам.

— Массовый продукт должен быть прост, — согласился я. — Я постараюсь запомнить, Логирд! Ты только отыщи, хорошо?

— Подберу, — сказал он. — Но сами пока ничего не про буйте, сэр Ричард! В мире одним чудовищем станет больше — это стерпим, но сэр Ричард исчезнет. Навсегда. Мелочь, конечно, но все же как-то жалко. Я люблю опыты над рептилиями.

— А сейчас ничего не придумаешь? — спросил я азартно.
Он повернулся лицом к окну.

— Посмотрите.

Луна по ту сторону железных решеток поблекла, а звезды в наступающем рассвете исчезли вовсе. Над горизонтом одиночное серое облачко вспыхнуло желтым огнем и сразу потяжелело, словно утреннее солнышко пропитало его жидким золотом.

Двор еще в тени, но уже доносится тихое позвякивание металла, отряд стражи сменяется другим, едва слышно простучали колеса, резко и гортанно кричат загоняемые во двор овцы.

Я пробормотал:

— Да, петух уже два раза кричал... С третьим исчезнешь?

— Не знаю, — ответил Логирд честно.

— Сам уйдешь?

Он сказал оскорбленно:

— Не проверив?

— Ну да, — согласился я поспешно, — эксперимент — проверка всего на свете. Как думаешь, теперь тебе доступно будет знание, которым обладали Древние?

— К которому я так стремился, — сказал он со вздохом. — Которое так жаждал... Увы, сэр Ричард.

— А что мешает?

Он в чисто человеческом жесте развел призрачными руками.

— Потому что еще не встретил себе подобных. Наверное потому, что сам здесь по счастливой случайности! Будь праведником — заспешил бы в рай или что там вместо него, будь признан злостным грешником — уташили бы в ад... Я не знаю, в каком месте погибшие и умершие своей смертью

Древние, но пока туда не спешу. Благодаря отцу Дитриху и его священникам мое положение стало весьма... двусмысленным, что меня пока, как ни странно, устраивает.

Я подумал, сказал горько:

— Ну да, понятно. Пообщавшись с Древними, можно было бы узнать, где закопан склад с бомбами... наверное, нас берегут от нашей же дурости. Но все равно обидно... Это другим знать нельзя, а мне можно. Мне все можно!

Он коротко взглянул на меня, но смолчал. Далеко-далеко за королевским садом прокричал петух. Я быстро перевел взгляд на Логирда. Он покачивался в воздухе, опустив руки и совершенно расслабленный, экспериментатор хренов, прислушивается.

— Ничего, — проговорил он бесстрастно после долгой паузы.

— Никаких корчей?

— Корчи у плоти, — напомнил он.

— А раздувает ветром? Или сдувает, смывает...

— Пока не знаю, — ответил он ровно, — но крик петуха — просто крик домашней птицы. Как вон и конское ржание.

— Значит, — сказал я с удовлетворением, — в нечисть ты не зачислен. Тебя, наверное, даже перекрестить можно.

— Лучше не надо, — ответил он поспешно.

Глава 10

Рано утром, когда я отогревал застывшие за ночь мозги горячим кофе, граф Ришар докладывал о положении дел в столице. Из роскошной стены выплыл Логирд и прошелся вдоль, чтобы граф видел его искоса. Когда тот не заметил, очень увлеченный картой, Логирд приблизился еще, заколыхался в воздухе совсем близко от его лица.

— Отец Дитрих желает поставить на площади большой помост, — доложил Ришар.

Я поинтересовался:

— Какой-то общегородской праздник?

— Да, — ответил Ришар. — Намерен сжечь с десяток служителей черных месс.

— Разве их не перебили?

— Самых главных в первый же день, — заверил он с чувством, — но если отец Дитрих желает устроить народу праздник... Хорошо, когда завоеватели делают какой-нибудь заметный жест, чтобы поднять у народа настроение!

— Да, — согласился я, — надо показать массам, что мы на их стороне. Активно боремся с коррупцией и разложением нравов, выстраиваем вертикаль, даем свободы. А так как народу просто некогда разлагаться, удар падет на праздных аристократов...

Он кивнул.

— Мы нашли черномесцев, хоть и помельче. Всегда приятно сделать что-нибудь доброе нашей любвеобильной церкви, если не за наш счет.

— Приведите пожарную охрану, — предупредил я, — расставьте так, чтобы ветром не занесло искры на дома. Пожар будет иметь плохой пропагандистский эффект! Скажут.... Ну, вы понимаете, что скажут насчет божьего гнева.

— Хорошо, — ответил он. — Хорошая мысль. Учтем направление ветра и расставим в нужных местах.

Логирд прошел между нами, игнорируя массивный стол, но граф и бровью не повел.

— Позаботьтесь о дровах, — сказал я. — Простите, что нагружаю такими мелочами, но эти борцы за чистоту и нравственность всегда что-то забывают! А потом одни неприятности, если дров не хватит, и кого-то недожгут. Праздник должен быть ничем не омраченным! Организуйте продажу пирожных, пирожков, сладостей, чтобы во время сожжения торговля шла вовсю. Пусть выступят бродячие актеры, но это уже после аутодафе, чтобы не отвлекали от торжественной части...

Граф Ришар морщил лоб, запоминая.

— Сперва торжественная часть, — пробормотал он, — потом концерт... Гм, просто замечательно!

— Стараюсь, — пробормотал я. — Торжественная часть, концерт, расстрел предателей...

Граф покачал головой.

— Нет-нет, люди с моим опытом чувствуют умелых организаторов. Признайтесь, сэр Ричард, вы сами не были вели-

ким или даже очень великим инквизитором? Мне можете признаться, я в любом случае на вашей стороне... Можете даже не говорить, за какие грешки вас... ушли. Я могу, конечно, предположить, но не посмею...

— Это лучше, — сказал я сварливо. — Граф, ну почему я не мог просто удачно придумать?

— Уж очень хорошо, — ответил он честно. — И без всяких раздумий, будто по давно проверенному плану. Ладно, не говорите — не надо. Видимо, что-то совсем уж ужасное... Может быть, растянули всех дочерей папы римского и кардиналов?.. Гм, думаю, для вас это мелочь, вы сотворили что-то совсем уж зарамочное... Ладно, сэр Ричард, я возьму организацию этого мероприятия на себя.

— Спасибо, граф! — сказал я. — А в будущем пусть делают по утвержденному образцу.

Логирд за время разговора дважды исчезал, а когда вернулся, потрогал графа за нос, скорчил страшную рожу, но Ришар не замечал и не чувствовал. Логирд торжествующе посмотрел на меня и уплыл в стену. Я невольно проводил его взглядом, граф тут же заметил и сказал с неудовольствием:

— Я вижу, сэр Ричард, ваши мысли от костра на площади далеко. Хорошо, я пошел. Все будет сделано.

— Простите, граф, — заговорил я виновато, — но и на меня свалилось... слишком.

Он сказал от двери с сочувствием:

— Ваша схватка с темным богом не прошла даром.

Я спросил испуганно:

— В смысле?

— Нужно отдохнуть, — посоветовал он, — даже развлечься. Вы ведь получили не только королевский дворец, но и всех королевских фавориток! Плюс тех, кто страстно хочет ими стать.

Я кисло отмахнулся. Едва он исчез, Логирд выскоцил из стены, как пробка из шампанского, прошелся вокруг меня волчком.

— Нашел, — сообщил он.

— Заклятие?

— Точно. К сожалению, сэр Ричард, такие заклятия не могут быть одноразовыми.

— Это как?

— Ну, чтобы один раз освоить, а потом срабатывало всегда в данной ситуации. Перед трансформацией из человека в зверя нужно произносить всякий раз заново, а заклинание труднейшее... Даже опытные чародеи тратят недели, а то и месяцы, чтобы выговорить без ошибок...

Я вскрикнул бодро:

— Давай, тащи!

Отворилась дверь, церемониймейстер провозгласил:

— Делегация держателей рудников к его светлости майордому!

Логирд сказал с сарказмом:

— Ваш рабочий день начался, ваша светлость!.. Увидимся вечером. Поздно вечером. Или очень поздно, если будете слишком медленно решать дела.

— Иди-иди, — сказал я с завистью, — творческая личность...

— Теперь творческая, — ответил Логирд.

Куно Крумпфельд то ли патриот Сен-Мари, то ли старается показать свою умелость и работоспособность, чтобы не заменили другим, а может, просто трудоголик. За эти дни ухитрился буквально перевернуть горы и расчистить авгиевы конюшни. Я не поверил, что человек способен перелопатить столько, но в огромном здании теперь только дряхлые старики передвигаются с обычной скоростью, а все остальные бегают, словно за ними гоняются злые собаки, и носятся именно по делу, а не просто имитируют бурную деятельность.

Сбежавшие служащие заменены, доложил он, все службы во дворце функционируют снова. Сейчас он подбирает и немедленно направляет в провинции новых управителей на свободные должности. Возобновлена доставка продуктов не только в центральную часть города, но и на базары, где горожане могут пополнить запасы. От моего имени велено торговым людям открыть лавки. Постояльные дворы и гостиницы обязаны работать круглосуточно, только вот городская стража еще не скоро выйдет на улицы, ее еще набрать нужно.

— Хорошо, — сказал я, чтобы не говорить, что все отлично, — хорошо... Я доволен вашей работой. Со стражей пока

терпимо, мои воины попутно и ворье распугивают. А охрану наберете новую, не спеша.

— Спасибо за понимание, ваша светлость.

— Все хорошо, — повторил я. — Кстати, у меня к вам личная просьба.

Он торопливо поклонился.

— Приказывайте!

Я великолушно отмахнулся.

— Нет, это в самом деле просьба. Личная. Вы сумеете подобрать из своих людей, которых знаете как облупленных, толкового и работоспособного... который подошел бы управляющим на мои земли? Я имею в виду те, которые мне принадлежат по праву личной собственности?

Он замер, мгновенно прокручивая в голове миллионы вариантов, спросил осторожно:

— А чем там предстоит заниматься?

— Управлением, — вздохнул я. — И, конечно, подобрать штат управителей помельче. Дело в том, что мои земли разбросаны... увы, даже по разным королевствам. В королевстве Шателлен мне принадлежит приличный участок земли с богатыми рудниками Херфста, в Армландии просто замки с деревнями и хорошей плодородной землей, еще три замка с богатыми владениями в Амальфи, а в здешнем королевстве в городе Тараксоне на моей земле строится большой морской порт... Дело не только в том, что не получаю никакого дохода, но... гм... я бы хотел, чтобы жизнь там кипела.

— А как там сейчас?

Я сказал откровенно:

— Даже и не знаю. Думаю, как и везде. Но я хочу, чтобы было лучше!

Он кивнул с осторожностью.

— Да, ваше положение обязывает.

— Вот-вот, — сказал я. — Я как тот олигарх, нахапал от великой жадности все, что можно хапнуть... другие ж хапают!.. а потом начинаю думать, что с хапнутым делать. Но даже вспомнить об этом некогда!

Он сказал осторожно:

— Но те земли, которые вы назвали... там несколько иные законы?

— Законы надо соблюдать, — согласился я. — В том смысле, что платить налоги. Но какие применять экономические методы, как построить оплату и стимулировать потогонную систему — это все решает управляющий.

В его оловянных глазах начал разгораться огонек.

— Значит ли это...

Он запнулся в нерешительности. Я досказал:

— Да, соседей можно обдирать как липку. Без жалости. Они проиграют с их неуклюжей и ограничивающей самостоятельность ремесленников системой. Там вообще нет гильдий, цеховых объединений. Представляете? Дикари-с! Мои северные земли могут стать самыми богатыми, если туда направить умелых управляющих.

Он смотрел неотрывно, уже как пес, все больше проникаясь ко мне уважением, даже почтением. Я вскинул брови, мол, где же ответ, он сказал поспешно:

— Я все сделаю! Сегодня же подберу нужных людей. Одного вам будет мало, ваша светлость.

— А что предлагаешь?

— В каждую, — сказал он, — нужно хотя бы по одному человеку. А лучше — по два-три.

— Только не в ущерб королевству, — предупредил я.

Он посмотрел внимательно, в самом ли деле я сказал это для исполнения или же просто громко и вслух, чтобы слышали. Я выдвинул нижнюю челюсть и тоже взглядом дал понять, что раз уж государство — это я, то это и мои интересы.

— Я все понимаю, ваша светлость.

Тон его и улыбочка не понравились, слишком многозначительные, я спросил резко:

— Что именно понимаешь?

— Королевство тоже ваше, — обронил он с поклоном.

Вот гад, мелькнула мысль, но вслух сказал уже мирно, только ворчливо:

— Не хотелось бы, чтобы меня обвинили в превышении служебных полномочий и чрезмерном и немотивированном... да...

Похоже, хотя он таких слов не слыхивал, смысл все-таки поймал на лету, как Бобик ловит кусок мяса. Я смотрел с интересом, как меняется его лицо, приспосабливаясь к полету моей великолепной и местами просто гениальной мысли.

— Королевство не обеднеет, — произнес он нейтрально, — здесь таких немало. Уж не гневайтесь.

— Зато здесь меньше рыцарей, — сказал я высокопарно.

Глава 11

Если порыться в истории, где образовывалось майордомство, у законных королей оставалось разве что небольшое поместье с крохотным доходом. Если королю куда-то ехать, ему подавали простую повозку, запряженную волами. Все верно: у меровингов деревянная телега, упряжка волов и длинные волосы королей считались священными атрибутами власти, но вся полнота власти сосредотачивалась в руках майордомов.

То есть короля Кейдана осталось только дождаться. Уже повержен, чуть-чуть — и лопатки упрются в пол...

Дворецкий вошел без стука, ему можно, он не человек, а что-то вроде говорящей мебели, произнес в пространство:

— По вашему повелению узница доставлена.

— Вести, — велел я.

Дверь широко распахнулась, через порог шагнула улыбающаяся леди Бабетта.

— Ах, милый сэр Ричард! — восклекнула она с энтузиазмом. — Я так и знала, что вы расположитесь в покоях Его Величества!

— Странно было бы, — буркнул я, — если бы взял что-то прощее. Мне все равно, но пошли бы слухи... А так я тут что-то побил, где-то плонул, порвал занавеску, высморкался в скатерть, и теперь все видят, что чувствую себя хозяином, других в свой огород не допущу.

Она звонко расхохоталась.

— Тогда как понять, что меня поселили в покой королевы?

Я нахмурился.

— Это была случайность. Я просто распорядился, чтобы вам была представлена комната... подходящая вам.

Она подошла и так быстро чмокнула меня в щеку, что я не успел отодвинуться.

— Спасибо, сэр Ричард! Мне такого волшебного комплимента еще никто не делал.

Тонкий и очень изысканный запах духов остался, словно ее губы все еще на моей щеке. Бабетта смотрит смеющимися глазами, стерва, все понимает, это та игра, в которой у нее все козыри, знает все тонкости, натренирована, идет от победы к победе, а я всего лишь самец с предсказуемыми реакциями.

— Прошу присесть, леди Бабетта, — сказал я и указал на кресло, — у меня к вам несколько вопросов. Как я понимаю, вы не замужем, потому никто о вашем отсутствии беспокоиться не будет.

Она объяснила очень серьезно:

— Когда женщина выходит замуж, она меняет внимание многих на невнимание одного. А мне нравится мужское внимание! Я прямо расцветаю, когда на меня смотрят... ну, вы понимаете, как смотрят.

— Понимаю, — буркнул я.

Она вздохнула.

— Ах, когда же вы так посмотрите... Что для этого надо сделать?

— Не знаю, — ответил я честно и заметил, что она увидела мою искренность, — знаю только, что стандартный набор со мной не пройдет. Во всяком случае, уверен. Вот такой я замечательный и уникальный. С причудами. Вообще я считаю, да и вы это знаете, что основное оружие женщины, которым завоевывает любого мужчину, — смотреть на него с восторгом и поддакивать.

Она сказала заинтересованно:

— Дальше...

— Но со мной это не сработает, — пояснил я. — Слишком простые методы, а я же майордом, я вон на королевской кровати в сапогах валяюсь!

— Могу снять, — предложила она. — Пovalяемся вместе. Представьте себе: в королевской постели! Наверное, особенные ощущения.

— Кто-то говорил, — буркнул я, — что это я романтичен.

С чего ощущения особенные? Кровать как кровать. Леди Бабетта, не увиливайте. Вы знаете, что меня интересует. Ваша роль и ваше место во всей этой истории — раз, ваше задание — два, явки и пароли — три.

Она спросила с любопытством:

— Явки и пароли? Что это?

Я отмахнулся.

— Вижу-вижу, ваше шпионское агентство пока еще на низком уровне. Но, понимаю, вред нанести может. Вы ведь, как подсказывает мне спинной мозг, сборщик информации, компромата? Может быть, даже аналитик низшего звена, но не диверсант же с двумя нулями?

Она спросила в удивлении:

— Это как?

— Тоже не знаете? Хорошо-хорошо... В смысле, хорошо иметь дело с такими дикарями. Значит, вы собирали данные о лидерах вторжения? Об их слабостях, уязвимых местах?

— Сэр Ричард, — переспросила она, — почему вы думаете так?

— Потому что о войсках и так все ясно, — ответил я. — К тому же почти все королевство захвачено, отыграть в прямом столкновении не получится. А вот пробовать расшатывать нас изнутри, сеять недоверие, раздоры, вбивать клинья... А скажите, леди Бабетта, почему со стороны королевских войск так и не применили ничего магического? Ни против варваров, ни против нас?.. Все-таки при короле маги нехилые...

Она улыбалась и смотрела обезоруживающим взглядом чистейшей невинности.

— Как только маг перестает нуждаться в покровителе, — ответила она, — он его покидает.

— И куда девается?

Она пожала плечиками, сдвинув лямку ниже.

— У них свой мир, свои проблемы, свои войны, свой деж...

— Чего?

Она снова пожала плечиками.

— Откуда мне знать? Говорят, перед старшими магами открывается такая дорога к власти и наслаждениям, что про-

сто брезгают оглядываться на наш мир. Не знаю, насколько это правда, люди выдумывать любят, но это объясняет, почему такие маги не захватывают власть в королевствах.

— Возможно, — предположил я, — между магами существует договоренность не лезть в дела королевств. А нарушители карают совместно. Так, часть ваших заданий ясна... И даже примерно понятно, где вы прилагаете наибольшие усилия... гм... Я бы сказал вам, почему у вас это не получится, но не поверите.

Она спросила заинтересованно:

- Почему? Конечно, я спрашиваю чисто из любопытства...
- Вы не были по ту сторону Хребта, — сказал я.

Она хитро сощурилась.

- Откуда вы знаете?
- Теперь знаю, — ответил я, — вы сами сказали.
- Я?

— Точно-точно, — ответил я и ухмыльнулся, — признания получают не только под пытками, леди Бабетта!.. Более того, под пытками как раз проще лгать.

— Женщина, — заверила она с живостью, — может сохранить лишь ту тайну, которой не знает. Сэр Ричард, кто бы мне доверил какие секреты?

Я сказал хмуро:

- А вы точно женщина?

Она кокетливо повела плечиком.

— А вы проверьте, сэр Ричард! Я уже томлюсь в неге сладкой.

Я покачал головой.

- Там, в Брабанте, вы вроде бы мне отказали.

Она ахнула:

— Я? Да не может быть!.. Вам? Сэр Ричард, не шутите так жестоко! Или это была у нас такая игра? Если я вам и отказала, то не наотрез же... Сэр Ричард, вы вот так и поверили женщине? Нам нельзя верить, даже если говорим чистую правду!

Я сжал челюсти. Она играет глазками, двигает плечиком, лямка в самом деле сползла и скользнула вниз по атласной коже, обнажая грудь. Я невольно засмотрелся, но ткань снова умело зацепилась за отвердевший кончик. Бабетта, словно не

замечая, влюбленно смотрит мне в глаза, но я чувствую, как веселится, для нее такая игра круче секса, а со мной еще интереснее, такого упрямого самца еще не встречала, ишь, принципы, и хотя, конечно же, поддается, но на неких своих условиях...

— Постоянство в любви, — сказала она неожиданно расудительно, — это леность сердца. Надеюсь, вы не один из безнадежных влюбленных в некую даму?

— Уже нет, — ответил я.

Она умолкла, потом сказала с сочувствием:

— Ах, сэр Ричард, простите! Я не думала, что коснусь раны.

— Ничего, — ответил я с горечью. — Уже зажило. Я такая скотина, все на мне заживает быстро. Даже шрамы рассасываются.

— Но все равно, — сказала она горячо, — у того, кто любил, а потом разлюбил... или его разлюбили, остается больше, чем у того, кто не любил вовсе... Ах, сэр Ричард, ну как я могла подумать, что тот скромный и местами даже застенчивый молодой рыцарь, который въехал в крепость герцога Готфрида и назывался его незаконнорожденным сыном, станет таким великим завоевателем?

— Что-то изменилось бы? — спросил я.

По ее глазам видел, что да, многое бы изменилось, но она сладко улыбнулась и еще слаше промурлыкала:

— Наверное, постаралась бы настойчивее тащить вас в постель. Понимая, что потом у вас времени будет все меньше и меньше.

Она вскинула руки исконно женским жестом, поднимая волосы на затылке. Почему-то это движение в самом деле красиво, признаю, хоть и не разумею, повертелась перед зеркалом, рассматривая себя так и эдак, а я во все глаза рассматривал ее, копию Мерилин Монро, женственную и сладкую, но в то же время сильную и волевую, что идет по жизни так, как считает нужным, и если мораль в чем-то против, то тем хуже для морали.

Я поднялся и церемонно поклонился.

— Леди Бабетта, беседа с вами доставила мне удовольствие.

Она покачала головой.

— Ох, сэр Ричард! Когда мужчина говорит, что женщина доставила ему удовольствие, он не имеет в виду беседу.

Двери распахнулись, стражи перешагнули порог, гремя железом. Бабетта пошла к выходу, но там оглянулась, в ее взгляде я прочел, что потерял, дурак, какую-то возможность.

Дверь захлопнулась, а я все думал, что же я потерял, на этот раз Бабетта намекала явно не на постель.

Велико ли, мало ли зло, его не надо делать. Но если оно на пользу Отечеству, а Отечество у нас переносное, оно в наших знаменах, то это уже и не зло, потому что зло бывает только в отношениях между людьми, а между народами называется иначе.

Я формулировал для себя эту мораль политика и общественного деятеля, когда из стены появился Логирд.

— Готовы, сэр Ричард?

— Давно, — ответил я сварливо. — Последний посетитель ушел еще полчаса назад! Зря время теряем!

— Она ушла пять минут тому, — смиренно напомнил Логирд, — но это неважно, я принес формулу заклятия. Длинновата, но уж постарайтесь выучить... Кстати, сможете усвоить еще один прием. Я могу... мог зеркально отражать магическую атаку... Вам это не очень понравится...

— Почему?

— Защитная магия, — пробормотал он, — а вы свирепый боец наступательного типа, честь и слава, все вперед, мечи наголо... Вам, скорее всего, это и не надо, позорит достоинство неустрашимого...

— Я что, дурак? — спросил я. — Давай! Все давай. И побольше. Когда пойду в миротворцы, и защитная магия понадобится.

Он спросил с удивлением:

— Разве вы уже не миротворец, как я наслышан?

— Вообще-то да, — согласился я. — Миротворю, так миротворю.

— А что не домиротворите, — сказал он недобро, — отец Дитрих с его кострами окончательно умиротворит... Как вы с ним хорошо говорите о высокой культуре и духовности! И о

неотвратимой поступи цивилизации... Так и чувствую, что камня на камне после вас...

— Чтобы строить новое, — сказал я с усилием, — нужно расчистить стройплощадку. Ты мне зубы не заговаривай высокой культурой и цивилизацией, мне свои личные интересы общечеловека важнее. Говори, как превращаться туда-сюда, чтобы штаны не рвать?

— Придется выучить очень длинное и сложное заклятие, — повторил он с сомнением. — Это чтобы помимо простой трансформации, которой вы так рады, подключилась еще и магия. И сказать нужно быстро и без запинки, не перевиная ни единого звука, слога или даже интонации. Потом, правда, достаточно будет одного слова.

— Понятно, — сказал я бодро, — кодовое слово, это мы проходили.

— В магической школе? — спросил он с уважением. — Не думаю, что вы были усердным учеником, уж простите.

— Да, — согласился я, — усердных у нас называют ботаниками. Хотя именно ботаники потом меняют мир, а крутые им коней чистят. Так какое заклятие?

Он произнес с легкой запинкой:

— Хорошо, я буду давать по одному слогу.

— Не умеешь выговорить сразу два?

Он криво улыбнулся, но одна половинка лица отодвинулась почти на локоть.

— Могу и по три.

— Давай целиком, — предложил я.

Он усмехнулся, я следил за его губами, как он произносит длиннейшее заклятие. Если бы инфаркт лупил и призраков, Логирд наверняка бы получил по всей программе, когда я, как попугай, повторил все, разве что с другой интонацией.

— Как? — вскричал он. — Это... это невозможно!

— Для человека нет ничего невозможного, — сказал я гордо. — Я даже на добрые дела способен... наверное. Ну что теперь?

Он в великом изумлении покачал головой.

— Хорошо, теперь учитесь произносить правильно. А затем... да, вы сказали хорошо: кодовое слово. Лучше, корот-

кое, чтобы сразу. Но достаточно редкое, чтобы вдруг не произнести нечаянно.

— У нас есть такие, — сказал я гордо, — даже во сне не услышите. Говорить нужно громко?

— Можно про себя, — сказал он. — Но отчетливо.

— Жди здесь, — велел я, — сейчас вернусь.

Прислушиваясь к каждому шороху, я вышел в коридор, что не коридор, а целая анфилада залов. Стражи выпрямились и бодро стукнули древками копий в мраморный пол. Я посмотрел по сторонам, везде по два человека, лучшие и проверенные, все армландцы.

— Когда вы меняетесь? — спросил я.

Один ответил суровым мужественным голосом:

— Через каждые три часа! Совсем здесь балуют, ваша светлость.

— Зато заснуть не успеете, — сказал я строго. — Бдите! Никого ко мне не пускать, поняли? Пусть даже дворец начнет рушиться. Я и сам услышу, если что где и как. Запомнили?

Второй страж ответил с фамильярностью старого солдата, что прошел со мной еще войны за установление моей власти в Армландии:

— Вам надо поспать, ваша светлость! Ишь, с утра до вечера к вам пруть и пруть. Никого не пустим, не сумлевайтесь.

Я кивнул и плотно закрыл дверь. Логирд наблюдал с одобрением, как я вытащил из шкафа загодя приготовленную цепь, а когда половинки кольца сомкнулись на моей ноге и я завинчивал скрепляющий их болт, сказал с непонятной интонацией:

— Интересно наблюдать, как в вас борется страсть молодого и пылкого с рассудочностью мудрого и много пережившего... Кто вы, сэр Ричард? Сколько вам лет на самом деле?

— Я молод, — сказал я.

— ...но старые книги читал, — закончил он. — Да, это я от вас уже слышал. Видать, вас заставляли читать эти старые книги очень усердно. Представляю, сколько палок изломали о вашу рыцарскую спину! Хотелось бы посмотреть, как мордуют благородных.

Я распрямился, звеня цепью на ноге.

— Умолкни, чернь непросвещенная... И зри! Если что, кричи погромче. Но так, чтобы стражи не услышали.

Он не понял, что это у меня такой юмор особенный, пропломбировал:

— Меня слышите только вы, сэр Ричард... Ну, давайте, только осторожно.

Я сосредоточился, произнес кодовое слово. Сильный удар встремил изнутри, на миг захотелось блевануть, но удержался и сразу понял, что я уже в теле огромного мохнатого зверя.

Логирд заметался вокруг с криком:

— Спокойно!.. Спокойно!.. Держите себя человеком в этом теле!.. Не давайте зверю вырваться, потом загнать труднее!..

Я повернулся к зеркалу, оттуда на меня смотрит нечто вроде огромного вздыбленного медведя, могучего и коротконогого, пасть оскалена, зубы как ножи, маленькие глазки горят нечеловеческой злобой. Я прислушался к себе, да, злость кипит там, в глубине, но пусть кипит, она обостряет рефлексы и память...

— Хорошо! — кричал Логирд. — Хорошо!.. Не спешите, только не спешите!..

Я повернулся боком к зеркалу и повернул голову, стараясь рассмотреть горбатую спину. Сосредоточился, там медленно вздыбилось, как надкрылья майского жука, только неопрятное и мохнатое, затем это неспешно превратилось в короткие мускулистые крылья.

— Не взлетайте! — прокричал Логирд. — Нет!..

Я не понял, почему не взлетать, дурак этот призрак, но остался на земле и с усилием удлинял крылья, менял форму, а потом сумел добиться, чтобы шерсть сменилась плотной чешуей. Блестящая, хорошо подогнанная, она понравилась больше, пластинчатый доспех, на брюхе из мелких чешуек, на боках крупные и толстые, а на спине вообще наползающие друг на друга ряды костяных дощечек.

Логирд присматривался, как я бьюсь, пытаясь сделать структуру чешуи плотнее, иногда вскрикивал удивленно, он же знает только ковку, когда металл становится прочнее, а я знаком и с другими методами усадки.

— Довольно, — вскрикнул он. — Хватит на сегодня.

Я поработал над гортанью и проревел:

— Почему?

Он охнулся:

— Как вам удалось?

— Что? Чешую?

— Нет... говорить!

— Секрет фирмы, — ответил я. Логирд отодвинулся, я сказал примирительно: — Пустяки, изменил форму гортани. Ничего не придумывал, сделал просто человечью. Чего ты боишься?

— Что вы устали, — ответил он, — и зверь может взять верх.

— А он не устанет?

— Боюсь, — ответил он, — мозг устанет раньше.

Я подумал, что лучшее — враг хорошего, в следующий раз можно будет и полетать, времени на трансформацию уйдет меньше,рыкнул и велел себе вернуться в тело царя природы, ведь человек — самое совершенное.

Логирд вскрикнул довольно, когда блестящий чешуей зверь в считанные секунды превратился в человека. Я поспешил повернуться к зеркалу. Оттуда на меня с тревогой смотрит молодой парень в рубашке, темных кожаных штанах и в сапогах с золотыми шпорами.

— Ура, — сказал Логирд. — Чувствуете, что значит к трансформации добавить и магию?

— Совсем другой уровень, — согласился я.

— Конечно, — сказал он, — а еще вы удивительно быстро научились менять шкуру. Эта чешуя — просто чудо!

Я отмахнулся.

— Главное, не голый. Вроде бы мелочь, но без штанов как-то не по себе. Я ж не простолюдин и не нудист. Рыцарь без штанов теряет боеспособность и даже, что самое главное, идеологию.

— Идеологию?

— Ну да, кто мы без нее?

Он развел прозрачными руками.

— Ну... вам виднее. Я рад, что так быстро отошли от про-

стой трансформации и теперь вот с магией. Это уже уровень, сэр Ричард!.. И так быстро. Уцелело все, что на вас надето!

— А если попробовать доспехи? — спросил я. — Металлические?

Он покачался в воздухе, исчез, возник снова.

— Возможно, ничего не получится. Но есть шанс, что трансформируются в добавочную чешую.

— В следующий раз надену стальной, — пообещал я. — Целиком. А что насчет зеркальности магии? Покажешь?

Глава 12

Еще с первого, ну со второго-третьего дня, во дворце начали появляться знатные дамы, бросали на меня многозначительные вздохи и низко кланялись, стараясь, чтобы из низкого выреза платья вот-вот начинали вываливаться их лелеемые сокровища. Таких красоток становилось больше, началось глухое соперничество, тем более яростное, что у меня все еще нет фаворитки, то есть даже не надо бороться с предыдущей за место, а достаточно всего лишь понравиться могущественному завоевателю.

Потом, когда выяснилось, что майордом королевства вообще не женат, во дворец зачастили и главы наиболее могучих семейств и кланов. У этих цели иные, Куно Крумпфельд однажды в конце доклада о сделанном за последние дни упомянул, что по любви женятся только слабые люди, непрактичные, которым уж никак не руководить страной. Короли, как и прочие властители, по любви не женятся, а всегда только исходя из государственных интересов.

— Ага, — сказал я, — я этот самый, прочий властитель?.. Знаете, Куно, у меня столько раз сгорали крылышки на этом огне... да и сам горел так, что перед вами одна головешка.

— Хорошо, — сказал он одобрительно.

— Что хорошего?

— Уже обожглись, — пояснил он, — умнее будете.

— В смысле, буду жениться, исходя из государственных интересов?

— Да, именно это имею в виду, ваша светлость.

Он сидел в кресле напротив, но не откинувшись, а собранный и очень внимательный, подчеркивая, что очень польщен приглашением сесть и отведать хорошего вина, но ни в коем случае не претендует на какие-то вольности или привилегии в покоях короля.

Чаша с вином еще наполовину полна, и Куно время от времени механическими движениями подносит ее ко рту, делает крохотнейший глоток.

— Возможно, — сказал я невесело, — скоро так и случится. Я на многое готов, о чем раньше и помыслить не мог.

— Скоро, — поинтересовался он, — это в обозримом будущем?

— Да, — ответил я, — в обозримом.

Он снова отпил самую малость, уточнять не стал, насколько это будущее обозримо, информацию нужно добывать осторожно.

— Говорят, — сказал я, — на свете есть лишь одна женщина, предназначенная тебе судьбой, и если не встретишь ее, то спасен. Но для меня была заготовлена судьбой не одна, а сразу несколько женщин...

Он поинтересовался осторожно:

— И как?

Я ответил со вздохом:

— Сама же судьба, брезгливо убедившись в моей слабости, и отняла их одну за другой.

— Значит, — заметил он почтительно, — готовится от вас потребовать очень серьезное. А женщина только бы мешала.

— Боюсь и подумать, что от меня могут возжелать.

После паузы, во время которой он любовался блеском драгоценных камней на чаше, задумчиво проговорил:

— Потому вам не нужна ни близкая женщина, ни даже жена. Супруга — да, другое дело. Да и то не сейчас. Время придет само... Я отобрал из числа своих помощников нескольких человек, сэр Ричард. Подготовьте документы с привилегиями, которыми изволите их облечь, дабы полнее выполняли вашу волю. Я их отправлю сразу же. И еще, как вы полагаете, обилие этих трубадуров и труверов при дворе... не слишком ли?

Сперва они разбежались, а теперь постепенно возвращаются. Снова шумно.

— А что, король Кейдан был любителем музыки? Он усмехнулся.

— Сочиняли в основном о нем. А это он любил. Я отмахнулся.

— Начнут сочинять обо мне — обвиню в подхалимаже и велю высечь за подрыв авторитета главы государства в народных и околонародных массах. А так вообще пусть... Искусство должно жить на дотации государства. Коммерциализация не всегда во благо. Пусть эти трубадуры, труверы, минизингеры... которые, как мне казалось, не мини, а почему-то минне, ваганты, барды, рапсоды, аэды, кобзари, бандуристы, акыны, лаудисты... словом, пусть цветут все цветы, но чтоб соблюдали закон о ночной тишине. Если эти творческие личности обожают пьянки с криками и песнями под чужими окнами — таких хватать и направлять на общественно полезные работы. Сроком от недели до месяца.

Он наклонил голову, пряча довольную улыбку.

— Прослежу лично. Что-нибудь еще? Хотелось бы услышать что-нибудь про... основную идею при завоевании королевства, что ли...

Я посмотрел на него остро. Советник продолжает улыбаться, но улыбочка несколько напряженная, он затаил дыхание в ожидании ответа, ага, как же, щас откроюсь!

— Основная идея, — ответил я неспешно, — всегда должна быть недосягаемо выше, чем возможность ее исполнения, не так ли?

Он вскрикнул поспешно:

— Да-да, конечно! Мы всегда должны стараться дотянуться до самой высокой ветки с яблоками! Тогда и с нижних оборвем наверняка.

— Вот-вот, — сказал я по-прежнему доброжелательно, но с едва заметным холодком, — потому у нас несколько... жестковатая политика. Во всяком случае, к таким развлечениям, как черные месссы, поголовное пьянство, терпимость к чужим культурам, постепенное вхождение троллей в жизнь общества... Мир не был бы сотворен, если бы Творец думал, как бы не

причинить какого-либо беспокойства! Творить жизнь и значит творить конфликты.

Он сказал спешно:

— Сэр Ричард, я все понимаю. Невозможно править при помощи «но». Раньше старались избежать всего, что усложняет жизнь, и потому во всем искали компромиссы. Но вы доказали своим вторжением, что бескомпромиссность... гм... тоже немалая сила.

— Не просто немалая, — поправил я. — Молодость всегда бескомпромиссна. Компромиссы убивают силу!.. Ну что тебе?

Это я спросил у бравого воина, что отстранил церемониймейстера и вытянулся на пороге.

Рыцарь сказал счастливо:

— В большом зале начинается пир, сэр Ричард!.. Ждут только вас.

Я поднялся. Крумпфельд поспешил вскочил и первым сделал движение в сторону двери.

— Видишь? — сказал я с иронией. — У нас все еще военная демократия. Я — рыцарь, а это больше, чем лорд-протектор или майордом. Иду-иду!

Рыцарь поспешил обратно, радостные вести всегда носим охотно, а мы с Крумпфельдом вышли следом. Стражи тут же встали у закрывшихся дверей и скрестили копья.

Зал ярко и празднично освещен, за столами пестро и красочно одетые люди, играет музыка, между рядами столов кувыркаются акробаты. Слуги все еще торопливо вносят блюда и напитки, жизнь идет, а ведь не просто поменялась власть, мы чужаки, к тому же пришли со своей жесткой идеологией.

— Продвинутое общество, — буркнул я, — весьма, даже весьма... Патриотизм — прибежище негодяев и все такое. Неважно, кто правит, лишь бы торты были крупнее и сладче.

Куно бледно улыбнулся, не понимая, но на всякий случай поклонился.

— Я пойду, ваша светлость.

— Нет, — сказал я, — ты теперь в нашей элите. Вон там, если не ошибаюсь, стол с местными... Иди, пирий.

Меня приветствовали веселыми воплями, я с поднятыми

над головой руками прошел между рядов, время от времени сцеплял ладони в замок и потрясал ими. Что это означает на языке жестов, не знаю, но выглядит красиво и убедительно.

Мое кресло с высокой спинкой, что уже трон, на нем сидел, как понимаю, сам Кейдан, не зря же на нем золотой герб, а на спинке янтарный орел в натуральную величину с рубинами вместо глаз.

С удивлением я увидел входящего в зал отца Дитриха. На этот раз великий инквизитор перешёлся в новое и чистое, подрезал волосы и выглядит даже моложе.

Перехватив мой взгляд, улыбнулся, помахал рукой. Я поднялся и торопливо шагнул навстречу.

— Благословите, святой отец... Отец Дитрих, я так рад вас видеть! Где вы пропадаете?

— Как и вы, сэр Ричард, — ответил он, — как и вы... Люди этого города, как и всей страны, подумать только, служат Мамоне! Но те, кто пытается служить Богу и Мамоне, вскоре обнаруживают, что Бога нет.

— Вы им напомнить сумеете, — заверил я пылко. — Нет более опасного оружия против черта, чем чернила и книгопечатание. Когда-нибудь окончательно сживут его со света! Я слышал, что вы спешно начали строить типографию?

— Да, сын мой.

— Великое дело, — сказал я. — Вы прямо двужильный, святой отец!

— У меня много помощников, — ответил он с улыбкой. — Ты как, держишься?

Я спросил непонимающе:

— В каком смысле?

— Власть, — сказал он, — такое же искушение для лорда, как вино и женщины для молодого человека, взятка — для судьи, деньги — для старика и тщеславие — для красавицы.

Я покачал головой.

— Наоборот, я власти боюсь и всячески от нее увиливаю.

— Потому ее можно доверить тебе, — сказал он неожиданно, похлопал меня по руке и ушел.

Я вернулся в свое кресло с тронной спинкой. Вообще говоря, питаю ненависть и отвращение к животному, называе-

мому человеком, но сердечно люблю Растира, Макса, Теодориха, Зигфрида, Асмера и еще многих достойных и красивых в поступках людей, а вот отец Дитрих, напротив, гневно клеймит всех за слабости, но страстно любит человечество и готов за него отдать жизнь.

Странно, отец Дитрих ни словом не обмолвился о необычности моей победы над темным богом. До сих пор даже не спросил, как я себя чувствую. В смысле, нет ли теперь у меня каких-то темных мыслей. Впрочем, глупо такое спрашивать. Наверное, будет присматриваться ко мне, а то и другим велит анализировать мои слова и дела.

— За нашу и вашу победу! — пронесся над залом мощный рык. Сэр Растир поднялся во всей красе, на этот раз сделал себе поблажку и не явился в полных доспехах, но кирасу оставил, небрежно выставив голубую сталь в раскрытые полы камзола. — Ожидали ли мы победу? Да, ожидали!.. Мы верим сэру Ричарду!.. Но думал ли кто, что будет такой быстрой и сокрушительной?.. Честно скажу, даже я до сих пор в диком изумлении!

К нему тянулись с наполненными кубками. Из-за дальних столов просто поднимали чаши с вином повыше и весело орали, в зал заглядывали трепещущие слуги.

Я улыбался и кланялся, улыбался и кланялся, отечески помовал руками и снова улыбался.

Пир был в разгаре, я уже подумывал, как бы смыться, надо над картой мира помыслить над великими геополярными проблемами, это версия для народа, а на самом деле ощутить тревожную сладость превращения в крылатого зверя, попробовать то, попробовать это, проверить себя в свободном полете, могу ли нести груз, каков высотный потолок...

Ко мне то и дело тянутся с кубками в руках, я окунул взглядом зал, от назойливого внимания избавиться трудно, но удается перепихнуть на другого, и я встал, пошел вдоль рядов, похлопывая по плечам сидящих и улыбаясь во весь рот.

У самого дальнего стола я остановился. Рыцари затихли, когда я вскинул кубок.

— Вот сэр Максимилиан, — сказал я громко. — В бою

старается быть впереди, на пирах садится от меня подальше.
И вообще за столом не слышу его клича.

Барон Альбрехт повторил многозначительно:

— За столом.

Растер обхватил засмущавшегося сэра Макса за плечи и заорал весело:

— За настоящую доблесть, что не требует награды!

— Ура сэру Максимилиану! — заорал Бернард громовым голосом.

— Слава Максимилиану! — закричали другие голоса.

— Пьем за сэра Максимилиана!

— За вас, сэр Максимилиан!..

Довольный нехитрой хитростью, я пошел к своему креслу, теперь нужно умело увильнуть самому, в это время в распахнутые двери вошел граф Ришар. В легком доспехе, даже без шлема, но кираса и стальные наруженники блестят холодно, напоминая, что мы в завоеванной стране. За ним на почтительном расстоянии четверо рыцарей, не самых знатных, как помню, он может себе позволить брать в свиту не по длине родословной, а по деловым качествам, красивый и суровый.

Я помахал ему рукой, хотя, конечно, он меня видит и идет ко мне, но в нашем обществе нужны ясные знаки, которые прочитывают и другие.

— Сэр Ричард! — сказал он бодро и очень весело. — Важное сообщение!

— Говорите, граф, — откликнулся я.

Он быстро зыркнул по сторонам.

— Сэр Ричард... — продолжил он все так же бодро, но с многозначительностью в голосе, — такое лучше... наедине.

Я поморщился, но кивнул.

— Ладно. Идите за мной.

Я поднялся с трона и уже сделал шаг, держа взглядом дверь, откуда через два зала попадем в мой кабинет, но граф остался на месте, глядя на меня со странным выражением. Я остановился, посмотрел на Ришара, а за спиной раздался могучий рев сэра Растера:

— Как можно, сэр Ричард?

Рыцари поднимались из-за столов и поспешно покидали

зал. Ришар так и не сдвинулся с места, для него естественно, что в таких случаях не сюзерен должен уходить, а все прочие обязаны беспрекословно очистить помещение.

Ушли и его рыцари, я смотрел вслед этой пышной толпе с неловкостью, лучше бы я сам вышел, но граф упрется, правила этикета, то да се, а этикет складывается не сам по себе. Без строгого соблюдения всех этих телодвижений развалится очень многое, вплоть до управления страной.

Когда ушли последние, граф внимательно посмотрел, как плотно закрылись двери, поманил меня на середину зала. Я шел за ним с нарастающим чувством больших неприятностей.

— Уверены, — спросил он шепотом, — что за дверью не подслушивают?

— Вы же видели, какие тут двери, — сказал я. — Убивать меня будете, никто моих диких воплей не услышит.

Он поморщился.

— Даже не шутите так.

— А что, — спросил я упавшим голосом, — так серьезно?

— Да, — ответил он голосом, из которого начисто испарились бодрость и подчеркнутая уверенность. — Да, сэр Ричард.

— Что случилось?

Он потер ладонью лоб. Лицо стало расстроенным, а в глазах простирали злость и тревога.

— Устал, — сказал он извиняющимся голосом, — как мелкий бес... Сэр Ричард, ко мне обратилась группа весьма знатных лордов королевства. Предлагают, вам трудно даже подумать такое, ни много ни мало, как наместничество над захваченной нами частью королевства!

Я кивнул, сердце стиснуло как тисками. Начинается то, чего вообще еще не видели в чистом мире северных королевств. Здесь, где дыхание Юга ощущимо, это уже присутствует.

— И что вы ответили?

Он покал плечами.

— Что и нужно было. Обещал подумать. Но сделал вид, что клюнул.

— Спасибо, граф, — сказал я. Заметив его негодующий взгляд, поспешно пояснил: — Не за то, что рассказали, это

естественно, а что не швырнули им предложение обратно. Тем более не вбили в глотку вместе с зубами.

Он усмехнулся.

— Был бы помоложе, как сэр Максимилиан, или попроще, как сэр Раster, так бы и сделал. Но я вижу, что и вы местами такой же старый жук, как и я. А нам лучше конкретнее узнать, кто и что здесь замышляет.

— Тогда торгуйтесь, — предложил я. — Надо выторговывать как можно больше. Пусть не заподозрят, что их могут поймать в их же ловушку.

Он поморщился.

— И так не заподозрят. Никогда такого подлого народа не видел! Почему-то уверены, что я должен ухватиться за возможность предать вас только ради высокого поста и власти.

— Увы, граф, — сказал я трезво, — здесь такие на каждом шагу.

Он спросил удивленно и встревожено:

— Вы это серьезно?

— Абсолютно, — заверил я. — Христы, как кометы — являются редко, а вот Иуды не переводятся, как комары.

Он скжал кулаки, под смуглой кожей вздулись желваки.

— Мразь.

— Это королевство, — объяснил я, — в самом деле надо было спасать. Что мы и делаем.

Он сказал с досадой и разочарованием в голосе:

— А мне казалось, призываете нести свет этим людям слишком уж... громко. Сейчас даже не знаю, что и думать.

— Все в порядке, — успокоил я. — Просто в данном случае совпали высшие духовные интересы и некоторые хозяйствственные. Так бывает крайне редко. Надо выжать все преимущества на полную катушку. Отец Дитрих сокрушается упадком нравов, но, думаю, втайне рад такому полю деятельности. Целое королевство можно вернуть в лоно церкви! Только и понадобится, что в каждом городе устроить несколько публичных сожжений еретиков, колесования ведьм и колдунов, а также несколько показательных утоплений.

Он в задумчивости кивнул.

— Да, здешний народ жизнями дорожит, вы правы. Если

начать жечь отступников от милосердной церкви... да побольше, побольше!.. здесь быстро запоют церковные хоралы взамен непристойных песен.

— Все верно, граф, — согласился я. — Ради такой мелочи, как жизнь, эти люди готовы отказываться от своих убеждений! Тыфу. Потому их не жалко ни жечь, ни топить, ни колесовать. И даже потом, когда будут ходить в церковь чаще, чем мы... все равно у меня не будет к ним доверия.

— У меня тоже, — сказал он. — Потому не хотел бы я быть у такого подлого народа даже королем, не то что наместником. Хорошо, сэр Ричард, я вас предупредил. Это к тому, что они могут продублировать предложение.

Я развел руками.

— Они бы и рады, но... кроме вас нет здесь рыцаря, за кем бы пошли войска.

Он покачал головой, лицо стало угрюмым.

— Другим могут предлагать иные варианты. Посильные. Например, за щедрые дары увести часть войска или встать на сторону короля Кейдана... Я впервые встречаюсь с таким подлым способом ведения войны! Словом, будьте настороже, сэр Ричард. Имейте в виду, могут быть еще попытки. В смысле, будьте готовы. А я пока осторожненько продолжу торг. Нужно выявить, кого еще в наших рядах они пробуют... пошатнуть.

Я кивнул и крикнул громко:

— Пир продолжается!.. Эй, зовите всех в зал!

Глава 13

Из-за стола я ускользнул под благовидным предлогом, хотя при моем ранге уже можно не оправдываться, так даже лучше, таинственнее. В покоях я брякнулся на ложе, не снимая сапог, и долго тупо глядел в шелковую крышу.

В черепе стучало обреченно: ну вот, пришло... Сколько ты здесь дорог прошел, сколько побед одержал, сколько раз самого сбивали с коня и топтали копытами, сколько раз терпел поражения, но всегда это было либо в честном бою, либо из засады, что тоже сравнительно честно, ведь засаду делают прямые враги, а не те, кому доверяешь...

И вот начинается то привычное, в чем я хоть и раньше не участвовал, но вырос в том мире: интриги, предательства, подковерная борьба, черный пиар, слухи, клевета, подозрения...

Королевство Сен-Мари — уже не та обезьяня стая, которую как ни разгони, тут же восстановится на другом месте. Сложнейший механизм, где за века притерлись все шестеренки, хотя даже теперь то в одном, то в другом месте либо бунты, либо попытки отделиться, либо одна область нападает на другую. Сейчас вообще может начаться кровавая баня, как только сообразят, что оккупантам их внутренние распри по фигу, а реальной власти нет.

Мы еще когда захватывали города, в каждом городе я тут же собирал старейшин гильдий, хвалил их и называл солью земли, объяснял, что это они и есть те слоны, на которых держится земля, от них зависит благополучие не только их города, но и окрестных земель. Рассказывал, что я — бургграф Тараскона, а вы знаете, как хорошо сейчас развивается мой город и как там богато живется горожанам... это потому что я вот такой замечательный, мудрый и понимающий их работу.

Пока меня слушали раскрыв рты, я присматривался к ним, и хотя в старейшины дураку не попасть, и там замечал самых авторитетных и умеющих руководить. Когда я рассказывал о перспективах торговли через Тоннель с северными странами и возможности получать дешевое сырье, строить на северных землях рудники, мастерские, у них у первых загорались глаза, а ладони начинали тереться одна о другую с такой силой, что вот-вот вспыхнет огонь.

После подтверждения и расширения полномочий городского совета я незамедлительно отправлялся к местному лорду. Одевался со всей пышностью, меня сопровождал отряд знатнейших рыцарей, хотя туда я для внушительности зачислял и Вернигору с Ульманом, объясняя ревнующим знатным рыцарям, что эти великаны только для эффекта.

Передо мной несли знамена, а при входе в замок герольд громко выкрикивал мои титулы, такие огромные и пугающие, что у меня самого мороз бежал по шкуре, временами я даже начинал всматриваться в лица: верят ли, что это все я?

А закончилось тем, что я хоть и всячески избегаю садить-

ся на королевский трон в главном зале, это нелегитимно, однако все же начинаю все больше вести себя согласно жестким правилам, не установленным, а отобранным веками в процессе эволюции рыцарства.

Но неужели опущусь до разборок со своими сподвижниками? Неужели обязательно при дележе пирога должны возникнуть ссоры, недовольства и обиды?

Куно Крумпфельд являлся с ежедневным докладом, но все подает в предельно сжатом виде. Если что заинтересует, мол, готов развернуть подробнее, а так вообще не дело майордома заниматься этими мелочами.

- Справку по брошенным землям составил? — напомнил я.
- Почти, — сказал он. — Осталось совсем по мелочи.
- Но все крупное в описи?
- Да.
- И дворцы в столице?

— Дворцы учесть было легче всего, — объяснил он. — И загородные дома записаны все до единого. С землями труднее, приходится проверять, в самом ли деле брошены, или же хозяин там отсиживается, нос не показывает.

— У таких не отбирать, — распорядился я. — Они присягу принесут позже. Не спешим. Теперь давай список сбежавших... Королевский дворец я уже экспроприировал в свою пользу, теперь посмотрим, посмотрим...

Сэр Раster, великий энтузиаст по части празднеств, собрал перед дворцом множество свободных рыцарей, выстроил красиво, чему те послушались весьма охотно, вся красота — от Господа, а безобразие — от его противника, прошелся вдоль ряда, выстроил еще и трубачей, наказав строго трубить по его взмаху.

Я подозвал оруженосца.

— Сэр Максимилиан сейчас в оружейной. Быстро приведи!

Макс примчался, как всегда быстрый и послушный, а сэр Раster, довольный, как стадо слонов, собственоручно обрезал его вымпел, тем самым превращая в полноценное знамя.

— Вот, — проревел он весело и трубно, словно мамонт в

брачную пору, — отныне наш всеобщий любимец сэр Макс становится баннеретом!

— Преклони колено, — велел я строго.

Макс послушался моментально, бездумно, глядя на меня снизу вверх чисто и преданно. Я медленно вытащил меч из ножен, рыцари улыбались и довольно переглядывались.

Я ударил плашмя его по правому плечу, затем по левому.

— Доблестный сэр Максимилиан фон Брандесгерт!.. Ты выказал как отвагу, верность и доблесть, что есть основа рыцарства в человеке, так и на редкость умелое руководство введенными тебе войсками. Слушайте все! Во время Каталаунского турнира, когда мы побеждали и многие спешили захватить богатую добычу в виде сбитых с коней рыцарей, сэр Максимилиан берег мою спину, понимая, что если падет воожак — проиграем все!.. И здесь он так же честно и самоотверженно взял на себя то, чего высокомерно избегают другие рыцари: руководство кнхтами! Все мы знаем, как это важно, чтобы те выдерживали удар конного войска, а затем довершили разгром... Словом, за большие и несомненные заслуги я, майордом Сен-Мари, жалую тебя, сэр Максимилиан, титулом виконта и даю в пользование земли виконства Эльбеф...

Рыцари весело зашумели, прогремел поверх голосов могучий рев сэра Растира, что виконство Эльбеф крупнее и богаче иного графства.

Макс смотрел на меня счастливыми глазами. Я сказал ласково:

— Встаньте, сэр Максимилиан! Отныне у вас собственное знамя.

Его окружили рыцари, поздравляли, хлопали по плечам и спине. Макс заговорил прерывающимся голосом:

— Сэр Ричард! Я не знаю, как благодарить...

Я вскинул руку, прерывая поток слов, и Макс мгновенно умолк. Остальные, довольно переговариваясь, повернули ко мне головы.

— А никак, — ответил я хладнокровно. — Ты уж давно достоин баронства. Но понимаю, почему я медлил... Я все еще боюсь, вдруг тебя потянет в хозяйствование? Ты такой, начнешь и там все улучшать и модернизировать... Потому

прими совет: возьми умелого управляющего. Королевский советник Куно Крумпфельд подберет тебе самого толкового и вообще самого лучшего!.. А ты оставайся с нами. И еще не закончится эта кампания, как станешь бароном.

Он охнул, щеки покрылись нежным румянцем. Рыцари взревели громче, Макса совсем затискали, задавили, захлопали по спине и плечам.

— Сэр Ричард! — вскричал он. — Вы ко мне слишком добры!

— Ничуть, — отпарировал я. — Ты очень хорош, Макс. Возьми отпуск на недельку. Съезди в свои... теперь они твои!.. земли, покажись, используй право первой брачной ночи, а то все гарпии да гарпии, а потом возвращайся!

Геннегау, город роскошнейших дворцов, парков, гостиниц, домов для увеселения, казалось, ничего не производит, а только потребляет, но именно здесь живут лучшие ювелиры, суконщики, краснодеревщики, даже искуснейшие оружейники, что могут отковать немыслимой красоты оружие или не пробиваемые ничем доспехи. Правда, такие доспехи стоят дороже, как если бы сделали целиком из золота, в закалке принимают участие и могучие маги, а подобные услуги обходятся дорого.

Впрочем, у наших лордов есть чем платить. Я видел, как вслед за военачальниками обзаводятся усиленными доспехами и простые рыцари, а старые мечи у них сменяются именными, сделанными по особой технологии.

Проверив еще раз список Крумпфельда, я с чувством полнейшей справедливости раздал роскошные дворцы и загородные дома сбежавших своим лордам. Кроме армландских и барабантских владык получили свое и те из сенмарийских рыцарей, которые примкнули к моему войску, а самый крупный среди них надел земли получил сэр Арчибалльд Виеннуанский.

Он ахнул, не поверив, глаза расширились, как у девочки, которой подарили лучшую из кукол.

— Сэр Ричард!

— Бери-бери, — сказал я ворчливо, — я же видел, как тебе хочется освободиться от родительской опеки.

Он сказал смущенно:

— Да тут другое...

— А что?

— Мне хотелось доказать, — пояснил он, — что и я бываю хоть иногда прав!

— Ну вот уже и доказал, — сказал я. — Пусть твой отец теперь локти кусает. А твои друзья увидят тоже... Думаю, война вообще-то закончилась. Можешь принимать свои владения и наводить там порядок. Покажись всем, объясни, что хозяин отныне ты, проверь, чтобы, пользуясь отсутствием власти, не расплодились разбойники. Словом, действуй!

— Все сделаю, — пообещал он преданно. — Я докажу им!..
Докажу!

— Докажи, — согласился я. — И отцу... и той, что тебе отказалася.

Он вздрогнул, беспомощно покраснел.

— А вы откуда знаете?

— Майордом должен многое видеть, — ответил я туманно. — Главное, видеть сердца своих людей.

Он поцеловал мне руку и унесся как на крыльях. Я посмотрел вслед, мелькнула мысль, что постепенно втягиваюсь в рутину политических и хозяйственных дел. А как же мои собственные крылья? Свой потенциал не развиваю, нехорошо. Мы ведь все сперва себе, потом — Отечеству. Правда, я среди таких, что сперва — Отечеству или что там пока вместо него, а потом себе, вот и балансирую на двух медленно разъезжающихся балках над пропастью.

Несмотря на страстное желание выбраться за город и поэкспериментировать с полетами, чтобы никто не видел, я не мог выкроить ни минуты свободной. Даже ночью приходилось решать какие-то экстренные проблемы, а под утро, когда все уходили, я сам чувствовал себя слишком измотанным и мог только упасть рылом в подушку для короткого сна.

Горе тому государственному деятелю, который не позаботится найти такое основание для войны, которое и после нее сохранит свое значение. Мне, как считал даже я сам, крупно не повезло, что варвары опередили и первыми обрушились на королевство. Но, к счастью, вовремя хватило подлой хитрости, именуемой дипломатической смекалкой и

государственной мудростью, натиск этих дикарей повернуть нам на пользу.

Но теперь, когда варвары ушли, надо искать другое объяснение оккупации. Я снова и снова разъяснял преимущества нашего пребывания: не варвары, а цивилизованные люди, культурные даже, защищаем надежно, покровительствуем расцвету ремесел и торговли, в наших руках Тоннель, которым не просто разрешаем, а даже призываем пользоваться. Плюс беспошлинная на первое время торговля с северными землями, да это же счастье! По ту сторону Хребта такие простые и простодушные, что их даже обманывать неловко...

Моя пропаганда и управленческие таланты Крумпфельда привели к тому, что первый торговый караван сформировался уже через неделю, после того как мы заняли столицу. Глава совета торговых гильдий попросил выделить им охрану хотя бы до Тоннеля, я признал разумность и отправил крупный воинский отряд, велев отвести до Хребта и немедленно вернуться.

Логирд так ничего и не нашел, к тому же даже если бы отыскал где-то вдали нужный том с подходящими заклятиями насчет зеркальности ударной магии, не смог бы его открыть, как он и сообщил невесело. Поздней ночью, заверив стражей, что хоть сегодня отосплюсь, чтоб никто не тревожил, я в личине исчезника выскоулзнул наружу через окно, со стены перебрался на соседний балкон, а оттуда уже спустился в темноту и помчался из города, который никогда не спит.

Логирд заранее отыскал укромное место не слишком далеко от города, пологий овраг, а на краях высокие деревья. Я захватил, как он и велел, из его лаборатории длинную веревку, чем-то пропитанную или заклятую. Логирд уверен, что такая удержит у причала любой большой корабль, я сомневался, по мне чем толще, тем лучше, но помалкивал и в указанном месте на дне оврага один конец надежно закрепил вокруг высунувшейся наружу скалы, а другой тугу завязал на ноге.

— Лучше вообще петлей, — посоветовал Логирд.

— Зачем? Петля может ослабеть.

— Нога сузится, — предупредил он. — Мне показалось, ваша пернатая нога... нога пернатого попросту выскоулзнет, как намыленная.

— У меня не пернатая, — огрызнулся я.
 — А какая?
 — Вроде бы чешуйчатая.
 — Точно?
 — Не уверен... — сказал я с невольной дрожью. — Знать бы да соломку подстелить... Ладно, не мельтеши. Буду нирванить.

Он затих, я тоже закрыл глаза и постарался поскорее войти в то сладостно-гадкое состояние, когда чувствуешь себя освобожденным животным, раскованным скотом, даже не скотом, а сладострастным насекомым, что не знает запретов и ограничений. Мощь магии идет через раскрытие в тебе древнейших инстинктов, мощь святости — от подавления их в зародыше, от чистоты устремлений духа... Потому между ними война не на жизнь, а на смерть, и не быть в одном мире церкви и магии.

Мысли совсем ушли в другую сторону, я приоткрыл глаз и увидел замершего Логирда, тот не шевелился, хотя и так совершенно бесшумен, старается не отвлекать, странный человек, зависший между двумя мирами.

На каждую дрянь, стукнуло в черепе, найдется защитник. Даже много защитников. И чем больше проходит времени, тем защитников больше. Колумб уже во время второго путешествия обнаружил пиршество людоедов на острове Гваделупа в Малом Антильском архипелаге. Но это были цветочки: конкистадоры в Мексике не поверили глазам, наткнувшись на культ смерти государства ацтеков. Массовые человеческие жертвоприношения, ритуальный каннибализм и вампиризм были главной частью религии. Индейцы не просто истребляли мирных белых переселенцев на Дикий Запад. Они зверски пытали захваченных, вспарывали детям животы и набивали камнями, заставляли связанных родителей смотреть на их мучения и смерть, они сладострастно наслаждались зверскими пытками. После увиденных кровавых ритуалов Кортес посчитал своим нравственным долгом уничтожить эту цивилизацию. Но прошли десятилетия, и вот уже гребаные и, как обычно, малограмотные правозащитники перевернули все с ног на голову и объявили конкистадоров грабителями и убийцами, «разрушивших великие, даже величайшие и высокоразвитые, высококультурные индейские государства ацтеков, майя и ин-

ков». И все громче заговорили о «древнем мудром народе, зверски истребленном колонизаторами», о «высокой культуре» истребленных...

Мать, мать, мать, эти же тупые защитники говорят и о «высочайшей культуре ацтеков», даже не зная, что ацтеки устраивали массовые жертвоприношения даже не пленных, а своего же населения: укладывали на алтари и взрезали животы тысячам и тысячам людей за один праздник!.. И все это празднично, весело, народ ликовал и жадно пил льющуюся сверху по ступеням пирамид горячую кровь жертв.

Я бы этих правозащитников «древних и высоких» культур самих положил на алтари ацтеков. Пусть бы там говорили о высокой культуре обсидиановых ножей, которыми будут вспарывать им грудные клетки! И попросил бы Кортеса не спешить уничтожать эту «древнюю высочайшую культуру», пока она не сожрет всех правозащитников старины.

Кортес, ужаснувшись, как правоверный христианин, всеми зверствами, что творились в империях ацтеков, инков и майя, уничтожил их, с того времени имена ацтеков и прочих остались только в истории.

Это ли не пример, как надо поступать с троллями, гоблинами, кентаврами?

Сквозь горячечные мысли прорвался осторожный голос:

— Сэр Ричард, что с вами?

Я приоткрыл один глаз, призрачная тень, почти невидимая, колышется передо мной.

— А что со мной?

— Я вижу, — сказал он едва слышно, — вы очень далеко в мыслях. И мысли ваши... совсем не способствуют.

— Ты прав, — сказал я с неохотой. — Знаю, что надо, однако что-то противится. Нравственное начало, что ли?

Он поинтересовался:

— А что это?

Я отмахнулся.

— Ладно, проехали... Я бы объяснил, честно, если бы сам понимал. А то только чувствую, что даже у такого урода, как я, оно где-то есть.

Он посмотрел на небо.

- Может быть, перенесем на завтра? Скоро рассвет.
- Неужели, — ужаснулся я, — столько просидел, как пень?
- Честно говоря, — сказал он дипломатично, — несколько больше, чем я ожидал.

Глава 14

С утра я принимал присягу местных лордов, что не ушли с Кейданом, потом утвердил смету на перестройку крепостной стены. Логирд пару раз появлялся, но мне головы поднять некогда, он моментально исчезал. Я успел дважды подумать, что с леди Бабеттой что-то неправильно получается: вроде бы арестовал, но обвинения не предъявил, пытали не подверг, сам ее постельные данные не проверил, пора отпустить, что ли... И вообще высматривать из мест, где стоят мои войска. Во избежание. Я не так стоек, как стараюсь казаться. Святого Антония из меня не получится.

Когда кабинет на минутку опустел, я сказал Логирду быстро:

- Сегодня должно получиться. Выходим, как только стемнеет. Во дворце совру, что болит голова или критические дни. Скажу, чтоб не беспокоили.
- Не побеспокоят, — ответил он. — Вы уже сумели себя поставить.
- Как?
- Не знаю, — ответил он. — Но все чувствуют настоящего сатрапа.
- Ого, — сказал я, — какие слова знаешь. Грамотный гад.
- Есть такое дело, — согласился он мирно. — Буду ждать. Надеюсь, нашу веревку никто не украл.

Он исчез, словно погас свет, я услышал стук в дверь. Появился не дворецкий, а церемониймейстер, что означает иной уровень посетителя. Стоя в открытый дверях боком, он провозгласил громогласно:

- Граф Ришар де Бюэй!
- Я кивнул.
- Проси.

Он чуть сдвинул голову, мимо него прошел граф Ришар, коротко усмехнулся мне.

— Прошу прощения, сэр Ричард! Я сам отвык от таких церемоний. Вы не очень заняты?

— Для вас, граф, — ответил я любезно, — свободен всегда. Какие новости? Садитесь, рассказывайте.

Слуги тут же поставили на стол кувшины с охлажденной сладкой водой, разведенным медом и вином из королевского подвала. Граф безучастно посмотрел на золотые кубки великолепной работы, отодвинул их на край и расстелил карту.

— Смотрите, вот так Сен-Мари выглядит сейчас. Здесь вот мы, я выделил эти территории цветом. Эта часть — анклав Ундерленды, это вот Брабант, а в эту сторону земли, которые захватили варвары. Как видите, там нет линии. Мы не знаем, где они заканчиваются.

— Не дальше, — заметил я, — чем до Хребта. Он опускается прямо в океан.

— Да, верно, — согласился он. — Но какова там береговая линия... Ладно, это не важно. В остальном только две области вне контроля. Ундерленды и крепость Аманье, куда отступил с армией герцог Вирланд Зальский. Какие идеи?

— Пока не знаю, — ответил я честно. — Давайте чуточку выждем. Ундерленды чем-то похожи на Брабант, только там вместо крепостной стены пропасти и провалы. Но оттуда выйти, в отличие от Брабанта, так же трудно, как и войти...

— Верно.

— А вот с крепостью Аманье, — сказал я, — проще. Нужно послать туда армию и попробовать договориться с Вирландом. Хотя тоже не слишком опасен, но... чужая крепость в нашем тылу раздражает.

Он откинулся на спинку кресла, глаза блеснули молодым огнем.

— Предлагаете штурм?

— Пока нет...

— Осаду?

— Сперва подойдем большим войском, — предложил я. — Вирланд уже давно не мальчишка, детскости в нем нет... Воз-

можно, предпочтет сдаться. Конечно, при условии надежных гарантий.

Он поинтересовался медленно:

— Я слышал, он неплохой полководец.

Я позволил себе снисходительную улыбку.

— Чем-то он мне симпатичен, однако ради справедливости надо сказать, что он вообще единственный полководец. Войн здесь вообще не было, потому все так легко легли под нас. А Вирланд когда-то воевал даже с варварами. Правда, про громкие победы я не слышал.

Он кивнул удовлетворенно.

— Нам не помешает хоть одна громкая победа и над сен-марийцами. Грозные варвары, честно говоря, разочаровали. А потом — да, можно повесить меч на стену.

— Ага, — сказал я, — лучшая гарантия мира: закопать топор войны вместе с противником. Конечной целью войны служит мир, как работы — досуг. Нам в самом деле нужно состояние войны еще на некоторое время.

Он вскинул брови.

— Почему?

— Во время войны, — объяснил я, — законы молчат.

— А-а-а, — протянул он, — ну да, мир создается войной. За время войны нужно успеть прополоть это поле. А кое-где и перепахать.

— А потом, — сказал я, — займемся этой, как ее... политикой. Говорят, так же увлекательна, как война. Но более опасна. На войне могут убить только раз, зато в политике...

— Значит, я собираю войско?

— Делайте это неспешно, — предостерег я. — Отправляйте к Аманье малыми отрядами. Пусть располагаются, строят лагерь, демонстрируют серьезность наших намерений. И ждут прибытия основных войск.

— Я выеду с первыми, — пообещал он. — Заодно сразу осмотрю окрестности.

Закон Дарвина о выживаемости работает все так же, мелькнула мысль. Мамонтов и саблезубых перебили, но теперь все в войне со всеми, а люди пострашнее мамонтов.

Воюем мечами, политикой, слухами, сплетнями, деньгами, законами, пошлинами... а еще каждый воюет сам с собой, чего троглодиты не знали.

Жуткий лес, все деревья прямые и высокие, как сосны, у которых ветки только на верхушках. Я наталкивался на их гладкие, словно стеклянные стволы, под ногами трещит, будто бегу по высохшим человеческим костям.

Холмы и вершины деревьев покрылись серебром среди темной ночи. Логирд молча спустился в овраг и застыл над большим камнем, белеющим в лунном свете, как панцирь старой черепахи.

Я вытащил из-под него веревку, руки тряслись от нетерпения, кое-как привязал свободный конец к ноге. Логирд помалкивал, но я чувствовал, как он тщательно сканирует мое лицо, мои движения, расшифровывает мимику.

— Теперь молчи, — предупредил я на всякий случай.

— Я вообще ни слова.

— Вот и не говори.

Я сел поудобнее, прислонившись к осыпающейся стене из глины, закрыл глаза и начал вспоминать все оргии, какие мог припомнить, но что-то не густо, добавил кое-что из фантазий, стараясь сделать их погрязнее, соединяя с образом вампирши, с ее покрытым мехом телом...

Покалывание и жжение начались с пальца, быстро перекинулись на руку. Я стискивал веки до тех пор, пока не услышал восторженно-испуганный голос:

— Получилось!.. даже лучше... Сэр Ричард, будьте осторожны!

В ночной тьме мое тепловое зрение почему-то отказалось, я с трудом видел свои рукокрылья, жуткие в своей отвратительности, мохнатое тело и короткие жилистые ноги с огромными хватательными пальцами, где алмазно блестят когти.

Морду свою не вижу, но красавец еще тот, понимаю. Логирд оказывался то сзади, то спереди, то рассматривал меня с боков.

— Можете попробовать взлететь, — сказал Логирд тихонько. — Но, умоляю, осторожно!

Я взмахнул крыльями, меня рвануло вперед, я упал лицом

вниз. Со второй попытки еще и проволокся мордой по земле. Догадался подпрыгнуть, замахал крыльями чаще, меня потащило вверх, еще и еще, я стремился уйти от опасной земли, как вдруг за ногу дернуло с такой силой, что едва не вывернуло из сустава.

Я заорал от дикой боли, пошел штопором вниз, у самой земли выровнялся и снова взлетел, но теперь в бешеной злобе вгрызся зубами в веревку. Она скрипела на зубах, трещала, но перегрызть не удавалось.

В кровавом тумане, что заполняет мозг, прозвучали слова, что простую веревку я оборву одним пальцем, а эта удержит любого дракона.

В злобе я закричал диким голосом, за ногу снова дернуло, я в ярости замахал крыльями беспорядочно и с силой врезался головой в землю. Раздался треск, потом звон, глаза залило красным, я на некоторое время ослеп.

Кто-то толкал и дергал меня за ухо, я услышал голос:

— Сэр Ричард, поскорее вернитесь!.. Сейчас сюда прибегут!.. быстрее... ох, быстрее...

Я не понимал, что нужно и зачем, но в голове такая боль, что всплыла слабая мысль, а зачем мне это надо, вот получил же по рогам, мало не кажется...

...и почти сразу ощутил, что лежу в неудобной позе на колючей земле. В щеку сильно впились сухие стебли травы.

Голос надо мной прокричал:

— Хорошо! Встать сможете?..

— А помочь влом? — пробурчал я.

Короткий озноб, после чего тело налилось силой, я поднялся, со стороны города в самом деле слышны конский топот, крики. Призрачная тень метнулась вдоль оврага в сторону густых кустов, высунулась, я поднялся и побежал следом.

Мы вломились как двое лосей. В смысле, Логирд проскачивал как тень, а я топал и ломал ветки, как дикий зверь. Так бежали некоторое время, Логирд остановился.

— Хорошо, — сказал он с облегчением. — Не увидели...

Я спросил рассерженно:

— А чего мы убегали?

Он поинтересовался:

— Что? Не помните, как орали?.. Весь город слышал!.. Ваши стражники просто молодцы, сразу выслали отряд. Я видел, как сэр Норберт распоряжался... Кстати, он во главе!

— Молодец, — пробормотал я. — Дам пряник. Оперативно действует. Ты прав, лучше им меня не видеть в моем... падальном виде. Убьют сперва, потом начнут спрашивать, что это. А может, и не начнут, поважнее дел хватает.

— Вам нужно контролировать себя, — сказал он озабоченно. — Пока что верх берет зверь.

— Я уже почти загнал его обратно, — сообщил я.

— Я видел...

В голосе некроманта звучал сарказм, я сказал сердито:

— Вот увидишь, в другой раз веревка не понадобится.

Я прервал себя на полуслове, на краю оврага словно засияло живое серебро. Появились облитые лунным светом всадники. Сэр Норберт, в блестящей чешуе, как огромная рыба, привстал, руку приложил ко лбу козырьком, словно втымь ночи ему бьет в глаза яркий свет звезд.

— Никого нет, — сказал он.

— Спряталось? — предположил кто-то.

— Если так, — решил сэр Норберт, — то пусть прячется.

Которые прячутся, не опасны.

Разведчик справа от него пробормотал:

— Вообще-то крик был такой, будто кричал целый корабль!..

— Убежал, — донесся голос из тесной группы.

— Или улетел, — уточнил другой. — Следов особых нет.

— А вон там кусты сломаны...

Сэр Норберт отмахнулся.

— Там кабан или олень пробежал, а мы ищем что-то огромное и опасное. Мирер прав, чудовище скорее всего улетело. Все, отбой. Возвращаемся!

Он первым повернул коня, мы услышали дробный стук копыт, за ним исчезли и другие всадники.

Леди Бабетта, стучало в черепе. Нужно сейчас переговорить с нею и... что-то решить. Но не держать ее в покоях королевы. Глупо, да и что подумают? Скорее, то, что нужно Ба-

бетте, мне совсем не очень. Все-таки она меня переигрывает, зараза с голыми плечами.

Я тихонько пробрался во дворец, двое из старших слуг вроде бы заметили мое возвращение, хоть я в личине исчезнича, но что делать, это отводит глаза не всем. Однако оба сделали вид, что ничего не замечают. Может быть, я по бабам ходил. Брякни кому, что видели, как майордом пробирается ночью в собственный дворец, можно потерять не только работу.

В коридоре стражи мерно прохаживаются вдоль стен, все в легких доспехах, что не стесняют движений, в руках короткие копья с острыми, как бритвы, лезвиями.

Я снова вспомнил о Бабетте, как вдруг в коридор выбежал запыхавшийся воин, ударился с разбегу о стену напротив, побежал, на ходу вытаскивая меч.

Двое впереди меня сразу выставили перед собой копья. Воин узнал меня издали, бросил меч в ножны. На лице странно менялись отчаяние и облегчение.

— Ваша светлость!.. наконец-то!..

— Что случилось? — потребовал я.

Он по-бабы заломил руки, чуть не падая на колени.

— Ваша пленница...

— Что с нею? Говори быстрее!

Он вскрикнул в страхе:

— Она исчезла!

Воины переглянулись, я ощущил, как в глазах потемнело.

— Как это случилось?

Он прокричал:

— Просто вышла через запертую дверь!.. Там засов, вот смотрите!.. Открывать можно только отсюда, так было сделано по приказу его милости барона Альбрехта... Никто и пальцем не прикоснулся!.. А она вышла, просто вышла! Мы обомлели, я первым схватился за оружие, а она и говорит: надо бы вас в лягушек, но не хочу огорчать милого сэра Ричарда, к которому пылаю неподдельной страстью... Потом улыбнулась еще и пошла по коридору. Мой напарник побежал вниз предупредить, она прошла мимо лестницы и... не поверите, прямо в стену!..

— Что? Ударилась?

— Нет, прошла сквозь камень...

— И не выпала с той стороны? — спросил старший воин с недоверием. — А ну дыхни еще разок!.. Гм, странно, почти трезвый.

— Она не выпала, — вскричал воин отчаянно, — а вылетела!

— В смысле, упала?

— Нет, — сказал страж и перекрестился истово. — Взмахнула руками, те превратились в крылья. И она полетела. Не так хорошо, как птица, но все равно полетела, полетела, а тут луна зашла за тучку, я дальше не видел!

Я постоял, играя желваками и стискивая кулаки, чтобы видели, как я разгневан, но на самом деле чувствовал пустоту и горечь, перемешанную со стыдом и страхом.

Выходит, Бабетта просто забавлялась. Могла покинуть заключение в любой момент. Возможно, ночью и покидала, а потом возвращалась. А когда выполнила то, что собиралась, удалилась очень эффектно, щелкнув на прощание по носу, чтоб не считал себя слишком умным или слишком сильным.

Глава 15

Логирд в нетерпении рыскал по комнате, слушая мой рассказ, исчезал в полу, что мне мешало, хотя знаю, слышит и там, наконец выпрыгнул, как светящаяся медуза, сделал круг по комнате и завис передо мной.

— Вообще-то, — сказал он, — заклинание трансформации не такое уж и редкое. Хотя, конечно, не все, не все...

— Так она волшебница?

Он покачал головой.

— Владение одним заклинанием еще не делает человека волшебником.

— Но она может знать и другие?

— Может. Хотя вряд ли. Скорее, одноразовые амулеты.

— Что тогда делает волшебником?

Он посмотрел внимательно.

— А вы не знаете? Занятие этим делом постоянно, неотрывно. Когда все мысли, чувства и все-все брошено на раскрытие тайн... В народе считают, колдуны и волшебники это те, кто пользуются своей властью... дураки! Это всего лишь...

— Побочный продукт? — подсказал я.

Он кивнул, ухитрившись не смазать ни единую черточку лица.

— Да-да, примерно так. У нас одна страсть — рыть глубже! Нам не интересно применять, нам страстно хочется узнать, что же там дальше. По старым книгам известно, Древние обладали просто неслыханной мощью, а кому не хочется догнать их? Ваша пленница просто обучена одному заклинанию, от силы двум-трем. Вряд ли больше. Это дается непросто, а люди не хотят тратить годы и годы на обучение, им хочется всего и сразу.

— Да, — сказал я, — похоже. Значит, превращаться в летающее могу не только я...

Он посмотрел на мое огорченное лицо, его широкий рот стал еще шире.

— Задело? — спросил с сочувствием. — Сэр Ричард, человек не птица. Ни один не может летать так же хорошо. Но даже если может спрыгнуть с башни или со скалы и, растопырив руки-крылья, не разбиться — разве это не счастье?..

— Но леди Бабетта, по словам стражей, в самом деле улетела.

— Недалеко, — заверил он. — Она должна была опуститься прямо за дворцом. Если бы за нею побежали сразу или внизу проследили за полетом, схватили бы.

— Караван ушел, — сказал я без всякой досады.

Он взглянул внимательно.

— Похоже, вы не очень огорчены.

— Я не знал, что с нею делать, — признался я. — Ладно, я тоже буду летать хреново?

— Это мне и хочется узнать, — признался он. — Вы не просто выучили заклинание. Вы обладаете всей мощью Терроса! Это совсем другой уровень. Во всяком случае, у вас есть шанс, есть...

Я пробурчал:

— Похоже, я туповат. А твои умения во мне еще не пробудились. Может быть, начать с чего-то проще? Что ты умел легче всего?

Он подумал, сказал:

— Хорошо. Попробуем.

...Я делал все, как он говорил подробно и обстоятельно, как идиоту, но уже четвертое существо из мира Древних возникало, как некая бесформенная масса, шевелилось и явно жило. Но то ли я забывал ему сделать легкие, либо сердце, а может быть ноздри, чтобы дышать, но вскоре начинало судорожно дергаться, припадало к земле и растекалось отвратительной жидкой лужей.

К счастью, существо из другого мира не оставляет следов, испаряется, как пролитый на песок спирт, бесследно и беззапашно.

— Не быть мне некромантом, — сказал я. — Слишком умный, наверно.

— Да, — сказал он разочарованно, — вы — рыцарь. Все решаете огнем и мечом.

— Я такой, — согласился я. — Люблю простые решения. Гениальность в простоте, слышал? Это я такой гениальный, хотя самому себе нравлюсь mestами.

Сэр Норберт прибыл лично, что меня сразу насторожило. Собранный, малоразговорчивый, он принял предложение сесть, сразу же сказал:

— Сэр Ричард, поступили сведения, что Вирланд Зальский старательно собирает большое войско. Отряды местных лордов стягиваются к его крепости Аманье. Сам он лично обезжает земли вассалов, требует, понуждает, сулит льготы... Словом, он не желает сидеть тихо, как вы предполагали.

Я нахмурился, развел руками.

— Наверное, я допустил глупость. Вы так думаете?

Он ушел от прямого ответа, сказал уклончиво:

— Стоило самым спешным образом захватывать города и крепости. Пока в королевстве не опомнились.

— Вот-вот, — сказал я горько. — Зря я задержался в Геннегау, дурак. Решил, что если захвачена столица, то захвачено все. Пример Наполеона ничему не научил... Хорошо, сэр Норберт! Сейчас соберем военный совет. Думаю, эту угрозу нужно ликвидировать... если еще не поздно. Вы останетесь?

Он поднялся.

— С вашего позволения, вернусь к своим. У меня двенадцать групп отслеживают передвижения вассальных Вирланду лордов. Да и за самим упрямым герцогом присматривают издали.

— Мы скоро вас догоним, — пообещал я.

Через трое суток, за которые я не знал ни часа покоя, из широко распахнутых ворот города выплеснулся настоящий праздничный карнавал. Широкой рекой потекло настоящее море цветов и красок: рыцари красиво восседают на украшенных красными, оранжевыми, голубыми и вообще всех цветов радуги попонах конях, на стальных налобниках пышные султаны, покрашенные в яркие цвета. Сами рыцари в блистающих доспехах, с плеч ниспадают белые плащи с огромными красными крестами, а на сверкающих как солнце шлемах плюмажи строго такого же цвета, как и на конях, только крупнее и пышнее.

Вперед умчались разведчики и дозорные с наказом к части войск сниматься с лагеря и выступать по направлению к крепости Аманье.

Солнце поднималось навстречу, в сухом воздухе резко проступали изрезанные пещерами старые полуразрушенные горы. Когда-то в них селились и жили столетиями первые попавшие в эти земли люди. Самые нижние пещеры наполовину засыпаны сухим мелким песком, дальше катакомбы становятся глубже и крупнее, но люди ни при чем, горы к старости становятся дуплистыми, как и старые деревья, а пещеры поражают воображение размерами и нечеловеческой красотой.

Я выехал вперед к головному отряду сэра Норберта и уже придумывал предлог, чтобы смыться вправо, влево или вперед, но только не тащиться с ужасно медленным войском, когда увидел, как из расположенного неподалеку села спешно выбегают люди. Некоторые успели нагрузить на телеги домашний скарб, другие везут на двухколесных тележках, но большинство просто поспешно уходит от домов и сараев, захватив котомки и заплечные мешки.

Разведчики остановили и подвели ко мне двух крестьян, все имущество которых помещалось за плечами.

— Что случилось? — потребовал я. — От кого спасаетесь?

Один из крестьян вскрикнул:

— Чудовище!.. Огненный Зверь!..

Я приподнялся на стременах. Рыцари останавливались и, хватаясь за рукояти мечей и топоров, обеспокоенно оглядывались по сторонам.

— Где? — спросил я.

— Уже близко!

— Уже скоро, — сказал второй.

Норберт поглядывал на меня с ожиданием, разведчики струдались, готовые к любому повороту событий. Я стиснул челюсти, я лорд, теперь мне решать, столкнуть на кого-то не получится.

— Вы спрашиваете, — произнес я, — что будем делать? Как будто у нас есть выбор!

Норберт скромно улыбнулся.

— Вообще-то есть.

— Но не у рыцарей, — ответил я со вздохом, хотя нужно было сказать красиво и гордо. — Тем более паладинов.

Норберт сказал со странным выражением:

— Кодекс рыцаря... Все не могу понять, что заставляет меня ему следовать? Вроде бы одни неприятности. Уже волос седой, а ума не нажил...

В нашу сторону, завидев, что остановились, мчались на полном скаку военачальники, даже граф Ришар оставил головную колонну. Люди Норberта подробно расспрашивали крестьян, там собралась уже целая толпа. На вооруженных людей в доспехах смотрели с надеждой.

Подъехал Асмер, за ним Бернард, Асмер с ходу спросил здирристо:

— Что в кодексе рыцаря сказано о чудовищах?

Я отмахнулся.

— Насчет чудовищ — понятно что. Другое важно... Кодекс рыцаря такая опасная штука, даже человека не рыцарственного заставляет рыцарить и даже рыцарствовать.

Асмер вскинул брови в наигранном изумлении.

— Так это же замечательно?

— Только не для государя, — ответил я со вздохом.

Зайчик посмотрел с удивлением, когда я повернул его к группе крестьян.

— Что за чудовище? — спросил я властно. — Вес, размеры, порода?.. Взбесившееся травоядное... ну там бык какой-нибудь огромный, или же предатор?.. Какие особенности на счет скорости, интеллекта?

На меня смотрели с непониманием и обидой, вопросы какие-то дурацкие, будто умный. Рыцарь бы просто сел на коня и помчался навстречу монстру, предатор он или не предатор, выставив перед собой копье размером с бревно или размахивая пудовым мечом.

Я сказал своим, что слушают тоже с недоумением, почти извиняясь:

— Как майордом, я стараюсь лучше узнать диспозицию. От этого зависит, да. И весьма, временами.

Бернард прогудел, поглаживая рукоять исполинского топора:

— Сэр Ричард... нам тоже будет позволено поучаствовать?

— Ага, — ответил я, — будет, будет... Еще как будет! Можете вообще сами, я только побуду сзади, чтобы добить, если чего вдруг...

Он взревел довольно, рыцари заорали и начали потрясать над головами тяжелыми полосами остро заточенной стали. Я смотрел с застывшей улыбкой до ушей, милостиво наклонял голову и снова наклонял, пока не заныла шея.

Один из крестьян вытянул руку.

— Вон, смотрите!.. Уже дым!

Сэр Норберт моментально развернул коня и понесся в ту сторону. За ним, дробно стуча копытами, понеслись на отборных конях графа Ришара его лучшие из лучших.

— И что? — спросил я.

— Огненный Зверь покажется там! — прокричал крестьянин. — В том месте расщелины!..

— А что, — спросил я, — он всегда в разных?

— А ктопомнит? За пятьдесят лет...

Я послал Зайчика вперед, впереди в паре сотен ярдов не земля горит, как мне показалось издали, а дым валит из узкой расщелины. Там уже гарцают на испуганном коне сэр Норберт, с ним пятеро всадников, все с седел стараются заглянуть в щель.

Снизу раздался треск, из расщелины вырвался фонтан огня и устремился кверху. Сильно запахло горящей землей.

— В сторону! — заорал я.

Все послушно отодвинулись, ревущий столб огня выметнулся в небо и рассеялся. Сэр Норберт снова заглянул в щель.

— Эй, — крикнул он, — там кто-то есть...

Земля дрогнула, из глубин донесся треск, края трещины отодвинулись один от другого еще на пару локтей. Я заглянул по примеру Норберта, охнул: снизу поднимается, упираясь в обе стены, нечто огромное, оранжевое, пышущее огнем.

Я лапнул себя за пояс, привычно отыскивая болтеры, стиснул челюсти и удержался от такого же обыденного, но глупого жеста ухватить рукоять меча Арианта.

— Отходим, — крикнул я. — Мы еще не знаем, что там!

Все послушно подали коней назад, но, глядя на майордома, устыдились пуститься прочь, а удерживали испуганных коней на дистанции, что казалась не очень опасной.

Через несколько минут над краем расщелины показалась громадная красная голова. За камень ухватились человеческие пальцы, только огромные, как поленья, и с толстыми загнутыми когтями.

Глава 16

Огненный великан вылез легко, несмотря на громадный рост и вес. Даже на четвереньках он выше меня на Зайчике, а когда разогнулся во весь рост, попятались даже самые неустранимые.

— Сэр Ричард! — прокричал Норберт в тревоге. — Уходим!

— Нам с ним не справиться! — прокричал Бернард.

— С этим зверем из ада никто не справится! — крикнул кто-то.

Испуганные кони попятались, одна лошадь сорвалась с места и, не слушая повода, понесла всадника прочь. Великан оглядел нас пылающими щелями глаз, он показался мне раскаленной глыбой железа, руки и ноги одинаковой длины, туловище квадратное, а голова без ушей и носа, зато пасть исполинская.

Земля задрожала под его шагами, он направился к нам, шаги все убыстрялись. Сэр Норберт прокричал:

— В стороны!.. Врассыпную!

Гигант остановился и в нерешительности вертел головой, затем пошел за самым последним, побежал, земля затряслась, за гигантом оставались следы даже в камне, а земля там горела. Он все ускорял бег, я крикнул арбогастру в тревоге:

— Такой поймет, не вырвешься... Вперед!

Зайчик рванулся, как брошенный катапультой камень. Мы во мгновение ока догнали великана, обошли, я тут же слегка придержал коня. Великан сразу переключил внимание на более близкую добычу и, как приклеенный, понесся за нами. Мне показалось, что ярко-красный цвет медленно сменяется багровым. Я то и дело переводил арбогастра с галопа на рысь, иногда подпускал совсем близко, но испуганный Зайчик делал прыжок, избегая опускающейся лапы.

На меня уже трижды пахнуло смертельным жаром совсем близко, я шепнул Зайчику:

— Давай тем же темпом к реке...

Великан медленно настигал, я опасно придержал Зайчика, а когда сухой жар начал стремительно приближаться, пустил в реку. Огненный гигант в азарте бездумно вбежал следом. Вода зашипела вокруг его ног, но он упорно ломился за нами, дрожащий Зайчик послушно медленно поплыл на ту сторону.

Гигант тупо шел за нами, преодолевая волны. Я его почти не видел в озере кипящей воды и густого пара, багровые руки шарят вслепую, мне показалось, что стали совсем черные, а еще вздываются реже, чем вначале. Наконец за нами двигалась только густая стена пара, все медленнее и медленнее.

Когда она остановилась, я выждал, пока ветер разметает остатки тумана. Зайчик довольно фыркнул. Гигант, уже черный, как обгоревшее железо, недвижимо стоит по плечи в воде, а волны плещут ему в искаженное яростью лицо.

— А мы молодцы, — сказал я Зайчику. — Давай обратно. Из победы местного масштаба надо лепить общенародную.

По берегу реки в мою сторону неслись сэр Норберт и его всадники. Я помахал рукой, мол, помочь не нужна, сам выберусь, они послушно натянули поводья.

Зайчик красиво и гордо выметнулся на берег.

— Здорово вы его! — восхищенно вскрикнул Норберт.

— Это было нетрудно, — ответил я скромно.

— Но... какое чудовище!..

Бернард и Асмер въехали в воду и рассматривали застывшего исполина с удивлением и восторгом.

На вершине дальнего холма толпится народ, многие на коленях, но я не уверен, что молятся именно Христу о защите или уже благодарят о чудесном спасении.

Я помахал им рукой, один из разведчиков сорвался с места и понесся к холму, крича во весь голос, что Огненного Зверя уничтожили, славьте новую власть и ее вождя, который о народе заботится.

— Это хорошо, — сказал я, тяжело дыша. — Сэр Норберт, чувствуется ваша рука в идеологической работе... Сразу надо давать понять, что мы не только налоги будем драть, но и крашнем надежно.

Народ бежал с холма, как муравьи из горящего муравейника. Нас окружили вопящие в восторге, всюду ликующие лица, благодарные взгляды.

Я вскинул руку, все послушно умолкли.

— Слушайте мой указ!.. Как благодетеля и отца народа. То, что сразили — это фигня. Еще бы не... Такой дурак, такой дурак! По нему ж видно... Мы и не таких, по нам незаметно разве?.. Ни о чем больше не тревожьтесь! С такими защитниками, как мы, ваши жены и дочери могут спать спокойно.

Я не понял, почему ядовито улыбнулся барон Альбрехт, а Бернард озадаченно покачал головой, я лишь повысил голос:

— Мы решим эту задачу раз и навсегда! Отныне никакие монстры, кроме нас самих, не смеют ходить по этой земле, топтать посевы, портить скот и ваших женщин! Мы уже взяли этот цветущий край под защиту. Да здравствует новая власть!

— Ура! — закричали в народе.

— Да здравствует!

— Слава!

— Спасибо майордому!

В сторонке группа крестьян дружно закричали:

— Слава героям!

И тут же вразнобой из разных мест толпы закричали:
— Героям слава!

Я красиво и грозно улыбался, расправлял плечи и держал лицо величественным, как на медалях и деньгах... кстати, надо будет подумать... взмахивал рукой, а когда надоело, с той же улыбкой крикнул:

— Ну, вы тут ликуйте, а мы поедем добывать счастье для всех! Для всего человечества. Много и бесплатно.

Вдали уже показались передовые отряды нашего головного войска, на солнце ярко блеснули золотом прапора Будакера, Арлинга, Кристофера, Рикардо, Зольмса...

Я толкнул Зайчика коленями.

— Вперед!

За мной дружно простучала сухими легкими копытами конница сэра Норберта. Он старался держаться рядом, я придерживал Зайчика, сэр Норберт крикнул на скаку:

— Сэр Ричард, как вы собираетесь обезопасить их от Огненного Зверя на будущее?

Я крикнул рассерженно:

— Разве я должен продумывать все мелочи? Я отдаю указания!

— А-а-а, — протянул он, — тогда да...

— Гимнастика мозгов для вас, — крикнул я. — Чтоб кровь и там не застаивалась! Озадачьте магов, инженеров и мудрецов! Если таковые в этой стране есть еще, кроме меня. В смысле, для решения задачи, как тащить и не пуштать. Я не могу позволить ущербить и поколебать свой незыблемый авторитет.

Он сказал быстро:

— Сэр Ричард, как я выяснил, это чудовище нападает каждые пятьдесят лет! Вот уже на протяжении тысячи лет.

Я изумился:

— И что, никто за это время не убил?

— Убивают, — объяснил он. — Но очень редко, все случаи передаются из поколения в поколение. Однажды целым войском удалось взять, хотя он многих побил, второй раз могуций маг оказался поблизости и уничтожил как муху, а еще как-то сам утон в болоте, когда слишком далеко за людьми гнался... Но через пятьдесят лет всегда вылезает новый.

Я фыркнул.

— У них что, так перенаселение проявляется? Впрочем, неважно. Я решаю глобально. Люди должны знать, что через пятьдесят лет ничто больше не вылезет и не порушит их дома. Тогда и строить будут лучше, надежнее! Думайте, как то ли хитрых ловушек наставить, то ли магический забор выстроить. А еще лучше, так это вообще засыпать эту расщелину!

Он ужаснулся:

— Сэр Ричард, как?..

— Откуда я знаю? — сказал я сердито. — Корзинами землю носить!.. На телегах камни возить!.. Пирамиды как-то же строили?.. А я вот, напротив, антипирамидник. Не вверх, а, того, вглыбь. Да, крестьянам такое не под силу, но во время стихийных бедствий везде действуют армию!.. Я не рассматриваю это как локальное бедствие, это национальная... ну, не катастрофа, однако все же вызов моей замечательности.

Норберт оглянулся на всадников, все скачут тесной группой, бдительные и настороженные, как волки, лично отбирал таких, снова обратил ко мне лицо с встревоженными глазами.

— Сэр Ричард, никто из правителей не брался за эту задачу.

— Растиражируйте, — распорядился я. — В смысле, доведите до сведения населения, что я вот такой замечательный и в самом деле забочусь о простом народе. И хотя пока избирательной системы нет, но всенародная любовь лишней не бывает. Лучше работают, если в правителе уверены.

За спиной нарастают грохот тяжелых копыт, нас догоняют на взмыленных конях Асмер и Бернард. У Асмера конь сравнительно легкий, но у Бернарда настоящий рыцарский: в холке на два локтя выше крестьянской лошадки, тяжелый и могучий, как слон.

Я покосился на обоих недовольно, не любят дисциплины и все никак не прибываются к определенному отряду.

— Трещина, — поинтересовался я, — сколько в длину? На пару миль потянет?

— Шесть миль, — ответил сэр Норберт, — три ярда и восемнадцать локтей.

— Прекрасно, — сказал я, — вы просто чудо, сэр Норберт!

От вашего зоркого глаза ничто не ускользнет. Вот уж с разведкой мне повезло... И что, через эту трещину никаких мостов?

Он улыбнулся польщенно, но тут же согнал улыбку и ответил серьезно:

— Увы, да.

Я сказал решительно:

— Тем более нужно принять меры, а это безобразие засыпать. Засыпать, утоптать и поверху проложить дорогу. Можно моего имени!

Норберт кивнул, Асмер и Бернард переглянулись, Бернард спросил с непониманием:

— Имени чего?

— Имени майордома Ричарда Длинные Руки, — сказал я рассерженно. — Самая красивая и вообще лучшая дорога в стране всегда носит имя верховного правителя! А также в каждом городе. Переулки и закоулки моим именем называть нельзя, урон престижу и подрыв авторитета. Сами понимаете...

Бернард пробормотал озадаченно:

— Во наш майордом дает... До такого даже Кейдан не додумался...

— Потому что дурак, — сказал я сердито. — Ладно, отнемим, а то имя слишком длинное.

— А если просто имени Ричарда? — спросил Асмер.

Я покачал головой.

— А вдруг с каким-то другим спутают, помельче? Ну там Ричем Львиное Сердце, Ричардом Гиром, а то и вовсе Третьим, что был неплох, но не я, не я...

Асмер лицемерно поддакнул:

— Да, это точно!

Я посмотрел на него сердито, где-то он уел, а где — никак не пойму, потому ответил на всякий случай надменно и напыщенно:

— Для добродетели ни одна дорога не является непроходимой!

Мы прошли две трети пути, когда вернулись разведчики и сообщили, что дальне земли контролируют крупные воинские отряды противника. Норберт велел всем остановиться и ждать

подхода главного войска. Передовые отряды брабанто-армландского войска идут достаточно быстро, останавливаясь только для короткого отдыха, через два-три дня будут здесь точно. Граф Ришар, как известно, даже на привалах велит сохранять боевой порядок, никакой враг не нападет внезапно.

Я не находил себе места, сэр Норберт посматривал с пониманием, я сказал в нетерпении:

— Не могу протирать задницу в седле без дела! Поеду посмотрю, что там впереди.

— Сэр Ричард!

Я выставил перед собой обе ладони.

— Никаких возражений. Мой конь вынесет из любой пепрятки. Да я и не собираюсь в них встrevать. Не волнуйтесь, граф, я туда и обратно.

Он стиснул челюсти, во взоре негодование, но ответил сдержанно:

— Сэр Ричард, иногда вы ведете себя как избалованное дитя.

— Я и есть избалованное, — признался я. — Простите, сэр Норберт, но я человек в самом деле осторожный! И ни в какую дурь не полезу.

— А как в ней оказываетесь?

Я буркнул:

— Она сама на меня налезает.

Одинокий всадник никогда не выглядит опасным, разбойники нападают шайками. Не обращали внимания и группы конников, хотя, конечно, я замечал их издали и объезжал так далеко, что у них даже не возникало мысли послать за мной людей и проверить, кто я и зачем здесь.

Солнце еще не жжет, прячась то за одним облачком, то за другим, но воздух, сухой и горячий, моментально срывает капли пота и выпивает жадно. Зайчик идет ровным красивым галопом, не слишком быстро, чтобы не влететь сослепу в неприятности, я замечаю и усыпанные овцами зеленые холмы, и стада полутиных коз, чернущих и ловких, как хищные звери, а также заполненные утками и гусями озера и пруды, фруктовые сады.

Мы быстро проскочили пару деревенек с непривычными для армландцев домами с плоскими крышами, где под жарким солнцем высушиваются для зимы фрукты. Дорога резко пошла вниз, по обе стороны поднялись стены ущелья, однако впереди ущелье расширяется и выводит на простор...

Я смотрел вперед, как вдруг впереди в землю с силой вткнулась стрела, а сильный голос прокричал:

— Остановись! И замри, если жизнь дорога!

Я послушно натянул повод. Из-за камней появились бородатые и лохматые люди в изорванной одежде, сбежали вниз и загородили дорогу. Двое выставили короткие пики, а третий с настоящим щитом и мечом, массивный и кряжистый мужик с разбойниччьим лицом и разбойниччьим видом упер руки в бока и оскалил щербатый рот в усмешке.

Сзади зашелестели мелкие камешки, с горы сбежали и преградили путь к отступлению еще трое. Я посмотрел на них, повернулся к тем, что впереди, с мечом и щитом явно вожак.

— Ребята, — спросил я в недоумении, — что с вами? На солнце перегрелись? Да, оно здесь непростое, пожили бы на севере... Одно дело нападать на толстопузых купцов или какого-нибудь пьяного аристократа, возвращающегося с попойки... но на рыцаря?

Вожак возразил:

— Рыцари сами промышляют, как и мы, грабежом. Только грабят по-крупному, а мы по мелочи. Ваша милость, отдавайте кошелек — разойдемся мирно. Ваш конь останется при вас. Как и ваша жизнь.

— Неплохое предложение, — ответил я. — Деловое, взвешенное. Если буду драться, то рассчитываете забрать все, но не хотите терять своих людей?

— Верно, — сказал вожак. — Вы, ваша милость, даже вот так, когда все на вас, все равно завалите одного, а то и двух. А я не люблю потери. Потому лучше меньше, но разойдемся мирно.

Я спросил:

— Полагаете, я не прорвусь?

Он ответил дерзко:

— Полагаю. Посмотрите наверх!

Я задрал голову. Метрах в десяти повыше из-за укрытий вышли четверо с натянутыми луками, стрелы уже на тетивах.

— Да, — согласился я, — это аргумент.

Вожак сказал увереннее:

— Если бы мы хотели просто убить и ограбить... Нет!

Просто отдайте кошель.

— А если у меня в кошеле пусто?

Он развел руками с мечом и щитом.

— Тогда придется забрать коня. Зато жизнь не заберем!

Я вздохнул.

— Что делать... Я хоть и демократ, и хорошо понимаю необходимость налогов, особенно таможенных... а вы вроде таможни...

— Че-че? — переспросил он обалдело.

— Перераспределение средств, — сказал я понятнее, — уравнивание доходов для снятия социальной напряженности... но я еще и этот дурацкий рыцарь, никак не изживу в себе это... Так что ребята...

Я вздохнул еще тяжелее, одновременно двинул вперед Зайчика. Тот рванулся, я выхватил меч. Вожак успел вскинуть над головой руки со щитом и мечом, глухо звякнуло, лезвие прошло сквозь щит, разметав в щепки, и рассекло голову до нижней челюсти.

Три несильных удара в спину, я развернул коня и, вскинув меч, заорал:

— Прекратить стрельбу!

Как ни странно, послушались, двое даже опустили луки, хотя стрелы на тетивах готовы слететь в любой момент. Сбитые конем копейщики ползают в пыли, охая и хромая, собирают выпавшее оружие.

— Тихо всем, — сказал я громко. — Вот что, ребята, вы остались без вожака... От клятвы служить ему теперь свободны. Если хотите драться... ладно, можно. Но лучше вам уйти без драки. Преследовать по своей бескрайней и непонятной доброте не буду. Надо бы ограбить, конечно...

Один из разбойников, выплевывая кровь изо рта, прoshамкал:

— Ваша милость, у нас ничего нет!.. Два дня не ели...

Я отмахнулся.

— Грабить не буду, я же сказал. Хоть и жажду. Но понимаю, покуражиться хочется, а я обещал взросльеть и мудреть. В смысле, мудреть, так как возмудел я раньше возмудрения... Все. Свободны!

Они бросились карабкаться вверх по склону, я пустил Зайчика по дороге. В спине чесалось, одна из стрел все-таки пробила легкий кожаный панцирь, сейчас в том месте рассасывается шрамик.

Глава 17

Дорога проходила через села, на меня поглядывали настороженно, как на всякого сильного человека на коне. Вон и меч за спиной, и лук, такой может ограбить, изнасиловать, обидеть до того, как прибудет стражи. Я широко и дружелюбно улыбался, и все быстро успокаивались. А о том, что так далеко может забраться сам ужасный Ричард Брабантский, один и без свиты, никому не придет в голову.

По дороге я собрал с помощью амулета несколько золотых монет и даже отыскал небольшой истлевший сверток в глубоком дупле. Десяток золотых монет и с полсотни серебряных весьма и даже весьма при моей расточительности.

В ближайшем трактире вкусно поел, заодно узнал, что недавно здесь побывал сам герцог Вирланд. Набрал людей для войска, щедро заплатил, а сейчас отправился в соседнее баронство, там бездельничающих много.

Во дворе пара мужиков собирала с земли третьего, он стонал, хрюпал, выплевывал выбитые зубы и что-то выкрикивал вместе с выплескивающейся изо рта кровью.

— Тяжело стало воровать? — посочувствовал я. — Может быть, зарабатывать легче?

— Ваша милость, — прохрипел он. — Я только посмотреть вашего коня...

— А-а, — сказал я, — просто научная любознательность? Ребята, проверьте, если размах усов таракана равен длине его носа — он в самом деле любознательный. Если нет... можете отдать властям. Пусть не ворует, Его Величество король Кей-

дан не любит конкурентов! А вы все запомните, сколько у короля ни кради — все равно своего не вернешь!

Зайчик пошел галопом, я довольно покачивался в седле, приятно как от хорошего обеда, так и сознания, что хоть по мелочи, но подгадил Кейдану.

Земли нужного мне баронства за рекой, мы с Зайчиком форсировали ее на такой скорости, что я едва-едва замочил подошвы сапог. В ближайшем селе мне сообщили, что герцог да, был, смотрел, отобрал крепких парней, аванс выдал тем, кто немедленно присоединится к войску.

Мое мнение о герцоге резко упало, но когда въехал в город, там узнал, что по его велению весь гарнизон отборных воинов во главе с отрядом рыцарей немедленно вышел из бараков и в полном вооружении быстрым маршем отправился к крепости Аманье.

— Молодец, — пробормотал я. — Рыцари, как ударная сила, мужички с топорами — вспомогательная сила для добивания... Грамотно. Да только я в других школах учился...

В шестом селе сообщили, что герцог встречался с местными лордами, о чем-то договорился и тут же отбыл обратно.

— Да что это я за опоздун такой, — сказал я с досадой. — Зайчик, нужно догнать! Мы выполнили только половину задания, которое нам дал великий и несравненный майордом, грозный, но справедливый.

Он всхрапнул и наддал, промелькнули заросли дикого шиповника, я уловил сильный пряный аромат, бросились с дороги мелкие зверьки, терзающие тушку дохлого барана. Ниже в долине пошли холмы, старые раскоряченные дубы стоят рядами вперемешку со слоистыми террасами, похожими на лепешки во множество слоев. Толстые лозы винограда опускают плети с ягодами на дорогу...

Впереди караван верблюдов, высоких даже рядом с Зайчиком. На меня и аргогастра посмотрели с доброжелательным безразличием темными равнодушными глазами. Я обогнал длинный ряд, впереди на ослике едет, загребая землю длинными ногами, смуглый блондин с цыгански-черными глазами.

Я крикнул:

— Эй, караванщик? Здесь проезжали рыцари?

Он вежливо поклонился.

— Да, ваша милость. Очень важные рыцари! Богатые и грозные. Большой отряд. Совсем недавно обогнали.

— В какую сторону?

Он вытянул руку.

— Во-о-он еще пыль не осела...

— Спасибо, — крикнул я.

Зайчик снова наддал, вскоре мы начали догонять скачущий отряд человек в двадцать. По узкой дороге вытянулись в линию и несутся во весь опор, спеша вырваться на простор и снова собраться в компактную группу. Вирланда я не рассмотрел, явно во главе, потому догнал и скакал рядом с задними, но никто не обращал внимания: дорога узкая, крутая и каменистая, все напряженно вглядываются в очередной поворот, страшась не совладать с конем на такой скорости.

Я ухватил заднего за плечо и рванул на себя. Он ударился о землю, его понесло по камням, конь без седла начал замедлять бег. Я догнал следующего, этот раскрыл рот для вопля, когда я ухватил его за плечо. Я оглушил его ударом в голову, рывок — он полетел под копыта своего же коня так же изысканно и красиво.

Начиная с третьего я для надежности глушил, как рыбу, хорошим ударом по голове и уже потом выбрасывал из седла. Так передвигался все ближе и ближе к голове колонны, пока не рассмотрел спину Вирланда.

Осталось всего пятеро, я удвоил осторожность, однако дорога все так же петляет, под ногами до и дело валуны, кони вынуждены прыгать, из стены часто торчат жуткие корни, надо успеть пригнуться, иначе сорвут голову, и я, вышвырнув из седел могущих помешать, без помех догнал Вирланда.

Он покосился на меня, когда нас осталось двое, да и то лишь потому, что я на огромном черном коне резко отличаясь от его воинов.

Я крикнул весело:

— Как жизнь, сэр Вирланд? Хорошая погодка для прогулки?

Он даже не испугался, в глазах непонимание, посмотрел снова на дорогу впереди, догадался оглянуться. Только теперь его тряхнуло, смертельная бледность начала заливать лицо.

Я дотянулся и ухватил его коня за узду.

— Слишком уж скакет, — объяснил я, — по такой дороге можно и голову сломать... Или вам уже все равно?

Он схватился за рукоять меча, взгляд устремлен на мою руку, словно вот так можно ее отрубить и примчаться в замок с вцепившимися в узду пальцами, но тут же отдернул.

Наши кони перешли с галопа на рысь, я разжал пальцы, возвращая коню свободу.

— Что... вы... хотите? — проговорил Вирланд с трудом.

Я растянул губы в злой усмешке.

— А вы как думаете?

— Вы, — проговорил он с трудом, — человек непредсказуемый.

Он начал сдерживать бег коня, словно бы для того, чтобы лучше вести беседу, но сам непроизвольно то и дело старался посмотреть назад.

— Это похвала? — сказал я. — Ладно, буду расценивать как похвалу. Я все стараюсь толковать, как вы заметили, в лучшую сторону. Для себя, конечно.

— Это я давно заметил, — ответил он хмуро. — Вы немало поживились в Брабанте, как я слышал.

Я улыбнулся широко и открыто, как старому приятелю.

— Сэр Вирланд, вы еще не знаете мои подлинные аппетиты!

— Начинаю догадываться, — пробормотал он. — Майордом...

— И гроссграф, — сказал я, — и коннетабль, и, не поверите, даже маркиз...

Он поглядывал искоса, с предельной настороженностью на лице и в глазах.

— Пожалуй, поверю.

Я сказал с чувством:

— Сэр Вирланд, не буду скрывать, мне очень приятно вас видеть!.. В том сонме пустоголовых придворных, что окружали короля, вы были как луч света в темном царстве кабаних. А еще вы прекрасно сдерживали натиск той высокорожденной черни, что с каждым днем все больше распалалялась похотью.

Он кивнул.

— Лето было жаркое, а ночи душные.

— И много перченого мяса на ночь, — согласился я. — Но вы как-то выстояли. И других, что удивительно, удержали.

— Я защищал интересы Его Величества.

— Вы служить ему не переставали, — согласился я. — Ни на миг. Даже когда протестовали против некоторых его... скажем очень мягко, необдуманных решений.

Он снова кивнул.

— Я и остаюсь его верным вассалом.

Я улыбнулся еще шире, наши кони почти остановились, я дотянулся и ухватил его коня за узду. Зайчик сразу же пошел рысью, перешел на галоп. Мы промчались некоторое время, потом я медленно выпустил повод. Вирланд посмотрел на меня кисло, но больше сбрасывать скорость не стал.

— Как приятно, — сказал я с подъемом, — встретить человека с таким развитым чувством чести! Мне всегда лестно вести дело с рыцарем, потому что, как вы уже могли заметить, мое войско состоит только из рыцарей. Даже простые ратники и те родились и воспитаны в духе рыцарского мира и рыцарских отношений... Кстати, сэр Вирланд, я очень надеюсь, вы учтете некоторый момент наших прошлых отношений.

Он насторожился.

— Что вы имеете в виду?

Я развел руками.

— Когда вас было много, а я один... помните? Я все же сумел устоять. Как минимум, устоять.

Его лицо напряглось, затем как-то разом осунулось, постарело, в глазах погас блеск.

— Понимаю. Сейчас за вашими плечами большое войско, а у меня — горстка. Но вы тоже совершили ошибку.

— Знаю, — сказал я. — Не двинулся сразу на вашу крепость и не сокрушил в бою! Тем более что мои рыцари крайне разочарованы такой неинтересной войной с варварами и жаждут кровавых рыцарских сражений.

Он сказал сухо:

— К моей крепости стягиваются все силы Сен-Мари! Собственно, уже стянулись. Я всего лишь торопил опоздавших.

— И много их? — спросил я невинно.

Он покачал головой.

— Хотите узнать военные тайны? Извольте. Наши силы таковы, что можно и не скрывать. Двенадцать рыцарских отрядов уже идут к Аманье! А там встретит королевский полк, который Его Величество оставил мне в полное распоряжение.

— То есть, — уточнил я, — говоря нормальным языком, удирал так, что все бросил. Не спорьте, благородный сэр Вирланд, мы оба понимаем, как это было на самом деле. Королевский полк плюс двенадцать рыцарских отрядов.

Он сказал снова сухо:

— Это уже второе больше людей, чем у вас. А еще идет со стороны побережья полк Альбатросов, это вообще люди, постоянно воюющие с пиратами.

— Сэр Вирланд, — сказал я дружески. — Моя армия тоже идет к Аманье. Будет еще та сеча!.. Но, честно говоря, предпочел бы избежать. Нет во мне что-то драчливости! Давайте договоримся на каких-то условиях, а?

Он криво усмехнулся.

— Разве что сдадитесь в плен.

Я сказал сокрушенno:

— Насколько же я, оказывается, добре... Я вам хотел было предложить сотрудничество.

— Предательство? — уточнил он холодно.

— Можно быть верным человеку, — возразил я, — а можно — стране. Кейдан — это еще не королевство.

Тесные скалы расступились, мы выметнулись на простор, далеко впереди поднялась огромная крепость, сердце мое охнуло и пошло уже не колотиться, а затрепетало, как крылья испуганной бабочки. Станный город-крепость расположен на гигантской белой платформе из литого камня. Сама платформа сияет белизной, как зубы младенца, а город на ней — черный, как ночь, лишь изредка на острых углах блеснет искра, как на сколах антрацита.

Я оглянулся, далеко клубится пыль, иногда проблескивают искры на доспехах и обнаженных мечах.

— Это и есть Аманье? — спросил я.

Он гордо кивнул.

— Да. И еще ни один воитель не переступил линию ворот без разрешения хозяина!

— Неплохая предыстория, — согласился я. — Теперь я понимаю, почему вы так уверены... Правда, город слишком член, а это цвет траура. Хотя красное на черном будет красиво, скажу как эстет. Хорошо, сэр Вирланд! Увидимся на поле боя.

Он приподнял руку в рыцарском салюте.

— Увидимся.

— Не ругайте своих телохранителей, — сказал я с лицепримечательным сочувствием. — Они хороши... для сенмарицев.

Глава 18

Солнце опускалось к краю земли, Зайчик идет ровным мощным галопом, красивый и неутомимый, впереди грозно заблистали рассыпанные по степи искры, словно там разбилось сердце Данко. Еще дальше желтая полоса пыли, подсвеченная заходящим солнцем.

Разведчики сэра Норберта перехватили меня на полдороге и почтительно проводили к шатру графа Ришара. Вокруг стражи с обнаженными мечами, а военачальники, как муравьи с грузом, ныряют вовнутрь, пригибаясь у низкого входа, но обратно никто не выходит, словно граф их там же и закапывает.

Передо мной почтительно откинули полог, граф Ришар увидел меня сразу и сказал с заметным облегчением:

— Великолепно! Сэр Ричард ухитряется появляться в самые важные моменты. Надеюсь, он что-то расскажет значимое, что внесет изменение в диспозицию?

Военачальники вскакивали, лица счастливые, словно я вот враз решу все проблемы. Я сел, провел пальцами по волосам.

— Рассказывать особенно нечего, — ответил я. — В смысле, радостного. К сожалению, Вирланд времени не терял. Войско начал собирать, как понимаю, еще для отпора варварам. И как раз закончил стягивать к крепости отряды вассальных лордов.

— Пойдут под отдельными знаменами? — спросил Ришар быстро.

— Вряд ли, — ответил я. — Вирланд — старый волк и хорошо понимает, что значит дисциплина. Думаю, вообще не

приглашал тех, кто захотел бы воевать самостоятельно, мешая остальным.

Военачальники обиженно зашумели, после всех побед теперь готовы шапками закидать кого угодно, Ришар постучал рукоятью ножа по столу.

— Тихо-тихо!.. Каким бы ни было его войско, мы не должны потерпеть поражение.

Барон Альбрехт сказал негромко и жутко:

— Нам нельзя проигрывать! Мы в чужой стране.

К полуночи я ощутил, что в черепе начинают гудеть пчелы. На столе кроме листа пергамента, по которому двигаем отряды, целый ряд чашек с кофе, хотя сэр Растер время от времени напоминал насчет винца, которое так освежает голову, так освежает...

— По-моему, — сказал я, — мы уже повторяемся. Давайте придерживаться предложенного плана. Сэр Максимилиан, вы все поняли?

Он вскочил, глаза горят восторгом.

— Сэр Ричард! — голос его дрожал и вибрировал. — Я всю жизнь готовился к этому моменту! Я так обучал своих осталопов, так обучал...

— Видел, — прервал я. — Они хороши. Словом, действуем, как я определил стратегию. А тактику... это можете проверить еще несколько раз.

Я вышел из шатра, провожаемый обиженными взглядаами. Даже граф Ришар покачал головой, но промолчал. Впервые я вмешался в планирование битвы так резко и поменял всю диспозицию. И если бы не наработанный громадный авторитет, такого ломателя устоев сражений наверняка сместили бы с должности главнокомандующего.

Свежий воздух после спретого в шатре освежил лицо, а в черепе начал затихать гул. Луна светит в полную силу, однако небо кажется еще темнее и трагичнее. Вокруг луны слабое священное кольцо, а если присмотреться, то вокруг еще одно, едва заметное. Звезды по-южному яркие, крупные, как сверкающие алмазы в медальонах знатных лордов и в серьгах их жен.

Я подсел к одному из костров, воины почтительно притихли. Из темноты донесся едва слышный стук копыт, уси-

лился, вынырнул на красном в свете костра коне молодой воин в легком доспехе.

— В нашу сторону, — торопливо доложил он, не покидая седла, — двигается какое-то войско!..

Из шатра начали выбегать рыцари. Граф Ришар немедленно прокричал, словно только и ждал такого известия:

— Всем разойтись к своим отрядам!.. сэр Тамсуд, сообщите сэру Будакеру, они вон за той рощей.

— Будет сделано!

Гонец исчез, а Ришар повернулся к людям у костров.

— Гасить огоны!.. Все по коням!

Огонь быстро затоптали, и только теперь все увидели, что небо светлеет, а на востоке край земли начинает робко алеТЬ. Люди торопливо вскакивали в седла, но стук копыт звучал приглушенno. Никто не несся галопом, голоса слышатся тихо, размытые силуэты пеших и всадников отступают почти беззвучно и пропадают в полумраке.

Я вскочил на Зайчика, с высоты седла рассмотрел, напрягая зрение, как отряды один за другим направляются к дороге, а затем двинулись по ней, заполнив от края до края, пока еще серые, но как только взойдет солнце и проявятся краски, мое воинство заблистает и даже заблещет, яркое и красивое, словно все вырядились на большой и веселый праздник.

Когда на востоке вспыхнули облака в небе, со стороны противника примчался сэр Норберт. Я чувствовал, как сердце начинает колотиться суматошно, а колени холодают от страха.

Норберт прокричал, не покидая седла:

— Большое войско!.. Прямо на пути!

Рыцари хватались за рукояти мечей, хотя до столкновения еще полдня пути, я спросил быстро:

— Сколько их?

— Судя по знаменам, всего три полка. Но дальше пыль до самого горизонта!

Граф Ришар досадливо крякнул.

— Успел Вирланд... И даже от крепости войска выдвинул навстречу. Зачем? Так уверен?

— Возможно, — ответил я настороженно, — что-то у него в рукаве... Вообще-то он человек осторожный и осмотрительный.

Ришар кивнул.

— Под стенами крепости ему сражаться было бы удобнее.
Непонятно...

Я повернулся к военачальникам.

— По коням!

Оруженосцы подвели коней бегом, рыцари вскакивали в седла с не свойственной им торопливостью. Возле меня вскоре остались только оруженосцы, отец Дитрих и несколько священников. Граф Ришар оглянулся на меня, я кивнул, он пришпорил коня и унесся к головным войскам.

Вокруг меня нарастал тревожный подъем, сердце бьется чаще и сильнее, потому что стучат копыта, гремит боевая сталь, все возбуждены в ожидании смертельной схватки.

Я выехал к сэру Норберту, перед нами расстилается ровное и хорошо утоптанное поле, словно нарочито укатанное для жестоких сражений больших масс. Дальше обрывается темным лесом, как показалось вначале, потом я сообразил, что там остановилось огромное войско противника, сейчас закрытое тенью.

Тучка уползла, и на той стороне засверкало мириадами искр обнаженное оружие, доспехи, конская сбруя, золотые шпоры, расцвели дивными цветами богатые одежды рыцарей, придворных, военачальников и даже рядовых воинов.

Мне казалось, что войско Вирланда в ожидании нас остановилось, однако это им на пути попался небольшой холм, сильно покатый, и я видел, как он медленно темнеет, будто туча наползает на солнце. Приглядевшись, я рассмотрел сотни всадников, что, как кочевые муравьи, двигаются неспешно и упорно, держа остриями кверху длинные копья.

На лбу выступила испарина, передние ряды рыцарского строя все как на подбор могучие и рослые исполины, кони под ними в броне, злобно зыркают из-под стальных налобников и часто выдыхают пар из ноздрей. По мере того как наши войска сближались, я с тревогой рассматривал гербы с львами, грифами, тиграми и леопардами, а также дикими вепрями и разъяренными медведями. Вирланд где-то ухитрился набрать действительно яростных воинов, с такими драться будет очень не просто.

Арчибалд Виеннуанский, сын герцога Фуланда, громко рассказывал, кто есть кто во вражеском войске, называл имена, победные схватки на турнирах, размер земельных угодий и количество кнхтов, которые может выставить. Выходило, Вирланд ухитрился на своей части не оккупированной нами земли собрать войско, втрое превышающее наше по численности.

Тревога все сильнее грызла мне грудь. Я выехал к сэру Норберту, что бесстрашно удалился от нашего войска и внимательно всматривался в стройные ряды противника. В центре двигаются неустранимые и могучие рыцари Валласа, земли Оруненса, слева виклендцы, справа — воины из владений могучего и сказочно богатого барона Кубирда, дальние сборный отряд героев, что сошлись к Вирланду на его зов из самых дальних концов Сен-Мари...

Я охнул, сердце на мгновение остановилось. На левом фланге конницы расположился с боевыми дубинами в руках отряд троллей. Даже пешие они не уступают в росте всадникам на великанских рыцарских конях, а их дубины в рост человека.

— Вот он, — сказал сэр Норберт гробовым голосом, — сюрприз.

— Боюсь, — ответил я, — что не последний. Пошли гонца к отцу Дитриху. Пусть немедленно начинают святую литергию. Нужно развеять все чары и обезвредить колдовство.

Он спросил встревоженно:

— Вы чуете? Разве он поступит так не по-рыцарски?

— Вирланд, — сказал я зло, — политик в первую очередь, рыцарь — в последнюю. Если можно победить с помощью подлости или магии, прибегнет к ним немедленно! Только назовет их благородной военной хитростью.

Норберт послал сразу двух гонцов, я всматривался в этих зеленокожих, которых уже и так обрек на полное истребление. Собственно, когда начнется кровавая битва, там перестанешь различать, где тролли, где люди. Да и как отключишь, в бою все мы — тролли, а людьми становимся совсем в других случаях.

Чаще всего, мелькнула горькая мысль, большинство всю жизнь так и проживают, не подозревая, что живут тролями, а не человеками. Может, оно и к лучшему, нет разочарований.

Монастыри, монастыри надо строить! И побольше школ

открывать при них. Грамотный — уже не тролль. Или почти не тролль. Грамотному труднее соскользнуть в тролльство, а выкарабкиваться легче.

Я выехал довольно опасно вперед, меня можно достать градом стрел, повернулся к своему войску. На меня смотрели внимательно и с ожиданием, а в спину, я чувствовал, уперлись злые и недоумевающие взгляды воинов Вирланда.

Я вскинул руку и закричал громко, чтобы услышали все или хотя бы большинство:

— Господи! Творец наш Всемогущий! Я знаю, и ты знаешь, на чьей стороне правда. Ты знаешь, кто бьется за истину, а кто стремится затемнить свет христианской веры. Но на этот раз будь не за нас и не за них! Пусть надменный Вирланд увидит доблесть наших войск и ощутит тяжесть наших рук!

Я слышал, как громко проревел Растер, он в числе военачальников впереди войска:

— Вот слова настоящего рыцаря!..

— Если бы их еще услышал Вирланд, — сказал барон Альбрехт громко.

— Ему передадут, — донесся бодрый и звенящий от напряжения голос Макса. — Передние ряды его воинов слышат каждое слово сэра Ричарда! И тут же передают дальше, видите?

Барон Альбрехт проворчал встревоженно:

— Да, но... как бы это не укрепило их дух.

— Наш укрепит, — сказал сэр Растер уверенno. — Еще как укрепит! Каждый знает, что потом сможет хвастаться участием в великой битве, перед началом которой сэр Ричард просил Бога не вмешиваться!

— И не помогать нам, — уточнил барон. — Это уж чересчур, но... надеюсь, он продумал эти слова и.... последствия сказанного.

— Бог?

— Сэр Ричард.

— Ну, за сэра Ричарда я уверен! Как он все повернулся, что мы явились не захватчиками, а освободителями!

Я чувствовал, как кровь струится все жарче, пока не вскипела в жилах. А руки начали подрагивать от жажды ухватиться за рукоять меча. Я видел, как суровеют лица рыцарей и про-

стых воинов, на этот раз против нас не варвары, что хороши только в яростном натиске, а настоящее рыцарское войско, блестяще вооруженное, обученное и воевать явно умеющее.

В передних рядах, которым первыми скрестить оружие, воины начинают дышать чаще и прерывистее. Лица багровеют, словно вот-вот хватит удар, то один, то другой начинают страшно хрипеть, стремясь поскорее в жестокую сечу, где можно будет рубить, колоть, рассекать и опрокидывать побежденного противника.

Передний ряд рыцарской конницы Вирланда наклонил копья, тяжелые кони пошли шагом, похожие на закованных в сталь чудовищ, затем рысью. За ними двинулся второй ряд, третий, четвертый. А первый уже несется галопом, продолжая набирать скорость для страшного таранного удара, когда даже закованный в толстую сталь всадник вылетает из седла, словно выбитый палкой орех.

Земля задрожала, застонала, затем был только тяжелый ровный гул от тысяч копыт. Сэр Раster вскрикнул горестно:

— Ох, сэр Ричард... Ну зачем вы поставили впереди пеших ратников Макса? Их же растопчут, вобьют в землю...

Барон Альбрехт сказало резко:

— Изменять уже поздно!

Кнехты под началом Макса орали и выкрикивали оскорбления в адрес вирландцев, лучники из задних рядов пускали стрелы, что не причиняли вирландцам никакого вреда, вообще не долетали.

Тяжелая конница все набирала и набирала разбег. Земля уже не дрожит, не вздрогивает, а стонет под немыслимой тяжестью. Рыцари несутся тесным строем, стремя в стремя, длинной цепью, а за ними второй ряд, третий, четвертый, пятый...

Я видел, как Макс что-то орет и размахивает мечом. Ветер донес его крик: «По моему слову!... Не сметь...»

Глава 19

Тяжелая конница продолжала набирать скорость. Кони едва не падали под весом собственной брони и закованных с головы до ног всадников. Теперь это несется лавина, что сме-

тет все пешее войско Макса и не заметит такой малости, а дальше врубится в строй наших конных отрядов...

И когда казалось, что это случится в следующую секунду, Макс взмахнул мечом и выкрикнул одно-единственное слово. Все его кнекты разом выронили щиты и топоры, наклонились и подхватили в одно движение огромные длинные копья, почти вдвое длиннее, чем рыцарские, и толще.

Тупыми концами моментально уперли в землю, и в следующий миг на их длинные стальные острия налетела эта живая лавина. Даже стальные доспехи лошадей не могли уберечь, когда на скорости всем весом напарывались на эти копья. Страшно кричали кони, орали в ужасе и от неожиданности сенмарицы, кони бились в судорогах и выбрасывали их из седел.

Арбалетчики хладнокровно расстреливали с близкого расстояния, лучники тоже, оказывается, умеют стрелять гораздо лучше, чем показывали в начале схватки. Перед сомкнутыми рядами пехоты образовался вал из упавших рыцарей и придавивших их коней в тяжелой броне. Кони кричали и беспорядочно били во все стороны копытами, не в силах подняться. Сверху рушились все новые и новые тяжеловооруженные и закованные в сталь, не в силах остановить бешеный бег коней, а сзади напирали новые всадники, сбиваясь в беспорядочную кучу.

— Лучники! — кричал Макс. — Не спать!

Глаза его пылали боевой яростью, лицо разрумянилось. Он видел сам, что именно его пехота остановила страшный удар бронированной конницы, и понимал, что наконец-то поймут и другие, что посмеивались над его увлечением.

Тучи тяжелых стрел обрушивались на остановившихся всадников. Там вскрикивали, склонялись к лукам седел или падали под конские копыта. Кто-то пытался вскинуть над головой щит, но толстый и тяжелый рыцарский щит, приспособленный выдерживать страшный удар копья, не в состоянии закрыть все тело, рыцари вскрикивали, раскачивались в седлах, натягивали поводья. Кони поднимались на дыбы и страшно молотили копытами по всему, что попадалось в жуткой тесноте.

— Не останавливаться! — кричал Макс. — Копейщики — шаг назад!

С трудом выдергивая копья, а некоторые так и оставив в телах, копейщики первого ряда отступили, а второй стал первым. Сзади передавали новые копья, я видел, что лишь от копий и стрел полегло уже около сотни рыцарей, а у Макса нет даже раненых.

— Креси, — произнес я в сильнейшем волнении. — Это мое Креси...

— Что? — переспросил граф Ришар.

Я отмахнулся.

— Потом, потом... Эх, лучников бы еще...

С другой стороны лорд Рейнфельс охнул:

— Куда уж больше? Эти гады перебили бы всех, не дав нам скрестить мечи в жарких схватках, блеснуть удастью и доблестью, красиво пролить кровь, свою и чужую!

— Да, — пробормотал я, — да... действительно, какие сволочи...

Далеко на холме Вирланда пропели трубы. Кавалерия другого полка сдвинулась с места и пошла набирать скорость, заходя с правого фланга. Макс закричал, я видел блеск его меча.

Часть копейщиков красиво и слаженно повернулась в сторону скачущих. Копья они держали остриями вверх, и семнадцати явно показалось, что успеют достигнуть и стоптать, как стадо вепрей топчет поле, прежде чем те сообразят...

Макс крикнул, копья разом наклонились в сторону скачущих. Почти одновременно все копейщики заученno уперли тупой конец в землю и притопнули ногой. Всадники, уже не в силах остановить тяжелую лавину, по инерции врезались в стальную щетину гигантского дикобраза. Я вздрогнул от дикого крика боли людей и коней, лязга, грохота и громких стонов.

Лучники беспрерывно накладывали на тетивы стрелы и вскидывали луки. Небо все в черточках, на конце которых остро поблескивают стальные жала.

Труба пропела снова, третий полк Вирланда пошел в атаку. Граф Ришар вскрикнул:

— Не пора ли ударить нам?

— Нет, — отрезал я. — Граф, на этот раз сражение выстраивал я. Я и отвечаю до конца!

— Хорошо, сэр Ричард, — пробормотал он. — Не могу не признать, что начало просто великолепное.

Тяжелая конница точно так же тупо и отважно ударила в пехоту, словно Вирланду для осмысления неверной тактики требуются недели. Кнхеты Макса отступили на два шага, перегруппировались, и снова перед ними образовался вал из убитых и раненых знатнейших рыцарей Сен-Мари. Лучникам спешно подвозят связки стрел, и те беспрерывно вскидывают луки, я слышал, как щелканье тетив сливается в единый зловещий шорох, словно море перетирает на берегу камни.

Граф Ришар прокричал в восторге:

— Половина их войска уничтожена!.. Они уже не атакуют!
Я вздохнул.

— Жаль... Тогда придется нам самим.

— Ура! — закричал сэр Растер диким голосом.

Я поморшился, граф Ришар бросил на меня понимающий взгляд.

— Да, — пояснил он, — надо атаковать, а то вдруг решат отступить... А нам нужна ли затяжная война?

— Вы правы, граф, — сказал я. — Командуйте.

Он поклонился.

— Спасибо. Должен сказать, что ваша задумка с этими копьями и лучниками... просто гениальна.

— Как-нибудь расскажу вам про Креси, — пообещал я.
Он вскинул руку.

— Лионел, отправляйся к сэру Будакеру, пусть по сигналу трубы атакует Тенриса. Ты, доблестный Зигфрид, скачи к Альвару Зольмсу, пусть по тому же сигналу ударит на правый фланг. Ты останься с ним, я же вижу, как весь кипишь... Пантар, передашь Сигилу, чтобы атаковал левый фланг. Все!

Они ускакали, донельзя счастливые, что можно не возвращаться. Граф Ришар протянул руку в сторону пажа. Тот подбежал, глядя влюбленными глазами, подал шлем. Оруженосцы вручили копье и щит.

— Граф, — сказал я обвиняюще. — Это что значит?

— Завершающий этап, — ответил он. — Больше никаких тактических уловок. Только доблесть на доблесть! Они должны увидеть, что и в равном бою мы сильнее.

Как только нашим рыцарским отрядам передали приказ, передние ряды запели боевой гимн. Тысячи могучих мужских голосов подхватили, я ощутил озноб, в глазах защипало, вдруг ощутил странное ликование в груди и жажду отдать жизнь за святое, за высокое, за веру, за Господа...

Это уже не песня, а небесный гром, под звуки которого наше рыцарское войско точно так же набирало скорость, как до этого рыцари Сен-Мари.

Я вскинул меч над головой.

— За веру!.. За честь!.. За церковь!

Под гром нечеловеческой песни, что раздирала грудь и исторгала слезы, мы ударили в загораживающий к холму дорогу полк рыцарей Валласа, опрокинули передние ряды, а дальше завязалась жестокая сеча.

Удушливая пыль то и дело поднималась под ударами тысячи копыт, я рубил беспрерывно, но ухитрялся и оглядываться по сторонам, граф Ришар с небольшим отрядом вассалов сражается поблизости, к нам примчался посыльный от Норберта и прокричал:

— Отряд Будакера остановили!.. Там четверо на одного!

Граф Ришар кивнул молодому рыцарю, гарцевавшему в нетерпении в нескольких шагах:

— Берите отряды Арлинга и Кристофера. Ударьте во фланг!

— Будет сделано, — прокричал тот ликующее и, пришпорив коня, умчался как ветер.

Отряд брабантцев под ударами превосходящих сил вирландцев отступил к войску Рикардо, там сражались упорно и мужественно, однако вирландцы превосходили по качеству доспехов и оружия, а также по выучке. Они действовали настолько слаженно, что иногда выглядели чудовищным зверем с сотнями голов и тысячами рук с мечами.

Но с армландцами справиться оказалось не так просто. Доспехи и оружие армландцы почти все поменяли, выучка у них оказалась слабее, но гораздо выше воинский опыт. Дрались они с такой дикой яростью, что нередко поднимали коней на дыбы и обрушивались, как скалы, на головы противника, продолжая крошить двуручными мечами и тяжелыми топорами.

Когда не осталось копий, все дрались грудь в грудь мечами.

ми, топорами, булавами, вспарывали друг другу животы кинжалами. По всему полю стоял такой звон, грохот, треск и слышалось дикое конское ржание, что я чувствовал боль в ушах.

Тяжелые топоры раскалывали щиты, сверкали мечи и со звоном слетали шлемы, кровь хлестала ручьями, доспехи трещали, как поленья под ударами колуна.

Макс, не довольствуясь блестящей победой своих кнхтов, бегом вывел их почти в центр поля, выстроил в красивое каре, лучников поставил в середине и медленным шагом двинулся в сторону холма, отражая отдельные атаки и умело взаимодействуя с тяжелой конницей.

Отряд Валласа, который, как сказал Арчибалд, пришел из Оруненса, сопротивлялся упорно, но наши рыцари, как сама смерть, рубили яростно и нещадно, двигались без устали. Их мечи и топоры взлетали над головами, а когда опускались, каждый удар уносил жизнь.

Рыцари Валласа удивительно быстро устали, я видел, что постоянно закрываются щитами и редко бьют в ответ, а наши рыцари многие вообще забросили щиты за спины и разят, рубят, рассекают, озверелые, лютые, как осатаневшие от крови волки в овечьем стаде. Надменно реющие плумажи все под конскими копытами, земля залита кровью, а кони осторожно ступают по убитым и раненым, ноги скользят по вывалившимся внутренностям.

Я видел, как Бернард и Асмер сражаются плечом к плечу, вдвоем они набросились на троих великанов, похожих, как братья. Бернард принял их удары на щит, Асмер в это время умело одному воткнул меч в живот, другому рассек плечо, а Бернард могучим ударом секиры снес третьему голову.

Сэр Растер поставил свой отряд рядом с войском Митчелла, а потом они вообще сблизились так, что дрались бок о бок, а иногда прикрывали друг другу спины. Митчелл, как я заметил, дважды использовал хитрый воинский трюк, когда вместо одного воина видишь троих, сэр Растер довольно ржал и рубил попавшихся на такое ворон с превеликим удовольствием.

Арлинг, Кристофер и Рикардо, чувствуя общность, и здесь держали отряды вместе, а сами во главе ударных групп врубились настолько глубоко в ряды сенмарийцев, что оказались

рядом и сами. Словно шестируковое чудовище из блестящей стали, они тяжело двигались, безжалостно нанося страшные удары, рассекая шлемы, повергая с коней, где на земле их добивали оруженосцы.

Альвар Зольмс и лорд Рейнфельс, как настоящие рыцари Фоссано, углубились в чужие ряды, николько не заботясь, что за спиной сомкнулись воины противника. Остальные с такой яростью прорубывались к своим вожакам, что полк барона Кубирда дрогнул и начал отступать. Я видел, как лорд Рейнфельс кричит и указывает на дальний холм, где реет королевское знамя и бдит охрана с обнаженными мечами.

Зигфрид, Ульман и Теодорих тоже держатся вместе, Зигфрид снова забыл, что он — командир уже немалого отряда, врубился с безумной яростью, шедро рассыпая такие сокрушительные удары, что даже Ульман и Теодорих опасливо держались в сторонке. Так вместе они повергали сильнейших рыцарей, сбрасывали с коней, а гигант Ульман и вовсе опрокидывал с конями вместе.

Вернигора, к моему удивлению, сражался от них в сторонке, но его признали, к его смущению, вожаком несколько рыцарей, привлеченные его нечеловеческой мощью, и Вернигора старательно прорубывал для них дорогу, держа взглядом далекий холм с королевским знаменем.

От лязга, криков и грохота не слышно голоса, я жестом подозвал к себе ближайшего рыцаря.

— Кто этот орел, — спросил я, — что с малым отрядом бросается в самую гущу сражения? Дерется не только храбро, но и умело.

Он всмотрелся, пожал плечами.

— Надо у сэра Растира спросить, — сказал он. — Тот всех знает.

— Сэр Растир знает только, — ответил я со вздохом, — кто сколько может выпить. Но странно, этого рыцаря я вроде бы не встречал. Я и рядовых почти всех помню, а это все-таки баннерный...

Вернигора столкнулся грудь в грудь с прославленным турнирным бойцом семиарийцев сэром Герлейфом. Тот первым нанес тяжелый удар мечом Вернигоре и поразил в плечо.

Сверкнул сноп искр, меч едва не вырвало из руки сэра Герлейфа, а на плече Вернигоры, которому доспехи ковали по его фигуре из трофейных, осталась глубокая зарубка.

Он взревел от боли и ярости, привстал на стременах и обрушил тяжелый удар боевого топора. Сэр Герлейф, более искушенный в воинском искусстве, успел закрыться щитом и даже подставил его так, чтобы топор не разрубил, а скользнул... однако мощь удара была такой, что и щит вылетел из онемевших пальцев, и лезвие топора, соскользнув, попало хоть не в голову, но рассекло плечо до середины груди.

Увидев гибель лорда, на Вернигору с криками бросились рыцари Герлейфа. Теодорих заметил, закричал, к Вернигоре пробились еще и Зигфрид с Ульманом. Совместными усилиями остановили натиск, потом сами отбросили противника и медленно и упорно наступали, не переставая наносить повреждающие удары.

С рыцарским отрядом из земель Викленда столкнулись рыцари Альвара Зольмса. Хотя сенмарицы превосходили в доспехах и оружии, люди Зольмса с такой безумной яростью ударили на них, что блестящие рыцари дрогнули и начали отступать. Сперва они сохраняли строй, потом блестящий ровный ряд изломался, рыцари Фоссано врывались в щели, с дикими криками рубили направо и налево тяжелыми топорами, плахи промокли от крови, их сбрасывали и рвались вперед и вперед с безумной яростью. За ними неотступно следовали кнекты, быстро и умело били всадников длинными легкими пиками.

Глава 20

Дорогу к холму преграждали красиво построенные полки самого герцога Вирланда, которые именовались королевской конницей, как сообщил Арчибалд. Сам Вирланд за их спинами с вершины холма следил за ходом сражения. В красных и синих плащах, с конями, укрытыми яркими попонами в шахматку, все с плюмажами на головах, как рыцари, так и кони, это было красивейшее зрелище на земле: прекрасные гордые люди, чьи кони выстроились в ряд, не выдвигаясь ни на дюйм дальше других.

Первыми к ним пробились отряды Будакера, следом Митчелл и барон Альбрехт, но их ухитрился в какой-то момент опередить ничем не приметный рыцарь с отрядом в десяток человек, что действовали удивительно слаженно, абсолютно не думая о том, как выказать личную отвагу.

По ним с двух сторон ударили сборные отряды из дальних земель Сен-Мари, стараясь не допустить даже до соприкосновения с королевской конницей. Завязался тяжелый и упорный бой. Пехота Макса двигалась вперед медленно, но верно, уже не отступая ни на пядь, а при атаке чужой конницы тут же втыкали древки копий в землю и встречали сокрушительную атаку, что оказывалась страшной только с виду.

Лучники от них не отставали, небо серело от тучи выпущенных стрел, а от обоза к ним постоянно сновали десятки легких всадников с мешками, откуда даже через мешковину поблескивают стальные наконечники.

Гигант Ульман рубился так, словно перед ним были глиняные манекены. Шлемы трескались со звоном, щиты разлетались, как льдинки, каждый взмах его ужасного топора отнимал жизнь. Митчелл и сэр Раster двигались как свирепые вепри по молодому полю, от них шарахались, видя их безумные лица, но оба убивали и убегающих.

Передние отряды пробились до королевского полка. Вирланд взмахнул рукой, трубач подал сигнал, и вся масса устремилась с холма, набирая скорость. Митчелл дико заорал, вскинув окровавленный топор, еще громче взревел Раster, и наши отряды устремились навстречу.

Я ощутил, как дрогнуло сердце, ибо в королевский полк входят самые могучие, заметные и знатнейшие рыцари королевства. В лучшие доспехах, огромные, на таких же исполинских конях, они двинулись с холма уверенно и грозно, свежие, не затупившие еще мечей, и без усталости в телах.

Раздался страшный громовой удар, когда сотни закованых в сталь людей столкнулись грудь в грудь. Началась жуткая сеча, королевский полк держался всего несколько минут, потом начал отступать. Их рубили без жалости, я не видел, чтобы хватали в плен, рубили даже упавших на колени.

Вирланд, похоже, очень скоро понял, что его королев-

ский полк не смял наши отряды, напротив, сперва завяз, а теперь отступает, что их бьют, разят, сжимают в клещи сильнее, чем деревенский кузнец раскаленную поковку, а его рыцари не рассеяли противника, а едва-едва отражают смертельные удары.

Мое сердце стучало так, что едва не выпрыгивало. На глазах слезы гордости, наши рыцари, в помятых доспехах и сами в большинстве раненые, с неукротимой яростью бросаются на врага и разят, разят, разят, а те пятятся в ужасе, видя перед собой озверелые залитые кровью лица.

Все больше рыцарей падали на колени и пытались сдаться, но в ответ лишь сверкала сталь топора или меча, и несчастный падал ничком с разрубленной головой.

Королевский полк, потеряв треть воинов, некоторое время пятился, затем рыцари начали поворачивать коней и пытались спастись бегством. За ними с диким победным ревом ринулась наша конница, во главе полетели всадники сэра Норберта.

Я видел, как они, легко настигая тяжелых рыцарей, наносили смертельные удары в спину и мчались за следующими. Вскоре все поле покрылось погибшими при бегстве.

Битва постепенно затихала, со всех сторон слышались крики о пощаде. Я ждал, что победители будут жадно хватать в плен, это же деньги, немалые деньги, но рассвирепевшие воины убивали и убивали в ярости.

Хотя, мелькнула циничная мысль, знатные роды лучше вырывать с корнем. Больше освободится земель, которые раздам своим сторонникам. Возможно, мои воины как раз это и понимают, когда наносят смертельные удары, а упавших закалывают мизеркордиями.

Я вытер лезвие меча, на нем не только кровь, но и прилипли чьи-то волосы, бросил в ножны. Несмотря на жестокую сечу, на этот раз я прозрел достаточно быстро.

Граф Ришар спешился и шел по бранному полю, тоже забрызганный кровью, страшный, но с волчьим оскалом торжества. За ним спешат его вассальные рыцари, попутно выматривая своих и громко дивясь, что среди павших почти все — сенмарицы.

Отец Дитрих и его священники оказались на поле еще до

того, как затихла битва. Когда я прошел мимо, священники уже побледнели и пошатывались, переливая свою силу в раненых, только отец Дитрих все еще двигался быстро и без устали.

Граф Ришар первым достиг части поля, целиком заваленного трупами троллей. Эти громадные чудовища с крохотным мозгом даже не соображают, что, когда столкнулись с превосходящей силой, надо бы бежать. Нет, тупо лезли на длинные копья и полегли все.

— Мощные звери, — говорил сэр Раster с восхищением. — Жаль, не на нашей стороне.

— Да, — согласился барон Альбрехт, — наш сэр Ричард использовал бы их умнее.

Умнее, мелькнула злая мысль. Это значит, оставить популяции троллей, кентавров и огров в неприкосновенности? Выделить им резервации?.. Неплохая идея, но снова вспомнить о ней стоит не раньше, чем сломим военную мощь этих говорящих животных. Когда действительно их останется мало, исчезающее мало.

Тогда да, можно. Но все равно сохранится опасность, что гребаные соломоновцы начнут кампанию за уравнивание прав этих существ с людьми, за восстановление их избирательных прав, за выделение им квот в университетах и в правительстве, а самое худшее — могут потребовать закрепить в законодательном порядке их право на отправление религиозных обрядов, даже на сохранение самобытности и прочей дури. А что им понадобятся человеческие жертвы, там же такие боги, то, может быть, пойти на взаимоуступки и передавать им преступников из тюрем...

Я скрипнул зубами, кулаки сжались. Нет, преступников буду вешать сам, никого троллям не отдадим. А троллей всех под корень. Как и прочих. Все равно где-то останутся их племена. Тех и загоним в строго охраняемые резервации. И никаких им квот. И хрен со всеми, кто будет навешивать на меня всех собак, как на тупого и узколобого фанатика. Пока Соломон был тупым и узколобым, он создал величайшее государство, богатое, могучее и просвещенное, но как только стал человеком широких взглядов и предельного гуманизма,

так все изосрал, разрушил и вверг свой народ в тысячелетние страдания.

Нет уж. Плевать мне на ваши...

Кулаки снова сжались, сердце стучит, я потряс головой с удивлением, сказал вслух:

— Успокойся, Ричард. Успокойся. Эти политкорректные гады, может быть, вообще не появятся! Может быть, это такая случайная аберрация была в моем срединном.

Граф Ришар посмотрел на меня с беспокойством:

— Сэр Ричард!

Я криво усмехнулся.

— Простите, граф.

— Что-то случилось?

— Да подрался малость, — ответил я небрежно. — Налетели... эти гады... каркают о правах человека...

— Демоны?

— Да, — подтвердил я. — И не разберешь, кто подлец, а кто просто дурак...

Он с уважением покачал головой, но посмотрел с опаской.

— Для меня бой кончился, а для вас, паладинов, не прекращается.

— Золотые слова, — согласился я. — Только горькие.

С железным грохотом, звоном и лязгом подошла шагающая башня из металла. Руки в помятом железе доспехов поднялись с трудом, жутко скрипя и скрежеща, шлем отделился от туловища с тем же скрежетом протестующего металла.

Голова и лицо сэра Растера блестят красным, как у тюленя в лучах закатного солнца. Весь будто вынырнул из озера крови, за ним остались кровавые лужи следов. Мне показалось, лучи заходящего солнца так окрашивают металл его доспехов, но содроганием увидел, что небо затянуто серыми облаками, солнца нет.

Доспехи сэра Будакера и сэра Митчелла тоже утратили блеск, уступив кровавым потекам. Шлемы то ли потеряли тоже в пылу схватки, то ли передали оруженосцам, волосы слиплись и торчат, у Будакера — красным гребнем, у Митчелла ежиком в разные стороны. Кровь и на щеках, у Будакера сме-

шивается со своей: скула рассечена, оттуда все еще сползают алые капли.

— Победа! — сказал Митчелл с чувством. Он глубоко вздохнул и вскинул очи горе. — Спасибо, Господи, что не вмешивался, а победу мы получили сами!

— И такую славную, — добавил Будакер. Он с гордостью оглянулся огромное поле битвы. — Запомнит этот день надменный Вирланд, запомнит... Наплачутся их вдовы.

Сэр Раster добавил с грубой насмешкой:

— Ничего, мы их утешим, га-га-га!

— И заставим пухнуть утробы, — заявил Митчелл азартно.

Подошли Ульман, Зигфрид, Теодорих, Зигфрид добавил с хохотом:

— Женщины должны рожать от победителей!

— Да, — поддержал Раster, — га-га-га!.. Село за селом, город за городом... заполним армландцами!..

Сэр Будакер напомнил:

— Про наших славных друзей брабантцев не забывайте. Их хоть и меньше, но у них есть своя доля добычи.

Зигфрид отмахнулся.

— Вдов и даже замужних на всех хватит. Я вот на простолюдинок даже не смотрю, сразу сажу в богатые дома и там задираю подолы знатным дамам!

Будакер поинтересовался:

— И ни разу по морде не получил?

Зигфрид ухмыльнулся, очень довольный, рот расплылся до ушей.

— Ни разу. Подчиняются довольно охотно. Как же, со мной право силы!.. Она все равно остается как бы чиста и невинна, все было против ее воли. А мне так как раз и нравится.

Я пошел дальше, а рыцари, уловив, что не хочу слушать их разгорающуюся дискуссию о самом важном, остались, только посматривали, чтобы из мертвых никто не встал и не бросился на меня в ножом в руке.

Черт, сколько ни выдавливаю из себя этого гребаного политкорректного слизняка-общечеловека, но внутри холодно, будто проглотил глыбу льда. И всего трясет, как медведь гру-

шу. Никак не могу себе, дураку, вдолбить, что это статистика, да, статистика! Я уже государь, должен мыслить широкими категориями. Это не убитые, даже не павшие, а всего лишь боевые потери, естественная убыль в процессе боевых операций.

Или, если не получается пока что взирать мудро и отстраненно, тогда хотя бы юркнуть в раковину эстета. Это они ухитряются видеть красивое поле битвы, где изящно торчат из земли мечи, в художественном беспорядке разбросаны иззубренные топоры, булавы, моргенштерны и сломанные копья, тускло блестят доспехи павших, бродят и фыркают кони с опустевшими седлами, а я почему-то вижу разрубленные головы с вытекающими мозгами, безобразно вывалившиеся кишки, сизые внутренности, в которые уже спешат вцепиться мелкие зверьки. За такое видение и сам себя упрекаю, не видеть — спокойнее, но что делать, я человек, а не придурок-эстет. Это для них война лишь бравурные марши, цветные мундиры, блестящие доспехи и бросающие вверх чепчики восторженные женщины.

Над головой захлопали крылья. Стая ворон опустилась поблизости и сразу же торопливо начала выклевывать глаза у павших. У кого череп разбит молодецким ударом, жадно захватывали широко раскрытыми клювами кровавую кашу.

Надо и мне суметь опуститься до эстета! Тоже буду кривиться от грубого слова, а в войнах и дурацких битвах за престол буду видеть только изящное, красивое и даже возвышенное. И никакого натурализма, фи, грубо и неэстетично. На столько неэстетично, что и воевать не захочется, а это вообще безобразие, чем же тогда заниматься изысканному эстету, как не воевать, передвигая на карте бумажные армии, когда не видишь крови, отрубленных голов и да-да! — вывалившихся кишок, требухи, пульсирующей печени, что еще пытается жить, а над нею уже тяжелый сапог победителя, что спешит отрезать палец убитого, а то кольцо снимать долго...

Рядом ворон, ничуть не пугаясь живых, долбил череп молодого и красивого парня. У павшего обломок стрелы в шее, а еще две торчат из груди. Твердый клюв с хрустом проламывает череп в самом нежном месте, где вообще нет кости, в темечке. Кровь брызгает с каждым ударом и плескает на чистое

невинное лицо. Ворон деловито глотает, по горлу прокатывается комок, и снова крепкий острый клюв врубается с такой силой и точностью, что мороз пробежал по коже: а не приспособились ли в процессе эволюции клювы воронов именно для раздабливания черепов павших в битвах?

Если учесть, что войны между людьми гремят десятки тысяч лет всюду и везде, вороны вполне могли перейти на новую пищу, более калорийную и богатую белками. Птичьи организмы приспособились переваривать человеческую кровь, мозги и внутренние органы, и вот уже новый вид пернатых, что живет исключительно на полях сражений...

Лорд Рейнфельс вернулся с холма и доложил деловито, что захватившему королевское знамя воину милостиво сказано, что его изволит видеть майордом Сен-Мари.

Я сказал виновато:

— Спасибо, лорд... Я иногда забываю про свои обязанности.

Он хитро усмехнулся.

— Не поверите, даже я иногда про них забываю! А у меня опыт побольше.

Двое рыцарей из Фоссано подвели ко мне третьего в помятых доспехах, правый наплечник сорван жестоким ударом, сапоги в крови, и вообще красные брызги даже на шеке, но двигается легко, то ли кровь чужая, то ли священники успели залечить ему раны.

— Вы хорошо сражаетесь, сэр, — сказал я благосклонно. — И отряд ваш хороший, дисциплина чувствуется, что пока редкость... Лицо ваше мне знакомо... Господи, да это Жерар де Брюс?..

Рыцарь с достоинством поклонился.

— Спасибо, ваша светлость, за лестные слова о моем воинском умении. И что помните. Это мой отряд, я его несколько лет обучал.

— Жерар де Брюс, — повторил я пораженно. — Далекий же вы путь проделали!..

— Это верно, ваша светлость.

— Как поживает барон Пусе?

Он коротко поклонился.

— Поживает, спасибо.

— Как отпустил вас? — продолжал я допытываться. — Или нашел более сговорчивого начальника стражи?

Он собирался поклониться снова, но наверняка решил, что слишком часто, выпрямился и посмотрел мне в глаза.

— Барон, — ответил он с достоинством, — никогда не гневался, когда я с ним спорил. И часто делал так, как советовал я. Это он порекомендовал мне помочь вам в вашем походе.

Я изумился.

— Походе? А что он о нем знал?

Сэр Жерар развел руками.

— Я сам удивляюсь, как верно рассуждает мой господин, располагая столь малыми фактами. Но когда вы прибыли в Амальфи и призвали под знамена тамошних рыцарей, даже я понял, затеваете грандиозное. Мой господин сказал, что временно заменит меня моими помощниками.

Я кивнул, а как иначе барон будет знать, где я и что делаю. Быстро же он принял решение и послал начальника охраны с дружиной вслед за Зигфридом, Теодорихом и Ульманом! Вернее, потому и послал Жерара с отрядом так спешно, что не хотел терять Зигфрида из виду.

— Спасибо, сэр Жерар, — сказал я еще раз. — Я благодарен барону за помощь. Он поспешил отдать мне всю дружину, а это... показательно.

Сэр Жерар подумал и все-таки чуть-чуть поклонился.

— У нас тихий край, — напомнил он. — А дружину мой лорд еще наберет.

— Сэр Жерар, — сказал я, — вы захватили королевское знамя! За это по всем воинским законам причитается высокая награда. Что вас интересует больше: земля, титул, имение, золото?

Он снова поклонился очень учтиво, явно переняв у своего хозяина.

— Я обещал, — произнес он с достоинством, — вернуться к моему лорду, как только закончите поход. Потому земля здесь... меня не совсем соблазняет. Хотя, если честно, соблазняет, здесь жаркий край и совсем другие деревья. Однако я обязан вернуться. Это мой долг.

— Хорошо, — отрубил я. — За ваш подвиг я просто обязан вас наградить, иначе рыцари меня не поймут.

— Сэр Ричард, это не обязательно...

— Еще как, — отрезал я. — Преклоните колено!

Он повиновался, я вытащил меч. Рыцари довольно загудели, когда я ударил его сперва по правому, потом по левому плечу и сказал торжественно:

— Жалую вас титулом барона, сэр Жерар!.. Мои советники подберут оставшееся после этой битвы имение, потерявшее хозяина, чье название добавите в свой список. Вы можете управлять им лично, можете оставить управителя и вернуться к барону Пусе, а доходы вам будут пересыпать с оказией.

Он поднялся, еще не веря услышанному. Рыцари шумно поздравляли, сэр Растер протолкался к имениннику с понятной всем идеей.

Ко мне тихонько подошел барон Альбрехт.

— Минуя титул виконта... какая-то цель?

— Еще бы, — ответил я негромко. — Его лорд — тоже барон. Вот пусть барон к барону. Посмотрю, как поладят.

— Ох и злобный вы человек, — сказал Альбрехт.

Часть 2

Глава 1

Т олова накалилась от горячечных мыслей, их бурный поток прервало только возвращение на измученных конях всадников Норберта. Сам он едва сполз с коня, его поддержали под руки, сразу сунули флягу с вином. Долго и жадно пил, а когда поймал меня взглядом, высвободился из рук и заковылял навстречу, с усилием выпрямляя спину.

— Разгром, — доложил он хриплым голосом. — Мы гнали их и резали, как баранов. Без всякой жалости, теперь самим стыдно.

— Почему?

— Почему стыдно? — переспросил он.

— Почему без жалости, — уточнил я.

Он мотнул головой.

— У них совсем нет достоинства. Тяжелой коннице не уйти от легкой! Если бы остановились, и мы бы ничего не смогли... но они удирали так, что мы краснели вообще за рыцарство. И потому убивали и убивали. Если бы крепость была Аманье хоть на четверть мили дальше... ни один бы не ушел!

Его слушали жадно и зачарованно. Здесь на поле среди павших практически только рыцари и воины Сен-Мари, а на пути к крепости конница сэра Норберта всю землю, должно быть, усеяла их трупами.

— Много ускользнуло? — спросил я.

— Не больше полусотни, — заверил он. — А так, на глаз, человек тридцать.

— Вирланд?

— Ушел, — сказал он с презрением. — Хуже того,

бросил половину своих!.. Когда его увидели со стен крепости, он начал кричать, чтобы готовились закрыть ворота. Сам успел прошмыгнуть, а с ним еще десятка три... И тут ворота закрыли прямо перед остальными!

— Сколько их было?

— Двадцать один человек.

— Что с ними?

Он хищно ухмыльнулся.

— Как мы ни были злы, но на этот раз никого пальцем не тронули!.. Пусть видят, как с ними поступил их вождь.

Граф Ришар спросил с интересом:

— Даже в плен не взяли?

Норберт покачал головой.

— Мне показалось это лишним.

Ришар обнял его и похлопал по спине.

— Благодарю, старый друг. Ты всегда знаешь, как поступать правильно. Сейчас они Вирланду больше враги, чем мы. Мы можем быть и великодушными, а они не простят. Что слышно насчет полка с побережья?

— Которые Альбатросы? — переспросил Норберт. — Лорд Рейнфельс отправил им навстречу половину своего отряда, чтобы задержать. Пока никаких новостей.

Ришар буркнул:

— Ладно. Хорошо и то, что не успели соединиться с основным войском Вирланда.

На краю поля зажгли костры, спешно натягивали шатры. Раненых выносили и клали ближе к огню. Священники скучно расходуют свои силы, спасая только тяжелораненых от неминуемой смерти, я видел, как двое священников свалились, истощив себя до полного изнеможения, их положили рядом с ранеными.

Я сам прошелся сперва по полю, спасая всех, кого еще можно спасти, а когда ощутил себя усталым и голодным, вернулся к кострам. Мне сунули ломоть горячего жареного мяса, на плечи накинули теплый плащ. По телу пробегает опасная дрожь, зубы выстукивают чечетку, но я торопливо ел и чувствовал, как жизнь быстро возвращается.

Граф Ришар сел рядом на большой валун, лицо помоло-дело, глаза блестят, как у хищной птицы.

— Кстати, сэр Ричард! — спросил он с живейшим любопытством. — Что там вы упоминали о неком Креси?.. Что-то похожее? Расскажите! Обожаю про битвы!

Я ощутил затруднение, но граф смотрел требовательно, и я начал рассказывать, заменив только французов и англичан на придуманные имена, остальные детали оставил как есть.

Битва в самом деле была знаменательной. Во Францию вторглась английская армия числом в двадцать тысяч человек, командовал семнадцатилетний Эдуард, принц Уэльский, известный потом как «Черный принц» по цвету его лат.

Дома, как говорится, и стены помогают, этим руководствовалась, судя по всему, французская армия. Она в составе шестидесяти тысяч человек, из них только тяжелой кавалерии — двенадцать тысяч, цвет французского рыцарства, как всегда подчеркивают, остальные — пехота и арбалетчики, отважно и бездумно пошла в атаку.

Надо сказать, что в отличие от сенмариев они атаковали пятнадцать или шестнадцать раз и потеряли девять десятых войска только при атаках. В конце концов вся узкая долина была завалена горами трупов французских героев. Среди них после битвы насчитали тысячу пятьсот сорок два вельможи и рыцаря, в том числе Иоанна I Люксембургского, сына императора Генриха Седьмого Люксембургского, короля Богемии... Тяжелых всадников и пехотинцев погибло со стороны французов около двадцати тысяч. Сам король Франции был ранен, как и большинство уцелевших рыцарей. Кстати, они спаслись только потому, что английские войска не преследовали, в отличие от нас, иначе от французской армии ничего бы не осталось вовсе.

Англичане потеряли двести человек. Из них убитыми — восемьдесят, остальные получили ранения. В числе убитых — два рыцаря и сорок тяжелых всадников с лучниками.

Я закончил со вздохом:

— Впервые стойкая и дисциплинированная пехота разгромила не в лесу, не на узких улочках городов, а в чистом поле лучшую из лучших кавалерию. Рыцарскую кавалерию! Тысячу лет на полях главенствовали конные рыцари! И вот... гм...

Ришар слушал обалдело, лицо то прояснялось, то мрачнело, сказал со вздохом:

— Да, сэр Максимилиан — молодое поколение. Он делает то, что надо, а не то, что красиво или возвыщенно. Но, надеюсь, сэр Ричард, рыцарства еще хватит на наш век.

— Надо жить так, — ответил я серьезно, — чтобы рыцарство никогда не ушло. — Но все-таки не понимаю...

— Чего, сэр Ричард?

— Почему, — сказал я, — почему такая разница?.. Все-таки Вирланд неглупый человек. И опытный в военном деле. И у него прекрасное рыцарское войско... было. Почему разбито с такой легкостью?

Граф Ришар сказал тепло:

— Во многом, сэр Ричард, благодаря вашей умелой подготовке сражения. Все видели, что две трети войска Вирланда положил, когда атаковал так безрассудно пехоту сэра Максимилиана. Но, если честно, это теперь говорим, что безрассудно... На самом деле ни я, ни другие не верили, что легкая пехота сумеет остановить тяжелый удар бронированной конницы. Не мог этого предвидеть и Вирланд.

— Тогда нам повезло.

— Это не везение, сэр Ричард! — возразил он. — Да вы и сами знаете. Кстати, не забудьте отметить сэра Максимилиана.

— Еще бы, — сказал я живо. — Я как в воду смотрел, когда сказал, что еще не кончится поход, как станет бароном!.. Сегодня же произведу. Но почему оставшуюся треть уничтожили с таким разгромным счетом?.. Они отдали по двести рыцарей за каждого нашего!.. Хотя их треть была равна по численности всему нашему войску!

Он усмехнулся.

— А разве при вашей Креси счет не был еще выше? Там погибло сколько?

— Тысяча пятьсот сорок два вельможных рыцаря, — повторил я.

— Против двух, — сказал Ришар, гордясь памятью. — По семьсот девяносто рыцарей на одного! Даже больше, чем у нас... Я сам думал, почему такой разгром, но вспоминаю их потрясенные лица... Сэр Ричард, они нас боялись!

Я заметил брюзгливо:

— Не знали, что идут на войну?

— Видимо, у них по-другому, — сказал он с кривой усмешкой превосходства. Глаза хищно блеснули, а рот показался мне похожим на волчий. — Вроде турниров. Красиво сходятся, сбивают друг друга с коней, упавший раскланивается, признает поражение и куртуазно сдается в плен. Потом вместе пируют и обсуждают размер выкупа... Так и у нас было в стариину, как написано в древних книгах. Но у нас, в отличие от Сен-Мари, пришли проклятые междуусобицы, началась война всех против всех. Это закалило армландцев, но это уже другая война, на истребление... Вирланд и его люди ужаснулись нашей звериной ярости! Увидели по безумным лицам, что мы пришли убивать и только убивать. Это их потрясло, а когда поняли, что раздавить нас сразу не удается, несмотря на их выучку и доспехи, тут же попытались выйти из битвы... А бегущих убивать так легко и просто!

Я подумал, кивнул.

— Хорошо. Тем проще будет разговаривать с Вирландом.

— Хотите разговаривать?

— Самое время. Кстати, есть новости насчет отряда, который шел к Вирланду с побережья?

Граф Ришар молча повернулся к Норберту. Тот отвесил учтивый поклон, лицо довольное, даже торжествующее.

— Сэр Ричард, — сказал он приподнято, — это было нелегко, но только что мне сообщили, что те были близко, еще чуть-чуть и соединились бы! Однако посланные лордом Рейнфельсом войска перегородили им дорогу и вступили в бой.

— Что сейчас?

— Полк Альбатросов после короткой стычки благородно отступил. Там очень удобный каньон: подковой отвесные горы, а проход совсем узкий. Они там быстро устроили завал из деревьев и решили подождать гонца от Вирланда.

— Это хорошо, — сказал я злобно. — Дождутся. Хороший полк?

— Отличный, — заверил граф Ришар. — Сэр Норберт впечатлен их выучкой и дисциплиной. Я за это время привык

доверять мнению сэра Норберта всецело. Полк Альбатросов, как они себя называют, действует как один человек.

— Но отступили?

— Да, но лишь потому, что ждут прояснения ситуации. Герцог Вирланд к ним обратился слишком поздно. Они шли ускоренным маршем, но на соединение не успели.

— Бой произошел на сутки раньше, — сказал Ришар.

— Хорошо, — буркнул я. — Значит, сейчас им не до нападения.

— Полагаю, — заметил сэр Норберт. — Они о другом думают.

Голос звучал многозначительно, я насторожился.

— Что вам известно?

— Наёмники, — сообщил он. — Большей частью набраны на побережье, где знакомы с пиратскими набегами. А воевали в основном на островах... Там постоянные стычки. Когда Вирланд пригласил их, они согласились очень охотно. Получили аванс и тут же выступили. Говорят, воины из них получше тех, кого мы в пух и прах.

Сэр Растер заявил самонадеянно:

— Посмотрим, га-га-га!..

Глава 2

Ночь опустилась сказочно-прекрасная, неимоверно огромная луна сияет настолько ярко, что потускнели вокруг нее звезды, а мир внизу залит мягким волшебным светом.

Священники с бранного поля уже ушли, непогребенными остались только люди противника. Кое-где бродят группками и поодиночке наши кнехты, переворачивая убитых, собирая кошельки, амулеты, талисманы, кольца, медальоны, дорогие пояса.

Там же на месте освобождают от понравившихся доспехов и примеряют на себя. А если учесть, что на поле осталось убитыми вдвое больше сенмарийцев, чем вообще у нас воинов, то даже самые нищие из наших пехотинцев утром будут щеголять в дорогих рыцарских доспехах. Только золотые рыцарские шпоры велю снять, а так пусть, это их право. Буду

гордиться, что у меня даже кнхты в такой экипировке. Надо будет десяток отпустить отдохать на родину, и когда там их увидят, в Тоннеле будет пробка от волны добровольцев, желающих принять участие в священном походе за честь и веру.

Военачальники под началом неугомонного сэра Раstера спешно начинают победный пир. Я побыл с полчаса, поднял чашу с вином за полную и окончательную победу, после чего ушел, сославшись, что нужно у карты родины подумать о судьбах мира.

Рассвет окрасил восток алой полоской над самой землей, утро начинается мягкое, золотистое. Я вышел из палатки, когда солнце высунуло лысину над воспламенившимся горизонтом и сразу затопило мир блеском и сверканием металла. У погасших костров спят в рыцарских доспехах измученные воины, всю ночь перебирали подходящие по росту и размерам доспехи.

Оруженосец привел сэра Норберта, тот отсалютовал и замер в ожидании приказов.

— Сэр Норберт, — сказал я с веселой злостью, — пора посмотреть на этих... вольных птиц.

Он тут же запрыгнул в седло и, не говоря ни слова, пустил коня в галоп. Зайчик несся следом ровными замедленными прыжками, за спиной нарастал дробный топот копыт легкой конницы.

Впереди быстро вырастали горы, сэр Норберт указал на узкую горловину.

— Вон там, — сказал он. — Отступили и выставили баррикаду. Место идеальное для обороны.

Я пробормотал:

— Не такое уж идеальное... Там впереди ребята лорда Рейнфельса?

— Да, сэр.

Чувствуется, что лорд подобрал толковых военачальников: они, в свою очередь, срубили окрестные деревья и наскоро соорудили завал, чтобы и альбатросовцы не напали внезапно.

Мы приближались, я чувствовал, как во мне зреет некое решение, которого я хотел бы избежать, а еще лучше — переложить на чьи-то плечи.

Навстречу выметнулся на горячем коне рыцарь в помятых доспехах, вскинул руку.

— Ваша светлость! Я виконт Штаренберг из Фезензака, мы здесь удерживаем отряд Альбатросов.

— Хорошо командуете, — сказал я. — Но сейчас добавочное задание...

— Слушаю, ваша светлость!

Я повел планью, перечеркивая узкое устье в каньон.

— Быстро прорыть хорошую глубокую траншею! Лучше — ров. Постарайтесь сразу же вбить в дно острые колья.

Штаренберг спросил с сомнением:

— Думаете, будут прорываться?

— Береженого Бог бережет, — ответил я.

Он подумал, предположил:

— Вот увидите, постараются договориться.

— Пусть стараются, — ответил я.

Он ухмыльнулся, посмотрел на меня и ухмыльнулся шире.

— Мне кажется, постараться им придется, — заметил он. — Мне кажется, вы с них последние шкуры снимете.

— Глубокий ров, — повторил я. — От стены и до стены. Пусть ни один не ускользнет без нашего разрешения и нашей милости.

— Будет сделано, — ответил виконт браво, но с ноткой недоумения.

Сэр Норберт проследил взглядом, как Штаренберг на полном скаку понесся к отдыхающим на привале воинам.

— В самом деле полагаете, — произнес он негромко, — переговоры с наемниками будут трудными?

— Долгими, — уточнил я.

Он подумал, нахмурил лоб.

— Они не дураки. Раз уж воюют за деньги, то считать умеют. Сейчас еще не знают, что герцог Вирланд разбит полностью. Но как только...

— К этому времени, — прервал я жестко, — ров должен быть достаточно широким. И глубоким. Прошу вас, сэр Норберт, помочь своими людьми сэру Штаренбергу. Это очень важно. Ров нужно выкопать как можно быстрее!

Он пробормотал озадаченно:

— Как скажете, сэр Ричард. Я все сделаю! Это займет только сегодняшний день, а завтра сюда подойдет остальное войско, если... понадобится.

Горловина не настолько широкая, чтобы доставить большие трудности. Работали всю ночь, освещая работающих факелами, но к утру единственный выход был перекрыт надежно.

Глубокий и широкий ров, на дне установили заостренные колья. Поверх вала расположилось не меньше сотни лучников и арбалетчиков. Они выцеливали тех, кто приближался слишком близко, и показывали на примере, что будет, если из лагеря попытаются прорваться.

Три сотни копейщиков держатся наготове, вдруг да отчаявшиеся наемники ринутся на прорыв. Конечно, третья сразу погибнет под ударами тучи стрел и болтов, еще треть своими телами заполнит ров так, что по их трупам остальные прорвутся на эту сторону, и тут их должна встретить густая щетина длинных пик. Настолько густая, чтобы мышь между ними не протиснулась, как я велел строго. И пока наемники пытаются рубить древки копий, их самих смогут поражать копьями из задних рядов, расстреливать из арбалетов и луков.

Граф Ришар и другие посматривали с недоумением, но блестящая победа над Вирландом показала, что хоть у меня и нет опыта руководства большими массами, но за спиной опыт отцов, дедов, прадедов и вообще знание великих битв, умелых построений, правильных расположений отрядов.

— Теперь я верю, — сказал лорд Рейнфельс, — что вы умные книги читали... А с виду вроде бы... гм...

— Дурак дураком? — подсказал я.

Рейнфельс слегка смущился.

— Что вы, сэр Ричард! Я имел в виду, что идете по жизни, не слишком задумываясь. И вообще не думая. У вас вид такой, незадумывательный. Да и зачем думать при таком росте и таких плечах?

Я сказал хмуро:

— Войско идет сюда?

Он ответил нерешительно:

— Я взял на себя смелость две трети направить к крепости

Вирланда. Пусть перекроют все дороги. Здесь, как мне показалось, и трети будет много. Как только наемники убедятся, что Вирланд разбит, они сдадутся.

— Нам могут не поверить.

Он сказал победно:

— Да? Я сам им пошвыряю через ров знамена всех лордов Вирланда! Да и прапор самого Вирланда, кстати.

— Хорошо, — ответил я кратко. — Можете швыряться. А я пока вернусь к Аманье. Там дел больше.

Крепость Вирланда красиво и страшно чернеет на голубом небе, как символ иной жизни, злой и нечеловеческой, которую люди все же обжили и приспособили для существования. Я приложил ко рту рог, набрал в грудь воздуха.

Рев прогремел такой могучий и зловещий, что я, отняв от губ, посмотрел с недоверием на эту штуку, потом, как смог, на себя.

Со стены прокричали:

— Что нужно?

Я ответил ледяным голосом:

— Не видишь, дурак, кто я? Вирланда мне! И живо, перепорю всех!

Страж исчез, я перевел дыхание и подумал, что вообще-то я молодец. Так вошел в роль, что это уже и не роль, а моя вторая шкура, быстро нарастающая поверх моей тонкой, нежной и трепетной.

Со стены прокричали торопливо:

— Щас-щас, уже идет!.. Вон уже вышел!.. Идет по двору...

Похоже, докладывали бы о каждом шаге, но вдруг умолкли и опустили головы. Понятно, Вирланд подошел ближе, услышал подобострастные комментарии и цыкнул.

Ворота не дрогнули, однако сбоку приоткрылась небольшая калитка. Вирланд вышел, пригибаясь, из доспехов только кираса да еще знакомый пояс, где пряжка размером с тарелку, своеобразный щит, что и живот защищает, и не дает пузы вывалиться чересчур уж. Тогда во время скачки, когда в доспехах и все прикрыто плащом, я не рассмотрел, что со временем нашей встречи в Брабанте раздался в поясе еще чу-

ток, хотя движется по-прежнему легко и нескованно. И все так же исполнен мохи, выглядит профессиональным солдатом, только на лице печать сильнейшей усталости и скорби.

— Счастлив приветствовать благородного сэра Вирланда, — сказал я громко и подчеркнуто дружелюбно.

Он кивнул и ответил суховато:

— Здравствуйте, сэр Ричард. Честно говоря, я предпочел бы встретиться в более мирной обстановке.

— Я тоже, — ответил я и широко улыбнулся. — Не поверите, но скажу снова: я очень мирный человек!.. И вырос в обществе, где старались гасить даже зачатки конфликтов. Потому мне интересно все, кроме войны.

Он криво усмехнулся.

— Потому и воюете?

— А вы? — спросил я. — Очень ли вам хотелось вторгаться в земли варваров?

Он кивнул.

— Была необходимость нанести ответный удар. Благо они никак не ожидали... Но обычно предпочитаю обходиться без кровопролития. В то время, как вы вторглись без всякого основания.

— Превентивный удар, — пояснил я. — Дело в том, что я открыл Тоннель под Хребтом. Как вы понимаете, король Кейдан тут же захватил бы его. Плюс — вторгся бы в наши земли. У нас не было выбора!.. Но воевать не люблю. Дураки почему-то считают, что военные жаждут войн! Тупые, ну тупые... Как раз военные войн не хотят, так как именно им приходится погибать в первую очередь. И сейчас вот я прибыл, чтобы уладить с вами... то, что может случиться.

Я запнулся, подыскивая слова, он сказал с мрачным юмором:

— И наверняка случится.

— Вот-вот! — сказал я со вздохом. — Все ждут, что это случится неизбежно.

Он вздохнул.

— Теперь вы понимаете, что даже самые могущественные лорды действуют не по своей воле. Мы можем только слегка корректировать бешеный бег, однако что-то нас несет...

— Лорд Вирланд, — прервал я. — Я сломал привычные схемы сражений и предложил свою! Она принесла успех. Так почему нам не предложить всем иной выход? Вот мы, двое умных и повидавших, возьмем и всех обманем!

Он посмотрел скептически, не признавая за мной право быть повидавшим, но промолчал, только поинтересовался с настороженностью:

— Как это обманем? Я своих, к примеру, обманывать не собираюсь.

— Обманем ожидания, — поправился я. — Они ждут кровавого штурма, жестокой схватки на стенах, массовой резни и куч мертвых тел, а мы возьмем вот и оставим всех в живых!

Он скептически фыркнул.

— Намекаете на сдачу?

Я удивился:

— Что вы, с чего мы будем вам сдаваться?

Слабая улыбка тронула его губы.

— Отдаю должное вашему чувству юмора. Тогда, если не вы решите сдаваться, должны сдаться мы?

Я развел руками.

— Сэр Вирланд, мы же мыслящие люди! Почему должны плясать в рамках заданных стереотипов? Хорошо, если бы их задали какие-то мудрецы или вообще высшие силы, а то такие чмыри, что и подумать противно. Мне очень неловко напоминать о недавней стычке... правда, я все время стараюсь избегнуть, но при штурме все может повториться. У меня в запасе могут быть новинки. Неловко мне такое говорить, но я...

Он кисло поморщился, словно хватил уксуса вместо сладкого сока.

— ...старые книги читали. Знаю-знаю, уже все знают.

— Виноват, — ответил я покаянно. — Это хвастовство, признаю, но я в самом деле их читал. А там много такого, чего в Сен-Мари еще не знают.

Он молча смотрел в мое лицо, сам темнел, скулы заострились, а глаза заблестели сухо и болезненно.

— Я ценю вашу деликатность, — ответил он негромко. — Другой бы раздувался от гордости... Вы истребили мое войско. У меня остался только гарнизон для защиты крепости.

Я перебил:

— Сэр Вирланд, хочу напомнить, я готов принять сдачу крепости на очень почетных условиях. Вы сами можете их назвать!

Он вздохнул.

— Вы верно заметили, сэр Ричард, я едва ли не единственный рыцарь в королевстве... если не считать отколовшегося Брабанта, который верен старым традициям. Потому не оставлю короля, ему сейчас плохо. Я не оставлю короля, у которого впал в немилость из-за того, что взял в жены леди Изабеллу, а не одну из его родственниц. Не оставлю, хотя Его Величество отправил меня сюда в изгнание и запретил показываться при дворе.

Он выпрямился и прямо взглянул мне в глаза, снова по-молодевший, сильный и красивый, готовый на смерть, но не на измену рыцарским принципам.

— Сэр Вирланд, — произнес я тепло, — уверяю вас, мое уважение к вам только возросло. Я не брошу войска на приступ, если только вы не совершите какого-нибудь безумия, вроде вылазки или внезапного нападения. Тогда я переключусь с рыцаря на политика. А в мире политики убийство одного человека — убийство, сотни — преступление, а миллиона — статистика. Здесь все сотрут с лица земли, уничтожено будет все!.. Так надо, сэр Вирланд. Показательная жестокость спасает много жизней потом.

Он всматривался в меня с такой настойчивостью, будто хотел приподнять мою черепную коробку и посмотреть на копошащиеся под нею истинные мысли.

— А если мой гарнизон останется за стенами?

— Его не тронут, — заверил я. — Более того, не будем препятствовать выходить малыми группами. Без оружия, конечно. Вы сможете покупать разные товары и возвращаться...

Он смотрел недоверчиво.

— Вы так сделаете?

— Да.

Он покачал головой.

— В этом есть какой-то смысл? Что-то, уж извините, не верю, что за этим стоит только рыцарское благородство.

Я ответил оскорбленно:

— Сэр Вирланд, я же с Севера!.. У нас рыцарские идеалы всегда впереди нас самих. Красиво и гордо идут, идут...

Глава 3

Навстречу во весь опор неслись всадники Норберта с ним во главе. Он издали прокричал рассерженно:

— Сэр Ричард! Это недопустимо! Вы не должны вступать в переговоры без надлежащего эскорта. Это и опасно и... может умалить вашу честь!

Я отмахнулся.

— Полноте, сэр Норберт. После такого разгрома?

Он подумал, кивнул, но лицо выражало несогласие.

— Все равно, эскорт нужен. Иначе противник сочтет его отсутствие как неуважение.

— Герцог Вирланд Зальский, — ответил я, — все понял правильно. Он уже немолод, умеет смотреть в корень, к ритуалам относится... как к ритуалам. А сейчас хочу порадовать всех-всех! С сэром Вирландом мы договорились.

Когда мы вернулись в расположение войск, меня окружили взволнованные военачальники. Я ощутил неловкость, словно обманываю этих чистых и честных людей, поискав глазами сэра Раstera.

— Дорогой друг, не слышу вашего вопля насчет выпить, — сказал я с укором. — Сейчас как раз подходящий повод! Война закончена. Окончательно.

Вокруг заметались, как муравьи в их холмике, по которому стукнули палкой. Моментально поставили столы, нанесли вина, раздали чаши и кубки.

Граф Ришар поинтересовался в жгучем нетерпении:

— Неужели Вирланд сдается?

Нас слушали с таким жадным интересом, что даже не следили, сколько и чего слуги наливают в их чаши.

Я покачал головой.

— Не знаю, как сами воины, но Вирланд намерен драться.

— Будем штурмовать? — осведомился он деловито. — Или заморим осадой?

— Хуже, — ответил я и пояснил: — Для Вирланда хуже.
— А что, есть и третий вариант?

Я ухмыльнулся, на меня смотрят, задержав дыхание, момент очень уж напряженный, а я нарочно затянул паузу.

— Самый жестокий, — сказал я. — И позорный для Вирланда. Так поднимем же кубки!

Все дружно поднялись, с жестокими улыбками, бывалые и терпкие, закаленные в боях и походах. Над столом со звоном металла сомкнулись чаши и кубки, на скатерть плеснули красные, похожие на кровь капли.

Пока пили, запрокидывая чаши все выше, граф Ришар спросил тихо:

— Какой вариант?

— Просто оставим их в покое, — сказал я уверенно и властно, чтобы никто не смел спорить и выражать сомнение. — Конечно, расположим поблизости лагерь, но так, чтобы не перекрывать дорогу из крепости. Пусть свободно выходят, закупают продукты и возвращаются так же свободно.

На меня смотрели с напряженными лицами. У некоторых так и прилипли улыбки, очень диссонирующие с обеспокоенными глазами, а кубки застыли в пальцах.

Сэр Альбрехт поинтересовался негромко:

— Что вы задумали?

— Исключил одну из воюющих сторон, — объяснил я.

Он покачал головой.

— Сэр Ричард, я не вижу смысла.

— Он есть, — сказал я кратко.

— В чем? Так бы они сдались... Пусть даже нескоро! Вирланд предусмотрителен, но и у предусмотрительных запасы не бесконечны.

Я кивнул.

— Верно. Но я задумал кое-что пострашнее для Вирланда. И гораздо более унизительное, чем просто сдача крепости. Я не призываю мне просто верить. Вы просто все увидите сами.

На меня посматривали не столько обеспокоенно, как озабоченно, всяк старается понять, что же за хитрость я устроил, чтобы отомстить посмевшему бросить нам вызов герцогу.

Примчался всадник на легком коне с тавром графа Риша-

ра, что значит, прислан сэром Норбертом, прокричал, не покидая седла:

— Сэр Ричард!.. Наёмники хотят вступить в переговоры!..
— Это хорошо, — ответил я.
— Что передать?

Я подумал, посмотрел по сторонам, ответил со значением в голосе:

— Передай, что завтра изволю.

Он невольно посмотрел на ясное небо, солнце в зените, но понял, поклонился.

— Так и передам, ваша светлость!

Альбрехт проводил его долгим взглядом. Всадник унесся, лихо делая настолько крутой поворот, что едва не задел стременем землю.

— А хочется сейчас, правда?

— Мало ли, — пробурчал я, — что хочется. Пусть видят, что они для меня не относятся к приоритетным делам. Я, может быть, давно с собачкой не играл! Вот буду целый день бросать палку, а она пусть приносит, пока не выдохнется... Это важнее, чем говорить об уже решенном.

— А уже решено? — спросил он с бледной улыбкой.

— В принципе, — ответил я. — В принципе. А сейчас, дорогой барон, я изволю отбыть в Геннегау. На время, естественно.

Он охнулся.

— А наёмники?

Я пожал плечами.

— Как и обещал, я вступлю с ними в переговоры. Завтра. Пусть немного потомятся. Победители мы, вы не забыли?

Я въехал в Геннегау, а затем и на просторы территории дворцового сада, грозный и молчаливый. От меня шарахались, как куры от коршуна, узнавая не раньше, чем темная тень нависает над ними тяжело и неумолимо.

Начальник стражи, барон Эйц, рыцарь из Армландии, которого я возвел в бароны и поручил охрану, бодро отсалютовал, как младший рыцарь старшему.

— Все под контролем, ваша светлость!

— Это хорошо, — ответил я равнодушно. — На тебя возлагаю еще и пропагандистскую работу, барон.

— Чего?

— В Геннегау, — сказал я, — похоже, сами не сообразят, что властелин может прибывать без оповещения за месяц и без огромной свиты из поваров, конюхов, брадобреев и даже передвижного зверинца! Вразумляй время от времени.

Он сказал преданно:

— Будет сделано!

В королевских покоях ничто не изменилось, без меня сюда страшатся входить, хотя к Кейдану, как уже мне рассказали, ходили постоянно и готовили к его приходу. Что готовили, я выяснять не стал, завалился в сапогах на постель и вытянул натруженные ноги.

— Логирд, — произнес я негромко, отклика не было, я повторил: — Логирд!.. Ты там как?

Ответ донесся невнятный, но через пару мгновений притрак влетел в закрытое окно с такой мощью, что я инстинктивно ожидал звона выбитых стекол и треска. Он сделал полукруг, словно конь после горячей скачки, я отшатнулся, когда он оказался прямо перед моим лицом.

— А вы, сэр Ричард, как?

— Почти закончил, — ответил я. — Осталось по мелочи.

Он произнес с непонятным выражением:

— Да... вся политика — мелочь... Не мелочь только знание природы...

— Что-нибудь за это время узнал?

— Даже больше, — ответил он скромно.

— Что?

— Я отыскал, — сказал он.

— Хорошо, — ответил я осторожно, — это здорово, когда отыскивают, а не теряют... А что отыскал?

— Книгу, — объяснил он, — с заклинанием насчет отражающей магии. Это совсем близко... Не больше пары сотен миль.

Я спросил саркастически:

— По прямой? Как ворона летит?

— Пора учиться летать, — заметил он. — А то неловко да-

же. Уже майордом, а все еще не летает! Как-то непонятно даже. Словно вас уронили в детстве.

— Всех роняли.

— Ну, вас темечком... О камушек.

Я огляделся по сторонам. За окном острый и сияющий серп луны плывет по все еще светлому, хоть и бирюзовому небу. Тонкий, как тую натянутый лук, покрытый блестящим золотом, но с приходом темноты станет еще ослепительнее.

— Пойдем, — сказал я. — Ночь — время для ворья, любовников и майордомов всяких.

Ускользать пришлось долго и тщательно, во дворец стягиваются маги всех мастей, меня то и дело замечают даже в лиchine, наконец мы выбрались в заброшенный овраг. Я торопливо вытащил из-под камня веревку и захлестнул петлей на ноге.

Я поднялся не выше, чем позволила веревка, но здесь светло, а внизу сплошная темень, и не сразу различил слабо белеющую дорогу, услышал шум потоков, да по всей долине кое-где краснеют огоньки костров охотников, бродяг, разбойников и просто заночевавших бедных торговцев, хотя до Геннегау рукой подать.

Логирд возник, когда я опустился после краткого полета и пытался развязать веревку.

— Ну как ощущение?

— Справился, — ответил я. — Мне кажется, как только новизна ушла, так все теперь под контролем.

Крючковатые пальцы не справились с веревкой, я вернулся в тело человека, освободил ногу и снова превратился в чудовищного зверя с крыльями.

Судя по Логирду, он впечатлен, как быстро у меня все получилось. В самом деле, я уловил то крохотное усилие, а главное, понял, как держать звериные эмоции в кулаке. Да, они намного сильнее доводов разума, однако слишком простые, а умный всегда одолеет глупого силача.

Теплый океан воздуха остался внизу, а здесь только отдельные восходящие потоки. К своему удивлению я их вижу отчетливо, даже замечаю издали... Думаю, птицы тоже видят, а не натыкаются случайно.

Геннегау освещен так ярко, что можно заподозрить по-

жар, но это столица, где и должно быть много огней, как магических, так и простых. Я поднимался все выше и выше, пока не заныли плечи. Геннегау превратился в одинокий слабый костер в ночи. Я смотрел по сторонам и с дрожью чувствовал, как зрение приспосабливается. Вижу хоть и в черно-белом, но достаточно отчетливо зрю долины, изрытые древними рудниками дряхлые горы, различаю крохотные загородные виллы, что защищены от ворья и разбойников мощными заклятиями, длинные полосы виноградников, лоскутки полей, неправильной формы леса и проблескивающие внезапно озера.

Вниз я опускался почти по прямой, сложив крылья. Когда распустил их недалеко от земли, их почти вывернуло из суставов. Я заорал от дикой боли, удерживая встречный ветер и противясь падению, но все-таки ударился с такой силой, что кровь брызнула изо рта.

Я долго лежал, чувствуя, как тело спешно производит ремонт. Логирд исчез ненадолго, а когда явился, весь был воплощение сарказма.

— Опьянение полетом! Еще бы... Это понятно, однако... непростительно. Теперь вижу, вы все-таки мальчишка, сэр Ричард.

— Тебе хорошо, — сказал я слабым голосом.

Он ухмыльнулся.

— Даже не представляете насколько!.. Готовы?

— Сейчас? — спросил я.

Он заколыхался в неподвижном воздухе, словно его трепали струи бурной реки.

— А что вам мешает? Тяжеловата задница?

— Вообще-то ночь только началась, — сказал я. — С утра возвращаться в лагерь, потом переговоры с наемниками... Дальше снова дела, дела... Но масштаб моей личности уже не оставляет времени на мелкие глупости!

Логирд быстро полетал вокруг, словно светящаяся муха, за ним оставался длинный размытый след.

— Разве могут, — спросил он, — простые дела правителя сравниться с пьянящей радостью поиска знаний?

— Вот и говорю, — буркнул я. — Шагать в ногу со време-

нем не хватает либо времени, либо ног, но у нас, к счастью, крылья! Полетели?

Он взвился в воздух и оттуда крикнул:

— Лучше один раз вовремя, чем два раза правильно! Следуйте за мной.

— Только не гони, — предупредил я. — Пока еще со скоростью мысли летать не умею.

Я тяжело взлетел, он скользил рядом и бубнил настойчиво:

— Вы овладели всего лишь трансформацией. Это умеют многие маги. Но если в самом деле получили нечто от Терроса... а вы получили!.. то старайтесь пользоваться.

— Но... — просипел я, — как?

— Не вообще, — сказал он, — а сосредоточьтесь на чем-то одном. Вам жизненно важно к простой трансформации подключить и магию захвата и превращения того, что надето на вас и что является в какой-то мере частью вас самого. Я не имею в виду одежду и сапоги. Хорошо бы еще брать и перевязь с мечом...

Глава 4

Он летел впереди, легкий и эфирный, а я тяжело ломился сквозь плотный воздух, врезался всей массой, мощно рубил толстыми крыльями, а когда уставал — раздвигал пошире и парил, медленно скользя в ту сторону, куда унесся Логирд.

Иногда он возвращался, придиличиво смотрел, как я модифицирую крылья и тело, добиваясь большей аэродинамичности, сказал с непонятной завистью:

— И здесь вы знаете, что делать! Многогранный вы человек, ваша светлость!

Я прокаркал сипло:

— Это значит, я гад, сволочь, паразит и мерзавец одновременно?

— Подумать только, — восхитился он. — Уже майордом, а разговаривает! В смысле, пернатые вообще-то умеют только каркать. И крякать.

— Я не совсем пернатое, — прохрипел я модифицируе-

мым горлом. — Вон видишь, чешуя? На пузе? А на спине чё-нить придумаю покруче... но чтоб не тяжелое...

Вслед за Логирдом я поднимался по дуге все выше и выше, пробили облачный слой и неслись над ним, словно над заснеженным полем. Логирд предположил, что это эманация воздушных зверей Гырланов, что живут, не опускаясь на землю, я довольно невежливо сказал, что это дурость, а все облака — простой пар, поднимающийся от земли.

Он долго молчал, сказал со вздохом:

— Вот смотрю и понимаю, почему самых знатных и могущественных лордов называют птицами высокого полета! У таких птиц красоты не увидишь, пения не услышишь, зато дерзко достается всем, кто ниже...

Я каркнул:

— И птицы высокого полета порой садятся на собственные яйца. Не обижайся, Логирд! Но это все-таки простой пар, а никакая не эманация.

Он сказал печально:

— Возможно, вы правы. Но как жаль отказываться от красивой теории, что держалась веками!

Я сказал утешающее:

— Народ не откажется. В моем туземном королевстве до сих пор верят в деревья-людоеды, зеленых человечков, папуасских хилеров и бабку Глобу. А еще надеются выиграть в лотерею и найти кувшин с запечатанным джинном.

Слева разгорался слабый лиловый свет, таинственный и пугающий, он захватил треть неба, и, когда мы поднялись выше, странно отделился от темной земли и завис в небе, загадочный и тревожащий.

— Это всегда так? — спросил я.

— Что? — спросил он.

— Вон слева, — каркнул я.

Он исчез, а когда появился, буркнул:

— Ничего там нет. Да и отсюда ничего не видно.

— Существует достаточно света, — сказал я, — для тех, кто хочет видеть, и достаточно мрака для тех, кто не хочет.

Ладно, не кусается, и хорошо. Еще долго? А то у меня уже кости трещат.

— Подлетаем, — заверил он. — Еще чуть-чуть, и можно будет начинать снижение. Я сейчас взгляну...

Он исчез, я летел довольно долго, чувствуя, как зверски ноют перестроенные мышцы, ну разве можно вот так сразу, нужно медленно, как Мересьев, а мне, дураку, сразу надо полет в субатмосфере.

Логирд вынырнул из ночи, похожий на легкий дымок, повернулся вокруг оси и указал рукой направление.

— Чуть правее! И можно начинать снижение!

— Ура, — прокаркал я замученно. — Где садиться?

— Еще рано, — объяснил он. — Но вот так на растопыренных, постепенно ниже и ниже...

Я растопырился, как он и советовал, темная поверхность земли все еще оставалась неизмеримо далеко внизу, но горизонт начал медленно подниматься, серая шерсть внизу перестала казаться травой, а стала лесом. Логирд ушел в сторону белых в лунном свете развалин, похожих на высохшие скелеты допотопных зверей. Я повернул крылья, выравнивая полет, вытянутые вперед лапы ударились о землю, я пробежал с десяток шагов и обессиленно упал лицом в землю.

Логирд вынырнул из-за развалин.

— Сюда!

Я вернулся в тело человека, странное и неприятное ощущение. Сразу нахлынули слабость и незащищенность. Впрочем, все оружие приспособлено именно для рук успешного потомка обезьяны.

— Быстрее, — торопил Логирд. — Можем не успеть до рассвета.

Среди развалин обнаружился полуобвалившийся вход, вниз повели стертые ступеньки, под ногами захрустел высохший помет животных, мелкие косточки и черепа грызунов.

— Ненавижу подземелья, — сказал я с чувством. — И почему всегда приходится ползать именно по ним?

Логирд ответил, не оглядываясь:

— Вам сказать?

Я пробурчал:

— Да знаю-знаю, подземелья не падают в отличие от домов и башен. Это был риторический вопрос. Или привидения их не понимают?

— Я призрак, — напомнил он, — а не какое-то...

Я остановился, Логирд исчез, через пару минут вернулся и сказал довольно:

— Все верно. Еще на два этажа ниже.

Мы спустились еще и еще, вошли в пустую усыпальницу. На постаменте красиво и грозно смотрится каменный гроб, но крышка на полу, а когда я осторожно заглянул вовнутрь, там остатки скелета, руки разломаны и разбросаны на полу. Судя по разбитым фалангам, снимали кольца, а так как переломаны и запястья, там явно были еще и браслеты.

Кроме того, на полу столько высохшего дерьяма, словно все окрестные звери ходили сюда опорожняться кишечники.

— И что? — спросил я угрюмо.

Он подлетел к стене, исчез в ней наполовину.

— Вот здесь!.. А эта комната всего лишь ложный след. Одни, мол, ограбили и ушли, другие увидели, что все ограблено раньше их, и ушли тоже. А главное хранится вот здесь, за стеной!

— Хорошо тебе, — буркнул я, — сквозь стены ходишь.

Он возразил:

— Чтобы найти, сперва нужно знать, сквозь какую стену пойти! И где. А то стен много... Меч не сломается?

— А где у меня меч? — спросил я горько.

Подобрав камень, я тупо колотил им в стену, но стена поддаваться не желала, ее для того и сложили, чтобы никто даже не заподозрил, будто здесь можно пройти. Я пыхтел, сошел, долбил, уже понимая, что ничего не выйдет, разозлился и, сосредоточившись, начал процесс трансформации. Логирд что-то кричал предостерегающее, я молчал, закрыл глаза и представлял, как превращаюсь в бронированное чудовище, только без крыльев, без крыльев, совсем без крыльев... Голова сидит прямо на плечах, все укрыто толстыми костяными пластинаами...

Разогнавшись от другой стены, я ударился так, что засверкало в глазах, разогнался снова, шарахнулся со всей дури. Стена вздрогнула, затрещала, связка между камнями на-

рушилась. С третьего удара пара камней вывалились и пропали на той стороне.

Я превратился в человека и остался на полу, часто дыша и унимая трепещущее сердце.

Логирд крикнул:

— Это опасно!.. Нельзя больше двух раз!.. Потом сутки отдыха!..

— Я всего два раза, — напомнил я тяжело.

— А как обратно? — спросил он.

Я проследил за ним взглядом, он исчез в темной дыре. Ноги подрагивают, в голове колокольный звон. Кое-как вордел себя на задние конечности, в темноте Логирда не видно, но он не глубоководная медуза, чтобы светиться, бросил в дыру из ладоней шарик света, вытолкнул еще камень, что шатается, как зуб без корня, и влез следом.

Комната почти не отличается от предыдущей. В стене напротив гигантский камин в рост человека, роскошный и величественный, а в нем красиво пылают, рассыпаясь крупными пурпурными углями, березовые поленья. Задняя стенка багровая, так и кажется, что там все раскалено. Огражден решеткой из крупных красиво изогнутых прутьев, по обе стороны от камина массивные вазы, а над камином огромная картина с батальной сценой.

Уверенный, что это иллюзия, я протянул руки к огню слишком уверенно, жар опалил ногти так, что запахло жженой костью.

— Он что... — сказал я обалдело, — горит?

— Незаметно, да? — спросил Логирд ехидно.

— Да, но... как долго?

Он подумал, пожал призрачными плечами.

— Не думаю, что больше тысячи лет. Цвет пламени все еще красный.

Под правой стеной возвышается такой же постамент, какой видели в самом начале, а на нем гроб, только этот повыше классом. Слева стол, на нем зловеще-зеленым светится жидкость в большом стеклянном кувшине, плотно заткнутом деревянной пробкой.

На полу возле стола скрючился скелет, правая рука про-

тянута к постаменту. В его пустой грудной клетке, где должно находиться сердце, завис между ребер небольшой кинжал с позолоченной рукоятью. Еще два скелета в двух шагах сжимают в руках мечи. У одного разрублен череп, у второго рассечена грудная клетка.

В гробу со скрещенными на груди руками скелет человека, я сразу понял, что это женщина. Скелет не в том смысле, что высохшие кости, а как на сильно худого человека говорят, что он прямо скелет. У нее сохранилась кожа, почти прилипшая к скулам, веки опущены, но мне чудилось, что под ними уцелели глаза, дряблая шея и очень тонкие руки, почти полностью потерявшие плоть.

Логирд сказал тревожно:

— Даже не смотрите! Мы пришли за книгой. А это что-то страшное...

— Не бывает страшных женщин, — отпарировал я. — Бывают трусливые мужчины.

Он фыркнул раздраженно:

— Вам нравится этот скелет?

— Только треть мужчин любят полных женщин, — объяснил я. — Остальные вообще-то не перебирают и любят всяких... Кто она, не знаешь?

Одежда на ней яркая, праздничная, хотя краски поблекли, зато блестит золотое шитье, на груди тяжелый медальон. Ткань еще не истлела, хотя на острых коленях прорвалась под собственной тяжестью.

Логирд сказал тихо:

— Никто непомнит, кто она. Пойдемте, сэр Ричард! Библиотека в следующей комнате.

— Они что, — спросил я, — убили друг друга? Похоже, эти двое напали на этого... Он их убил, но и сам помер.

Логирд согласился:

— Да, он помер тут же. У него такая поза...

Я кивнул на стол с большим стеклянным кувшином.

— Что там, знаешь?

Он покачал головой.

— Все маги хранят свои тайны. Если что и записывают,

это обычно для себя. Даже ученикам редко передают свои знания. Пойдем.

— Пойдем, — согласился я.

Проходя мимо стола, я цапнул кувшин, он показался неестественно теплым, взвесил в руке. Логирд завис в проеме библиотеки, а я вернулся к умершей женщине и, с трудом вытащив пробку, вылил на нее весь кувшин.

Логирд вскрикнул:

— Зачем?

— Мне кажется, — ответил я, — это предназначалось ей. Помнишь, я полил твой череп?

Он поморшил рожу.

— Ну и что?.. Ладно, вам нужна та книга?

— Нужна, нужна, — сказал я.

Я уже был на пороге, когда треск и шум заставили оглянуться. Из гроба валил пар, слышалось бульканье, хлюпанье, словно я вылил туда бочку соляной или серной кислоты.

Логирд мгновенно оказался там, я видел, как отшатнулся, но не улетел, и я осторожно вернулся. Женщина медленно преображается, серая кожа наполняется изнутри, иссохшие руки на глазах наливаются жизнью, лицо порозовело, ушли морщины.

Она подняла веки, я ощутил оторопь, никогда не видел таких огромных черных глаз. Она посмотрела на Логирда, на меня, медленно села в гробу. Истлевшая одежда сваливалась с ее прекрасного тела клочьями, но ее взгляд был прикован ко мне. Я ошелепо смотрел на ее дивную грудь, на полные нежные губы, на быстро розовеющие щеки.

— Это ты, — спросила она самым музыкальным голосом, от которого у меня дрогнуло и сладко заныло сердце, — вернул меня к жизни?

— Это было нетрудно, — ответил я внезапно охрипшим голосом. — Все подготовил вон тот парень.

Она проследила за моим взглядом. Ее нежное, как цветок распускающейся розы, лицо погрустнело.

— Да, это мой верный Черлен. Я оставалась в сознании, когда ворвались мангрулы, и Черлен принял бой. Он убил их, но и сам... почти сразу. Я — волшебница Мари де Астарак,

потому смогла оставаться на грани жизни и смерти. Что могу для тебя сделать, мой спаситель?

Я отмахнулся.

— Да какая ерунда! У меня профессия такая — спасатель. Хожу и спасаю, хожу и спасаю. Иногда так наспасаешься... Словом, никаких благодарностей рыцари с женщин не берут. Что-то могу для вас сделать, леди? Я — майордом этих земель, это на случай, если вы спали долго и последних новостей не знаете. Ричард Длинные Руки, поэт и музыкант, но в данный момент завоеватель. Правда, поэт и музыкант из меня никакой, ниже плинтуса, зато завоеватель...

Она слабо усмехнулась.

— Да, я проспала, как ты говоришь, восемьсот лет.

— Чем-то могу помочь? — спросил я с обесценностю. — А то одинокой молодой женщине в этом мире не всегда безопасно!

Она выбралась из гроба, остатки одежды свалились с нее на пол, превращаясь в груду истлевших до невозможности лохмотьев. Волшебница взглянула на них с небрежностью, только сейчас замечая, что стоит перед молодым самцом совершенно голая, легонько щелкнула пальцами. Прекрасное платье возникло на ней моментально, словно она и находилась в нем.

Поморщившись, она покачала головой, платье исчезло, оставив ее на долю секунды соблазнительно обнаженной. Ее тело укрыли легкие доспехи из тонко выделанной кожи, сапоги выше колена, высокий каблук, на поясе с золотыми бляшками возникли непонятные мне побрякушки.

— Я не так беспомощна, — произнесла она с улыбкой. — И смогу за себя постоять. А вы... как я понимаю теперь, пришли ради библиотеки?

Я ответил настороженно:

— Да, если вы не против. Нам вообще-то нужна только одна книга. А в ней одно-единственное заклятие...

Она явно заколебалась, потом растянула губы в принужденной улыбке.

— Я не против. Моя жизнь мне все еще дорога, потому оставляю вам в благодарность ваши жизни.

Мы с Логирдом смотрели, как она неспешно пошла к сте-

не, протянула руку, по камням разбежались круги, как по воде. Она шагнула вперед и пропала.

Логирд прошептал:

— Было глупо!

— Инстинкт, — сказал я, оправдываясь. — Женщина!

— А если бы сорвала вам голову? Такая может.

Я вздохнул и развел руками.

— Не выйдет из меня святого. Любое искушение ломает мою стойкость через колено, как сухую камышинку.

Он проворчал:

— Вы устояли. Не знаю, что вы делали и как делали с нею в мыслях, но устояли. И выбрали библиотеку.

Глава 5

Последняя комната в самом деле оказалась библиотекой. В шкафу целых семь книг, не просто библиотека, а по нынешним временам большая библиотека. Даже очень.

Логирд указал нужный том, я снял с полки и, разложив на столе, поворачивал страницы. Логирд бурчал, что он бы сделал быстрее и аккуратнее, если бы мог, я старался, но истлевшая, как одежда волшебницы, бумага стала ломкой и хрупкой.

— Вот! — вскрикнул он. — Нет, не эта, но я помню, что за этой страницей идет та, где нужное заклятие... Та-а-ак, вот оно!

Я бережно-бережно, затаив дыхание, взялся на страницу, подул, разделяя с соседней. Станный рисунок, будто баловался ребенок, в то же время черные и безукоризненно ровные линии чертежа, непонятный узор, затейливый орнамент...

— Сейчас будем запоминать, — сказал он. — Вам не прощать, сэр Ричард, это тайный язык.

— Зачем?

— Могла попасть в чужие руки. Все делалось так, чтобы непосвященные прочесть не могли.

— А как прочту?

— Прочту я, — объяснил он. — Сэр Ричард, не дело лорда читать самому. Лорды даже запоминают... с трудом. Вам нужно только уметь произнести, когда придет нужное время.

Заклинание оказалось таким длинным, что любой про-

тивник убьет меня тысячу раз, пока договорю хотя бы до середины, но Логирд настаивал, в конце концов я и так знаю, что, если запомню, потом достаточно одного-единственного слова, которое назначу сам.

— И здесь кодовое, — воскликнул я. — Как хорошо, что колдуны такие тупые и предсказуемые! Деньги кладут в одно и то же место, пароли ставят одинаковые...

Он нахмурился, но смолчал. Глазные яблоки не двигались, ему это и не надо, но я понимал, что старательно разбирает древнюю тайнопись.

— Кстати, — сказал я тихонько, чтобы не мешать или хотя бы мешать не очень, — почему ты сам не отразил удар Террока? Когда был живым?

Он поморщился.

— Комару не отразить удар носорога. Даже очень крупному комару.

— Понятно, — сказал я, — так и запишем: особенно на эту способность рассчитывать не стоит.

— Лишней не будет, — сказал он уязвленно. — К тому же у вас сил может оказаться побольше. Хотя это не поможет, если один нападет спереди, а другой сзади.

— А круговой защиты нет? Ладно, проехали. Учи, я вообще-то планировал вернуться к утру. Если обнаружат, что их лорд исчез, поднимется тревога.

— Только тревога?

— Паника, — уточнил я.

— Да-а...

Он охнулся и отпрыгнул. Прямо из страницы прыгнул крохотный дракон и выпустил струю огня в Логирда. Тот отскочил еще, нервно рассмеялся. Я рассмотрел, что сквозь дракончика стена просвечивается так же отчетливо, как и сквозь Логирда.

— Если бы на моем месте оказались вы, — сказал Логирд, — вам бы пришлось туго. Старые мастера книги защищать умели.

Дракончик сконфуженно втянулся обратно в страницу, а Логирд начал медленно произносить длинные и довольно бессмысленные слова.

— Ну и бред, — пробормотал я. — Это перевод? Представляю, что в оригинал...

Логирд покачал головой, в глазах укор, но говорить не перестал. Я сказал поспешно:

— Запоминаю, правда! Мне светская беседа не мешает... Я почти как Цезарь.

На его лице отразилось сомнение, а когда договорил длинную фразу, потребовал:

— А теперь повторите!

Я набрал в грудь воздуха, он понадобится, и повторил без запинки и с той же интонацией. Логирд вытаращил глаза, снова покачал головой.

— Удивительно... У вас прямо дар запоминать! Как попугай. Вас, пожалуй, еще и читать можно будет научить. Будете первым грамотным королем.

На поверхность мы выбрались, когда на востоке посерело небо. Логирд сразу же устремился вверх и на восток, моментально исчез. Я со вздохом подпрыгнул и часто-часто забил по воздуху короткими крыльями, такие хороши для взлета, потом с усилием расширил, а когда набрал высоту, еще и удлинил, с этими легче скользить, планируя, почти на той же скорости.

В аэродинамике у меня пробелы, придется все на опыте, на собственной шкуре. Одно знаю: связки придется серьезно укрепить, да и мышцы для летания слабоваты.

Как только впереди показался Геннегау, Логирд снова появился, крикнул, что у него дела, исчез, дальше я летел один. Из осторожности сел довольно далеко от городской стены, потом бежал в личине исчезника, а когда и в ней начали замечать, юркнул через захламленный дворик, вернулся в себя любимого, и пошел в сторону дворца уже грозный и величественный.

Но вообще-то хрень какая-то. Я гроссграф, лорд-протектор, майордом, но прячусь, как мелкий воришко. Нужно что-то придумать поумнее. Скажем, выезжать по государственным делам на Зайчике, оставлять его в укромном месте, все равно не сопрут, летать сколько влезет, а обратно снова на Зайчике.

Обалдевшим стражам я сообщил, что ходил проверять, как бдят, вот одного застал дремлющим и подумываю, то ли

просто отрубить голову, то ли утопить, то ли распять на мишины для лучников, хоть какая-то польза будет. Как думаете, что лучше?

Оставив их трепещущими, свистнул Зайчику, тот вырвался из рук конюхов и прибежал бодрый и веселый.

— Вот и утро, — сказал я горько. — Ну, неси меня на полуправительственные переговоры.

Зайчик ринулся по зеленым холмам, как быстрый кораблик по высоким волнам, то стремительно вверх, то вниз. Я скоро начал чувствовать себя, как неумелый матрос при качке, но сам виноват — решил сократить путь, но все же арбогастр выскочил на прямую дорогу, и вскоре я увидел далеко впереди воинский лагерь.

На расстоянии полумили перехватили всадники Норберта, я сказал, что молодцы, бдят, и в их сопровождении отправился, минута лагерь, прямо к запертым вольным птицам.

Барон Альбрехт находился поблизости от глубокого и широкого рва, собранный и подозрительный, на меня взглянул с явным облегчением.

— Готовы, сэр Ричард?

— Да, — ответил я. — Как они?

— Пока не тревожатся, — ответил он. — Вообще это очень уверенные люди. Настоящие воины!

— Кто у них главный?

— Капитан Ретель, — ответил он. — Крепкий жук! Бывалый, третий, опытный. И явно умелый боец.

— Что, уже пробовали?

— Нет, — ответил он со сдержанной усмешкой, — но сами увидите.

Я спрыгнул на землю.

— Хорошо. Сообщите ему, что майордом Сен-Мари готов их выслушать.

К Зайчику подбежали и, ухватив за повод, утащили в сторону. Барон встал на край рва, крикнул, помахал руками. Некоторое время переговаривались, затем барон повернулся и сказал, что капитан Ретель уже идет к нам.

Я подошел ко рву, теперь хорошо видно, что стены отвесные, со дна злобно смотрят длинные пики, обломки копий,

просто заостренные колья. Все натыканы достаточно часто, чтобы упавший обязательно напоролся, как жук на булавку. И, главное, глубина в два человеческих роста, никто не подпрыгнет и не ухватится за край.

С той стороны быстро шел поджарый, крепкий и очень жилистый мужчина в легком доспехе с оголенными до плеч по жаре руками. Остановился на той сторонке рва, красиво и непринужденно отдал салют, как равный равному.

— Капитан Ретель, — сказал он звучным сильным голосом, — командую Вольными Альбатросами уже восемь лет.

— Майордом Сен-Мари, — ответил я, — Ричард Длинные Руки. Захватил это королевство, выбив из него варваров.

Я всматривался в его лицо, чувствуя, как невольная симпатия пробуждается в груди. Капитан наемников выглядит мужественным и поджарым, два небольших шрама над бровью и на скуле, красив той особой мужественной красотой, что так нравится мальчишкам, дуракам и женщинам: подтянутый, с прекрасно развитой мускулистой фигурой и высокомерным выражением превосходства аристократа, который не выпускает из руки меч, над не разгибающими спины крестьянами.

Он улыбался мне красиво, открыто и дружелюбно, весь бодрый, веселый и белозубый, ну прям родной брат моим Зайчику и Бобику.

— Сэр Ричард, — сказал он и, дождавшись кивка, продолжал с мужественной веселостью: — Должен признать, вы красиво разгромили герцога Вирланда! Ваш благородный друг, сэр Раster, побывал у нас и все рассказал. Неожиданный маневр, прекрасно подготовленные стрелки, идеальное взаимодействие пикейщиков и конницы... Восхищен!

Я кивнул.

— То ли еще будет, — пообещал я равнодушным голосом. — Еще не конец, капитан Ретель.

Он засмеялся, взъерошил светлые волосы на затылке.

— Да, вы умело загнали нас в ловушку! Признаюсь, я сам выбрал это место для лагеря. Идеально, если для обороны, с трех сторон скалы, напасть можно только с этой стороны, и я сразу велел перегородить здесь завалами, внезапного ночного

нападения можно не опасаться... Теперь еще и вы отгрохали этот чудовищный ров, нам отсюда в самом деле не выбраться.

— Это я вам обещаю, — сказал я.

Он переспросил:

— Что обещаете?

— Что не выберетесь, — объяснил я.

Он снова засмеялся, улыбка чистая и открытая, а зубы белые, ровные.

— Да, загнали вы нас... Что ж, сэр Ричард, ваша взяла. Я готов обсудить условия сдачи. И вообще... я предпочел бы сражаться на вашей стороне! Предпочтительно за ту же плату.

Улыбка стала несколько напряженной, приветствия и обмен любезностями закончились, начинается самое важное в жизни любого наемника — торг. Предпочтительно, как он сказал, им перейти на мою сторону и сражаться на ней за ту же плату, но согласятся и за плату поменьше. Во-первых, я их прижал, во-вторых, победитель хоть и платит меньше, зато в захваченных городах можно награбить вдесятеро, чем получаешь жалованья. Все-таки любой захваченный город остается не меньше, чем на трое суток для разграбления, это священный закон любой войны.

Я поинтересовался медленно:

— Чем вы занимались раньше, капитан Ретель?

Он широко улыбнулся.

— О, моя репутация на этот раз меня не обогнала?.. Я уже восемь лет, как уже сказал, успешно возглавляю этот отряд и постоянно привожу к победе! Правда, состав сменился за это время несколько раз, но, увы, такова судьба наемника, ха-ха!.. Впервые мы себя проявили в сражении у Черного Урочища, когда удар моего отряда решил исход боя в пользу графа Мюфлинга. У него сил было меньше, но мы обычно превосходим любого противника выучкой и воинским умением.

Я кивнул.

— Да, я слышал, вы сражаетесь отменно.

Он широко улыбнулся.

— Мы — профессионалы! А против нас обычно выставляют наспех вооруженных чем попало крестьян. Конечно, будь

их хоть вдесятеро больше, мы разобьем вообще без потерь с нашей стороны.

Я снова кивнул.

— Да, по выучке вы не уступаете рыцарям. А то и превосходите.

Он стал серьезным, плечи его слегка приподнялись и опустились.

— Не хочу вас обидеть, сэр Ричард, но... в основном мы превосходим и рыцарей. Все-таки только воюем, оттачиваем умение драться, а рыцари одновременно оттачивают умение управлять хозяйством, ломают головы, как лучше продать шерсть и не построить ли еще одну мельницу. К тому же, как бы это сказать деликатнее... рыцари нередко ставят себя в проигрышное положение соблюдением некоторых рыцарских правил... а у меня бойцы набраны из простонародья. У нас только одно правило — победа!

— Победа любой ценой, — произнес я задумчиво.

Он широко улыбнулся.

— Точно сказано, сэр!.. Победа любой ценой. А в бою только те правила хороши, которые ведут к победе.

— Да, — согласился я. — Это кредо... Хорошо, сэр Ретель, я подумаю над вашим предложением.

Он лихо отдал честь.

— Надеюсь, мы еще послужим вашей милости!

Глава 6

К лагерю запертых в каньоне наемников подошла только треть войска, остальные двинулись к Геннегау, но зато сюда стянулся цвет моего рыцарства и все военачальники.

Я удивленно покрутил головой.

— Чего вам в столице недостает?

Граф Ришар сдержанно улыбнулся, барон Альбрехт покачал головой, а сэр Растер сказал громогласно:

— Подвигов!.. Я еще не нажрался подвигами!.. Я за последние два года их совершил больше, чем за всю жизнь, но все равно мало!

— А в столице, — поддакнул ему лицемерно барон Альбрехт, — только вино да бабы! Разве это жизнь?

Сэр Раster призадумался, я сказал устало:

— Пойдемте в шатер. Перескажу разговор с наемниками.

Граф Ришар сказал торопливо:

— Тогда в мой. Он самый просторный. Уж извините, сэр Ричард, но так получилось! Не воспринимайте как умаление вашего достоинства...

Я отмахнулся.

— Полноте, граф. У вас и должен быть самый-самый. По всем показателям.

В шатре слуги торопливо расставляли кубки, чаши, на середину стола вывалили ломти холодного вареного мяса, сыра, караваи хлеба, принесли кувшины с вином.

Растер сказал оптимистически:

— А вы говорите, в столице вино, бабы... Вино и здесь есть!

Когда все расселись, я коротко пересказал разговор с капитаном Ретелем, хотя пересказывать особенно нечего. Сэр Раster чесал в затылке, крякал и сопел, Макс смотрит на меня отчаянными глазами, а барон Альбрехт спросил деловито:

— Воины из них великолепные, но что запрашивают?

— Я о цене не говорил, — сообщил я.

Барон сказал понимающим тоном:

— Понятно, чтоб потревожились?.. Это хорошо, не будут оговаривать особые условия. Вообще их надо будет ставить в самые опасные места. Во-первых, в самом деле лучшие из лучших, а во-вторых, нам чужих не жалко.

Растер вздохнул, произнес с упреком:

— Какой вы, сэр Альбрехт, циник... Хотя, конечно, пусть лучше погибают они, набранные изо всяких непонятных мест, чем наши армландцы.

Альбрехт заметил:

— Сейчас наши уже не только армландцы.

Растер отмахнулся.

— Но наемники и не сенмарийцы. Они вообще неизвестно что.

Вроде бы бесчувственная глыба, мелькнуло у меня, а чувствует даже точнее просвещенного барона. Наемники уже не

семмарицы, а некие граждане мира. В том смысле, что нет у них ни нации, ни веры, ни чести. Есть только оговоренное жалованье и право грабить в захваченных городах.

Макс тяжело вздохнул. Я спросил с интересом:

— А что вы скажете, сэр Макс?

Макс потупился, потом рывком вскинул голову и прямо посмотрел мне в лицо.

— Не знаю, сэр Ричард. Когда старшие и умудренные жизнью люди говорят, я должен только слушать. Но мне все-таки это кажется нехорошим.

— Что?

— Наёмники, — ответил он в тишине.

— Сами наёмники? — переспросил я. — Или то, что их можно нанять и поставить воевать вместо нас?

Он судорожно вздохнул.

— Да, сэр. И то, и другое. Мне кажется, что-то в этом есть очень нехорошее.

— У тебя чутье, — сказал я тепло. — Макс, не стесняйся чаще выражать свое мнение и даже настаивать на нем! Ты прав, хотя и сам, наверное, не понимаешь, почему прав. У тебя чутье, что хорошо и что плохо.

Он засмущался, потупил глазки, а щеки порозовели.

— Ну, сэр Ричард...

— У меня такого чутья нет, — ответил я горько. — Мне приходится перелопачивать пласти истории... это такое сбоприще старых слухов, на пальцах формулировать и упрощать для своего понимания, что такое хорошо, что такое плохо, а потом долго и тупо соображать, на какой стороне то новое, с чем я столкнулся, и на какой я сам. А ты — р-р-раз! И все понял. Главное, в точку.

— Ну, сэр Ричард! — запротестовал он, застеснявшись и густо краснея.

Я сказал веско, уже как решенное:

— Наёмники в самом деле — зло. Даже если на нашей стороне. Вообще неважно, на чьей стороне.

Барон Альбрехт сказал вопросительно:

— Но разве мы их не используем в своих целях?

Я сказал с горькой яростью:

Капитан Ретель насмешливо и снисходительно улыбался. В его отряде с железной дисциплиной немыслимо такое разгильдяйство. Барон по возвращении сообщил, что последняя оговорка о правой и левой руке, похоже, укрепила его решимость перейти на службу к нам.

— Но мы не воюем, — напомнил я.
Он усмехнулся.

— Капитан не верит, что сила будет пропадать зря. Полагает, что вы уже вынашиваете планы по вторжению в земли соседей. Это всегда происходило, когда королям удавалось объединить лордов.

— Пусть верит, — ответил я хмуро. — Как ров?

— Практически закончен.

— Хорошо. Отряды лучников, что я послал в обход?

— Вскоре будут на вершинах скал, — сообщил он. — Хотя не понимаю зачем. Разве что вынудите наемников принять совсем уж немыслимо жесткие требования?.. Например, сдать все награбленное? Но там не определить, что награбили, а что получили как жалованье.

— Да, — согласился я сухо, — а это нечестно, да?

— Иронизируете?

— Да еще сам не знаю, барон. Может быть, над самим собой.

Он посмотрел поверх моего плеча.

— Ого, и святая инквизиция пожаловала...

Я оглянулся, из крытой повозки заботливо помогали выбраться отцу Дитриху. На этот раз с ним был только один священник. Отец Дитрих светло улыбался, совсем не похожий на жестокого сжигателя ведьм и еретиков, крестил и раздавал благословение смиренно склонявшим головы рыцарям.

— Отец Дитрих, — сказал я, — мне очень нужна ваша поддержка.

— Слушаю, сын мой...

Я огляделся по сторонам. Рыцари посматривали в нашу сторону внимательно и с ожиданием. Я взял отца Дитриха под руку.

— Давайте отойдем.

Настороженный, он послушался, даже своего помощника

отослал жестом. Я перевел дыхание, отец Дитрих смотрит встревоженно, но на лице полное доверие, за это вторжение я более чем доказал преданность церкви.

— Отец Дитрих, — сказал я и задержал дыхание, потому что к горлу подступил тугой ком, но я с усилием проглотил и продолжил, глядя великому инквизитору прямо в глаза: — Отец Дитрих, я принял хорошо обдуманное решение... наемников следует уничтожить. Всех до единого!

Он невольно охнул.

— Сын мой!.. Откуда такая жестокость?

— Они преступники, — сказал я.

— Но даже к преступникам церковь должна быть милосердной.

Я покачал головой.

— Только не к таким.

Он спросил озабоченно:

— Сын мой, чем вызвано такое... неожиданное решение?
Это не по-христиански!

Я стиснул челюсти, да, выгляжу чудовищем, вопросы морали трудно бывает объяснить даже самому себе, а тут говорю с великим инквизитором, который в этом собаку съел.

Я вздохнул и сказал торопливо:

— Отец Дитрих, сейчас я как раз самый верный сын церкви, чем когда-либо! И эта вера в чистоту ее идеалов заставляет меня так поступить.

Он спросил строго:

— Не щадить даже тех, кто сдается?

— Да, — ответил я с жаром. — Святой отец, разве церковь не запрещала луки и арбалеты, как подлое оружие, когда трус может убить героя издалека?

Он ответил сумрачно:

— Запрет остался... неисполненным.

— Но он хорош! — воскликнул я с жаром. — Если бы дрались только лицом к лицу, смертей было бы меньше. И вообще войн намного меньше. Дрались бы только самые отчаянные, трусы оставались бы дома.

— А твое желание убить людей, которые готовы сдаться...

Я воскликнул страстно:

— Отец Дитрих! Это та зараза, которую нужно выжигать везде, где только можно! Каленым железом! По живому!.. Пока не стала простому народу казаться привлекательной! Более привлекательной, чем работа пахаря в поле, чем труд ремесленника, столяра, каменщика!.. А это обязательно произойдет, вот что страшно...

Он пробормотал:

— Но если наемники — отбросы общества... с чем я полностью согласен, то почему ты решил, что эта профессия станет когда-либо привлекательной?

Я с горечью прошел сквозь стиснутые зубы:

— Вы вот не можете себе представить даже такую простую вещь, что бродячие актеры станут когда-то богаче и важнее рыцарей! А куда уж поверить, что в отбросах жить легче... никаких обязывающих норм... и многие станут отбросами, и скажут, что это хорошо... Убийцы — хорошо, шлюхи — хорошо...

Он с силой встряхнул меня за плечо.

— Сэр Ричард, опомнитесь! Не пророчествуйте такие страшные вещи!

Я потряс головой, приходя в себя.

— Чтоб этого не случилось, мы и зачищаем королевство. Вернемся к нашим доблестным рыцарям. Они далеки от таких вопросов, но мы видим дальше, потому должны... Отец Дитрих, мы должны!

Военачальники в шатре ждали в молчании, по моему виду ощутили, что происходит нечто серьезное и очень тревожное. Я пару раз глубоко вздохнул, насыщая мозг кислородом, сейчас мне так гадко, что любая мелочь может помешать.

— Дорогие друзья, — сказал я глухо, — я — политик. Это значит, что просто редкостная скотина, которая ради достижения цели пойдет на все. Так вот, это и делаю. Иду на все! Даже на то, чтобы укреплять нравственность. Потому что высокая нравственность экономически целесообразна и для общества в целом выгодна.

Они слушали с недоумением, хоть и очень внимательно.

— Я не знаю более отвратительного явления, — продолжил я, — чем наемничество! В перечень смертных грехов не включено только потому, что тогда еще не было такой глубины па-

дения... Люди не могли представить, что человек рухнет на такое дно. Наёмники даже не заслуживают сожжения на костре, как еретики или ведьмы, для них это слишком велика честь... они будут истреблены, как дикие и заразные животные. Лорд Рейнфельс, ваши стрелки заняли позиции наверху скал?

Рейнфельс кивнул.

— Да, сэр Ричард. Стрелки, пращники и даже арбалетчики.

— Начинайте, — велел я. — Ни один не должен выйти живым.

Барон Альбрехт вздохнул, но покосился на отца Дитриха, смолчал. Сэр Растер прогудел с одобрением:

— Все правильно! Так их... Жаль только, что сами истребим, а не пошлем впереди себя в огонь, чтоб там погибли.

Альбрехт кивнул.

— Я именно это имел в виду. Наёмники — это отвратительно, но можно их использовать в своих целях.

Я сказал со злостью и горечью:

— Вот с таких крохотных отступлений от рыцарских идеалов и начинается! Сперва, презирая наёмников, начинаем использовать, бросая в самые худшие места. Потом эти наёмники отвоевывают все больше места в общественном сознании... Я имею в виду, что для того, чтобы заманить в якобы нужное обществу наёмничество, обществу придется романтизировать этих ублюдков! Чтобы молодые парни, пока еще тупые, как табуретки, на которых сидим, говорили в восторге: вау, это круто — быть наёмником! Это здорово! Ни работать, ни учиться — убивай, грабь и насилий! А тебе еще слава и уважение... Нет, уважение — слишком, но почтение!.. Деньги!.. Роскошные костюмы...

Барон Альбрехт запротестовал:

— Сэр Ричард, вы уж вообще в какие-то дебри заехали! Понятно же, что наёмничество всегда останется самой презренной профессией, и туда будут идти только законченные ублюдки! Я имел в виду, что и ублюдков можно не истреблять, а посыпать впереди себя... например, в ловушки. Пусть уж лучше они гибнут, чем мои люди.

Я сказал горько:

— Эх, барон... Вы не представляете, как далеко может за-

вести эта дорожка! Заговорят даже о такой нелепости, как о... чести наемника! Представляете, будут говорить, что у наемников есть своя этика и своя честь! Конечно, и у воров есть. Есть даже воры в законе, есть и воровской закон... Мы что, признаем их нормы? Потому давайте заразу уничтожать сразу, когда можно еще прижечь ранку, а не отрезать руку или ногу.

Глава 7

Они слушали с потемневшими и очень серьезными лицами. Я поднялся, давая знать, что сказал все, изменений не будет. Военачальники один за другим выходили из шатра. Я выждал, пока за последним опустится полог, рухнул за стол и уронил голову на кулаки.

Череп раскалывается от острых и тяжелых мыслей, что стучат изнутри, как таранами. Конечно же, барон Альбрехт прав, а я не прав, потому что в самом деле практическое поступить так, как предлагает он. И я это прекрасно знаю. Просто я вдруг из-за чего-то залетел вообще в какие-то высокие дебри. Наверное, потому, что на Юге пал так низко, что едва не принял из рук Сатаны императорскую корону, а теперь пытаюсь реабилитироваться в собственных глазах..

А это значит, перегибаю палку в другую сторону. И забочусь не о сиюминутных интересах, а о... интересах вообще. Интересах не графа, а человечества. Да, самое мерзкое и отвратительное на свете — наемники. Никто из нас не ангел, мы не только обманываем и прелюбодействуем, но и убиваем: из ревности, из жадности, из трусости, по тысяче других причин. И всякий раз находим оправдание и клянемся, что вот сейчас совершили это преступление, но это последний раз...

И только наемники убивают за деньги. Убивают холодно и беззлобно, что тягчайший грех, ибо нет даже такого слабого оправдания, как «за то, что он меня обидел». И не бывает честных наемников, как пытаются сказать те, кто так же точно облагораживает братков и прочих уголовников с их девизом «Один за всех, все за одного», кто оправдывает проституток, насильников, воров, разбойников, наркоманов...

Впрочем, если для проституток, воров и разбойников еще

можно найти какие-то смягчающие обстоятельства — не оправдывающие, а смягчающие, — то для наемников их нет. Даже в наше жестокое время, когда убивают на каждом шагу, а лишение жизни считается нормальным и естественным наказанием за проступок, и то палача приходится возить из города в город, потому что отыскать человека, способного убивать других за деньги, — трудное дело. Да и то палач появляется в балахоне, закрывающем с головы до ног, только для глаз и рук прорези: никто ведь не станет общаться с палачом, ему не подадут ни руки, ни кружку воды, не пустят на порог и сами не придут к нему в дом.

Я нанял из числа армландцев наиболее умелых в воинском деле и составил из них ударные отряды, за это плачу им немалые деньги, но они не наемники! Они защищают Армландию, где их жены и дети, их дома и поля. А эти вот, что занимаются воевать за деньги, выбирая того, кто больше платит, и тут же переходят на другую сторону, если там пообещают больше... Таких случаев полна история, когда в ходе сражения отряд наемников несколько раз переходил с одной стороны на другую, откликаясь на более высокую оплату, и нечего рассказывать про «честь наемника», эту ложь распространяют сами наемники!

Хотя, конечно, своя честь и своя этика есть и в уголовном мире. Но эта честь и эта этика среди своих, для остальных она враждебна...

Издали донеслись крики, звон железа, простучали копыта десятка коней. Я тяжело поднялся. Вообще-то наемники еще долго будут в недоумении, даже когда десяток-другой падет от стрел и арбалетов наших стрелков. Сочтут, как мы подсказали, что у нас правая рука не ведает, что делает левая, будут требовать срочных переговоров, даже наказания виновных.

Я уже намерился выйти из шатра, когда влетел запыхавшийся Макс.

— Сэр Ричард! Капитан Ретель в яности. Кричит, что наши идиоты убили тридцать человек из его отряда!.. Требует немедленно прекратить...

— ... и наказать виновных, — договорил я в тон. — Так?

Макс растерянно кивнул.

— Да, слово в слово. Что передать?

— Ничего, — ответил я.

— Совсем?

— Совсем, — сказал я резче. — С этой минуты любые переговоры с этими заразными животными прекращаем. Некоторое время они еще будут думать, что у нас тут полный бардак, потом начнут защищаться. А когда сообразят, что их почему-то уничтожаем...

— Пойдут на приступ, — закончил уже теперь Макс. — Но теперь у них нет шансов.

— Таким и не надо давать.

Отец Дитрих хотел было пройтись по разгромленному лагерю наемников и отпустить грехи умирающим, я воспротивился: собакам собачья смерть, но чувствовал, что идти супротив отца Дитриха кишкя у меня тонка, собрался отступить, однако неожиданно на защиту моей позиции встал молодой и яростный священник Варлампий, я узнал в нем того отважного, что бросился вытаскивать отца Дитриха из огня во время схватки с Терросом.

Абсолютно бесстрашный, который и папу римского вот так же будет чихвостить громогласно и прилюдно, если тот где оступится хоть чуть-чуть, он орал, брызгал слюной, сыпал цитатами из Святого Писания, обвинял, и просвещенный отец Дитрих смущился и отступил. Я даже не ощутил благодарности к этому фанатику, слишком гадок, ненавижу любой фанатизм, хотя это как раз тот случай, когда нужно перегнуть... хотя, да, конечно, перегибателей никто не любит.

Все же тела наемников не оставили на расклевание птицам и пожрание диким зверям, как предложил я, что опять-таки поддержал непримиримый отец Варлампий, а начали сволакивать и сбрасывать в огромную расщелину под скалой, сверху скидывали землю и камни. Отец Варлампий прослезился, чтобы над телами никто не смел читать заупокойную молитву. Пусть эти люди отправляются прямехенъко в ад. И чтоб за них не было подано ни единого голоса.

Один из лучников примчался с криком:

— Ваша светлость!.. Ваша светлость!

— Что стряслось?

— Девять наемников захвачены живыми!

Я нахмурился.

— Разве не велено было всех истребить?

— Да, — пробормотал он виновато, — но... так получилось... Эти девятеро догадались прикинуться мертвыми. А когда наши начали шарить по карманам убитых, тут и обнаружилось... Но убивать стало уже неловко.

Я тяжело вздохнул.

— Хорошо. Доставьте их сюда.

Через четверть часа привели всех девятерых, крепких, матерых, битых жизнью, с быстрыми глазами и явно очень смыщленых. Связанные, они тут же опустились на колени и смотрели в мое лицо с великим почтением, как на человека, который умудрился выказать еще большую жестокость, чем щеголяли перед побежденными они сами.

— Жить захотелось? — спросил я медленно. — Хорошо... Эй, подать сюда вон ту колоду!

Двое воинов, быстро-быстро перебирая ладонями, подкатили огромный кругляш. Еще двое схватили одного из наемников и бросили перед обрубком бревна так, что голова легла на импровизированную плаху. Третий вытащил из ножен меч и посмотрел на меня.

Я чувствовал, что все ждут, вот попугаю, а потом милостиво отпушу. Во многих жизнеописаниях подчеркивается именно это «милостиво».

В последний момент я заколебался, но сдавил сердце в железной руке правителя и сказал себе зло: новорожденного ублюдка не смог зарезать... конечно, слабак, но там понятно, тот еще ничем не успел напакостить, разве что срал в пеленки, а эти жили в свое удовольствие, врывались в захваченные города, грабили, издевались, распинали мужей на дверях и насиловали их жен и дочерей у них на виду... Этих есть за что!

Кровь ударила в голову, я прохрипел злобно:

— Каждому из этих... отрубить правую руку, выколоть правый глаз и отрезать правое ухо!.. Сделать это немедленно. Сейчас же. Приступайте!

Голос мой был страшен, я сам чувствовал, как меня коло-

тит, а холодная ярость сжала грудь, заморозив ее в льдине. Граф Ришар охнул, Раster выругался, а барон Альбрехт вскрикнул:

— Сэр Ричард!.. Это невозможно!

— Все возможно, — прорычал я люто. — Я не хочу войн, вы понимаете, барон?

— Но, сэр Ричард...

Я прорычал:

— Византийский император Василий приказал всех захваченных в плен болгарских воинов, а их было пятнадцать тысяч, ослепить! Пятнадцать тысяч!.. На каждую сотню оставил одного с невыраженным глазом, чтобы служил им поводырем. Как вам такое? И когда эта несметная толпа сильных, но беспомощных мужчин притащилась по пыльной выжженной дороге обратно в Болгарию, великий полководец и болгарский царь Борис, герой, который вынашивал планы на нести новый удар по Византии, увидел их с балкона... у него схватило сердце, он упал и умер. Таким образом император Василий, заслуживший прозвище Болгаробойцы, покорил отважную и независимую Болгарию!

Они слушали как громом пораженные, ошеломленные невероятной катастрофой и такой жестокостью. Барон Альбрехт пробормотал смятенно:

— Мы понимаем ваши доводы, сэр Ричард. Но... все-таки жестоко...

— Мир жесток, — отрезал я. — Когда-то отрубление рук заменим штрафом и подметанием улиц, а сейчас — да!

Сэр Раster спросил ошарашенно:

— Подметанием... улиц?

— Или другими общественными работами, — сказал я. — Но сейчас мир таков! К тому же пример дан не на пятнадцати тысячах! Всего девять человек... Да и не люди эти двуногие, хоть и наделены речью. Пусть идут по дорогам Сен-Мари и вообще везде-везде... Их будут жадно расспрашивать во всех тавернах, по городам и весям разнесется весть, что наемником быть не так уж и сладостно!

На меня смотрели все еще с ужасом, как на чудовище. Я застонал в бессилии, видя обвинение в чистых глазах Макса.

Что сделать, как убедить, как доказать, что очень важно саму профессию наемников в глазах малолетних придурков из сел и городов показать не такой красочной и романтичной, как им кажется. Пусть представлят себя на месте не только грабящих и насилующих, но и вот этих с отрубленными руками. Кто-то и передумает идти в наемники. И станет, возможно, не бесстрашным красавцем-наемником с «кодексом чести», три ха-ха, как же — кодекс чести у продажной твари! — а каким-нибудь вшивым Паскалем, Декартом или Серветом. А то и Ньютоном.

Наемники — воплощенная мечта малолетних идиотов, что бунтуют против всего увиденного, против любых законов, правил, устоев, мнений. Наемники не признают авторитетов, власти, церкви, Бога, морали, служат только самим себе — бау, как круто! У них нет Родины, Отечества, идеалов. Они сами по себе и по ту сторону добра и зла — мечта придурка, ненавидящего despoticеских родителей, что заставляют мыть шею и менять грязные носки на чистые. У многих детский возраст сильно затягивается, а ждать, когда поумнеют сами — а дураки вообще умнеют редко, — для общества слишком накладно.

Глава 8

Огромный ров тоже использовали, как братскую могилу, хотя слово «братская» не хочется поганить, применяя к такой мрази, как наемники. Сообщество — это совсем не то, что содружество, и надо быть полнейшим идиотом, чтобы не видеть разницу.

Все не поместились, как же много на свете сволочей, что стремятся нажиться на убийствах и грабежах... а наемничество — это узаконенные убийства. Не всякий убивающий — убийца, в армии нет убийц, а есть воины, но наемники именно убийцы, так как выбрали это ремесло добровольно и убивают за деньги.

Из города к отцу Дитриху приехали еще священники, но отец Варлампий удержал их от любых гуманитарных акций.

Да и сам отец Дитрих, устыдившись, велел кнехтам обращаться с убитым, как со зверем.

Один из кнехтов спросил устало:

— Тогда, может быть, не закапывать? Звери друга жрут... Все-таки польза.

— Надо бы, — согласился отец Дитрих печально. — Но такую гору звери не сожрут быстро. А когда начнут гнить, в эту жару начнутся болезни здесь и... дальше.

— А-а-а, — сказал кнехт, — значит, закапываем не для них, а для себя?

— Верно, сын мой. Человек все делает для себя, даже когда делает для других или даже для церкви.

— Спасибо, святой отец! Всех зароем.

Я не стал ждать, когда забросают землей последних, велел подать Зайчика. Двое воинов, гордясь порученной ролью, бегом привели арбогастра, порой повисая на удилах, когда он, играючи, поднимал голову.

В лагере седлали коней, сворачивали шатры и упаковывали в мешки. Наскоро сколоченные столы и стулья в последний раз соединили для прощального пира, слуги и оруженосцы таскали остатки провизии и вина, рыцари уселись тесными рядами и громко хвастались победами, кое-где звучали песни.

К своему изумлению, я увидел среди пирующих и отца Дитриха. Правда, перед ним на блюде только травка и рыба, но все-таки веселье слишком шумное и вряд ли способствующее благочестию.

Я спросил раздраженно, не слезая с седла:

— Снова пир? Сколько можно? Отец Дитрих, скажите что-нибудь грозное про грех чревоугодия!

Отец Дитрих поднялся, рыцари смотрят на великого инквизитора с почтением. Если велит поститься — сразу же никто больше крошки в рот не возьмет, однако отец Дитрих обвел всех отеческим взором и сказал проникновенно:

— В Святом Писании сказано: не говорим, будто все зло оттого, что едим и пьем. Не от этого оно, а от нашей беспечности и жадности. Диавол не ел и не пил — а пал, а Павел ел и пил — и взошел на небо!

Я досадливо крякнул, а суровые лица рыцарей просветели.

— Отец Дитрих! — сказал я с укором.

— Сын мой, — ответил он с затаенной улыбкой, — ты бы ваешь слишком строг.

— Святой отец! — вскричал я в изумлении. — Кто из нас инквизитор?

— К счастью, не ты, — ответил он все так же ласково, но я чувствовал за этим мягким тоном железную волю. — Ты бы всех на костры... Эх, молодость с ее перегибами! Одно скажу, я был в твоем возрасте, сын мой, еще злее.

Он сделал глоток из чаши, рыцари радостно зашумели и начали бестолково чокаться над столом, щедро плеская вином на скатерть и блюда.

Я повернул коня, поехал через лагерь, где кнехты бросают в огонь сломанные столы и стулья, рваные мешки и отслужившие свое шалаши. Везде веселая суматоха и радостное возбуждение, граф Ришар и военачальники деловито раздают указания, барон Альбрехт обернулся и уставился вопрошающими глазами.

Зайчик в нетерпении перебирал ногами, я придержал его и крикнул:

— Я в Геннегау!

— Всегда вы опережаете, — сказал барон с завистью.

— Думаете, — спросил я, — на пир еду?

— А что, разве великого майордома не встретят танцами?

— Мы пройдем мимо и дальше, — ответил я. — Увы, груз управления с нас никто не снимал. Ведь я майордом. Потому охотно беру самое тяжелое бремя и безропотно взваливаю на ваши плечи. Нам предстоит трудная работа, но я вижу, как все мы: армландцы, брабантцы, фоссанцы и даже сенмарицы медленно, но верно превращаемся в нацию!

Сэр Растер прислушался, спросил заинтересованно:

— Нацию? А что это?

— Нация, — объяснил я, — это сообщество людей, которых объединяют иллюзии об общих предках и общая ненависть к соседям.

Зайчик гарцаует в нетерпении, предчувствуя быстрый бег,

я повернул его в сторону скрытого пока за горизонтом Геннергая.

Сэр Раster прогудел озадаченно:

— Но у нас нет ненависти к соседям...

— Потому что и соседей нет, — уточнил барон Альбрехт.

— Найдем! — пообещал я. — Наличие внешнего врага сплачивает. И затыкает рот всяким недовольным и крикунам. Догоняйте! Я первым приступаю сегодня к трудовым будням. Завтра приступите и вы.

— Мы будем идти ме-е-е-едленно, — пообещал барон.

Граф Ришар сказал серьезно:

— Говорят, есть два способа управлять женщиной... но их никто не знает, однако надежного способа управлять государством вообще не существует в природе. Сэр Ричард, я вам искренне сочувствую! Даже соболезную.

Барон Альбрехт посмотрел на Раstера, на других военачальников, что слушают молча и почтительно.

— Но управление наладить надо быстро, — сказал он серьезно. — И поскорее. Если честно, при всей пышности и богатстве этого королевства, многие скоро начнут скучать по суворой простоте Армландии и ее обычаям. И лорды подумают о возвращении со своими отрядами.

Я спросил с беспокойством:

— Но вы-то меня не оставите?

Он невесело улыбнулся.

— Я нет. А вы, граф?

Граф Ришар развел руками.

— Вы не забыли, что я ушел было от ратных дел?.. Но, конечно, сэр Ричард, я полностью в вашем распоряжении. И останусь до тех пор, пока будет острая необходимость. Честно говоря, мне совсем не нужно здешних земель, я несметно богат... по-армландским меркам. Но, повторяю, вы затеяли настолько великое и... просто потрясающее дело, что я поддерживаю вас и буду поддерживать с прежним пылом.

Зайчик несется, как черный вихрь, народ успевает только взглянуть вдогонку. Стражи на входе во дворец торопливо отсалютовали, я бодро пробежал наверх, крикнул по дороге,

чтобы советника Куно Крумпфельда перед мои ясны очи не-
медленно, а то я страшен во гневе.

Когда после бешеной скачки торопливо утолял разгуляв-
шийся аппетит, церемониймейстер доложил, что королевский
советник барон Куно Крумпфельд прибыл и дожидается.

— Зови! — велел я.

Дверь начала отворяться, Куно проскользнул в щель все
такой же серый, незаметный и заранее исключающий себя из
числа соревнующихся за внимание хоть перед женщинами,
хоть перед сильными мира всего.

Я кивнул на кресло по ту сторона стола.

— Садись.

Он поклонился.

— Спасибо, ваша светлость. Но осмелюсь ли я мешать ва-
шей трапезе...

Я поморщился, махнул рукой.

— Куно, нас только двое, можно без церемоний. Жрать
хочешь?

— Спасибо, ваша светлость, — сказал он поспешно.

— А есть? Или даже кушать?

— Премного благодарен, ваша светлость, но я только что
очень сытно отрапезовал.

— А-а-а, боишься, что отравлю? Ну тогда смотри и глотай
слюнки. Только не слишком шумно. Каково положение в ко-
ролевстве на сегодня?

Он докладывал быстро и опуская мелкие детали, нигде не
выпячивая свою роль, напротив, подчеркивая значимость мо-
их советов и указаний. Это льстило, и хотя понимаю эту не-
хитрую механику, но все равно приятно. Ум одно, чувства —
другое.

— Хорошо, — сказал я мудро и державно. — Сделано
много. Главное, знаешь, что нужно делать. Тебя бы в карди-
налы... серые, конечно. Кстати, как насчет тайных ходов?

Куно встрепенулся:

— Тайных? Ходов?

— Не в интригах, — сказал я терпеливо. — У короля не
могло не быть тайных лазеек, по котором ходил, скажем, к
бабам. В каждом замке есть такие! А то и не по одному.

Он вздохнул.

— Прошу поверить мне, сэр Ричард. Если и есть, то мне о них неизвестно. Да и не очень-то нужны, если честно. Женщины сами соревнуются между собой, стараясь попасть в постель к королю. Мужья их тоже... словом, поощряют... Ну, прямо такое не говорится, но, как вы понимаете...

— Нет, — ответил я почти честно, — не понимаю.

— Шутите?

— Я ж северянин, — напомнил я, — а мы там целомудренные.

— Жена вельможи в постели короля, — пояснил он, — это же знаки внимания мужу, повышения, награды... А тайные ходы, гм... Мало того, что нужны только в условиях постоянных войн, когда всегда нужно быть готовым бежать из замка, а у нас таких войн отродясь не было... к тому же по такому ходу могут прийти и с другой стороны.

Я крякнул, вспомнив, как сам отыскивал такой ход и, топая сапожищами, врывался тайком в замок спящего противника прямо в его спальню.

— Жаль.

Он смотрел на меня с тревогой.

— Ваша светлость, вы уже полный господин в Геннегау. И в Сен-Мари, если не считать обособленные земли Ундерлендов. Вам нет нужды скрываться! А если к вам прибудут послы из других стран, которые сами не хотят показывать, кто они, их можно провести через всю страну в закрытой повозке, а во дворец войдут с капюшонами на лицах... так всегда делалось!

— Спасибо, Куно, — сказал я твердо. — Я подумаю над твоими словами.

— Ваша светлость, — ответил он с поклоном, — счастлив, если могу помочь. Только жаль, что не помог.

Я нахмурился.

— Больно ты проницательный. Смотри, начну подозревать, что слишком умный. Ни один правитель не терпит шибко умных. Все любят поддакивателей.

Он скромно улыбнулся.

— Вы не такой, ваша светлость.

Глава 9

Воздух плотный и горячий даже к вечеру. Я поглядывал на небо, не собирается ли гроза, однако на чистом небе только продолговатые раздерганные облака. Раскаленное до синеватой мутни солнце медленно опустилось за темно-багровое нечто, то ли облако, то ли холм, а оттуда просочилось, как яичный желток через сито, в темные недра земли.

Дворец хорош не только множеством роскошных залов, комнат и комнатушек, но и нагромождением башен и башенок, смотровых площадок, висячих мостиков, сложных переходов. Я, понятно, выбирал самые высокие, наконец оказался у входа в башню, пристроенную к дворцу. Это не сторожевая и не боевая, а так, то ли для скучающих дам, возжелавших посмотреть на город с птичьего полета, то ли для заинтересованногося астрономией правителя, как вон шах Улугбек, что из-за увлечения астрономией запустил государственные дела и разрушил огромное царство. Было бы чужое, не жалко, а то свое.

Ступеньки из драгоценного белого мрамора, поручни из черного дерева, что еще дороже, стена украшена узорами и мозаичными картинами. Я поднимался и поднимался, привычно подумав, что тут гады жируют, а простой народ голодает, потом напомнил себе, что, пока эта роскошь возводилась, тысячи рабочих и ремесленников кормились на этой стройке, а мастера совершенствовали свое умение.

Сверху в самом деле дивный обзор: город и окрестности, как на ладони, каменный парапет мне до пояса, а Кейдану, значит, было по грудь. Боялся высоты, наверное.

Пока никто не видит, я сцепил зубы и упражнялся в превращениях. Одежду уже легко, а меч и лук — ни в какую. Измучившись, приспособил перевязь, чтобы просовывать в нее голову и кое-как располагать на себе. Ящер с мечом на спине и с луком — это будет круто. Правда, тяжелый меч не желает держаться на шипастом и гребнистом хребте, все время сползает на пузо. Надо будет поработать над чешуйками или костяными пластинами, чтобы зацепить или укрепить там, где хочу.

Конечно, когда-то удастся, может быть, перевертываться в ящера вместе с мечом, но что-то пока туда. Логирд говорил, что великие маги могут превращаться хоть в дракона, хоть в муравья, но такое вообще не лезет в голову, а как же с законом сохранения массы?.. Похоже, я могу делать только то, что могу объяснить.

Магам проще, они верят во все, а мой рационализм все волшебное душит.

Устав от бесполезных попыток, я огляделся, сказал, едва шевеля губами:

— Логирд...

Полупрозрачный призрак выскочил из стены, влетел в противоположную и вернулся, пройдя попутно насекомый меня.

— Да, сэр Ричард?

— Здорово, — сказал я с завистью. — Просто чудо, когда расстояний просто нет.

— Зато есть другие ограничения, — ответил он серьезно.

— Очень серьезные. Попытаетесь отсюда?

— Глупо будет, — сказал я, — если всякий раз прятаться за городом. Как-то несолидно, будто ворье какое!.. Все спят, никто не заметит, если в темное небо поднимется темная птица.

— Дворец никогда не спит, — напомнил он.

— Но кто смотрит в небо? — спросил я. — Ты же знаешь, куда тут смотрят.

— Догадываюсь, — ответил он коротко и с брезгливостью в голосе.

— Думаю, стоит рискнуть.

Он кивнул.

— Тоже надеюсь, никто не станет смотреть вверх... слишком пристально. Давайте, сэр Ричард! Мне самому очень интересно, что еще сумеете.

— Дай сперва крылатость освоить, — огрызнулся я. — И так душа из пяток не вылезает.

Я постарался взлететь как можно более тихо и без привлечения внимания: не хлопал крыльями, не каркал, не крякал,

даже отрастил на концах крыльев перья, как у совы, благодаря которым летает совершенно бесшумно.

Перевязь с мечом пока держится туго, ножны с мечом застяли на спине между шипов, а вот сумка с провизией сползла на брюхо. Сейчас она ни к чему, но надо осваивать всякое, вдруг понадобится.

Уже высоко в небе растопырил крылья, выравнивая дыхание. Вот свечой вверх и вверх, это все равно, что бежать в крутую гору: сперва легко, а потом собственная задница висит тонну.

Город привычен, теперь запоминаю быстро, память фотографическая, хоть картографом иди подрабатывать. Теплые потоки воздуха медленно относят в сторону, я смотрел, как в лунном свете среди привычных глазу садов, огородов или просто роскошных рощ диких маслин четко и ясно проступают развалины старинных гробниц, забытых храмов, где в усыпальницах спят древние короли и владыки забытых ныне империй.

Там под толстым слоем земли и песка укрыты целые города, занесенные песком в одночасье, погибшие еще быстрее, чем Геркуланум и Помпея. Только в старых рукописях остались смутные упоминания о Мируке Славном, чья гробница размером с город, где собраны волшебные вещи, с помощью которых бывал даже в других мирах...

Логирд промелькнул перед глазами, потом завис впереди, похожий на скульптуру из синего дымка.

— Хорошо, ваша светлость, — сказал он с нетерпением в голосе. — У вас получается. Порхайте, привыкайте, я пока исчезну по своим делам. Но если что срочное, только крикните!

— Какие дела могут быть у привиде... у призрака? — спросил я.

Он загадочно усмехнулся.

— Больше, чем у живого!

Исчез моментально, я вздохнул завидующе, развернулся в сторону моря и, распластав крылья, медленно плыл над залившей серебристым светом луны землей. С моей стороны эгои-

стично ждать, что Логирд будет при мне неотлучно. Он и так приходит на зов из чистой благодарности.

Власти у меня над ним нет. Что, скорее, хорошо, чем плохо. Хотя жалко...

Здесь на юге летние ночи странно короткие. Вроде бы только что опустилось солнце и я поднялся на башню, а уже на востоке начинает сереть полоска над горизонтом. И все это время в небе носятся птицы, шарахаясь от меня в ужасе, а одна сова вообще ударила сослепу, видимо приняв за пыльную над землей скалу и не рассчитав маневр.

Ночные птицы все так же хватают летающих насекомых, в такую душную ночь те не впадают в оцепенение от холода. Мелких птиц хватают крупные, на земле стоит неумолчный треск, визг, скрип, стрекотание, как в траве, так и в кустах, кронах деревьев, даже на плавающих листьях болотных растений.

Земля приближается медленно, я не сразу сообразил, что все-таки устал и уже берегу силы. Очень хочется есть, в глотке пересохло. У пернатых и прочих летунов обмен веществ высок, им надо жрать чаще. Колибри вообще на ночь впадает в анабиоз, им долгая ночь без еды — верная смерть от голода. Я еще далек от колибри, но желудок начинает грызть ребра.

В небе вспыхнули облака, но на земле пока еще ночь, в низинах клубится седой туман. Растопырив крылья, я планировал, выбирая место, где можно сесть и перевести дух, а из-за горизонта выбрызнули яркие лучи и воспламенили кроны высоких деревьев.

Внизу медленно приближается берег небольшого озера. Я опустился на землю, именно опустился, а не упал и даже не плюхнулся. В воду с шумом дружно скакнула такая масса лягушек, что озеро могло бы подняться и затопить кротовые норки на лугу. Оглядевшись, я медленно и трудно перетек в человеческую форму, пугливо осмотрел себя и вздохнул с облегчением. Хотя в диком месте и не так уж и важно, голый или в штанах, но штаны придают уверенность. Еще важнее, что на мне перевязь с мечом, нужно только укоротить, подгоняя по человеческой фигуре, а также сумка с провизией. Моя

лодец Логирд, что настоял, понимает... Или просто знает на примере других трансформаторов. Или трансформеров.

Мои дрожащие от нетерпения пальцы цапнули сумку, же-лудок возбужденно завозился, устраиваясь для хватания добычи, даже слюнявчик повязал на грудь, но в зелени кустов мелькнуло нечто мелкое, словно бабочка пролетела... Бере-женого Бог бережет, я бросил ладонь на рукоять меча и при-слушался, заглядывая через колючие ветки.

Сперва я увидел нацеленное в мою сторону грубо сделан-ное копье с наконечником из блестящего и заостренного камня, потом — сжимающие его широкие зеленые ладони, и только тогда дрожь пробежала по телу: на меня с ненавистью смотрит огромный мускулистый тролль, зеленокожий, под стать листве, да еще и разрисованный темными полосками!

Тролль с глухим звериным рычанием начал медленно подниматься, раз уж замечен. Широкие лицо со светло-зеле-ной кожей кривится в гримасе ненависти, глаза злобно свер-кают из-под тяжелых надбровных дуг, нос почти человеческий, но губы втрое, если не впятеро крупнее, так раньше ри-совали карикатурных негров.

— Тихо-тихо, — проговорил я, не двигая и пальцем. — Я не враг, но отпор дам...

Тролль зарычал громче, показав два ряда ровных белых зубов, острых, как стальные ножи. Он выпрямился, я изумил-ся, опознав самку, две мощные груди уставились на меня с немым вызовом, дыни рядом с ними показались бы мелкими грушами, да еще и неспелыми. Как ни странно, широкие кружки темно-багровые, почти черные, а толстые с большой палец моей ноги соски такие же и по длине, но полыхают красным, как рубины насыщенных цветов, будто почти за-тухшие уголья костра.

Ее глубоко посаженные глаза впились в меня взглядом, стараясь поймать момент для удара копьем. Изо рта на миг выскользнул гибкий язычок и облизал пересохшие губы. Могучее сильное тело, широкие плечи и мускулистые руки, шрамов еще нет, из всей одежды — широкий пояс, снятый явно с убитого человека, на его кольцах сбоку висят два ножа с на-борными ручками, а с другой стороны — крупная фляга. Го-

лые ноги покрыты до коленей грязью, но широкие бедра чистые, вообще тело кажется удивительно опрятным из-за присущей троллям лягушачьей безволосости.

Мои пальцы уже коснулись рукояти меча, но там и застыли в нерешительности. Все-таки самка, а у нас некий внутренний заслон против убивания особой противоположного пола. Даже в самых политкорректных странах, где равноправие давно и прочно утвердились, мужчина не может убить женщину, если он, конечно, мужчина, а не облако в штанах.

Будь со мной боевая подруга, тогда все ясно, они бы подрались, потом моя напарница убила бы другую самку, ей можно. Даже нужно, это как бы лестная для меня борьба за самца, хотя на самом деле могли драться за единственную оставшуюся пару туфель на высокой шпильке. А если чужая самка нападет именно на меня, то надо пятиться, защищаясь от зверских и не по-женски сильных ударов, пока сама не поскользнется и как-то не убьется. Или промахнется и упадет с верха башни. Или выпадет в окно. Или врежется в электрические провода. Хотя тут проводов нет, но все равно, во что-то и как-то, я ни при чем, сама пришла убитая.

Несколько мгновений мы смотрели так друг на друга, я чувствовал, что она вот-вот метнет копье, как дротик, а то и сама ломанется через кусты, чтобы вцепиться в экстазе схватки в мою глотку.

— Погоди, — сказал я торопливо, — податься успеем. Поговорить надо.

Она прорычала низким, но все-таки женским ревом:

— О чём?

— Я должен проболтаться, — объяснил я, — про наши войска, рассказать, как нас легче побить...

Она прорычала все тем же басом:

— Гр-р... ну... пробалтывайся.

— Но не так же, — сказал я мягко, — ты нацелилась в меня копьем, моя рука на мече... Опусти копье, я уберу руку с меча.

Она рыкнула:

— Сперва ты!

— Хорошо, — согласился я. — Смотри!

Она посмотрела и медленно опустила копье.

— Я сейчас обойду куст, — предупредил я. — Чтобы быть на той стороне, где и ты. Чтоб у меня никаких преимуществ. Ты же сильнее, правда?

— Конечно, — ответила она грубым голосом, все еще настороженная, глаза изучающие сканировали меня с ног до головы. — Я тебя разорву голыми руками и сожгу!

— Только и мечтал о таком, — сообщил я. — О красивой смерти от зеленой руки!

Она начала поднимать копье, когда я обошел кусты и показался в прямой видимости. Я улыбался изо всех сил, мышцы рта заболели, но троллиха, увидев мое дружелюбное лицо и распахнутые в стороны руки с растопыренными пальцами, опустила копье острием в землю.

Я сказал с веселым удивлением:

— Смотрю и не верю... Эти штуки у тебя там настоящие?

Она проследила за моим взглядом, нахмурилась, это было устрашающее зрелище.

— Да, — прорычала она враждебно, — только тебе их не трогать.

— Жаль, — сказал я почти искренне, кашу маслом не испортишь, а комплименты нравятся не только мужчинам. — Я просто впервые вижу такое чудо!.. Огромные, зеленые, надутые... Каждая втрое больше твоей головы. Извини, не могу оторвать глаз. В самом деле нельзя потрогать?

— Нет!!!

Голос превратился в рев, в глазах блеснула ярость. Я поспешно выставил перед собой ладони.

— Извини, я просто не смог совладать с чувствами. Ты настолько красавая, что я уже и не понимаю, что говорю... И уж никак не смогу с тобой драться.

Она прорычала, выставив зубы:

— Зато драться хочу я!

— Женщина должна быть мягкой, — упрекнул я. — Ласковой. Тихой. А ты что за зверюка? Ты должна чесать меня и гладить, говорить ласковые слова...

Она крепче стиснула древко копья.

— Я не сдамся в плен.

— А я бы сдался, — ответил я со вздохом. — В такую жару совсем драться не хочется. Что ты со мной будешь делать, если сдамся? Изнасилуешь по праву войны?

Она фыркнула.

— Больно мне нужно пачкаться. Вырежу твое сердце и съем!

— Зачем?

— Сила и отвага врага перейдет ко мне! — ответила она, не задумываясь.

— Да какая во мне сила? — возразил я. — Так, видимость... Отваги, как видишь, и вовсе нет.

Она призадумалась, явно озадаченная, потом сказала:

— Тогда съем печень!

— У меня больная печень, — заверил я. — Не то тоска ее гложет, не то бычий цепень. Вот уже неделю в боку колет. Кто съест, сам заболеет и тут же красиво задрыгает в воздухе всеми четырьмя.

Она спросила с удивлением:

— Зачем? Это такой танец?

— Предсмертный, — объяснил я.

Она скривилась, морда на удивление выразительная, никаких интеллигентских нюансов, одни контрасты.

— И что, — спросила она, глядя, как на копошащегося у ее ног червяка, — у тебя совсем ничего нет здорового?

— Есть, — ответил я скромно, — можешь начинать, даже убивать не надо... Да опусти ты это копье! Тяжело ведь.

Она потрясла копьем, доказывая, что руки ее сильны, и вообще не теряет бдительности. Я старался улыбаться как можно шире, уже не только губы, весь рот болит, говорю медленно, вдруг да убаюкаю, загипнотизирую, расслаблю, но троллиха следит за каждым моим движением и мимикой, взгляд остается злым и настороженным.

— Я убью тебя, — сказала она.

— Давай заключим перемирие, — предложил я. — Временное.

Она помедлила, переспросила:

— Это... как? И зачем?

— Повторяю, — сказал я терпеливо. — Хотя тролли всегда

орут и обвиняют меня, что повторяюсь, но для вас нужно повторять и повторять, потому что сейчас помните и даже ругаетесь на повторы, но тут же забываете, что говорил важное. Только и помните, что вроде бы какие-то повторы были... А еще баги, хотя сами не понимаете, что это. Словом, если меня убьешь, ничего не узнаешь. А так вот посидим в тени вон того дерева, отдохнем, поговорим. Ты от меня выведаешь ценные сведения о наших слабых сторонах, о количестве войска, узнаешь наши планы, куда идем и что собираемся делать.... Разве это не важно? Твой вождь будет счастлив услышать о наших коварных замыслах!

Глава 10

Ее брови сдвинулись, но в глазах появилось задумчивое выражение. Острие копья начало медленно опускаться, а рельефные мускулы потеряли четкость.

— У нас не вождь, — ответила она, — а совет старейшин.

— Ого, почти демократия, — сказал я с уважением. — А кто главный?

— Фишкайллер, — сообщила она. — Он умный!.. И всегда с книжкой ходит!..

— Ого, — сказал я потрясенно. — Так, глядишь, и читать научится... Как Тарзан в джунглях. Ну так как? Насчет перемирия?

Она сказала злобно:

— Откуда я знаю, что не ударишь в спину?

— Клянусь, — ответил я торжественно. — У нас это очень важно. Я не ударю тебя тайком, правда.

Она поколебалась, но, похоже, взвесила еще раз шансы выстоять против меня в схватке, если не договоримся, и сказала с глухим рычанием:

— Ладно. Пойдем к дереву.

Она повернулась и пошла первой, спина широка, как фоссанская степь, и прямая, лопатки сведены вместе, словно ожидает удара, не такая уж и толстая в пояснице, если учитывать размах плеч и размер необъятного зада, мощными ягоди-

цами двигает из стороны в сторону так, что сбила бы с ног носорога средних размеров.

Я преодолел искушение ухватить троллиху за эти двигающиеся места, похожие на жернова мельницы великанов, дождал и пошел рядом. Она косилась в мою сторону, ростом чуть ниже, хоть и вытягивается, даже старается идти чуть ли не на цыпочках, что при ее весе... центнера два, не меньше... совсем не просто. Теперь уже я косил глаза на могучие валуны ее груди, что при их тяжести удивительно легко приподнимаются при каждом шаге, а когда троллиха перепрыгнула мелкую канавку, взлетели и мощным ударом в нижнюю челюсть подбросили ей голову с такой силой, что клацнули зубы. Затем эти вторичные половые опустились почти до живота и тут же, как на тугой резине, резво поднялись и снова ровно заколыхались, приковывая мой взгляд.

Дерево приближалось с каждым шагом, а когда мы шагнули в тень, солнце пропало за ветвями. На плечи упала долгожданная прохлада, хотя воздух уже с утра накален, как в плавильной печи алхимика. Толстые корни всучивают землю, кое-где вылезли на поверхность, голые и белесые. Как водится, сильные корни пронзили слежавшиеся на большой глубине пласти глины, благодаря им наверх пробился небольшой ключик.

Мы сели под деревом так, чтобы спины защищали ствол, я выложил из мешка еду. Троллиха смотрела с подозрением.

— Вы это едите?

— Да, — ответил я.

Она фыркнула:

— Слабые никчемные люди!..

— Почему?

Она удивилась:

— Как почему?.. Есть надо сырое мясо.

Я сказал без уверенности:

— Разве вы не жарите?

— Когда в стойбище, — ответила она с превосходством. — А в походе только сырое!

— Походный паек, — ответил я понимающе, — это да, у нас тоже так. У меня это тоже, считай, сырое мясо. Дома

жрем повкуснее. Не хочешь попробовать? Я же говорю, это сырое мясо, если сравнивать с нашим стойбищным.

Она поколебалась, но взяла и хлеб, и сыр. Пожевала, старательно выдерживая гримасу отвращения, я подал ей кусок хорошо прожаренной баранины, она съела и его, но на этот раз не сумела выдержать роль и довольно звучно плямкала, а потом облизала пальцы.

— Нежные вы, — сказала презрительно. — Сильные должны есть сырое мясо!..

— Да, — сказал я и подал ей бурдюк с вином, — ты права. И пить сильные должны не простую воду, а вот этот напиток могучих и свирепых героев!

Она взяла с некоторым колебанием, но наткнулась на мой взгляд, а я постарался сделать его насмешливым, фыркнула и запрокинула горлышко над широкогубым ртом. Я проследил, как темно-красная струя падает красивой дугой, троллиха почти не глотала, а когда передала мне бурдюк, я видел, как повеселело ее лицо, тревога начала выветриваться, а через несколько минут я с удивлением услышал, как она хихикнула, словно перетерла в жерновах булыжник:

— Почему люди даже в жару одеваются на себя столько?

— Нежные мы, — объяснил я, — как ты и сказала. Ты вообще молодец, все замечаешь!

Она сказала довольно:

— Да, я такая! Умная.

Я сбросил рубашку, ветерок ласково прошелся по разгоряченной и вспотевшей коже. Троллиха с интересом смотрела на мои руки. У меня волосатость как раз пониженнная, но в сравнении с ее гладкой и блестящей кожей, я просто дикарь какой-то, шимпанз или горилл, а то и бабуин.

— Какие люди все-таки гадкие...

— И противные, — согласился я. — Да, мы в глубине души всегда завидовали вашей гладкой и такой зеленой, как молодая трава, коже... И вообще вы хороши с такими короткими кривыми ногами, с такой объемистой грудью, с такой фигуристой задницей...

Она слушала с удовольствием, все больше расслабляясь. Глаза стали довольными, губы расплылись в торжествующую

усмешку. Крепкое вино ударило в голову, хорошо, сейчас обессиливает мышцы, но главное — наполнит покоем и благодушием.

— Да, — прорычала таким мурлычущим голосом, словно передо мной сидел сытый тиранозавр, — мы сильный народ...

— И мудрый, — согласился я, — а главное — красивый!.. Все наши женщины хотели бы иметь вот такие... ого, какие тяжелые!.. Как здорово... На глазах растут, как круто... А эти штуки выдвигаются, как кольца подзорной трубы... Ух ты, еще выдвинулись!..

Она со снисходительным пренебрежением наблюдала, как я ощупываю ее, продолжая восторгаться совершенством троллей. На самом деле я ничуть не прикидывался, это же кайф, в такую жару могу не просто трогать, но и прижаться к холодному, как у только что вылезшей из воды лягушки, телу. Это же как здорово, когда эта лягушка размером с бегемота! Мы в тени, но воздух накален, даже глотку обжигает, а тут чувствуется, что не только кожа, но под нею и кровь холодная. Какое блаженство в такой жаркий день лапать и щупать прохладное тело, что ничуть не разогревается и не истекает вонючим потом под моими ладонями с жадно загребущими пальцами!

— Как здорово, — сказал я искренне, — в такую жару ты такая прохладненькая, лягушечка ты моя!

— Почему лягушечка? — прорычала она совсем пьяным голосом.

— У нас, — объяснил я, — иногда удавалось, если очень сильно повезет, жениться на лягушках. В основном короли старались. Царевны-лягушки, так они и назывались. Или принцессы-лягушки, если в других землях. Что делать, если в наших краях троллей нет? Вот и приходилось на такой мелочи... А ты вон какая крупная, сочная, прохладненькая...

Я прижался к ней, она зычно взревывала, я понимал, что это ее довольно и снисходительное хихиканье, чувствует мой жар и мое желание спастись от зноя вот таким способом. Я совсем уж не то чтобы прижался к желанной прохладе, а буквально втиснулся в ее мощное тело, ставшее мягким, облапил и, продолжая нахваливать, сдвинул, заставив оторвать спину от дуба, и уложил на траву.

Ее исподлобистые глаза взглянули уже без всякой опаски, руки она свободно раскинула в стороны, в самом деле красиво вылепленные, толстые, мускулистые, а обе зеленоватые горы грудей легонько колыхаются от сдерживаемого смеха.

Ноги тоже раздвинула, бедра на загляденье толстые и мощные, фигурно вылепленные. Я поспешно сбросил штаны и лег сверху, словно на мягкий матрас, наполненный водой.

- Ой, какая же ты замечательно прохладненькая...
- А ты какой противно горячий...
- Сейчас я остыну, — пообещал я.
- Ладно...
- Вот щас, щас...

Троллиха вздрогнула запоздало и вяло, но я продолжал смотреть ей в глаза весело и успокаивающе, восторгался ею и снова восторгался, а потом опять восторгался. Она постепенно расслабилась, зеленые веки медленно опустились, закрывая злобненькие глазки. Мне даже показалось, что засыпает, потом в ее недрах начал нарастать жар, очень странное ощущение, когда кожа остается прохладной, даже холодной, но все-таки погружаюсь, как в кипящее масло.

Над головой чирикали птицы, в какой-то момент вроде бы подошел, обогнув дерево, и критически посмотрел сверху какой-то зверь, неодобрительно фыркнул и удалился. Ветви шелестят, по моей спине пробежал жук с воробья размером и тяжелый, будто из свинца. Потом я уже не слышал ни птиц, ни шелеста, а по мне могли бегать даже дикие лошади Прже-вальского.

Волны еще встряхивали мое тело, когда я опомнился и спросил тихо:

- А ты?
- Не поднимая век, она рыкнула, выставив клыки:
- Не смогу, ты... такой противный!.. Но не обращай внимания.
- Но...
- ...как вы всегда делаете.
- Да это я так, — объяснил я, — из вежливости. Вежливость — эта такая вещь... вы о ней не слыхали. Да и мы, собственно, только слышали.

— Может быть, теперь слезешь?

— Не могу, — признался я. — Ты такая прелесть, что даже вот теперь... не могу слезеть и отвернуться к стенке. И стенки нет, и ты такое прохладное чудо! Я до встречи с тобой чуть не вскипал, еще малость — взорвался бы от перегрева, а ты, моя лягушечка, спасла от жуткой смерти, ну просто чудо из чудес...

Она что-то пробормотала, дышит легко и расслабленно, мой вес ей не помеха, сильная женщина, лежу, не опираясь на колени и локти. Ее дыхание приподнимет меня и опускает, ну прямо сказка, я продолжал вжиматься в прохладу и мягкость, чувствуя как в самом деле уходит из крови жар, а из черепа — горячечные мысли. Ее толстые могучие мышцы расслабились, лежу будто на нежнейшей перине, наполненной прохладной водой...

Мои руки сами по себе начали мять ее могучее и огромное вымя, смаковать прочие прелести, и снова разгорелся жар, который я постарался погасить самым простым и примитивным способом. На этот раз мне показалось, что и троллиха отозвалась, хоть сдерживается изо всех сил, даже глаза прикрыла, чтобы не видеть омерзительную рожу человека, такую далекую от канонов красоты тролля.

Затем мы оба долго лежали молча, от нашего хриплого дыхания и довольного рева не только разбежались жуки, но и разлетелись птицы из кроны дерева. Наконец я заставил себя скатиться со все так же прохладного и лакомого, бухнулся в траву рядом и лежал, бездумно и довольно глядя на зеленые ветви. Там мелькнул рыжий зверек, донеслось тонкое верещанье, вниз полетела сосновая шишка, откуда он ее только и взял, ветви колыхнулись еще пару раз и успокоились.

Она с трудом повернула в мою сторону голову, вино уже сработало в полную силу, хихикнула грубым голосом, как мог бы хихикнуть слон:

— Я слышала, вам религия запрещает...

Я ухмыльнулся.

— Мало ли что — религия! Религия — еще не вера.

— А вера? — спросила она пьяным голосом и снова гулко хихикнула.

— Вера не запрещает, — ответил я. — Вере нет дела до таких мелочей, как, с кем и в какой позе.

— Но другие люди...

Я отмахнулся.

— То другие. А я особенный.

— Избранный?

Я помотал головой.

— Этих избранных хоть анусом кушай. Деревьев не хватит, чтобы перевешать. Особенный! Это значит, что в моем королевстве на паспорт не смотрят. Даже на морду, бывало, не смотрят... если есть на что смотреть еще.

— А у меня есть?

— Есть, — заверил я. — Даже не думал, что на свете могут быть вот такие... гм... Класс! Дай еще потрогаю, ну не могу утерпеть... Это же мечта всех мужчин, завидую троллям! Я же сказал, у нас даже на лягушках женятся, а лягушкам до тебя далеко... У них нет вот таких... ух ты, они стали еще больше!.. Никогда бы не подумал... И вот этого нет... Про вот такое вообще молчу, теперь каждую ночь будет сниться...

Она скосила глаза на мои пальцы, проговорила заплетающимся языком:

— Ой, не начинай снова...

— Что случилось?

— Я не выдержу... Ты такой горячий...

— Очень противно? — спросил я с запоздалым раскаянием.

— Очень, — призналась она и хихикнула громче. — Настолько отвратительно, что... даже понравилось.

— Ух ты, как это?

— Не знаю, — ответила она пьяным голосом. — Странно как-то...

Я подумал, предложил:

— Давай выясним, почему это. И как.

— Как выясним?

— А вот так, — ответил я.

Глава 11

К неудовольствию дуба, на этот раз мы не только измочалили траву спинами, но и вылезшие из земли корни вбили обратно, а землю утрамбовали, как стадо мамонтов. Я скатил-

ся с бурно дышащей зеленой горы, отдохнул и, дотянувшись до мешка с едой, разложил по холстине остатки недельного запаса.

— Кушать подано, моя лягушечка!

Троллиха села напротив, в самом деле похожая на гигантскую зеленую лягушку, что уже обсохла и нажралась комаров, а, теперь сонная и ленивая, не желает даже шевелиться. Толстые ноги сложила, как йог, в такой позе спина не просто прямая, а даже слегка откинута назад, живот подтянут, а разогретые моими руками и не только руками исполинские зеленые шары грудей выглядят потрясающие, а еще там на кончиках выпуклые чаши из малахита с детский кулак размером рубинами.

— Хорошо, — сказал я с чувством, — что сохранились такие вот места.

— Какие?

— Где не ступала нога человека, — объяснил я.

— Таких мест полно, — ответила она с недоумением.

Я вздохнул.

— Пришли мы и принесли новую веру. Теперь этих мест не останется. Сперва везде побываем и все нанесем на подробнейшие карты. Потом все заселим, ибо наш Господь велел плодиться и размножаться. И... прости-прощай дикая природа!

Она сказала уверенно:

— Этого никогда не будет!

Хмель уже почти покинул ее голову, хотя тело все еще расслаблено, но за это время ушла настороженность, ужинаем и общаемся, как двое старых приятелей. Вообще-то хороший способ быстрого знакомства и приятельского сближения придумала природа. Или Господь, кому как удобнее.

— Живете только здесь? — спросил я. — В смысле, в этом районе?

Она проследила за моим взмахом руки.

— Нет, — объяснила она обстоятельно, — мы дальше. Это я забрела так далеко... из любопытства. Но пора возвращаться. А так мое племя пришло с моря. Там на островах живут остальные.

— На островах просто рай, — сказал я понимающе. — Тे-

плое море, безоблачное небо, рыбная диета и богатые йодом водоросли... Зря вы ушли.

— Не знаю, — ответила она беспечно. — Наши переселились сюда, когда мой дедушка был ребенком. Я моря вообще не видела, хотя наши корабли, как говорят старейшины, ждут нас в каком-то тайном месте.

— Хорошо быть троллем, — сказал я. — Романтика дальних морей, альбатросы, пираты...

— Вообще-то ты сильный, — ответила она невпопад, словно отвечая на свои мысли. — Мог бы стать не самым худшим из троллей.

— Спасибо, — сказал я, — польщен! В самом деле. Сколько у нас таких, что мечтают стать троллями или хотя бы походить на них! Даже по улицам ходят, растопырив локти, будто им мешают горы мускулов и вот так смотрят исподлобья по сторонам. И морды делают вот так... и вот так...

Она снова улыбалась, польщенная, всем приятно, когда говорят комплименты им самим или их племени. Тени слились, темнота начала сгущаться, и улыбка на ее толстых, еще более толстых и вздутых губах застыла.

— Надо возвращаться...

— Могу разжечь костер, — предложил я.

— И что?

— Да так просто, — ответил я, — посидим еще и у костра. Ты покажешь свои тролльи пляски... Сперва воинские, ты же воин?.. потом всякие разные... ну, всякие, ты понимаешь, о каких я...

Она помрачнела, покачала головой. Нижние клыки уже не выдвигала, как-то догадавшись, что в людских канонах другие нормы красоты, вздохнула, отчего могучие шары красиво поднялись, задержались там и медленно вернулись на место.

— Надо идти.

— Надо, — согласился и я. — Не хочется, но надо.

Оба одновременно со вздохом сожаления поднялись на ноги. Она, почти не уступая в росте, прямо посмотрела мне в глаза.

— Меня зовут Фэдда, — произнесла она негромко. — Если скажешь, что пришел ко мне, тебя не убьют.

— Спасибо, — сказал я. — Тронут... Да, погоди, ты забыла, что я должен проболтаться о великой тайне, за которую наградят старейшины! Тайна вот в чем: никто не знает, даже здешние люди, что мы вышли не из герцогства Брабант. Да-да, мы проникли под Хребтом с северной стороны и теперь заграбастываем здешнее королевство. Мы куда более злые и нетерпимые, чем люди королевства Сен-Мари. И жестокие, как все молодые и сильные.

Она ахнула и смотрела на меня расширенными глазами. На лице ее впервые отразился страх.

— Ты... оттуда?

— Да, — подтвердил я.

Она прошептала испуганно:

— Но там, говорят, совсем чудовища...

— Ага, — сказал я с мрачной гордостью. — Вот мы они и есть. Волки и тигры перед нами — овечки! Драконы — так вообще муравьи. Потому мой вам совет: садитесь на корабли, что у вас есть, и отплывайте на острова, где живут ваши со-племенники. Это единственный способ выжить. При нашей власти в королевстве не останется ни одного тролля, гоблина, огра или чего-то еще разумного и говорящего, что не является человеком. Да что говорить... если и среди самих людей устроим жестокую прополку!

— К-как?

— Лучше тебе этого не видеть, — сказал я.

Уже издали она крикнула:

— Я забыла спросить... как твое имя?

— Ричард Длинные Руки, — крикнул я в ответ. — Не забудь! Это имя добавит вес твоим словам.

Она исчезла в зелени леса.

Мало ли что для меня вполне, да, вполне нормально пообщаться как с вампиршей, так и с троллихой, но в целом это нехорошо, и как майордом-христианин я должен и сам воздерживаться и пресекать подобное падение в захваченных землях, за которые теперь несу ответственность. Мне еще как-то иногда можно, хотя и нельзя, но для меня такое лишь крохотный эпизод, меня большие цели привлекают, чтоб не мельче шка-

фа, а вот простой народ может запасть, ощутить запретную сладость, а там и вовсе свернет с трудной стези праведного христианина на эту дорожку классных плотских утех.

Потому, сказал я себе горько, но твердо, глядя вслед шествия зеленым зарослям, человек — это звучит гордо, а все остальное — под корень! Оставим только животный мир, а конкурентов человеческому пути развития — под нож. Хотя, конечно, красиво намечтать цивилизацию, где уживаются мирно люди, эльфы, кентавры и прочая нежить, но, увы, такое нежизнеспособно, и кровавые войны начнутся еще до того, как наберется достаточная мощь для Войн Магов...

Нет, надо поступать, как великий Кортес, ныне оплевываемый всякой мелкой мразью...

Я вздрогнул, как молния во тьме мелькнула ослепляющая в неожиданности мысль. Да, Кортес уничтожил великие империи кровожаднейших дикарей с их чудовищными ритуалами, но... уничтожил ли он в том значении, как понимают в «моем срединном»?

Все эти бесчисленные инки, майя и ацтеки составляют нынешнее население Боливии, Парагвая и прочих-прочих стран Латинской Америки!

Когда Амру ибн аль Ас с восьмитысячным отрядом вторгся во многомиллионный Египет и наголову разгромил войска этого народа халифа, истребил ли он их? Да, если в прошлом значении, так как тогда каждый человек был неразрывно связан с государством, с вождем, с религией, но для меня важнее, что на самом деле Амру всего лишь сменил Египту имя и религию, а сами египтяне остались в прошлом свой язык, самоназвание и отвратительную религию, обожествляющую змей, крокодилов и кошек. Приняв ислам, кто добровольно, а кто под угрозой истребления — все стали арабами.

Другой арабский полководец Серджабиль вторгся в Сирию с четырьмя тысячами мусульман, и многомиллионная Сирия приняла арабский язык, ислам, и люди стали... арабами!

То есть арабы не истребили местное население. Они его сделали иным: навязали более высокую религию, а заодно и язык, а также сменили им самоназвание. Вот в этом и есть весь секрет мудрости...

Разозленный противоречивыми чувствами, я несся над белым заснеженным полем облаков, а когда спохватился и резко пошел вниз сквозь их толщу, внизу уже знакомые места, а вон и светло-розовое пятнышко, означающее Ген-негау.

Инстинкт, подсказал внутренний голос. Как у пернатых, что находят дорогу. И даже дает команду на посадку. Ну, не совсем команду, но все же деликатно подсказывает...

Я пошел вниз, как падающая бомба, стремясь как можно быстрее выйти из зоны видимости. Сейчас день, в небе слепящее солнце, вдруг кто-то задерет голову, я начал сбрасывать скорость, когда площадка башни выросла опасно близко, в плечах стало горячо, мышцы стонут, я стиснул челюсти и терпел, чувствуя, как рвутся мелкие мышцы, что значит — нарастут вдвое толще, таков закон их роста.

Лапы ударились о каменный пол, я упал, перекатился на бок, как парашютист, сразу же сосредоточился на кодовом слове. По телу пробежала злая дрожь, хрустнули суставы, а сухожилия болезненно натянулись, но мои когтистые крылья быстро превратились в человеческие руки.

Ноги слегка подрагивали, я поднялся, перевел дыхание и, только подтянув ремень перевязи, начал спускаться вниз, как услышал звон металла.

Я поспешил вниз, на полдороге увидел бодро бегущего вверх по ступеням рослого стражника. В руке покачивается обнаженный меч, щит на локте другой, доспехи приложены так хорошо, что не скрипят и не лязгают.

Увидев меня, оторопел.

— Ваша светлость!.. — крикнул он прерывающимся голосом. — Там вроде бы наверху что-то село!

— Правда? — спросил я.

— Клянусь! — выпалил он. — Черное, страшное!

— Уже улетело, — ответил я автоматически, затем спросил строго: — А что случилось?

Он сказал ошалело:

— Да как же... Надо же бдить!.. Я заметил и сразу кинулся... а вдруг там что всерьез... Может, почудилось, а может, и зверь какой... Вроде крупное!

— Это не зверь, — ответил я терпеливо. — Это почтовый голубь прилетал.

Он выпучил глаза.

— Почтовый... голубь?

— Ну да, — объяснил я. — А что?

— Ваша светлость, — взмолился он, — какой же это почтовый да еще голубь? Голуби разве такие?

Я сказал строго:

— Ты во всех странах бывал? Ишь, орнитолог дипломированный!.. Порода такая, понял? А то и вовсе вид. Что мохнатый, так это для морозоустойчивости. Этот голубь сизокрылый и мохнатокрылый даже на Дальний Север летает, где медведи по улицам туды-сюды, туды-сюды... Почтой передают не только писульки мелкие, чтоб ты знал, но и бандероли с полезным грузом, посылки и даже контейнеры. И голубей выводят разной породы и разной грузоподъемности... Словом, ты молодец, что заметил и бросился охранять и бдить, за это тебе моя майордомья благодарность, а также поручение...

Он вытянулся, ответил бодро:

— Все выполню!

— Охраняй вход на эту башню, — сказал я строго, — не здесь, балда. Там внизу. Это секретное место для приема секретных и очень тайных агентов. Принимаю лично я! Что значит, высшая степень секретности. А тебе, значит, доверены высшие государственные ценности. Понял?

Он вытянулся, гаркнул:

— Премного благодарен!

— Молодец, — сказал я. — Это все потому, что все по ба-bam смотрят, а ты посмотрел на небо. Небо — это вот оно, понял? Да не на палец смотри, а куда показываю!

Он пробормотал со смущенной гордостью:

— Да, ваша светлость, другие на небо не смотрят, они уже как-то видели. А я смотрел и думал: правда ли, что от неба, как говорит наш священник, все места на земле одинаково далеко? Как это может быть, если я на башне, а священник у подножья?

— Наверное, — предположил я, — небесная твердь тоже с выпукостями и впадинами. Над пропастью впадина, над

нашей башней — выпуклость... Подробности — у попов. Я знаю, как сказал Экклезиаст, что всему свое время, и время всякой вещи под небом. Когда голубь прилетает, так и должно быть!.. Словом, ты отныне не рядовой, а сержант! С повышением жалованья, пером на шлем и добавочной бляхой на поясе.

Он вытянулся, обалдевший от счастья, повезло так повезло, а я милостиво похлопал по плечу, пошел по ступенькам вниз уже важно и майордомно.

Из серого камня стены выплыло призрачное облачко, мясистая морда расплылась в широкой улыбке.

— Интересный вы человек, сэр Ричард, — сказал Логирд, — когда не правитель. Слушаю и получаю такое удовольствие... Как полет?

— Хорош, — ответил я. — Видел каких-то птиц в небе, странно.

Я спускался по крутой лестнице, Логирд плыл рядом, иногда промахиваясь и влезая в камень до половины, а когда и целиком.

— Почему? — спросил он живо.

— А что им там делать ночью? — спросил я. — Птицы зверьками питаются. А если и птицами, то дневными тоже. А эти на такой высоте... и такие громадные. Честно говоря, я струхнул подниматься.

— А смогли бы?

По лицу призрака еще труднее определить, что он хотел узнать на самом деле, даже голос одинаково тихий, громче не умеет, я ответил все-таки осторожно:

— Если ты о разреженной атмосфере... то до нее еще далеко. Птицы все-таки в достаточно плотных слоях.

Он спросил быстро:

— Разреженных?

Мы вышли в зал, часовые бодро салютовали, я отечески кивал, лицо строгое, пусть понимают, что не по бабам ходил, а об Отечестве думаю, вот даже ночами все о нем, родимом, как сделать так, чтобы простому народу жилось еще веселее, еще беззаботнее, еще какие-нить ему шоу и состязания, это же моя главная задача и цель жизни — сделать им жизнь еще лучше, ага, щас, мечтайте...

Логирд изнывал, залетал то справа, то спереди, но я шел с надменным суровым лицом, пока не вышел из поля зрения часовых и еще не попал на глаза другим.

— Не хитри, — сказал я вместо ответа, — что-то знаешь.

Он торопливо покачал призрачной головой:

— В старых книгах записано, что чем выше, тем труднее махать крыльями. Воздух становится не таким... А еще дышать труднее. Это все, что знаю.

— Уже неплохо, — ободрил я. — Не знаешь, тут на большой высоте не ходят баггеры? Если очень мелкие, с земли не увидать... Баггеры — это такие корабли, что летают. Могут быть не больше тележки.

Я снова сделал государственное лицо, часовые меня провожали почтительными взглядами, но уже не спрашивают, почему я один. Такие у меня причуды, все знают. А правитель без причуд — ни рыба ни мясо.

Логирд все это время смотрел на меня почти с ужасом и одновременно почтением.

— Никогда не слышал, — ответил он твердо. — Но, сэр Ричард, вы так спокойно об этом говорите!

Я отмахнулся.

— На Юге их как ворон в небе.

— На Юге, — сказал он горько. — Сэр Ричард, я могу только мечтать о Юге! Думаете, не попробовал? Да сразу же метнулся именно туда!.. Мол, нет преград, как вы потом сказали, нет расстояний...

— И что?

— А ничего, — ответил он утомленно. — Стена. Я пробовал и снизу, и сверху, и с разгону. Но, увы, что ставят маги сообща, того не преодолеть одиночке. Если бы я увидел летающие корабли, я бы рехнулся от счастья!.. А вы так спокойно... Сказано, рыцарь.

— Да, — согласился я. — У нас лбы медные, а головы чугунные. Сплав такой интересный, понял? Биметалл. Нам царство Божье надо, а не какие-то летающие корабли. На летающих кораблях можно и говно возить, не знал? А в Царстве Божьем будут возить кого надо! Одних по небу, других мордой по битому стеклу. По справедливости, понял?

— Ох, догадываюсь...

Передо мной распахнули двери в королевские покои, Логирд прошел сквозь створки, я устало дотащился до ложа и тяжело сел. Мышцы стонут от пережитой непривычной нагрузки, а желудок снова напоминает, что все переварил и полностью истратил.

— Ладно, садись. Пить будешь?

Он посмотрел на меня с удивлением.

— Я бы с удовольствием. А вы знаете как?

— Нет, — признался я.

— Я тоже, — сказал он со вздохом. — Даже присесть не могу.

— Жалеешь?

Он жутко искривил рожу.

— Я, как и все, хотел бы только добавлять возможности, ничего не теряя. Хотя, если честно, получил больше, чем потерял. Если бы знал, что так получится, я бы... гм... мог бы как-то и ускорить...

Я сказал предостерегающе:

— Ничего бы не получилось. Это же стеченье случайностей! Могучая защита церкви, я из сентиментальности решил сохранить череп, а потом побрызгал твоим зельем... Думаю, с другими черепами так не получится.

Он ответил со вздохом:

— Вы правы. Других можно вызвать на очень короткое время уже из царства мертвых. Да и то ритуал очень-очень сложный и дорогостоящий. А чтоб вот так получить отсрочку... не встречал таких.

— Еще встретишь, — утешил я. — Мир велик. А вы носитесь так, что друг друга не заметите даже при лобовом столкновении. Вот что я надумал пока... Конечно, я могу летать вот так по ночам и к бабам в окна заглядывать! Уже здорово. А то какую и посещать в отсутствие мужа...

— Не снимая шкуры?

— Конечно! — ответил я с удивлением. — В этом развернутом городе именно такое оценят по высшей шкале!

Он подумал, сказал серьезно:

— Ну, вообще-то тролли тоже... хороши по этой шкале. И гоблины...

Я поморщился.

— Да, я как-то о них забыл. Зато у меня крылья. А морду могу отрастить еще страшнее.

Он вздохнул, но спросил уже деловитым тоном:

— Какие планы теперь?

Я развел руками.

— По уму, так нужно бы неспешно и тщательно исследовать неожиданно свалившееся... или ввалившееся, но ты же сам понимаешь, даже спросил совершенно правильно, что как-то глупо не проверить в деле. Хотя как, еще не знаю. Ну, полечу куда-нибудь... вряд ли быстро, зато можно не обращать внимание на ущелья, провалы, пропасти...

Он сказал хмуро:

— Про Ундерленды подумали? Хотя там главный храм Терроса, но туда рановато... Сожрут.

— А что в том храме?

Он посмотрел на меня остро, насколько это может призрак, даже звездочки блеснули в полуопрозрачных глазах.

— Есть предположение, что там можно получить доступ ко всему, что знает и умеет Террос. Но это вас самого сделает темным богом. Потому рекомендую получать без посещения храма.

— Как?

— А вот так, — ответил он хладнокровно, — как научились летать.

— Не только, — ответил я. — Сегодня я сумел на лапах заменить шерсть во-о-от такой, не поверишь, чешуей!

Он кивнул довольно равнодушно.

— Ну, чешуя для этого типа рукокрылых более характерна. Даже удивительно, что сперва шерсть... наверное, покрытость шерстью вам что-то напоминает остро...

— Ну, — сказал я нехотя, — уже почти не напоминает. Некоторые вещи нужно стараться забыть, а то сами вылезают слишком настырно. Знаешь, я человек осторожный, сперва слетаю в Фоссано... если сумею, конечно. Там все свои. Потом посмотрим по обстановке.

Церемониймейстер изменился в лице, увидев, как я вхожу в зал.

— Ваше Вели... ваша светлость, все очень обеспокоены!
— Чем?

— Вашим внезапным исчезновением! Простите, но стезя правителей такова, об их местопребывании всегда должны знать.

Я окрысился:

— Что? У вас у всех есть личное время, а у меня не должно? Он всплеснул руками.

— Осмелюсь заметить, в любое время можете сделать его личным. Но, умоляю, ваши помощники должны знать, где изволите! И что именно изволите, а не... простите, убиты, отравлены, задушины, сброшены в колодец, заколоты...

— Хватит-хватит, — прервал я. — По мне уже мураски, вот такой я чувствительный. Хорошо, понял. Мне казалось, я уже наладил систему, когда все колеса крутятся и без меня.

Он посмотрел с изумлением.

— Ваша светлость, осмелюсь заметить, хотя это и не мое дело, такую систему никому еще не удавалось... Даже при постоянно работающем короле жернова то вхолостую, то друг друга!

— А когда мелют?

— Иногда и мелют, — ответил он. — Если правители подталкивают.

— Понял, — пробурчал я, — тогда надо подобрать подталкивателей.

Глава 12

В своих покоях я велел подать еды, да побольше. Слуги едва с ног не сбивались, устроив цепочку от кухни и до моего стола. Вообще-то я должен бы, глядя на блюда, указывать сколько и чего переложить на мою тарелку, большинство же вовсе вернуть взад небрежным кивком или мановением пальца, но я молча жрал все, что подавали, приводя слуг сперва в недоумение, потом в восторг.

Бобик примчался, пугая народ, бухнулся задом на пол и раскрыл пасть. Я бросал в эту ненасытную утробу куски мяса, подтверждая, что люблю, забочусь, обожаю, и как только, так сразу.

Мысли от голода работают лучше, перед внутренним взором развернулись картины гибнущих в огне городов, я присмотрелся лучше и понял, что это еще не я насаждаю христианскую веру, а Господь очищает место для ее предшественницы.

Все помнят о Содоме и Гоморре, хотя масштабы наказания Господа были намного-намного больше. Он обрек на гибель все то местное королевство, где располагались пять городов: Содом, Гоморра, Адма, Цевоим и Сигор, а также все мелкие села между ними, которых не счесть. Но Авраам страшился, что его племянник Лот с двумя дочками не успеет выбежать из обреченной земли, и слезно умолил Господа оставить хотя бы один из городов, где Лот мог бы спастись. А то если погибнут все города и села, что племяш будет делать один с дочерьми?

И Творец, проявляя неслыханное милосердие, ради одного праведника пощадил город Сигор, а большая часть земель с городами Содом, Гоморра, Адма и Цевоим была уничтожена. Я не Творец, я злой и рублю сплеча, но что-то и у меня осталось от той глины, из которой лепили первочеловека. Понимаю, что с троллями нам тесно на одной планете, и уже решил их истребить полностью и окончательно... да, окончательно решил очистить от них эти земли. И вообще все, куда дотянусь.

Это единственно правильно, не будет троллей, не будет проблем. Однако сколько ни думаю об этом, сколько ни накачиваю себя яростью и праведным гневом носителя факела нового мира... все никак не могу вот так просто взять и убить ту зеленую простодушную дуру, с которой грелся... нет, прохладился, в буквальном смысле прохладжался в ту адову жару!

Да дура, но она своим существованием не дает убить ее разу. И, кажется, ради нее я готов пощадить их всех. Более того, буду ломать голову, чтобы троллей очеловечивать, хотя понятно, что люди отролливаться будут куда с большей охотой!

Двери распахнулись, вошел величественный церемоний-мейстер.

— Королевский советник, — провозгласил он в пространство, — барон Куно Крумфельд!

Куно зашел тихий и стеснительный, издали искательно улыбнулся.

— Ваша светлость, — сказал он жалобно, — а можно... чтобы не так пышно меня?

— Можно, — ответил я. — Но сам договаривайся. А так даю майордомье изволение. Есть будешь? В смысле, кушать?

Он замотал головой.

— Нет-нет, спасибо!

Я пробормотал с набитым ртом:

— Странный ты какой-то. Другой бы во все дырки лез, чтобы сблизиться. Ты как-то объясняешь?

Он виновато пожал плечами.

— Сближение с правителями чревато, если не по заслугам. Прихоть сложная вещь... Сегодня так, завтра иначе. Поэтому лучше на дистанции.

Я продолжал насыщаться, Куно посматривал с удивлением, я покачал головой.

— Возможно... ты прав. А это значит, тебе мало урвать по-быстрому кус и в кусты. Ты нацелен на длительное... гм... взаимодействие. Это хорошо. Значит, сразу хватать не станешь, сперва присмотришься с великой осторожностью. Да и потом зарываться не будешь, по тебе вижу. Курочка по зернышку клюет...

Он мучительно улыбался, лицо кривилось и морщилось, но возражать не смел, а я хмелел, упиваясь властью до тех пор, пока самому не стало стыдно и, трезвея, сказал шутливо:

— Короли сами еще те грабители, соперников не любят. Власть теряет все свое очарование, если ею не злоупотреблять.

Он пробормотал:

— Не называйте себя злодеем, ваша светлость. Не все понимают шутки.

— Но разве не правда? Власть — это плащ, который слишком широк на чужих плечах и тесноват на моих. Власть развращает, но отсутствие власти развращает абсолютно, потому из двух зол... предпочитаю власть. Желательно, абсолютную. Куно, у меня к тебе несколько поручений. Можно сказать, стратегического характера. Я намереваюсь на несколько дней исчезнуть из дворца, тем самым не смогу заниматься рутиной...

Он молча выслушал указания, глаза поблескивают, чувст-

вую за ними постоянно работающий мозг, которому, как дровишки для тлеющего огня, нужно постоянно подбрасывать задачи.

— Хорошо, — сказал он осторожно, — все будет сделано... надеюсь. Ваши лорды знают о вашей предстоящей отлучке?

Я ответил небрежно:

— А как же! Пришлось сказать.

— А им что сказано?

Я удивился:

— Дорогой барон, все ту же истинную правду, что и вам! Я, правитель, потому заинтересован знать настроения и чаяния моих подданных. Потому я, переодевшись в простолюдина, люблю гарунальрашить среди народа. Простого, очень простого народа. Сижу в таверне, слушаю разговоры, стараюсь понять, что нужно сделать еще, чтобы люди жили хорошо и счастливо. Я что, дурак, придумывать каждый раз новую брехню, чтобы когда-то попасться по забывчивости?

Он позволил появиться на губах бледной улыбке.

— Вы совершенно правы, ваша светлость. Не нужно придумывать ничего лишнего. Дьявол кроется в мелочах.

— Налегайте на добывающую промышленность, — напомнил я. — Можно освободить на первые годы от всех налогов. Я имею в виду рудники, шахты... Заводы по выплавке металла из руды старайтесь строить на месте. В смысле, рядом с рудниками.

— Я?

— Советуйте, — поправил себя я, — рекомендуйте. Бить не обязательно, мы же не Петр Первый, а мягше, мягше... Но кто учитывает потребности государства, получит от него преференции. Это пряник такой. Подумаем насчет свободных экономических зон. Игорные, конечно, вынесем куда-нибудь за пределы государства... к примеру, на острова, где акулы... гм... ну это мы далеко захлестаковились, кажется... в смысле, ты, я тут в стороне, как непогрешимый!

Он кивнул, малость прибалдел.

— Я понял общее направление, ваша светлость.

— Тогда действуй! И страна тебя не забудет.

Я быстро шел по анфиладе залов, все не могу привыкнуть к кричащей роскоши, словно в византийской церкви: золото смотрит со стен и даже с потолка, блестит на люстрах, подсвечниках, дверных ручках, приторный аромат дорогих благовоний, переливающиеся рясы... нет, одеяния придворных.

В первых дни даже слуг не хватало, сейчас же дворец все больше заполняется странным и непонятным мне людом, именуемым «двор», хотя необходимости в нем не вижу, и его целей ну никак не понимаю. Ну, если не считать, что каждый жаждет урвать кус побольше.

Разогнать бы, в то же время знаю, что «дворы» были везде при всех королевствах, режимах и во все эпохи. В этом загадочном «дворе» что-то должно быть, потому ломать не буду, пока не пойму, в чем его ценность или необходимость.

Из боковой аллеи вышла, беседуя, группа рыцарей. Барон Альбрехт увидел меня, быстро простился и поспешил наперевоз.

— Сэр Ричард! Поговаривают, что вы слишком щедро раздаете земли. Все награжденные тут же уезжают осматривать и устраиваться, а мы теряем военачальников и просто доблестных рыцарей.

Я пробормотал:

— А если это период, когда больше нужны не рубаки, а стригуны овец? Стригатели? Или как зовут, которые стригут овец и снабжают рынок превосходной шерстью?

Он спросил с сомнением:

— Так скоро?

— А вы хотите, — спросил я, — чтобы все ключи в экономике захватили местные? Вот так взять и отдать свою победу!

— Оружие порождает власть, — возразил он.

— В смысле, пусть накопят жирку, а мы отнимем и поделим? Не-е-ет, уже обжигались... Теперь нужно поступить поумному.

Он посмотрел на меня с сомнением.

— Это вы перестроите королевство по-умному? Может быть, даже красиво и мудро?

Я поежился от издевки, барон смотрит слишком уж насмешливо.

— Пусть я недостаточно хорош, — признался я. — Но ценность идеи не имеет ничего общего с искренностью ее глашатая.

— Верно, — признался он с неохотой. — Но все ждут от вас...

Я прервал:

— Все ждут от меня подобающего поведения. Иногда это-го даже я жду. Но, барон, будем реалистами. Мы работаем с тем материалом, что есть.

Он не слушал, смотрел за мою спину. Я обернулся, в зал вошла блестательная, как раскаленный нож, удивительная и необычная женщина. Роскошные черные волосы падают на спину и достигают поясницы, платье больше варварское, сапожки на каблуках, а идет, гордо выпятив грудь и откинувшись назад корпусом, руки чуть в стороны, от локтей и до кончиков пальцев горят красным огнем. Вокруг ладоней трепещет и рвется в стороны багровое яростное пламя.

Я спросил ошалело:

— Это кто? Почему не знаю? Майордом я или гусь на вевечке?

К нам спешил церемониймейстер, лицо белое, всего тринадцать, сказал непривычно быстро и тихо:

— Ваша светлость, помните, я говорил, это великая жрица Хранилища Древних Королей!.. Она появляется во дворце раз в год, чтобы дать возможность пройти Великое Испытание.

— Что за хрень? — спросил я зло. — Мы что, дикари? Какое испытание, какие инициации или конфирмации?.. На дворе просвещенное средневековье, феодализм в самом расцвете, крестовые походы для расширения культурных контактов, а тут пещерное троглодитство!.. Куда смотрит инквизиция?

— Жрица только что появилась, — сказал церемониймейстер торопливо. — Мы еще не успели...

Он, как и мы с бароном, неотрывно смотрел ей вслед, оголенная спина ровная, в талии можно обхватить пальцами двух рук, но бедра крутые и не сказал бы, что узкие. А облегающие сапожки ничуть не скрывают изящества стройных ног.

— Она всегда такой является? — спросил я. — Как думаете, барон? С такими пылающими огнем руками...

— Не знаю, — ответил он неуверенно. — Возможно, это ее парадная одежда.

— Надеюсь, — сказал я, — только парадная. С такими обстоятиями... точно останется девственницей.

Он поморщился.

— Сэр Ричард, о чём думаете?.. Мне стыдно за вас.

— Да это только мысли, — ответил я, — наяву я просто сам не знаю кто. Почти святой Антоний. Столько баб вокруг, а я все о работе...

— Прелюбодействовать нельзя даже в мыслях, — напомнил он.

— Неужто, — изумился я, — и в ваших краях Библию почитывают?

— Мудрые мысли не только в Библии, — огрызнулся он. — Что не следует делать, не следует творить даже в мыслях!

— Это в идеале, — возразил я. — Святой Антоний тоже все время... и прелюбодействовал, и чревоугодничал в своей пещере, и вообще совершал все семь смертных грехов. В мыслях, конечно. Но святым остался! А я не святой, мне можно не только в мыслях, но я воздерживаюсь весьма добровольно и без принуждения. Хоть и с трудом. И не всегда. И не везде. Но все-таки в большинстве случаев выстоял, чему сам поражаюсь!

Глава 13

Женщина неторопливо подошла к двери зала Древних Королей. Я ожидал, что возьмется за ручку и потянет на себя всем весом, дверь огромная, как крепостные ворота, однако жрица лишь скрестила руки, выкрикнула пару слов резко и повелительно.

Дверь не отворилась, не распахнулась, не ушла в стену и не поднялась вверх, а просто исчезла.

Барон пробормотал с великим почтением:

— Даже если знает только это заклинание, сила ее велика. Как вам, сэр Ричард?

— Не нравится она мне, — ответил я сумрачно.

— Почему?

— Не люблю сильных женщин, — признался я. — Рядом с

такой не по себе. Вы слышали, как отдает команды? Будто строевой командир полка! А я люблю, чтоб щебетала, щебетала, щебетала, дура...

Жрица, похоже, услышала, но не среагировала, разве что недовольно повела плечом. Так же неспешно вошла через дверной проем и пропала из виду.

Барон пробормотал:

— И что, вот такую... гм, красивую, в руки инквизиции?

— Настоящие ведьмы все красивые, — возразил я. — Вы как-нибудь на досуге листали «Молот ведьм»? Нет?... ну, дикарь, мне за вас стыдно!.. Я тоже, правда, не читал, но майордому можно. Словом, сейчас уже нельзя ни зарезать, якобы при взятии города, ни в пыточный подвал без суда и следствия.

— А как?

— Сперва предложить ей принять христианство, — объяснил я. — Если скажет, что уже христианка, все в порядке, больше вопросов нет, все сомнения толкуются в пользу подозреваемого. Если начнет упорствовать и защищать свое язычество, тогда нужно постараться переубедить все более настойчиво.

Он поинтересовался:

— Насколько настойчиво?

Я сказал раздраженно:

— Все-то вы понимаете, барон! Не обо всем стоит говорить вслух, мы же государственные люди. После увещеваний, если им поддалась, позволить залечить раны и покинуть... увещевальню. Если упорствует, тогда что ж, гуманно и без пролития крови... Инквизиция — вся из иудаизма! Там Господь еще Ною запретил проливать кровь.

Мы подошли к открытому проему. Барон остановился, я шагнул в этот таинственный зал. Суровая роскошь стен, разрисованный звездами потолок, скучо выступающие пилоны, а посреди зала небольшой круглый стол в окружении выполненных в строгом и торжественном стиле тронных кресел. Одно выделяется высокой спинкой, на самом верху золотой зверь непонятной породы с распростертыми крыльями.

Женщина исчезла, в воздухе быстро тает запах озона, словно здесь прогремела освежающая гроза. Я ощутил укол в

сердце, хотя, если по уму, что я бы с нею делал? Что за идиот, снова чувства и ум в разладе, говно мне бросать большой лопатой, а не майордомить...

По ту сторону проема маячит церемониймейстер, не решаясь переступить порог. Я поманил его к себе, он торопливо приблизился.

— Хороший зал, — сообщил я. — Совсем неплохо проводить здесь общие собрания, планерки, брифинги. Может быть, даже пьянки в избранном кругу.

Он побледнел, его затрясло.

— Ваша светлость!

— А что? Интерьер настраивает...

— Ваше светлость, — повторил он в священном ужасе, — здесь собирались одиннадцать древних королей, чтобы решать... ну, что-то королевское! Короли так просто свои владения не покидают. Какие пьянки?.. Это же кощунство!

— Хорошо, — сказал я одобрительно, — что хоть что-то в этом королевстве запретно, нельзя грязными лапами.

Он трепетал, как деревцо на ветру, хотя еще то деревцо, вроде столетнего дуба.

— Да, ваша светлость, есть вещи запретные!

— Это здорово...

Я запнулся, взгляд пробежал по кругу. Барон, не сходя с места, настороженно оглядывался. Перехватив мой взгляд, спросил быстро:

— Что-то не так?

— Заново учусь считать, — огрызнулся я. — Сколько-сколько съезжалось великих королей?

Церемониймейстер ответил с готовностью:

— Одиннадцать!

— Но здесь, — сказал я и для верности указал пальцем, — двенадцать кресел.

Барон буркнул пренебрежительно:

— Считать не умеют. Или убрать лень. Страна торговцев, а они бесплатно и пальцем не шелохнут. Вообще ленивые, как хомяки зимой.

Церемониймейстер горестно покачивал головой. В глазах

такая укоризна, что я подивился, не подменил кто всегда не-возмутимого знатока дворцовых правил и приличий?

— Зачем же такие речи? — упрекнул он печально. — В двенадцатом кресле всегда сидел властелин этой части мира. Потому его кресло в виде трона. Хотя здесь он находился не среди подданных, а среди друзей.

— Властелин, — повторил он. — Выше королей? Или какой-то старший король?

— Так и сказано, — повторил он величественно, снова превращаясь в церемониймейстера, — властелин! Под его рукой были не только эти земли, но и острова в океане. А королевство тогда именовалось Первое Арндское. Нет, просто Арндское, это потом сменялись династии, при Кернеллингах стало называться Вторым Арндским, при Цибенлингах — Третьим... Вот с тех пор начальное стали называть то Первым, то Древним, то Изначальным... А здесь еще тогда располагался Дворец Королей, вокруг которого постепенно вырос нынешний Геннегау на месте разрушенного Генлабнае, города городов, и священнейшего из священных.

Я порылся в памяти, всплыли сведения из прочитанного еще в Зорре и у мага Уэстфорда, плечи сами по себе шевельнулись, хотя сам я стараюсь не выказывать слишком уж сильно незнание или недоумение.

— Разве? Я слышал, Генлабнае был захвачен и разрушен двенадцать тысяч лет тому. Или даже двадцать. Но это такие пустяки, верно?

Несмотря на мой саркастический тон, церемониймейстер ответил со всей почтительностью очень серьезно:

— Вы правы, ваша светлость. Что значат годы для людей, что блюдут верность, пусть даже рассеяны по другим землям? Да и мы, поддерживая легитимность, продолжаем считать, что это кресло за правителем Изначального Арнданта. Когда-нибудь силы Зла будут повергнуты, а в это кресло сядет законный наследник Древних Королей.

— Силы Зла в нас самих, — пробормотал я.

А барон Альбрехт сказал понимающие:

— Правильное решение. Поддерживая легитимность вообще, тем самым поддерживают себя.

— Круговая порука королей? — спросил я. — Омерта, беса?

Церемониймейстер пропустил мимо ушей непонятные слова, главное — уловить смысл, сказал настолько подчеркнуто серьезно, что я впервые уловил скрытую насмешку:

— К тому же всяк знает, кто бы из ложных наследников ни сел в это кресло, сразу же умрет! Такова магия древних мастеров, изготавливших трон по заказу первого короля. Он признает только подлинного!

— Вы верите в этот бред?

Он повел дланью в сторону величественного трона.

— Проверьте.

Наши взгляды встретились, в его глазах было столько насмешки, что я на миг в самом деле ощутил импульс пойти и сесть, чтобы доказать, что все это бабьи сказки, однако присутствие всегда скептического барона Альбрехта отрезвило.

— Вы ведь не только церемониймейстер? — спросил я.

Он поклонился.

— Я был придворным библиотекарем. Но когда предыдущего церемониймейстера казнили за какую-то ошибку в придворном этикете, все страшились занять его место. Но я знаю все тонкости правил, потому не стал очень уж сильно упираться.

Я отмахнулся.

— За ошибки в такой ерунде казнить не буду. И даже бить не стану. А насчет трона... не стану садиться по одной очень важной причине.

Он спросил с изысканнейшим поклоном, в самом деле церемониймейстер:

— Какой, позвольте поинтересоваться?

— Самой важной.

— Простите?

Я смерил его строгим взглядом. Хоть и знаток этикета, но теперь понятно, почему часто выходит за рамки своих прямых обязанностей — советует, спорит, подсказывает, библиотечная мудрость, как шило в заднице, тоже ищет способ улучшить мир.

— Прощаю, — ответил я и сказал уже серьезнее: — Оказавшись королем этого самого Изначального, а на хрен мне оно, придется заниматься восстановлением экономики не толь-

ко в Сен-Мари. По всем территориям налаживать связи, спешно резать претендентов, а у них всегда верные и честные вассалы... это же снова море крови, а мне нравится больше побеждать бескровно, так победа значительнее. Меня научнут осаждать толпы просителей, за двадцать тысяч лет сколько удобрений в авгиевых конюшнях?.. придется спешно строить новые крепости, реорганизовывать армию... да еще сотни и тысячи дел, которые надо взвалить на себя и тащить, тащить, как бы ни трещал хребет!

Я отмахнулся и, уже не глядя на выстроившиеся в ряд кресла, кивнул Альбрехту.

— Пойдемте, барон. Пусть сыр останется в мышеловке. В крайнем случае, я буду второй мышью, которой он и достается.

Церемониймейстер вышел вслед за нами, мы с бароном повернули в сторону моих покоев, а тот сказал вдогонку внезапно:

— Ваша милость, вы еще вернетесь!

Я обернулся, спросил почти враждебно:

— Зачем?

— Чтобы сесть в это кресло, — ответил он. Несколько мгновений смотрел очень серьезно, будто в самом деле зрел грядущее, затем неожиданно растянул губы в сдержанной улыбке: — Натура у вас такая, любопытная. Захочется проверить! И чем больше пройдет дней, тем сильнее захочется сесть на этот трон.

Я покачал головой и ответил уверенно:

— Ни за что!

— Почему?

— Принципы, — ответил я лаконично.

Он удивился:

— Принципы?

— Ага, — ответил я и утер нос рукавом.

— Какие?

— Я демократ, — ответил я гордо.

Он с непониманием смотрел нам вслед, а я думал с невеселой ironией, что слова словами, но вообще-то лучше других знаю, какой из меня демократ на самом деле...

С другой стороны, если честно, а я иногда бываю честен,

по крайней мере — с собой, на тот трон все-таки не сяду. В самом деле. Хотя да, любопытство уже сейчас начинает скрести лапками. Но мне унизительно думать, что вот всего добиваюсь сам, своим умом и мускулами, своей волей и натиском, но идиоты могут сказать, что за меня постарались предки, и вообще я выполняю чей-то план. Пусть даже задумку богов. И мне, видите ли, было предназначено! Просто неслыханное оскорбление для человека с достоинством, но идиоты этого никогда не поймут. А если учесть, что население состоит почти исключительно из... скажем мягче, простых и нормальных людей, то какого понимания ждать моей позиции?

Только ничтожества гордятся, что они-де потомки дворян, князей, древних королей, избранные, предназначенные, отмеченные, благословленные, татуированные и опирсинговые. Потому что сами по себе, еще раз! — ничтожества, и прекрасно это чувствуют. А вот я — свободен. И все, что сделал я — моя заслуга.

И я еще наломаю дров.

Глава 14

Вечером я изволил выйти на прогулку, есть идея осмотреть дворец уже сверху, вдруг еще где замечу что-то вроде Зала Древних Королей. Целые толпы придворных тут же пристроились сопровождать, такой дворцовый этикет, ну да, прям позарез нужны зрители, когда буду превращаться в летающего ящера. Раздраженно шугнул, я еще работу не закончил, а значит — мыслю над стратегией развития королевства, над безотходной экономикой и достижением щастя для всех.

Поглядывая по сторонам, поднялся на самый верх, выше начинается только уровень башен и висячих мостиков между ними. Особняком центральная башня, к ней тоже мостик с вершины соседней, но упирается только в середину, а дальше еще три или четыре лестничных пролета. Главное уже сделал: наблюдательного стража, произведенного в сержанты, оставил у самого подножья с наказом никого не пуштать, а сам он не сможет сказать точно, откуда появляюсь.

На верхней площадке отдохнул чуть, зря поднимался

бегом, как бы трансформация не пошла боком, лег, чтобы случайно никто не увидел из-за каменного парапета.

Солнце спряталось, по городу пролегли легкие пепельные тени. Тут же начали зажигаться где факелы, где светильники, а кое-где вспыхнул чистый радостный огонь солнечного спектра, так срабатывают магические камни. По небу все медленнее и медленнее ползут сизо-лиловые облака, постепенно увязая в густеющей тьме.

Выровняв дыхание, я прислушался к шорохам, тихо, и шепотом произнес нужное слово.

Трансформация прошла, как почудилось, в одно мгновение. Логирд прав, с каждым разом осваиваюсь лучше и контролирую точнее...

Снова ввинчивался почти вертикально вверх и вверх, а когда решил, что уже не рассмотрят в ночном небе, раскинул натруженные в спринтерском рывке крылья и долго парил, наслаждаясь возможностью вот так поймать восходящий от земли поток и плыть на нем, не делая усилий.

Город прекрасен, построен по единому плану, сверху это заметно особенно четко. Волосы встают дыбом, когда стараешься представить себе, как кто выстроил тысячи прекрасных дворцов, башен, бассейнов и всю-всю роскошь, а только потом позвал народ с призывом заселять и жить?

Луна светит не слишком ярко, скрываясь иногда за перистыми облачками, ночью отвратительно черными, и хотя мир внизу вроде бы освещен, но все портят пугающие огромные черные тени, в которых, кажется, пропадает само пространство.

Я мощно, хотя и экономно, работал крыльями, помня, что ставлю очередной рекорд дальности полета. Воздух стал прохладнее, а потом и вовсе настолько посвежел, что если бы не трудился так, проламываясь сквозь воздух, начал бы стучать всеми тремя рядами зубов.

Я уже прикидывал, как превращусь недалеко от Тоннеля в человека, что скажу удивленным часовым, начнут спрашивать насчет коня и милой собачки, но земля проплывает настолько далеко внизу, что блеснула дерзкая мысль попытаться пролететь поверх Великого Хребта!

Стыдно стариться, сказал кто-то из великих, так и не уз-

нав, на что способны твои дух и тело. До старости мне еще далеко, но на что способно это тело, а оно мое, мое, мое... узнатъ надо.

Крылья затрециали от усилий, я постарался набрать еще высоту, потом еще. Воздух в самом деле разреженный, я до предела раздвинул крылья, холод собачий, уже лязгаю зубами...

Освещенная беспощадным лунным светом каменная стена выросла впереди, а не внизу, как я надеялся. Страх начал ломиться в череп, забегали трусливенькие мысли, что умнее все-таки спуститься и перебраться на ту сторону через Тоннель.

Сцепив челюсти, я задержал дыхание и работал крыльями чаще и чаще. В обычном режиме меня подбрасывало бы с каждым ударом по воздуху, но в разреженности я всего лишь лечу по горизонтали. Наконец я увидел перед собой не стену, а ужасающее зазубренный край, острый, словно из нагромождения исполинских кристаллов.

Перевал остался в стороне, я приблизился к настоящей вершине Хребта! Уже в изнеможении я бил крыльями по воздуху, почти теряя сознание. Подо мной проносится иззубренное плато с такой скоростью, что ничего не успеваю различить...

Над острыми скалами меня мчало бесконечно долго, едва не оставляя на пиках кишкы из распоротого брюха, затем все исчезло, меня бросило в жуткую черную бездну, при виде которой похолодели внутренности.

Когда повернул голову, Великий Хребет за спиной снова вырос и стремительно уходит. Сердце колотится чаще, чем у пернатого, я всхлипывал и с трудом держал крылья распростертыми. Меня плавно несло по дуге вниз, если бы до земли ярды, а не мили, расплескало бы, как медузу.

Потом, переходя в более плотные слои, растопырил крылья шире и попытался шевелить, кривясь и постанывая от боли в порванных связках. Но все-таки молодец, решился. И ничего, не задохнулся, птичи или какие там у меня легкие, устроены иначе.

С этой высоты даже днем орлы не рассмотрят оленей, не то, что мышей, но я видел огоньки, иногда целые россыпи, это города, а с моей памятью даже при свойственном мне гео-

графическом идиотизме ориентироваться удается достаточно легко.

Голод начал мучить еще над Армландией, а когда пролетал над отделяющими ее от Фоссано бесконечными болотами, я уже готов был съесть жареного быка. Вообще-то утка за перелет теряет четверть своего веса, а я еще та утка.

Да и перелет через Великий Хребет сожрал не меньше половины моих жировых запасов.

Вексен выступил из полумрака, когда на востоке начало светлеть небо. Я пошел по длинной дуге, высматривая, где бы сесть. К счастью, воздушные войны отгремели в древности, охрану привычно располагают по периметрам. Я молил судьбу, чтобы сонные стражи, зевая, не задирали головы, и пошел прямо на верхушку сторожевой башни.

Двое часовых! Один дремлет, сидя у парапета и прислонившись к нему спиной, другой навалился на камень грудью и заинтересованно смотрит вниз. Я увидел, как он помахал кому-то рукой.

Решившись, я сложил крылья и приземлился за его спиной. Он не услышал, я торопливо юркнул в темный проем лестницы и заторопился на цыпочках вниз. Винтовая лестница вывела на стену, стражи не спят, двое ходят по стене с той стороны башни, двое — с этой.

Я сделал строгое лицо и пошел уверенным шагом коннетабля. Меня увидели выходящим из башни, вытаращили глаза.

— Хорошо, хорошо!.. — сказал я отечески, но и с нужной долей укора. — Что делать, за вами глаз да глаз...

И пошел по лесенке вниз, оставив обалделых и встревоженных. Хорошо, сегодня станет известно всему гарнизону, что коннетабль проверяет ночную охрану, вот что значит военачальник. Спуску не дает...

Ниже прошел еще через три ряда стражи. Молодой офицер охнулся, бросился ко мне, на ходу вытаскивая меч из ножен.

— Ваша светлость?.. Что случилось?

Я небрежно помахал рукой.

— Пока я весьма относительно доволен. Был слух, что спят на государственном посту политической важности.

Он вскрикнул:

— Что? Во дворце?

— Именно так, — подтвердил я и, взглянув на его горестное лицо, добавил: — Но я ничего не решаю сразу, пока не проверю лично и не убедюсь собственоручно! Слухи слухами, у нас бородатых баб в доспехах много, я всегда все проверяю. Ну, почти все.

Он спросил, едва дыша:

— И... как?

— Пока не спят, — ответил я благосклонно. — Даже те двое, что на самом верху. Слухи могут распустить и завистники, верно? У вас их есть, однако? Вон вы какой породистый... Но если коннетабль справедлив, он сам все проверит и пощупает, прежде, чем решить своей собственной головой в знак согласия!

Офицер шумно выдохнул, едва живой от волнения.

— Спасибо, ваша светлость...

Я отмахнулся.

— Вольно. А что, по-твоему, коннетаблю делать в гнусное мирное время, что никак не кончится?

Оставив его позади, я отыскал небольшой зальчик возле кухни, велел подать себе горячего, да побольше. Заспанные повара таскали на стол жареное мясо, ужасаясь скорости, с которой пожираю.

В дверь то и дело заглядывали пышно одетые люди, я зиркал злобно, как пес, грызущий мозговую кость, сразу исчезали, но вскоре находились новые умники.

Затем появился заспанный церемониймейстер, учтиво осведомился, не требуется ли что-нибудь еще, пока Его Величество изволит пребывать в ночном покое.

— Это во сне, что ли? — осведомился я.

— Да, — ответил он с некоторым неудовольствием, — если говорить по-простому, по-солдатски! Но вы хоть и коннетабль, но все-таки не опускаетесь до общения с простонародьем?

Я удивился.

— Не опускаться до общения с теми, кто выигрывает войны? И кто содержит государство? Ну вы и остряк... Что вообще тут нового? А то я все в делах, все в делах.

Он осторожно огляделся по сторонам.

— При дворце появилась очень сильная предсказательница!

— Подковы гнет? — спросил я.

Он помотал головой.

— Нет, в предсказаниях сильная. На тысячи лет вперед видит!..

— А-а-а, — сказал я, — ну да, я уже знаю, как они все видят. И что видят. Кстати, а почему предсказательницы всегда женщины?

Он пожал плечами.

— А вы как думаете?

— Ну, если говорить просто, по-солдатски, что вас почему-то удивляет... то я никогда над такой ерундой не думал. Впрочем, если бы видения шли от ума, уверен, все предсказатели были бы мужчинами.

Он ехидно улыбнулся.

— Как может Высшая Сила идти от ума?

— Как может вообще сила идти от ума? — отпарировал я. — Вы что, хотите, чтобы она предсказала мне мое будущее?

Он приятно улыбнулся.

— Думаю, вам это было бы очень интересно.

Я вздохнул.

— Как и любому. Но для этого надо перестать быть христианином. Соблазнительно, конечно, но, с другой стороны, унизительно... Как этого не понимали древние греки с их фатумом, как с этим мирились якобы гордые викинги, как смирялись не только все герои, но даже их боги?.. Нет, у христиан будущее меняется с каждым их шагом, каждым вздохом, каждым биением сердца!

Дворец постепенно оживал, я видел, как в зал заглядывали морды, исчезали. Скоро уже все узнали, что здесь насыщается коннетабль, но как появился, кто провел и почему не доложили, надо выяснить. Когда я, уже сытый и довольный, поглощал сладкое и прихлебывал кофе, в зале снова появился церемониймейстер, отвесил учтивый поклон.

— Сэр Ричард, я доложил Его Величеству о вашем появлении.

— И что оно сказали?

— Он изволил сообщить, — произнес он сухо и высокопарно, — что изволит вас принять в своих покоях.

— Когда?

— Прямо сейчас.

— Ого, — сказал я приятно изумленный, — Его Величество уже сумел проснуться?.. Такая ранняя пташка?

Он вздернул подбородок и посмотрел поверх моей головы.

— О Его Величестве надлежит говорить в более уважительном тоне.

— Прошу прощения, — сказал я искренне. — Это я от великой любви и почтения к Его Величеству. Иду. Уже иду!.. Вот даже кусок торта оставляю недоеденным, представляете?

На самом деле в меня уже не лезло, но всегда приятно показать, что идешь на великую жертву. Церемониймейстер плыл, как боевой фрегат, величавый и надменный, и неважно, что залы пока пустые, корабль всегда корабль, как в шумной гавани, так и в открытом море.

У двери королевских покоев стражи любезно расступились. Я остановился, так положено по этикету, церемониймейстер подошел к двери, перед ним распахнули обе створки, он встал спиной к косяку и провозгласил в пространство:

— Сэр Ричард, коннетабль королевства Фоссано!

Я перешагнул порог и сразу любезно поклонился, скромно и с достоинством. Барбаросса в роскошном халате из толстой, как перина, материи, расположился в глубоком кресле сбоку от стола. Маршалл спиной ко мне перебирает тома в шкафу, но обернулся и ответил на поклон.

— Как я счастлив снова лицезреть вас! — воскликнул я жизнерадостно. — Есть же на свете ничем не замутненное счастье!.. Все хорошо, все поют, еретиков жгут только по праздникам, налоги в казну капают регулярно, на улицах карнавалы...

Барбаросса посмотрел с подозрением на меня, перевел угрюмый взор на Маршалла.

— Спрячь кошелек, — посоветовал он мрачно. — О налогах заговорил, значит, денег попросит. Если не дадим — украдет.

Маршалл усмехнулся, мол, Его Величество шутит, при-

шлось встать чуточку раньше, изволит пребывать не в лучшем настроении.

— Сэр Ричард сияет, — заметил он. — Наверное, у него дела идут хорошо.

— Он половину кухонных запасов опорожнил, — сказал Барбаросса. Кивком указав мне, куда сесть, сделал вывод: — Значит, его войско голодает!

— Он хороший военачальник, — вступился Маршалл, — значит, сперва войско кормит. Сам — потом.

— Потому и голодный?

— Зато как благородно!

— Все равно я ему не верю, — буркнул Барбаросса. — А ты веришь?

— Да я и вам не верю, — откликнулся Маршалл. — Как и вы себе, кстати. Сэр Ричард, тревожные новости?

Я ответил лучезарной улыбкой.

— Почему? У меня все поют!..

— А что поют? — спросил Маршалл, в то время как Барбаросса только сопел и посматривал на меня с подозрением.

— Не вслушиваюсь, — ответил я твердо. — У нас свобода. Что хотят, то и поют. Не мое дело — следить за умонастроениями. Инквизиция на что? Да и некоторые местные службы заставил работать уже на себя. Не поверите, но в самом деле заскочил к вам просто так. Из личной симпатии. Я люблю вас, вот и, того, прилетел на крыльях любви... но раз уж почему-то здесь, заодно решим и кое-какие дела. Сэр Маршалл наверняка пошлет... или уже послал доверенных людей, чтобы посмотрели истинное положение дел и сообщили незамедлительно. Но вернутся еще не сегодня, а время — деньги, потому рассказываю сам, хотя это и не по рангу коннетабля... Но что такое ранг, когда в коровью лепешку расшибаешься ради приятных людей?

Барбаросса хмыкнул.

— Это он нас называет приятными, слышал?

— Я просто ушам не поверил, — признался Маршалл. — Явно в их стране это что-то ругательное.

Барбаросса поморщился.

— Да, приятные мужчины... это что-то гадкое.

— Вот так всегда, — сказал я горько. — Ваше Величество, пора снаряжать торговые караваны в Сен-Мари. Скоро к вам явятся, надеюсь, тамошние купцы. Там мужики бойкие, битые, конкурентные! Хотя, возможно, распродадут все еще в Армландии, как только окажутся по эту сторону Хребта. Но всю инициативу им отдавать нельзя, а то станете сырьевым придатком...

Маршалл спросил с подозрением:

— Что это? Сэр Уильям, как он нас обозвал?

— Придатком, — повторил сэр Маршалл задумчиво.

— Да еще сырьевым, — напомнил Барбаросса едко.

— Понять бы, — сказал сэр Маршалл еще медленнее, — что это... Сэр Ричард, как вы толкуете это гадкое слово? А оно, судя по интонации, просто гадостнейшее!

Я отмахнулся.

— Если честно, то в самом деле нечто не совсем радостное. Чтобы избежать придаточности, окажите государственную поддержку своим торговцам в международной сфере. Иногда протекционизм необходим, особенно на первых этапах. Если надо, я тоже могу помочь им создать свои представительства в этом самом южном королевстве. Вы даже представить себе пока не можете, какие перспективы открываются с началом торговли с южным материком, что на той стороне океана!

Барбаросса морщился, Маршалл же посетовал мягко:

— Сэр Ричард, вы что-то залетели слишком высоко... Какая торговля, какой Юг? Вы еще не закрепились в том Захребетье.

— Мудрецы должны заглядывать в будущее, — ответил я. — Разве по мне не видно, какой из меня мудрец?

Барбаросса поморщился сильнее, я видел, что с его языка готово сорваться злое определение моей мудрости, но Маршалл опередил снова:

— Видно-видно, даже издали.

— Ну вот, — сказал я с укором Барбароссе, — ваш мудрый советник сразу все понял! Мудрец мудреца, как говорится, признает сразу. А вы, Ваше Величество, вот не признали!.. Никак не пойму почему?..

— Все-то ты видишь, — ответил Барбаросса почти ласково, — такого жука еще поискать. Может быть, ты все же скажешь, чего хочешь на самом деле?

— Соврет, — заверил Маршалл мирно.

— Соврет, — согласился Барбаросса. — Но хоть послушаем, что скажет. Вдруг запутается.

Я воскликнул с укором:

— Ну всегда так! Открываю свою светлую чистую незамутненную сверкающую замечательную кристальную душу, а вы мне такое!.. Но если хотите прямой и честный ответ, то вот вам вся жуткая и неприглядная правда: я хочу и добиваюсь... счастья для всего человечества! Ну что, съели?

— Да, — сказал Барбаросса озадаченно. — И глазом не моргнул!

— Вы правы, Ваше Величество, — согласился Маршалл. — Таких жуков еще поискать. Сэр Ричард, и как вы собираетесь достичь этого самого счастья для всех? Вы имеете в виду, видимо, христианское понимание счастья?

— Это как? — полюбопытствовал я.

— Ну, простолюдины тоже включаются в число достойных счастья, — объяснил Маршалл злорадно.

— А-а-а, — сказал я, — эта задача посложнее, но и она решаема. Церковь объявляет, что все люди равны, даже простолюдины с королями. Мол, все от Адама, ха-ха!.. Хотя да, както угадали. Лично нам, знатным да еще и умным, простолюдины и на... словом, не совсем нужны, но где они счастливы и богаты, там и держава счастлива, богата и все время поет. О простом люде придется заботиться не только ради христианских ценностей. Эти ценности если в нашем вороватом обществе не подкреплены законом с хорошо прописанными статьями кого и за что вешать, а кому что рубить — работают только в отношении хороших людей, а это дискриминация. Плохие в этом случае получают преимущества! Чего допускать низзя.

Они смотрели с некоторым недоумением. Слишком быстро от ерничанья прыгаю к очень серьезным вещам, и все тем же тоном, словно для такого орла все на одном уровне. Но для них это воспринимается, скорее, как моя недозрелость. Как им объяснить, что в серьезных вопросах я не просто закомплексован, а перезакомплексован. Ну никак не могу без гы-гы, это вопрос выживаемости в моем прошлом обществе. Без дурацкого гы-гы меня бы нигде не приняли, и

вообще я выглядел бы не просто подозрительным, а сдвинутым, если бы всерьез говорил о духовных ценностях и некой морали в век безопасного секса.

Слуги молча и бесшумно внесли горку ломтиков холодного мяса, три кубка и медный кувшин с вином. В молчании мы слушали, как журчат струйки, темно-красное вино льется медленно и тягуче, словно и не вино вовсе.

— Вообще-то, — сказал Маршалл задумчиво, — вы где-то правы, сэр Ричард, чем меня и удивляете. Даже Его Величество воин не в себе, хотя его удивить трудно. Христианские ценности — всего лишь узаконенные человеческие! Собранные, приведенные в порядок и четко сформулированные. Их было бы достаточно для общества хороших людей, но из-за одного-двух мошенников...

Барбаросса поморщился.

— Не обязательно мошенников.

— Хорошо, — согласился Маршалл, — из-за одного-двух не совсем устойчивых к соблазну людей приходится моральные законы подкреплять законами человеческими с их кострами и виселицами. Плаха тоже помогает от заблуждений. Потому что, где Бог простит из-за своего милосердия, там не простит король.

— Если поймает, — заметил я.

Барбаросса нахмурился.

— Поймаю.

Маршалл заметил мягко:

— Конечно, король не всеведущ, как Господь Бог! Но если поймает, будет не по милосердию, а по справедливости. Ваше Величество, я вот почему-то уверен, что сэр Ричард по молодости и чистоте душевной уже залил то несчастное королевство кровью, стремясь всех людей в один день исправить, сделать счастливыми, донести им слово Божье, открыть глаза, показать Царство Небесное, указать верный путь...

Я ощущал себя неловко, слишком уж большие преимущества им дает жизненный опыт. Сколько ни хорохорься, что со старостью не обязательно приходит мудрость, дескать, чаще старость приходит одна, все-таки... гм...

— Спасибо за хорошее вино, — сказал я со вздохом.

— Ты его даже не понюхал, — напомнил Маршалл.

— Государственные мужи, — ответил я с достоинством, — должны иметь ясные головы. Это простолюдинам можно напиваться до свинских риз. Они и трезвые от свиней отличаются мало. Словом, Ваше Величество, не упускайте перспектив! Догонять всегда хуже.

Маршалл поинтересовался:

— У тебя нужда еще есть в чем-то?

— Только в людях, — признался я. — Умных много, нужных мало. Честно говоря, я бы принял еще пару полков. Не для войны, она уже окончена! Но пусть в крупных городах останутся свои гарнизоны.

— Зачем?

— Да просто для красоты, — ответил я легко.

Барбаросса хмурился, прикидывая что-то, переглянувшись с Маршаллом. Тот пожал плечами.

— Ладно, — сказал Барбаросса. — Сейчас у нас спокойный период. Но если здесь будет что, немедленно потребую обратно, понял?

Я вскочил, поклонился.

— Ваше Величество! Я сам приведу их взад. И не только их. Вашим противникам не поздоровится.

Глава 15

Когда летел в Вексен, было некоторое опасение, что Барбаросса станет вмешиваться в мои дела, все-таки Захребетье — лакомый кусок, но то ли сам Барбаросса проявил государственную мудрость, то ли Маршалл убедил, но я предоставлен сам себе, как в свое время действовал по своему усмотрению, не спрашиваясь у французского короля, норманнский герцог Вильгельм.

Более того, Барбаросса даже не напомнил, что я два полка из Фоссано раздробил в Сен-Мари по мелким гарнизонам, расположенным далеко друг от друга. Некоторые вещи подразумеваются, но вслух о них не говорят, чтобы не ставить один другого в неловкое положение.

А то, что пообещал немедленно прислать еще войско, го-

ворит о его доверии. Знает, гад, что лаской из меня можно ве-ревки вить. Это на любое противодействие ощетиниваюсь, аки еж дикобразистый, а так в самом деле будет обоядная польза.

Я мысленно перебирал детали разговора с королем и его со-ветником, а отдохнувшие крылья поднимают выше и выше. Небо здесь огромнее, а земля внизу меньше. В самом деле ов-чинка... Откуда такое сравнение пришло древним? Летали, га-ды... Внизу то и дело затягивает снегом, но откуда здесь снег в такую жару, это облака, иду очень уж высоко...

Иногда горы так высоки, что пики торчат выше облаков, прорывая их, как айсберги воду. Здесь на высоте все тихо, про-хладно, даже холодно, хотя к солнцу я вроде бы ближе. Вот, уже рассуждаю, как типичный крестьянин...

Внизу облачное поле оборвалось, пошла удивительно зе-леная долина. Очень далекая еще и потому, что похожа на ги-гантский оттиск небесной ступни на высокогорье.

Далеко внизу, почти у самого горизонта, начала прояв-ляться перевернутая чаша из мрамора нежно-розового цвета. Я заработал крыльями чаще, превозмогая усталость, вот вле-чу в окно своей спальни и сразу же в постель, отосплюсь.

Чаша разрастается, теперь видно, что город спускается вниз уступами, и везде крохотные ажурные башенки, дворцы с заостренными шпилями, изящные здания с куполами, а в центре немыслимо прекрасный дворец из множества смы-кающихся зданий, все с ажурными крышами, кое-где часо-вые, но, к счастью, все смотрят вниз, как бы где не пробрался злоумышленник.

Я нацелился на вершинку той самой высокой башни, у подножья которой бдит мой сержант, сложил крылья и почти бесшумно грохнулся на перегретый солнцем мрамор. Если кто и услышал, то я распластался за парапетом, а когда под-нялся, то уже в личине человека, усталый до такой степени, что в глазах пляшут эльфики и крохотные феи.

По лестнице я сошел достаточно бодро, сержант отскочил от двери как ошпаренный.

— Ваша светлость!.. — вскрикнул он испуганно.

— Да, — ответил я благожелательно, — я эта самая свет-лость, угадал, молодец!

— Рад стараться, — пробормотал он, — однако... отсюда никто!... Но... как вы?

— Тайные ходы, — ответил я многозначительно. — Висячие переходы всякие... злые и незримые для немайордомов. Ты лишние вопросы не задавай, сон будет крепче. Просто бди и чужих на башню не пущай. А чужие все, кто не его светлость. В смысле, моя.

— Будет сделано, ваша светлость!

Бобик сбил бы с ног, если бы я не прислонился к стене. Он вылизал мне лицо, как я ни закрывался локтями, подозрительно пофыркал на чужие запахи, а потом счастливо проводил меня до покоев.

Во дворце скоро узнали, что майордом вернулся, однако я успел спать пару часов, чего при моем метаболизме вполне хватает. Барон Альбрехт встретил первым у выхода, взгляд испытующий, лицо недовольное.

Привычно почесал Бобика, он сказал весьма неопределенно:

— Задали вы задачу...

— В чем? — спросил я и предложил: — Пойдемте, барон, позавтракаем вместе. Что-то зубы чешутся.

— У него всегда чешутся, — ответил он.

— Да я тоже еще тот Бобик... Будете третьим?

— С удовольствием, — ответил он. — Только все забываете, сэр Ричард, завтрак могут подать и в постель. Не хотите в постель — можно в кабинет. А то как-то не по рангу, когда сами топаете туда, где кормят!

— Вообще-то да, — согласился я. — Я просто пру на запах кухни.

— Но вы же не Бобик!

— Да все мы в чем-то Бобики, — ответил я со вздохом. — С такой жизнью даже с песиком поиграть некогда.

Барон распахнул двери в небольшой зал, повернулся ко мне и поклонился. Я вошел, с облегченным вздохом опустил задницу в кресло.

— Ладно, пусть подадут сюда. Здесь довольно мило... Интересно, что здесь было?

Он отмахнулся.

— Неважно, что было. Главное, что будет. Как я говорил, все службы сбились с ног, пытаясь вас обнаружить. Как только стало известно, что майордом изволит бродить по городу неизвестным, чтобы лучше узнать, как к нему относятся, все ощутили зуд...

— Пытались найти?

— Еще как! Такой азарт на благое бы дело... Но вы и в такой мелочи преуспели. Все чувствовали, что вы где-то рядом, но никто так и не сумел...

— Да, — ответил я, — такой вот я крутой и неуловимый.

— А где вы были?

Я ухмыльнулся.

— Как вы правильно заметили, совсем рядом. Но не скажу!

— Понятно, чтобы потом новое место не искать? Разумно. Могу сообщить, что ваше распоряжение насчет той трещины выполняется. За небольшую плату крестьяне начали возить на телегах туда камни. Предполагается, что за год-два удастся засыпать достаточно, чтобы проложить дорогу. Или хотя бы мост.

В зал вбежали слуги с блюдами в руках. Я едва дождался, когда разложат по тарелкам, потом вспомнил о молитве и заставил себя потерпеть целых две минуты, глядя на роскошные истекающие сладким соком тушки мелких птичек с удивительно белым нежным мясом.

Барон смотрел на меня в удивлении.

— Что-то случилось, сэр Ричард?

— Молитва перед обедом, — отрезал я. — А вы, сэр Альбрехт, сразу, как дикарь, за жратву?

Он пробормотал:

— Больно голос у вас подозрительно тихий. Хотя бы губами шлепали!

— Я про себя, — сообщил я. — Молча. Из скромности. Господь все равно услышит, он не тугоухий. А то некоторые просто выкрикивают молитву, да еще и на улице, чтобы все видели их набожность!..

Он буркнул:

— Я тоже молился. Молча. Не стал же я хватать со стола

раньше вас? То-то. А вообще вы правы. Мы должны подавать пример местному населению. Все равняются на благородных!

— Потому тяжко быть благородными, — вздохнул я.

— Пока молоды, — возразил он, — это еще легко!

— А когда поумнеем?.. ладно, не отвечайте. Я уверен, благородство — это одна из лучших черт, придуманных и сотворенных Господом. За что его еще больше уважаю. В Адаме и Еве не было ничего подобного, двое тупых простолюдинов!.. Но потом проявилось! Я вот жру и думаю, а что еще в нас Господом скрыто?

Он вздохнул.

— Вот именно скрыто. Можем открыть, а можем закопать еще глубже.

— Благородство обязывает, — ответил я. — Будем копать.

Ели мы довольно долго в молчании, барон не сдержаный Куно, хотя тоже умеет просчитывать каждый шаг, беспристрастно режет мясо, насыщается спокойно, безспешно, хорошо прожевывает и время от времени запивает вином.

Даже Бобик при нем ведет себя сдержанно, не стучит лапой по колену, напоминая о себе, а благовоспитанно принимает то, что дают.

Я сказал мрачно:

— Хорошо бы еще Кейдана привлечь и за военные преступления...

Он спросил озадаченно, сбитый с толку неожиданным поворотом:

— Это какие?

Я раздраженно отмахнулся.

— Барон, не занудствуйте! Какие скажем, такие и будут. Всегда и везде только победитель решает, в чем состояли военные преступления. А для Кейдана и высасывать из пальца, как обычно делается, не придется! Его даже за одну его морду можно судить.

Он подумал, кивнул.

— Победители придумывают правила, а побежденным по ним жить.

— Если, — сказал я, — ударишь кого по пьяни — ты свинья и драчун. Если еще ухитрился вытащить у него монеты —

это гнусный разбой. Если купил на эти деньги меч, то нарушаешь закон, ибо оружие запретим носить на улицах в мирное время, если не в охране лорда или города. Если собрал шайку друзей и потрошишь караваны — это бесчинство и грабеж. Но если твоя шайка разрослась и называется армией, ты можешь захватить целую страну и назвать это освобождением от тирана!

Он посмотрел на меня с вопросом в серых спокойных глазах.

— Сэр Ричард, — спросил он в легком недоумении, — надеюсь, у нас не так? Святая миссия продвижения Слова Господа в эту темную страну не поставлена под сомнение?

— Ни в коем случае, — заверил я со вздохом, — но кто это видит? Замечают только грабежи и насилие. Ростки доброго и вечного, что всаживаем даже насильно в их головы... или сердца, проклюнутся не сегодня. Потому пока нам просто нужно удерживать власть. Чем вы и должны заниматься ежедневно и ежечасно.

Он покачал головой.

— Вы так говорите, словно сами... гм...

Я развел руками.

— Милый барон, меня беспокоят Ундерленды. Сейчас в равновесии: ни мы напасть не в состоянии, ни Кейдан оттуда не ударит. Но что там зреет? Об этом анклаве ничего не известно... среди простого народа.

— А среди непростого?

— Хороший вопрос, — ответил я. — Точный. Я все время, даже когда ничего не знал про Сен-Мари, собирал сведения про эти войны магов, которые великие только по силе, но не по уму... И вот из общения с непростыми удалось узнать, что во время последней войны Великих Магов океанская волна смыла все прибрежные города, ударила о Великий Хребет и вернулась обратно. Эти земли заселялись заново.

Он придвинул к себе тарелку с медовыми пирогами и слоеным пирожным. Лицо стало хмурым, буркнул невесело:

— Все земли так заселялись.

— Совершенно верно, — подтвердил я. — Но на побережье кое-где остались нетронутыми подземелья, хотя водой

залило их тоже, и практически все было разрушено и там. Разрушено, но не уничтожено! И вот в Ундерлендах кто-то сумел, как мне кажется, судя по разным странным слухам, что-то оживить из творений Древних Магов.

Он вздрогнул.

— Ого!.. А что именно?

— Узнать можно только там, — ответил я кратко.

Он смотрел на меня исподлобья.

— Сэр Ричард. Если вы думаете, что думаю я, то вам такое лучше даже не думать.

— А кому? — спросил я.

— Не знаю.

— Только скажите! — сказал я настойчиво. — Я тут же переложу все на его плечи. Даже, если плечи хлипкие. Я не постесняюсь. Я из такого королевства, где добродетель — бесстыдство, а вовсе не скромность. Скромные у нас не выживали. Но, увы, я людей для такой миссии не зрю.

Он беспокойно заерзал, лицо из хмурого стало совсем темным. Расковырянный золотой ложечкой пирог беспомощно глядит раскрытыми внутренностями на безжалостного человека и ждет решения своей судьбы, но барон смотрел поверх тарелки.

— Не советую в Ундерленды, — пробормотал он. — Чую неприятности. Нам и так везло слишком долго.

— Мы опоздали с герцогом Вирландом, — напомнил я, — что позволило ему собрать армию. Я не хочу проворонить с этим загадочным анклавом. Я хочу понять, что нам может оттудагрозить.

— Ответственность обязывает? — спросил он мрачно. — Сэр Ричард, даже не думайте заталкивать меня в графы!

Дверь распахнулась, церемониймейстер громогласно провозгласил так, словно я на другом конце королевства:

— Граф Ришар, граф Рейнфельс...

Хорошо я его приструнил, мелькнула злобно довольная мысль. Раньше он пытался произносить титулы полностью, так бы одного Ришара представлял полчаса, а теперь просто бегло перечисляет, не меняясь в лице от такого грубого нарушения дворцовового этикета.

Военачальники входили один за другим степенно и гордо, только Макс слегка замялся в дверях, ослепленный великолепием роскошной отделки, а я напомнил себе, что надо выбрать момент и возвести его в бароны.

Сэр Раster сразу начал оглядываться в недоумении, где же выпивка, здесь мужчины собирались, а не девицы с вышиванием, довольно крякнул, когда слуги внесли вино, а первый кувшин поставили перед ним.

— Военный совет, — объявил я. — Враг разбит, все королевство в наших руках.

— Если не считать Ундерленды, — напомнил барон бес tactно.

— Да, — буркнул я, морщась. — Да! Но Ундерленды отделены такими пропастями, что ни нам организовать вторжение не удастся, ни оттуда не смогут вывести большое войско. Перебьем, когда будут идти цепочкой по краю пропасти... Словом, военная часть закончена, начинается самое трудное.

Сэр Раster посмотрел с недоумением.

— А какие еще, кроме военной?

Граф Ришар сказал неторопливо:

— Вообще-то наши гарнизоны обеспечивают... э-э... спокойствие в городах и селах. Остальное — за местными. Но они говорят, что вы довольно ловко сумели воспользоваться их структурами. В деревнях нашего вторжения и не заметили, в городах почти все уже восстановилось.

— А теперь нам нужно, — продолжил я уже в тон, — начинать то, ради чего и пришли! Это королевство нужно вернуть в лоно церкви. Насколько я знаю, победитель часто перенимает часть черт побежденного. Даже, если это неизбежно, давайте же примем лучшее... если отыщем.

Виконт Штаренберг сказал высокопарно:

— Кто никогда не меняет взглядов, больше любит себя, чем истину. В этом королевстве есть много такого, чему нам стоит поучиться.

Я с силой грохнул кулаком по столу. Для меня это нехарактерно, но голова трещит, чувство острой беспомощности грызет внутренности. Еще до вторжения в это Забугорье было

понятно, что завоевать — полдела, но сейчас вижу, что это даже не четверть дела, а намного-намного меньше.

— Да, — прорычал я зло, — это вас я вижу ежедневно среди вельмож Геннегау! И вижу, как вас обхаживают. Пока готовимся, как легче и безболезненнее их повернуть к Христу, вас уже повернули... И что вы увидели в той стороне?

Все молчали, ошеломленные взрывом ярости, я всегда держался предельно сдержанно, а сейчас сам чувствую, на мне, как говорится, лица нет.

Сделал три глубоких вздоха, я затолкал злость назад и произнес контролируемым голосом:

— Мы даже само королевство не завоевали, а только захватили. Это не одно и то же! Сен-Мари — это не вторая Армландия или Фоссано, здесь совсем иной строй, иные отношения, иные взгляды и отличающаяся от нашей мораль. А мораль и взгляды ломать куда труднее, чем разбить огромное войско.

Граф Ришар огляделся по сторонам.

— А почему отец Дитрих не здесь? Это больше по его ведомству.

— Ему без нас не справиться, — возразил я. — Это наше общее дело! Здесь в отличие от всех королевств по ту сторону Великого Хребта компактными племенами живут тролли, гоблины, а где-то в горах, по слухам, даже эльфы. На Севере они тоже есть, но там с ними ведется лютая война на полное истребление. Либо люди, либо тролли, а здесь подход более рациональный, соломоновский. Дескать, если можно использовать, то использовать надо... И вот целый отряд троллей в войске Вирланда, тролли и гоблины на службе у людей в городах, как впервые увидел в Таракконе...

Барон Альбрехт оживился.

— Правда? А то мы в Таракконе заскочили буквально на часок, никаких троллей не заметили.

— Кстати, — сказал я ровным голосом, но сердце забилось чаще и тревожнее, так как подошел к главному, — о троллях... У греков самыми презираемыми людьми на свете были дикие скифы, но это если в целом, а так высшими мудрецами Греции по признанию самих же эллинов являются

Анаксагор и Токсарис, скифы по происхождению. На этом уровне уже не скифы или греки, а мудрецы. То есть на уровнях мудрецов нет ни скифа, ни грека...

Сэр Раster сказал громогласно:

— Золотые слова! Я вот уже не различаю брабантцев и армландцев, это же мудрость?

— Еще какая, — ответил я. — Троллей уничтожаем как народ, исповедующий самую жестокую форму язычества с его массовыми жертвоприношениями и пожиранием жертв живыми. Для меня это не народ, а просто дикие кровожадные звери. Я христианин, для меня такие тролли... или люди... не имеют права на существование!

Они слушали, напряжение медленно выветривается из комнаты, чаще вино из кувшинов переливается в чаши, меня слушают, но не забывают чокаться с соседями и промачивать горло.

Глава 16

Я перевел дыхание, подумал, что сейчас начнется, подошли к самому больному месту. В животе напряглось и болезненно заныло, но заговорил я относительно ровным голосом:

— Но те, кто принял веру Христа, уже и не тролли вообще-то.

Сэр Раster раскрыл рот.

— Как это... не тролли?

Лорд Рейнфельс поинтересовался со смешком:

— А что, превращаются в людей?

Я отмахнулся с наибольшей небрежностью, какую позволило мне скованное напряжением тело.

— Для Христа нет ни эллина, ни иудея, ни тролля. На уровнях христианства уже не важно, в какой оболочке душа. Главное, есть ли вера Христа в ней. А для меня, как майордома, важно также, чтобы эта вера не была мертва, как частенько бывает даже в людских душах.

Все выглядели ошарашенными, Будакер покрутил головой, вид очень смущенный.

— Сэр Ричард, — сказал он, — как-то все не так... Одно

дело распространять веру Христа среди тех же варваров, другое... среди животных!

— Животные не поймут, — возразил я, — а тролли — существа разумные. Да, их разум направлен на разрушение, но если порыться в нашей истории, то куда там троллям до Чингисхана, Аттилы и многих-многих наших императоров!.. В общем, я не говорю, что так именно и будет... все-таки, если и будем здесь заниматься приобщением к христианству, то все-таки начнем с варваров... Они все-таки люди, с ними проще.

— А почему тогда о троллях?

Я развел руками.

— Цель должна быть грандиозной.

Арлинг сказал со вздохом:

— Ценивать людей надо по тем целям, которые они перед собой ставят.

Все переглядывались, наступило неловкое молчание, когда все поглядывают друг на друга, но высказаться не решаются.

Граф Рейнфельс произнес обеспокоенно:

— Сэр Ричард, это не слишком ли?

— Что вы имеете в виду? — потребовал я.

Он светло и благостно посмотрел мне прямо в глаза.

— Я крестоносец, — произнес он гордо, — и поклялся нести слово Божье людям, что забыли Христа или отвернулись от него. Готов нести и тем, кто его не знал вовсе.

— Варварам, — подсказал сэр Кристофер.

Рейнфельс кивнул.

— Да, варварам. Но, простите, троллям... Мне с детства наставник читал Святое Писание, там о троллях ни слова!

Я сжался, чувствуя острое непонимание и полное неприятие моих слов. Лорд Рейнфельс смотрит на меня строго и взыскующе, очень правильный и праведный рыцарь, за ним Библия, которую он читал и по которой живет. Родители чаще предпочитают не самого одаренного из своих детей, даже не самого совершенного, а самого послушного. Церковники и многие христиане надеются, что и Всемогущий к ним относится примерно так же. Но, думаю, Творец не настолько дурак. Вон даже Ульфилла доказывает, что нужно не славить имя Господа на всех перекрестках, так делают только подхан-

лимами, а твердо и ревностно проводить в жизнь победоносное учение великого отца и учителя, господина Создателя!

А как проводить, я уже понимаю. Пусть кому-то и покажется, что иду против воли Создателя.

— Сэр Рейнфельс, — произнес я, как можно тверже, — Святое Писание — книга мудрости, а мудрость говорит в общем, а не конкретном. Там сказано достаточно ясно для умных: «*Не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его, и облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его, где нет ни Еллина, ни Иudeя, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос*». Если уж говорить начистоту, то мы все еще те тролли!.. Все еще. Но родители еще в детстве повышавливали из нас троллизм, мы теперь почти люди. Одни больше, другие меньше. Хотя, конечно, в Царство Небесное нас пока еще не пустят, для этого надо освободиться от троллизма полностью, но все-таки в наших душах — Христос, а в душах людей этого королевства — пустота.

Барон Альбрехт хмыкнул.

— В лучшем случае.

— Спасибо, барон, — сказал я с благодарностью даже за такую поддержку. — А в худшем — в их сердцах дьявол. Тролли — это те же люди, только еще хуже, чем мы. Мы понесем слово Божье и к ним как существам разумным.

— А кто не примет? — спросил Ришар.

Я ощущал некоторое затруднение, глядя в их ожидающие глаза. Трудно говорить правду, если не знаешь, чего от тебя ждут, лучше бы еще полавироваться, но поезд ушел, и я, расправив плечи и глядя со всевозможной искренностью, сказал:

— Тот будет убит. Но не потому, что тролль, а потому, что не принимает Христа.

Они ушли, а я затих, прислушиваясь к себе. Показалось, или нечто шевельнулось темное, гадкое, злобное? Поглотив темного бога, как говорит Логирд, хотя мне это слово очень не нравится, так и вижу себя каким-то ненасытным крокодилом, я завладел и всей его мощью, а также... сутью.

И хотя самого Терроса теперь нет, но что-то от него во мне есть помимо силы, и это совсем не умение играть на арфе.

Сердце трепещет, душа сжимается в предчувствии неприятностей, но с некоторым облегчением я сказал себе, что вот и выплынул наружу то, что давно зреало и ворочалось, но сам душил и не пускал наружу. Идея слишком дикая даже в теории, гладко было на бумаге, как сказал классик, да забыли про овраги...

И по той же трусости не решился сказать отцу Дитриху, а сперва вот так, чтобы до него дошло через моих военачальников, чтобы не вспылил, а дождался моего возвращения, а за это время остынет, поговорим без крика об основах веры. Отец Дитрих гораздо лучше знает каждую букву Писания, зато я, как мне кажется, глубже улавливаю саму суть христианства, не зная мелочей.

— Логирд, — проговорил я сдавленно, — если ты меня слышишь... Что насчет Терроса? Он может пробудиться во мне?.. В смысле, пробудиться так, чтобы захватить власть над моим телом?.. Или хотя бы начнет как-то бороться за власть?

Из стены, как пробка из шампанского, вылетело светящееся тело и, промчавшись через комнату, исчезло в стене напротив. Через мгновение Логирд вернулся, завис посреди кабинета.

— Промахнулся, — сообщил он. — Да, вопрос интересный... Хотел бы на такое посмотреть!

— Это меня ждет?

Он покачал головой, как мне показалось, с сожалением.

— Нет, Терроса уже нет. Вы нашли единственный верный способ его убить. Хотя те знания, которыми обладал Террос, могут, да могут...

— Что? — спросил я, едва дыша.

— Могут спровоцировать на нечто, — объяснил он. — Полеты — это еще не все. Но это не знания будут виноваты.

— Я?

— Соблазн, — сказал он. — Власть... Кто устоит? Чем больше власть, тем опаснее злоупотребление ею. Даже для себя.

— Власть не развращает людей, — возразил я, — это дураки, забравшиеся на вершины власти, развращают власть! Я помню, что чрезмерная жажда власти привела к падению ан-

голов, чрезмерная жажда знания приводит, как видим, к падению человека...

Он переспросил в удивлении:

— Это как?

— Такой человек может стать некромантом, — объяснил я злорадно, — а то и кем-то похуже. Скажем, продать душу дьяволу и придумать птичий грипп! Только милосердие не может быть чрезмерным. Оно не причинит вреда ни ангелу, ни человеку. Конечно, я говорю о милосердии, способном за себя постоять!

Он пробормотал:

— Да, интересное понимание милосердия... Вообще-то вы, сэр Ричард, можете овладеть всей мощью Терроса. Как и мощью тех, кого он поглотил. В том числе и тем, что умел я. После выхода из заключения он был еще очень слаб... потом его мощь росла бы весьма быстро. Все это у вас впереди, если только, конечно...

— Что?

— Если сумеете. Это не мечом махать.

— Не язви, — сказал я. — Не все нужно стремиться... суметь. Любопытство кошку сгубило... ну и хрен с ней, а вот когда человек в погоне за мощью продаёт душу... гм... это не есть хорошо. Я вообще-то сам не знаю, зачем мне эта душа, но продавать все равно не буду. Ни за какие пряники! Даже за власть над миром.

Он кисло усмехнулся.

— Прогадать боитесь?

— Боюсь, — сказал я твердо.

— Теперь куда? — спросил он. — Сэр Ричард, вы что-то задумали! У вас такое бесхитростное лицо, хотя вы его и пытаетесь делать, да, но я вот смотрю и вижу... ух ты, вот так прямо в Ундерленды?

Я сказал обвиняюще:

— Это потому, что призрак!

— Ничего подобного, — запротестовал он. — Когда живым был, тоже видел все, что замыслили. Боюсь, сэр Ричард, и другие видят. Что нехорошо отчасти, но... и хорошо.

Я спросил с подозрением:

— А хорошо почему?

— Потому что вы неплохой человек, — ответил он. — И когда такое видят... это вам на пользу.

Я ощущал себя не то, чтобы уж совсем обманутым, но как будто у меня что-то украли важное. Всем нам хочется быть таинственными и загадочными. В детстве я хотел, чтобы меня принимали за бандита или хотя бы за опасного человека, я напускал на себя зверский вид и ходил, растопырив локти. Крутые парни, что умеют срывать уроки в школе, пользуютсяуважением одноклассников и успехом у девочек. Но и по-взрослому, мы все еще хотим быть хоть чуточку на стороне зла, и хоть уже не бьем лампочки и зеркала в лифте, но хотя бы ходим тайком от жены по ее подругам.

— Ундерленды, — сказал я как можно весомее, — совсем не ради храма. Я туда и заглядывать не собираюсь! Но нужно посмотреть, что за анклав, чем нам может грозить, когда расслабимся и распустим войско. Я понимаю, как бы я хорошо ни работал, как гроссграф, лорд-протектор или майордом, неважно, этого никто не заметит! Народ замечает только героев. О них говорят, о них складывают песни, им стараются подражать. Но я все равно должен тянуть лямку.

Логирд поморщился.

— Для вас новость, что простой народ обожает грубых парней?

Я сказал сердито:

— Представь себе, да.

— Для меня нет, — ответил он равнодушно. — Я давно привык, что рыцарь на коне народу всегда интереснее, чем знающий некромант.

— Это не одно и то же.

— Разве?

Я скривился, махнул рукой.

— Ладно, ты прав. Потому я так и поступлю...

— Как?

— Оставлю пока что Геннегау, — сказал я, — на попечение графа Ришара, а также Куно Крумпфельда и его помощников. Меня в самом деле очень даже интересует этот загадочный анклав, куда скрылся Кейдан.

— Отступил, — поправил он. — Насколько я знаю, Ундерленды в самом деле весьма и весьма... гм...

— Что с ним?

— Отличаются, — сказал Логирд задумчиво, — от остальной части королевства.

— Чем?

— Ундерленды, — медленно сказал он, — последний осколок древнего королевства Арндт... Хотя нет, таких осколов два. Второй вы знаете.

Я помотал головой.

— Откуда?

Он усмехнулся.

— Смотрите, не поймайтесь.

— В чем?

— По легенде, вы сами из этого осколка древности.

— Из Брабанта?

— Точно.

В голове моей щелкнуло, я вспомнил, как сэр Смит, будущий победитель Каталаунского турнира, говорил, что герцог Готфрид Валленштейн — лучший из бойцов Арндского королевства.

— Да, — признался я, — просто подзабыл... А еще что-то про рыцарский орден Марешаля.

Логирд произнес с удовлетворением:

— Верно. Арндское королевство существовало в глубокой древности. В империю не входило, а власть его простиралась и на ряд островов в океане. Потом было Второе Арндское, Третье... Наконец, после крушения последнего образовалось то, что победители назвали Сен-Мари. Только в двух анклавах еще хранят память о былом величии и все еще, хотя реже и реже, называют эту землю королевством Арндт.

— Ну вот, — пробормотал я, — еще и Арндское... А по ту сторону Великого хребта это королевство называют вообще Брохвил!

Он поморщился.

— Ну, это понятно.

— Простите?

Он поморщился сильнее.

— Первые герои, что сумели отыскать великий Перевал, после спуска проходили через земли брохвилей. Небольшое племя, ничем не примечательное.

Я вздохнул.

— А-а-а, понятно. У нас тоже так. Одну и ту же страну зовут Алеманией, другие Швабией, а то и вовсе Германией. А кто-то даже Немеччиной!.. Я проезжал как-то небольшое королевство Угорщину, одни упорно зовут Мадьярией, а некоторые так и вовсе Венгрией... А что за орден Марешаля?

Он развел призрачными руками.

— Знаю только, что тайный рыцарский орден Марешаля был создан в надежде возродить мощь и славу Арннта. Но, как вы можете видеть, реальных шагов так сделано и не было. По крайней мере, нам не видно. Да и зачем что-то менять? Всем и так хорошо.

Я слушал, кивал, соглашался, что да, это интересно, и даже могу вспомнить еще примеры. В моих оставленных краях некое королевство по имени Англия тоже иногда гордо величает себя по старинке Британией, а то и вообще Великобританией, Франция — Галлией, а Украина вообще считает себя Атлантидой. Большинство людей живут вчерашним днем, но я, такой вот урод, предпочитаю завтрашний.

— Глава ордена Марешаля, — закончил он, — герцог Ульрих, живет в Ундерлендах, Готфрид Валленштейн — его правая рука — в Брабанте. Честно говоря, больше ничего и не знаю.

— Это очень много, — воскликнул я.

Он посмотрел с недоумением.

— Правда?

— Точно, — заверил я. — Теперь некоторые части головоломки начинают складываться в картинку... достаточно понятную.

Глава 17

Кровь все еще стучит в висках, а сердце барабанит по ребрам. Дворец наконец-то затих, я потихоньку пробрался на малую башню. Внизу все залито ярким светом, придворных

становится все больше, осмелели, начинаются какие-то игры, в которые пока меня вовлекать не решаются, но уже замечаю некоторых знатных рыцарей Армландии в окружении вельмож Геннегау. Наши выглядят ошарашенными великолепием и красотами, как молодой Андрий, младший сын Тараса Бульбы...

Бобик догнал меня, когда я нацелился перейти по висячemu мостику на большую смотровую башню. Я прислонился к стене, он встал на задние лапы и посмотрел мне в глаза требовательно и строго.

— Люблю я тебя, — заверил я, — люблю!.. И Зайчика люблю. Просто сейчас период трудный такой... Но когда вернусь, мы с тобой везде и всюду с ветром между ушами и в голове... и Зайчика возьмем, а то без него скакать как-то не совсем...

Он печально вздохнул, я поцеловал его в нос, поскреб за ушами и шлепком по толстой заднице отправил обратно.

Если кто и увидел, как я перебегаю по висячemu, то вовсе не обязательно там полез на самый верх смотровой и пропал. Гораздо разумнее предположить, что спустился вниз и провел, как ночью охраняют дворец по всему периметру стен.

От верха башни в небо я пошел свечой такими мощными рывками, что тяжелые мысли выдуло встречным ветром. Крылья постанывают от сладкой нагрузки. Впервые я ощутил радость не только от самого полета, но и от работы групп преобразившихся мышц.

Не стал ли я с этим темным богом во мне ближе к Антихристу, которым меня пугали... а то и самим Антихристом?.. Антихрист, как я понимаю, это противник Христа, а темный бог не является им, так как слыхом не слыхал ни о каком Христе. Террос жил, действовал и был заточен за тысячи лет до его рождения...

Но, с другой стороны, Артихрист потому и противник Христа, что выступает за исконно-поскonnые, древние порядки. Языческие, плотские, когда вообще не существовало понятия души. Значит, он все-таки Антихрист... по крайней мере, в этой части. Но, возможно, это не часть, а основа.

И тогда темный бог — Антихрист! Хотя, думаю, не весь, а

часть Антихриста. Для исполинской фигуры настоящего противника Христа нужно нечто большее, чем только кульп плоти.

Теперь понимаю, когда это вот пространство, где я сейчас, называют воздушным океаном. В самом деле, стоит перестать усиленно рубить воздух крыльями — плыву, как рыба в воде, но чуть начинаю ускоряться — чувствую сопротивление среды. Конечно, и на Зайчике ощущал, когда переходили в карьер, но там помогает и сцепление копыт с грунтом, и объединенный вес, а здесь ломиться сквозь потоки все труднее, тем более, что быстро наглею и стараюсь выжать все, что могу, как вот сейчас.

Мои расширенные ноздри тревожно дернулись. В воздухе возник легкий запах гари, а я сейчас частично пернатое, что огня очень не любит. Я прислушался, аромат горелой земли стал отчетливее.

Через пару минут быстрого полета зелень равнин и лесов сменилась чернотой обугленного плато с багровыми молниями глубоких ущелий и узких трещин. Воздух стал горячим, меня дважды настолько резко подбросило восходящими потоками, что я почти физически ощутил могучую лапу тектонических процессов.

Мертвая выжженная земля во множестве ям, в провалах и тонких, как черные сталагмиты, иглах, только кривых, причудливо изогнутых, разветвленных, пористых, когда выплеснутая мощным выбросом из недр раскаленная магма застывает сразу, образуя причудливые и страшные фигуры.

Снизу постоянный грохот, из щелей выстреливает не только горячим воздухом, но то в одном месте, то в другом взлетает фонтан слепяще белых или оранжевых искр. Следом под давлением с силой вырываются клубы сизого дыма, что моментально растворяется в перекаленном воздухе.

Я поднялся выше, чтобы не достало внезапным выплеском гейзера кипящей магмы. Воздух впереди потерял прозрачность, я боязливо снизил скорость, но все равно влетел в облако мелкого и горячего пепла.

Через несколько минут хлопья пепла стали крупнее, я снизился и рассмотрел, что земля внизу покрыта толстым серым ковром. Редкие трещины пламенеют, как ручьи с кровью.

Справа заблистало сквозь пепел нечто вроде северного сияния. Сполохи пробиваются мутные, размытые, но захватили полнеба. Слева выступила из горячего тумана зловеще черная, словно поднялась из ада, стена, похожая на скол антрацита.

Я рискнул снизиться, глаза выедает горячий пепел, в черноте кратеры зияют, как кровавые раны. Стена исполинского разлома идет зигзагом, а у самого основания, если меня не обманывают глаза, вьется тропка... Человек не зверь, он останавливается перед препятствием только для того, чтобы сообразить, как его преодолеть. Здесь нашли единственно верный выход: идти под самой горой, а если ущелье упирается вплотную в стену, то ухитрились в самой горе прорубить узкую тропку, где можно двигаться по одному, закрываясь плащами от нестерпимого жара снизу.

Таких мест я заметил три, но, думаю, их больше, потому связь Ундерлендов с остальным королевством практически отсутствует. Можно только дивиться отваге людей, что сумели переправить короля Кейдана и его двор через эту жуть.

Я взглянул наверх, узкие тропки под отвесными каменными стенами весьма уязвимы: даже малый камешек, упавший с такой высоты, пробьет любой щит и любой панцирь. Вторжения в Ундерленды могут не опасаться.

Растопырив крылья, я плавно шел над тропкой, просматривая уязвимые места, вдруг да отыщу возможность перебросить крупные силы, когда по нервам остро хлестнул страх.

Я не успел оглядеться, но по телу пробежала волна, заставившая сердце стучать чаще, мышцы начали утолщаться, на спине быстро появляются плотные чешуйки...

Впереди из темных нор в отвесной стене стремительно выметнулись отвратительные гарпии, черные, неопрятные, уродливые. Вторая волна страха вздула кожу крупными пупырышками. Шерсть исчезла, уступив плотной рыбьей чешуе на лапах и на брюхе. Спину не видел, там вообще творится что-то жуткое, скрипит и трещит...

Я держал взглядом летящую на меня тварь с широко разинутой пастью. Ощетинился и приготовился драться, но другая ударила в бок, а еще одна саданула сверху, как бьющий

глупую утку сапсан. Из моей пасти вырвался резкий каркающий крик, я резко провалился, чувствуя как трещит хребет. Летящая на меня гадина со злым свистом пронеслась выше. Там был удар и злобный вскрик.

Я выровнялся, в боку боль, гарпия вцепилась всеми четырьмя и рвет зубастой пастью мою плоть. Я цапнул ее и сжал в челюстях. Пустотелые кости захрустели, как сахарное печенье. Брызнула кровь, я жадно прожевал раны, чем сообразил, что делаю, с омерзением выплюнул окровавленный и еще дергающийся ком.

Меня несло вниз, я снова заработал крыльями, две гарпии мчатся в мою сторону, как гигантские стрелы. Я выждал, резко рванулся вперед. Они пронеслись по инерции вниз, я ринулся вдогонку, догнал одну и ухватил пастью. Она дико заверещала, брызнула кровь, словно раздавил наполненный краской пузырь.

Последняя гарпия выровняла полет, я раззадорился от победы и готовился погнаться за нею, но дура бросилась в атаку. Я встретил ее лоб в лоб. Меня тряхнуло, но гарпию смяло, я успел ухватить ее, падающую, когтистыми лапами, сжал, сладострастно наслаждаясь силой, когти окрасились кровью, погружаясь в горячую плоть.

Тело умершвленной твари понеслось вниз и пропало в ночи. Я с усилием выворачивал голову, вроде бы лететь тяжелее, крылья стали короче и плотнее, тело покрыто жесткой броней...

Медленно расслабляясь, я убрал тяжелые костяные щитки, оставил только крупную чешую, это что-то вроде кольчуги, удлинил крылья и понесся уже легче, не хлопая суматошно крыльями, а помовая ими легко и царственно.

Этой черной земли, расколотой трещинами до самой магмы, не меньше, чем на приличное графство, даже на два графства, но, увы, это место больше похоже на поверхность Меркурия, обращенную к Солнцу, чем на Землю.

Впереди возникли и начали быстро вырастать залитые лунным светом горы — старые, выветрившиеся, торчащие, как окаменевшие стволы исполинских деревьев. Другие

больше походят на термитники, какие-то — на пни, остро пахнуло древностью, разрушением и странной печалью.

Я пару раз мощно ударил крыльями по воздуху, проверяя, все ли зажило, и вдруг странная метаморфоза произошла со зрением: старые разрушающиеся горы превратились в огромный город, исполинский, чудовищный, весь из высоких каменных домов, ни одного дерева, ни одного кустика, а только дома, дома, дома, мелкие и невероятно высокие.

Тело мое разогрелось, я растопырил крылья и тихо плавировал, медленно снижаясь. Серебристое сияние разбилось на множество крохотных огоньков.

Я не видел Брабант целиком, только на карте, но Ундерленды, как мне кажется, втрое больше. И заселены намного плотнее. Облачка внизу проплывают редко, да и те ветер усердливо раздергивает, как шторы перед нетерпеливым зрителем. После первого города, так поразившего воображение, пошли еще города: просто огромные, как и крепости, замки, отдельные башни. Между ними ровные квадраты полей, роскошные сады, ни одного пустого холма: либо ряды виноградников, либо пшеничные поля.

Внизу появился город, рядом с которым Геннегау выглядит деревней. Огромный, весь из крупных каменных домов, дороги проложены прямые, широкие, никаких узких улочек. Опять же странное впечатление, что город строился не хаотично, а по единому жесткому плану.

Стальная полоса реки разделяет его пополам, неестественно прямая. По мере снижения я разобрал, что течет между обрывистых берегов, красиво облицованных широкими каменными плитами. Вода в ночи похожа на ртуть, мосты широкие, прямые и без привычных глазу опор.

Над городом поблескивает некая дымка. Я подлетел достаточно близко, но решил не рисковать, круто развернулся и пошел наискосок от города, снижаясь и выбирая местечко, где можно встретить рассвет.

На расстоянии полумили в лунном свете страшно блещет рыцарский замок с высокой зубчатой стеной, четырьмя угловыми башнями, и вытянутым вверх донжоном. На шпиле плещется знамя с трудно различимым отсюда гербом. И хотя

ни защитного вала, ни поднятого моста, но замок явно живой, работающий, а в нем чувствуется жизнь рыцарей, а не просто приспособивших эти каменные здания для обитания.

Я опустился поблизости от замеченной сверху тропки, перетек в человека и тихонько сел на пень, наблюдая, как лунный свет медленно уступает рассвету. Воздух свеж и чист, чирикнула первая птица, тут же запели другие, словно ждали сигнала. Несспешно порозовели вершинки деревьев, но здесь внизу еще тень, влажно пахнет землей.

Я поднялся, поправил лук за плечами и меч в перевязи. Тропку как раз залил нежный розовый свет умытого утреннего солнышка. Я вышел на утоптанную землю, прикидывая, в какую сторону идти, и хотя понятно, что надо в город или в замок, но эти дорожки так петляют...

По залитой солнцем земле быстро пробежала плотная и огромная тень. Я ухватился за рукоять меча, отпрыгнул и пригнулся, лишь потом рискнул быстро взглянуть вверх

И... застыл. Из-за темного еще леса неспешно и царствен-но выплыл небольшой дирижабль ярко-красного цвета. Он показался похожим на гигантскую божью коровку, а пышный герб на выпуклом боту и девиз сойдут за пятнышки. Еще не раздутая сигара, каким должен стать в процессе эволюции, ближе к воздушному шару, хотя и слегка вытянутому...

Сколько я ни напрягал зрение, привычной корзинки внизу не увидел, словно пассажиры располагаются в самом шаре, что немыслимо. Или же кабинка когда-то оторвалась, дирижабль двигается сам по себе... Или это не совсем дирижабль.

Топот копыт я услышал поздно. Вернее, слышал уже некоторое время, но так обалдел от вида летательного аппарата, да и привык к стуку копыт, что не обращал внимания, пока всадники не вылетели на полном скаку из-за поворота лесной тропинки. Я ошелошло посмотрел в их сторону, все еще под впечатлением дирижабля.

Передние всадники пронеслись было мимо, но трое остановились, один сказал резко:

— Эй ты, кто таков?

Другой бросил с аристократической ленцой:

— Сэр Готмар, да какое нам дело...

Всадник, которого он назвал сэром Готмаром, сказал резко:
 — Нам до всего есть дело, сэр Витерлих!

Все трое в легких доспехах из металла, хорошо подогнанных и сделанных с такой тщательностью и мастерством, каких не видел даже в Сен-Мари. Двое элегантных и подтянутых рыцарей, а третий грузный, который задал мне вопрос, уже немолодой, широкий с неприятным лицом и злобными свинячьими глазками.

Я не успел открыть рот, как этот сэр Готмар повторил резко, словно ударили кнутом:

— Кто таков?

Я запнулся на миг, снова называться Светлым — рискованно, ведь можи Кейдана, да и сам он мог услышать в Брабанте, и хотя вероятность мала, но лучше избежать, однако и Темным не смогу, это противоречит моим нравственным... если они у меня есть, или вообще чему-то там во мне по-бараны упрямому.

— Сэр Полосатый, — ответил я, успев за миг до того, как он взялся за рукоять меча и потащил из ножен.

Все трое смотрели с недоумением, а этот мордатый прорычал злобно:

— Что за дурацкое имя?

— Нормальное, — возразил я. — Это у вас какое-то странное, сэр Готмар... Что оно означает? Ну вот, не знаете! А тут сразу видно, жизнь моя полосатая! То светлая, полоска, то темная, то светлая, то темная...

Рыцарь, который Витерлих, беспечно хохотнул.

— Ишь ты, — сказал он с интересом, — тогда и я этот самый... полосатый?

— Э-э, нет, — возразил я, — имя занято!.. А Полосатые-младшие мне ни к чему!

Уехавшие вперед всадники нехотя возвращались, взяли нас в кольцо. Некоторые слезли на землю, я слышал скрип натягиваемых арбалетов.

Сэр Готмар спросил раздраженно:

— Ты кто? И почему у тебя рыцарские шпоры?

Я развел руками.

— Сэр, я рыцарь, хоть и простой, безщитовой... Увы, у меня украли коня. Вот иду пешком.

Он смерил меня взглядом, полным подозрения.

— А твое полное имя?

— Сэр Полосатый, — ответил я, — из Логирдья.

Он нахмурился сильнее.

— Что?.. Это где? Я такой глупой лжи еще не слышал.

— Почему лжи? — запротестовал я. — Это правда!

— Ундерленды, — произнес он холодно, — не такая уж и большая земля. Я знаю все графства, баронства, виконства и даже земли простых рыцарей. И нигде никакого Полосатого там нет... Ты вор и разбойник.

— Да нет же! — запротестовал я.

Он бросил с холодным презрением:

— Взять и повесить!

Я бросил руку к мечу, но арбалетчики моментально навели на меня свое страшное оружие. Пятеро спереди и, как догадываюсь, не меньше сзади. Двое крепких кнехтов моментально оказались сзади и завернули руки за спину. Арбалетчики умело сдвинулись, острия стальных стрел все время смотрят в лицо и в грудь.

— Погодите, — запротестовал я. — При чем здесь Ундерленды? Я пришел издалека!..

Готмар спросил с иронией:

— Откуда?

— Из королевства, — ответил я гордо. — Сен-Мари.

Он сардонически усмехнулся.

— Вот как? Откуда же? Из какой части?

— Из Брабанта, — ответил я и посмотрел на него с достоинством, в то время как руки жестко скручивали ремнями. — Это далеко!

— Все знают, — ответил он спокойно и уже как-то равнодушно, — что Брабант далеко. Как ты прошел через всю страну, не спрашиваю, отважный пройдет, хотя ты не похож на такого. Но как оказался в Ундерлендах?

Я пробормотал:

— Да вот сумел... Под стеночкой, под стеночкой...

Он кивнул всадникам.

— Вон там хорошее дерево. Но пока без плодов.

— Все сделаем, — заверил один из простых воинов. — Пара раз дрыгнется и все!

Рыцарь, которого Готмар назвал Витерлихом, сказал с недовольствием:

— Ты слишком крут, Анри. Он может оказаться и не разбойником.

— А кем?

— Не знаю, — ответил Витерлих. — Но сразу вешать...

— Вешать нужно сразу, — отрезал Готмар. — Меньше непонятностей. Повесил — и сразу все снова просто и ясно!

Витерлих покачал головой.

— Как знаешь, ты командир. Но я, как рыцарь, обязан сказать герцогу, что ты повесил незнакомца, неизвестно как оказавшегося в наших краях.

Готмар скривился.

— Незнакомца? А ты всех крестьян в Ундерлендах знаешь? И которые пошли в разбойники?

— Я же сказал, — ответил Витерлих, — это твое дело. А герцог решит, прав ты был или нет.

Готмар перекривился, словно хлебнул уксуса вместо меда, покосился в мою сторону.

— У него даже рожа разбойничья. Ладно, пусть будет по-твоему! Увидишь, герцог будет недоволен.

Конь под ним сдвинулся с места и пошел в сторону города или замка, оба в той стороне. Один из всадников набросил мне на шею петлю, и как только я замешкался, веревка сразу натянулась, горло сдавило.

Я захрипел, в глазах потемнело, побежал за всадниками, благо веревка длинная, и ей иногда дают провисать. Никто не заботился, упаду или добегу, меня словно уже списали со счета, идут легкой рысью, смеются, переговариваются, рассказывают веселые истории.

Глава 18

Потом меня вели через село, вернее, пригород, где простые бревенчатые домики утопают в садах. Крестьяне высыпали из домов, любуясь пышно одетыми всадниками на ог-

ромных конях, так непохожих на их мелких смиренных лошадок.

Я задыхался от сдавившей горло петли, ноги начали подгибаться, но, к счастью, передние всадники остановились в центре села у колодца. Пока поили коней и пили сами, я восстанавливал дыхание, но все равно горло першило, а легкие жжет, будто огнем.

В какой-то момент из толпы собравшихся послышался вскрик. Оттолкнув подругу, одна из женщин бросилась к нам, упала передо мной на колени и обхватила обеими руками ноги.

— О, господин наш Сатаниал!..

Рыцари смотрели на нее, как на привидение. Я тряхнул головой, капли горячего пота сорвались с век. На меня снизу вверх со страхом и суеверным обожанием смотрит молодая стройная девушка с на диво крупной грудью.

Эта грудь включила некие ассоциации, я прохрипел:

— Ого, как ты выросла... Как там Баллард?

Она вскинула голову и прошептала громко:

— Балларда вы изволили убить...

— А Янош?

— Янош погиб потом... от вашего меча...

Сэр Готмар развернул коня и прорычал свирепо:

— Эй ты!.. Знаешь его?

Она вскочила, низко поклонилась.

— Да, ваша милость.

Готмар посмотрел на меня со злорадством, свиные глазки злобно сузились..

— Ну вот ты и попался!.. Говори, кто он?

Она ответила почтительно:

— Это сам господин Сатаниал!..

Готмар посмотрел на нее, выпучив глаза, перевел взгляд на меня. Всадники переговаривались, с интересом поглядывали на нас обоих.

— Кто-кто? — переспросил он свирепо.

— Великий и ужасный господин Сатаниал, — ответила она еще почтительнее. — Он явился на господском празднике.

Всадники переговаривались, Витерлих сказал Готмару:

— Вот видишь! Я же говорил, в этом что-то не так.

Готмар прорычал:

— Ах, не так?.. Значит, надо повесить сразу.

— Ты что? — спросил рыцарь с недоумением. — А вдруг здесь что-то... Ты погоди-погоди!.. Если связано с черными мессами, то с теми людьми лучше не ссориться. Ни тебе, ни мне, ни кому-то еще...

Готмар поморщился.

— Надо было повесить сразу.

— Надо, — согласился Витерлих. — Но насчет Сатаниала услыхали слишком многие. Мы смолчим, другие расскажут с радостью... Придется везти в крепость. Там разберутся.

Готмар с великой неохотой повернулся в мою сторону, взгляд его прожигал меня насквозь. Я видел в прищуренных глазах острую жалость, что все-таки не повесил сразу.

— Ладно, — прорычал он так, словно грыз кость, а я попытался ее отнять прямо из пасти, — снимите с него петлю. И развязжите руки.

Кнехты молча разрезали веревку. Я растирал занемевшие кисти, мурашки носятся просто огненные. Девушка снова опустилась на колени и обхватила мои ноги, прижавшись грудью. Несмотря на зверскую усталость, я все равно остро ощутил эту горячую сладостную мягкость.

— Спасибо, господин Сатаниал, — сказала она ясным голосом, — спасибо за все!

Готмар грубо схватил ее за плечо, поднял и сильным толчком отправил к столпившимся крестьянам.

— Иди-иди!.. А ты, кто ты на самом деле?

Я ответил с достоинством:

— Сэр Полосатый, я же сказал. Сожалею, но не могу сказать ничего больше. Мое признание откроет еще имена, а многие из них, как вы можете догадаться, если вас не роняли в детстве темечком на камни, весьма и весьма... скажем мягко, знатные. Но главное, влиятельные. Хотите с ними потягаться?

Он некоторое время всматривался в меня злобно, рыцари переглядывались и негромко переговаривались.

Витерлих сказал весело:

— Анри, не будь таким подозрительным. Ты же видишь, у

него есть все основания хранить тайны. Если выдаст имена, о которых можем только догадываться, его ждет участь похуже, чем быть повешенным. Да и нам достанется, что лезем не в свои дела.

Еще один всадник отмахнулся досадливо.

— Я воин, сэр Готмар, а не придворный. Разбирайтесь с ним сами. А я возвращаюсь в замок.

— Мы все возвращаемся, — заверил Витерлих. Он посмотрел на меня. — Похоже, вы устали, сэр. На коне сумеете удержаться?

— Буду премного благодарен, — ответил я.

Он кивнул одному из слуг, тот нахмурился, но соскочил на землю и подвел мне коня. Я взобрался в седло, учтиво поблагодарил господина Витерлиха. Готмар прорычал что-то злобное, затем все сдвинулись с места и понеслись в город.

Витерлих морщился всякий раз, когда конь с ровного галопа прыгал через поваленное дерево или большой камень.

Когда перешли на шаг, я спросил сочувствуяще:

— Зубы?

Он скривился.

— Голова. Трещит, будто на нее набили железные обручи в два ряда... а теперь стягивают.

Я быстро создал чашку горячего кофе, мне на живот успело плеснуть горячим, я протянул всаднику.

— Вот, поможет.

Он взял без колебаний и, пока качка не опорожнила раньше, поспешно выпил в три жадных глотка. Я видел, как он еще прислушивается к ощущениям, но морщины на лбу разгладились.

— Что за дивный эликсир?

— Правда, неплохо? — спросил я.

Он смотрел, как я создал еще две, одну протянул ему, ко второй торопливо присосался сам.

Витерлих так же быстро выпил и вторую, зашвырнул ее по моему примеру в придорожные кусты, неожиданно заорал веселую песню.

Готмар оглянулся, придержал коня и поехал рядом с нами.

— Что-то случилось? — спросил он обеспокоенно.

Витерлих указал на меня.

— Сэр Сатаниал... ха-ха... излечил меня от жуткой головной боли! Я тебе говорил вчера, не надо было тот последний кувшин... Но сейчас — ура!

Готмар посмотрел на меня сурово, но Витерлих дотянулся до него и хлопнул по плечу.

— Я же говорил тебе, там неплохие маги! Сэр Сатаниал... один из них.

Готмар поморщился.

— Вон уже ворота, придержи язык. Никаких Сатаниалов, понял? Мне все равно, чем занимаешься помимо службы, но в замке и в черте города моя гвардия должна быть чиста.

Витерлих заверил так же беспечно:

— Анри, ты же меня знаешь...

Замок приближался, громадный, величественный, просто королевский. Судя по тому, что дважды упомянули герцога, здесь живет именно он. А если прикинуть, что на одни Ундерленды два герцога многовато, то этого единственного зовут Ульрихом, как сообщил Логирд.

Стена вокруг донжона сложена из массивных глыб, которые тесать могли только горные великаны. И подогнаны настолько точно, что я скорее догадался о зазорах, чем увидел.

На стене поблескивают острия пик, круглые шлемы стражей. Нас увидели издали, ворота распахнули во всю ширь. Весь отряд въехал на просторный двор, аккуратно и строго вымощенный серой плиткой с симметричным геометрическим узором. Площадь настолько идеально выровнена, что выглядит одной плитой, на которую нанесен изящный узор.

По ту сторону площади донжон, похожий на дворец из белого мрамора, высокие колонны, хорошо оформленный портик со вздыбленными конями, к широкому входу ведут ступени во всю ширину дворца. По обе стороны здания раскинулся цветущий сад. Я успел подумать, что вроде бы не сезон цветести, хотя если король прикажет, то должно все цветсти, это и есть абсолютная монархия...

Готмар, не слезая с коня, направил его слева от замка по широкой аллее. Витерлих подмигнул мне, мы поехали сле-

дом. За спиной стучат копыта двух-трех рыцарей, остальные покинули седла и передали лошадей конюхам.

Слева от донжона в огороженном крупным камнем дворике двое в доспехах и с мечами в руках азартно нападают на третьего, тот красиво и умело принимает удары на щит и меч, отпрыгивает и сам атакует быстро и опасно.

За схваткой наблюдает рослый мужчина в дорогом рыцарском доспехе знатного вельможи, элитная сталь с синеватым оттенком, угадывается тщательная подгонка частей.

Шлем держит в руках мальчишка лет десяти, паж, и когда мужчина повернулся, заслышиав стук копыт наших коней, я увидел человека, умеющего принимать удары и по-христиански отвечать сторицей. На лице пары белых шрамов, бросается в глаза тяжелый массивный подбородок, высокие скулы и хорошо защищенные толстыми надбровными дугами глаза.

Взгляд его сразу пробежал по мне оценивающе и недоверчиво. Я спрыгнул с коня и со всей учтивостью поклонился.

— Мое почтение благороднейшему герцогу Ульриху!

Не отвечая, он с неподвижным лицом повернул голову к Готмару. Тот слез с коня без особой спешки, злобно зыркнул на Витериха и прочих, мол, кто проговорится — убью на месте.

— Ваша светлость, — проговорил он недовольным голосом, — на обратной дороге мы встретили вот этого... сэра. Он сказал, что рыцарь. Имя его — Полосатый, хотя по мне... впрочем, вам решать.

Герцог снова обратил взгляд на меня. При всей тяжести стальных доспехов, держится так, словно на нем легкая рубашка. Да и недостойно аристократу выказывать недовольство некоторыми неудобствами, которых избежать нельзя.

— Итак, сэр? — проговорил он холодно четким контролируемым голосом, где не было и намека на эмоции.

Я торопливо поклонился.

— Благородный сэр Ульрих!.. Все королевство наслышано о вашей доблести, благородстве и щедрости!.. Все говорят, что вы собрали у себя лучших из лучших рыцарей. У вас самые отважные и умелые. Быть среди них — честь для любого воина, который ищет славы!

Он снова оглядел меня с головы до ног оценивающе, словно прикидывал, сколько за меня взять на базаре. Я всем своим видом выказывал почтение и восторг, что вот стою перед таким великим человеком, но не забывал держать спину прямой, а плечи раздвинутыми.

— Гм, — проговорил он медленно, — сэр Полосатый... По стати вы рыцарь... да и по золотым шпорам. Однако... как вы верно сказали, у меня при дворе лучшие из лучших.

Я ответил учтивым поклоном.

— Сэр Ульрих, я счастлив видеть, что вы не сомневаетесь во мне. Но некоторые из ваших рыцарей еще до конца не уверены... Позвольте им проверить, как я держу меч?

Лицо герцога не изменилось, но я ощущил, что он доволен тем, как я ловко переложил его личное сомнение на других рыцарей.

— Да, разумеется, — ответил он. — Конечно, сэр Полосатый. Вы предложили лучший из возможных вариантов проверки настоящих мужчин. Еще я заметил, вы учтивы, как рыцарь, и умеете общаться... Сэр Трандерт, вы хотели проверить умения сэра Полосатого?

Тот, на которого нападали двое, массивный и широкий мужчина с короткой черной бородкой и злодейски изогнутыми черными бровями, коротко поклонился.

— Буду счастлив, — прогудел он. — Заодно и сам разомнусь.

Герцог снисходительно улыбнулся.

— Жерар и Бульбоне размяться не позволили?

— Увы, — ответил он в тон.

Витерлих подмигнул мне, остальные рассматривали нас спокойные и неподвижные, даже не переговаривались. Сэр Трандерт вытащил меч и спросил вежливо:

— Готовы, сэр Полосатый?

— Готов, — ответил я. — А вы?

— Готов...

Я сделал два стремительных шага и сильным ударом близко к эфесу выбил меч. Сэр Трандерт проводил его ошелелым взглядом, по рядам рыцарей прошел сдержанnyй ропот.

— Это шутка, — объяснил я. — Сэр Трандерт поспешил с заявлением, что готов. Верните меч благородному сэру!

Оруженосцы примчались, сэр Трандерт взял из их рук потерянный меч, я видел, как он оглядывает меня уже пытливо и настороженно. Герцог тоже смотрит очень заинтересованно, рыцари умолкли, когда мы в приветствии скрестили мечи.

Звон стали, скрежет, меч сэра Трандерта вырвало из его рук. Снова все проводили его взглядами, когда трижды кувырнулся в воздухе и упал едва ли не на головы рыцарям.

— Хороший удар, — сказал герцог, — я едва успел усмехнуться, как вы его провели... Сэр Трандерт, соберитесь! Перед вами точно не оруженосец, что выдает себя за рыцаря.

Сэр Трандерт смотрел рассерженно, но не ринулся в атаку, а шагнул осторожно, наблюдая даже не за моими замахами, а стараясь их предугадать по моему лицу, глазам, меняющейся стойке.

Мы скрестили мечи еще трижды, сэр Трандерт провел один красивый удар, рыцари довольно закричали, но вопль оборвался, когда резко звякнуло, меч вывернулся из руки и беспорядочно закувыркался в воздухе.

Герцог хлопнул в ладоши.

— Довольно, — сказал он властно. — Мастерство сэра Полосатого неоспоримо. Он сумел сделать больше, чем просто показать красивую схватку!

Судя по лицам рыцарей, они в самом деле знали, что это непросто.

Я развел руками.

— Сожалею, — сказал я тем покаянным голосом, что паче гордыни, — я тоже не дал сэру Трандерту возможности размяться.

Кто-то хихикнул, другие заулыбались, Витерлих первым подошел ко мне и, обняв, шепнул в ухо весело:

— Честно без магии?

Я ответил тоже шепотом:

— Магия — для серьезных противников.

Он похлопал по плечу и сказал громко:

— Сэр Полосатый приглашает отметить красивый бой!

Я плачу. Нет желающих? Какой осторожный народ!.. Хорошо, поедем вдвоем.

Коней наших уже расседлали и поставили в конюшню, сэр Витерлих по-хозяйски зашел проверить, что за ячмень подсыпали его любимому коню, достаточно ли свежая вода, о друзьях надо заботиться, это людишки все изо рта вырвут, а о животных нужно нам.

— Я знаю прекрасный кабак в городе, — сообщил он. — Там с той стороны замка дорога прямо к нему. Мы и протоптали, ха-ха!.. А вы по дороге расскажете, как удалось добраться в Ундерленды. Все говорят, что даже отрядами очень не просто, а одиночки вообще не выживают по дороге.

— Его Величество сумел же пройти? — сказал я скромно. — А рыцари тем паче!..

Он поморщился.

— Короля наверняка несли. А другие отстреливались от гарпий. Говорят, те гадкие твари стерегут все дороги!

— Там только одна дорога, — сказал я.

Он взглянул на меня с уважением.

— Тем более охранять ее легче, но пройти труднее.

— Может, — предположил я, — гарпии просто живут там и охраняют свои гнезда?

— Гм, — сказал он озадаченно, — об этом не думал... Эй, запрягите нам вот этого коня и вон того, буланого!

— А почему через опасные земли, — спросил я, — не перелететь на тех штуках, что плавают в небе?

Он удивился:

— На скайлерах или джаггерах?.. Чувствуется, вы издалека, сэр Полосатый. К сожалению, они могут летать только над Ундерлендами.

— Жаль, — сказал я с искренним сожалением, уже успел надумать всякого-разного. — У герцога они тоже есть?..

Он удивился еще больше:

— А как же! У герцога все должно быть лучшее.

Конюхи торопливо седлали нам двух рослых коней, а в широко распахнутых дверях возник темный силуэт. Человек, схватившись за косяк, тонким юношеским голосом прокричал торопливо, что благородный сэр Ульрих, герцог Ундер-

лендов, приглашает сэра Полосатого на пир в нижнем зале замка.

Я прокричал в ответ:

— Я, сэр Полосатый, благодарю за лестное приглашение!.. Явлюсь, как только отряхну пыль с сапог!

Оруженосец исчез, сэр Витерлих сказал с некоторой досадой:

— Жаль, придется отложить поход в город.

— Разве у герцога хуже?

Он воскликнул:

— Ну, конечно, лучше! Как можно сравнивать?.. Но иногда бывает... вы молоды, сэр Полосатый, и еще не поймете, что не всегда хочется этого самого лучшего. Когда все с прямыми спинами, говорят правильно, улыбаются правильно и ведут себя безупречно, мы же рыцари — это бывает несколько... ну, утомительно.

Я сделал вид, что в самом деле не понимаю, однако в груди тревожно кольнуло. Здесь в замке строгое рыцарство, а во всем королевстве уже то, что пришло ему на смену. Когда можно сидеть как угодно, язычком молоть что взбредет в голову, а жрать и пить, не соблюдая манер. И вот, как вижу, даже рыцари начинают уставать от строгих манер... если те ничем не подкреплены.

— Пойдемте, сэр Витерлих? — сказал я. — У колодца сполосну морду.

— Морды у простолюдинов, — напомнил он без выражения. — А у нас лица. Морды могут быть всякими, но лица...

— Понимаю, — ответил я. — Но зато лицо можно потерять, а вот морду — никогда.

Он подумал, кивнул.

— Да, потому простолюдином жить легче.

— За ними будущее, — согласился я.

Часть 3

Глава 1

В зал вошли плечом к плечу, уже как друзья, понимающие бремя белого человека. В нашу сторону сразу повернулись головы герцога и его ближайшего окружения, а дальше за столами пьют и жрут, не обращая внимания ни на нас, ни на герцога, вольные и раскованные. Рядом с герцогом в огромном кресле миниатюрная женщина с пышной взбитой кверху прической, явно старается хоть с ее помощью казаться выше и величественнее. Строгая с виду и явно породистая, одета без пышности, но с аристократичностью. По другую сторону герцожьего трона — массивный человек в такой одежде, которую я не решился отнести ни к какому разряду. Он сразу наступил и начал смотреть на меня с великим подозрением.

Витерлих кивнул в сторону жены герцога и сказал тихо:

— Иля Ундерлендская. Имя под стать ее миниатюрности, но под таким титулом может упасть.

Я пожал плечами.

— Зато он заслуженный.

Он в недоумении сдвинул густые брови.

— Это как?

— Полководец, — пояснил я тихо, — принимает имя выигранной битвы. Ну, Александр Невский, Суворов Таврический, Василий Болгаробойца, Сципион Африканский...

Витерлих врубился, захохотал.

— Все верно, сэр Полосатый, все верно!.. Садитесь, вот ваше кресло. Эй, подать вина моему другу сэру Полосатому!

Он сам без всяких церемоний придинул мне кресло, хотя это должен делать лакей, усадил и, похлопав по плечу, отправился к своим собутыльникам.

Герцог оторвал от нас взгляд, повел дланью, и все разговоры стихли.

— Сэр Полосатый, — сказал он громко, — наш гость. Только что прибыл в Ундерленды, тем самым блистательно доказав, что одиночки тоже могут прибывать к нам из королевства. Сэр Полосатый... ваш друг был очень любезен, но вы меня заинтересовали. Прошу сядьте поближе ко мне! У меня к вам чертова куча вопросов.

Я поклонился и сел, чувствуя на себе десятки пар заинтересованных взглядов, только неловко от того, что не смею поправить герцога насчет «чертова», приличные люди слова «черт» не произносят, ибо назови его вслух, тут же и придет незримо.

Герцог сказал дружелюбно:

— Сэр Полосатый, как находите наши Ундерленды?

Мне показалось, что за простым вопросом таится нечто еще. Мужчина справа от него всматривался в меня чересчур уж внимательно, словно вгрызается.

Я растянул губы в чистосердечной усмешке.

— Чудесно, сэр Ульрих!.. Особенно я восхищен настоящим рыцарством, которого почти не увидел на всем пути через Сен-Мари.

По его лицу понял, угадал правильно, мужчина рядом недовольно хмыкнул. Передо мной по кивку герцога поставили кубок, большую тарелку из серебра, золотую вилку, с другой стороны слуга, изящно изогнувшись, опустил столовый нож с золотой ручкой.

— Рыцарство, — произнес герцог с неопределенным выражением, — да, рыцарство у нас все еще осталось. Держимся.

Я сказал почтительно:

— Надеюсь, Его Величество, которое теперь изволило посетить этот дивный край, убедится, как оно важно... Но разве король не ваш гость?

Легкая тень набежала на лицо герцога.

— Его Величество король Кейдан, — произнес он значительно, — сейчас отдыхает от ратных дел в летнем дворце на берегу океана. Дворец достаточно просторен, чтобы вместить весь его двор и всю гвардию, которую он привел. Как его вассал и лояльный подданный, я предоставил ему в полное распоряжение своих поваров и музыкантов. Не взыщите, если станет скучно или вдруг индейка покажется плохо зажарена.

— Как гуманно, — восхитился я. — И какая самоотверженность! Отдать своих поваров и музыкантов... А Его Величество не собирается собрать здесь войско и повести на бой с варварами?.. Или там появился уже другой противник? Я точно не разобрал, приходилось пробираться лесными тропами...

Он поморщился, кивнул.

— Да, сперва были варвары, потом им в спину ударил некий Ричард из Брабанта. Говорят, сын герцога Готфрида, с которым я был дружен в молодости... Значит, я только думал, что о Готфриде знаю все.

— И что этот Ричард? — спросил я.

— Захватил почти всю территорию королевства, — буркнул герцог с удивившей меня острой ненавистью. — За исключением крепостей, что удерживает доблестный Вирланд. Варвары почему-то ушли... А у Его Величества недостает сил.

Я спросил осторожно:

— Он на что-то надеется?

Герцог кивнул.

— Да, конечно.

— На что, если можно спросить...

Он отмахнулся.

— Да это никакой не секрет. Король уже отправил сообщение императору Герману Третьему. Когда нагрянут императорские войска, этим мальчишкам из Брабанта конец наступит быстрый и беспощадный.

— Император настолько силен?

Он посмотрел на меня почти с жалостью.

— Эх, сэр Полосатый... Я видел их однажды, никогда не забуду. Это все равно, что мне сражаться с пятилетним ребен-

ком! Император не потеряет ни единого человека. Вот увидите! А войско брабантцев будет истреблено в один день. Даже в один час.

Я пробормотал:

— Ого... а почему он не завоюет весь мир?

— Великий Хребет, — объяснил герцог. — Через него не пройдет даже императорская армия. Потому империя Германа Третьего хоть и простирается даже на эту сторону океана, но здесь и заканчивается.

В зал вошли две девушки, рыцарь справа от меня шепнул с восторгом, что это Жозефина, дочь герцога, и ее лучшая подруга Мария. Мне хватило беглого взгляда, чтобы понять, кто из них кто, хотя обе одеты почти одинаково ярко и богато. Одна милая и очень хорошенъкая, с живым румянцем и весело стреляющими по сторонам глазками, вторая выше ростом, прямее, почти принцесса, которой предстоит стать королевой. И красота у нее блестящая, холодная и завораживающая, как сверкание обнаженного клинка, лицо удлиненное, с тяжеловатой нижней челюстью, что вообще-то неженскость, но этой лишь придает строгую огранку бриллианта.

Я делал то, чего от меня ждут: восторженно рассматривал обеих во все глаза, раздувал грудь и все порывался подкрутить несуществующие усы или хотя бы усики.

Обе сели рядом с герцогиней, дочь ближе, Марии повезло больше, соседом оказался молодой и галантный Витерлих. Он тут же осторожно снял с плеча Жозефины нечто незримое, жена герцога Иля перехватила мой взгляд и объяснила с мягкой улыбкой:

— Когда сильный ветер с севера, здесь все покрывается пеплом. Но мы привыкли.

Витерлих хмыкнул.

— Не только. Научились извлекать пользу. Где он выпадает, там урожай удваивается.

— Даже на камнях, — добавил сэр Трандерт, — если покрываются пеплом — можно сеять пшеницу. Но сэр Витерлих пользы извлекает больше! Он на всех женщинах находит этот пепел.

Готмар прорычал недовольно:

— Ну да, все хорошо. А как же твари, что вылезают из ада? Витерлих отмахнулся с беспечностью.

— Сюда не добираются. Они здесь, ха-ха, мерзнут!

Герцог обратился к девушкам с мягкой улыбкой любящего отца:

— Леди Жозефина, леди Мария! Вас так беззастенчиво рассматривает рыцарь, который только что показал великолепное умение бойца.

Мария сдержанно улыбнулась гостю, но не задержалась взглядом, по мне видно, что беден и незнатен, а Жозефина спросила с холодноватой вежливостью:

— Даже великолепное? Настолько, что получил право быть принятым здесь, при дворе?

— Более, чем, — ответил герцог. — Более, да. Позволь, дорогая, представить доблестного рыцаря Полосатого.

Я вскочил и поклонился, леди Жозефина раздвинула губы в улыбке ни на миллиметр больше, чем положено по этикету.

— Приветствуем вас, сэр Полосатый! — произнесла она приятным, но строго контролируемым голосом. — Похоже, вы издалека. Очень издалека.

Я спросил с огорчением:

— По мне так заметно?

Она кивнула, но леди Мария прощебетала, играя глазками:

— Мы знаем всех рыцарей Ундерлендов. По крайней мере, умеющих заслужить благосклонность герцога.

Жозефина даже не взглянула на дурочку с укором, та наивной простотой убила в самом начале интригу. Облик дочери герцога остался все таким же строгим и даже с привкусом королевистости.

— Его светлость так строг? — спросил я и посмотрел на герцога. Тот тихо переговаривался с супругой. — Для сэра Ульриха воинское умение значит так много?

— Да, сэр Полосатый, — ответила Мария, опередив подругу. — Герцог из древнейшего рыцарского рода! Здесь традициям придают огромное значение! А в королевстве, говорят, нравы ужасные, ужасные...

Глаза ее загорелись неистовым любопытством. Леди Жозефина посмотрела на нее строго и вроде бы пнула под столом.

— Разве Ундерленды воюют? — спросил я. — Мне казалось, это самый мирный край... Таким видится из королевства. Да, там значение рыцарства потихоньку падает.

Герцог перестал шептаться с женой, оба смотрели на меня внимательно и оценивающе.

— Ундерленды должны быть всегда готовы отразить написк, — ответила Жозефина строго. — Это понадобится. Так говорят предсказания.

— А-а-а, — сказал я, — ну да, понятно, ага.

— Судя по тону, вы не верите в предсказания?

— Честно говоря, — ответил я простосердечно, как положено недалекому и потому бесхитростному, — не верю и не должен. Простой рыцарь вроде меня верит в свой меч, силу своих рук и еще в свое воинское умение. Остальное, уж извините, для меня слишком сложно.

Герцог поинтересовался, не сводя с меня сурово поблескивающих глаз:

— Вы в самом деле не верите в предсказания?

Я перекрестился и сказал отчетливо:

— Я христианин, ваша светлость. В предсказания, судьбу и прочее, унижающее свободного человека, верят только дикие язычники. А мы, христиане, каким мир создадим, таким и будет.

Он медленно кивнул, все еще не отпуская меня взглядом. За столом возникло некое напряжение, а человек, который слева от герцога, вперил в меня недобрый взор.

Я постарался больше смотреть на Жозефину, давая понять, что очарован, ослеплен ее красотой, и ваше готов по ее слову на любой подвиг, если подарит свой платочек, чтобы повязал на копье или еще куда-нибудь, чтобы хвастаться, как бахвалился в начале нашего знакомства сэр Растер.

Герцог все присматривался ко мне, я старался выглядеть довольным и польщенным вниманием множества знатных рыцарей.

Он слегка наклонился в мою сторону.

— Сэр Полосатый, вы турнирный боец?

Я помотал головой.

— Что вы, сэр Ульрих! Ни в коем разе. Хотя пару раз в турнирах участвовал.

На Жозефину я старался смотреть гоголем, выпячивал грудь и раздвигал плечи. Герцог понимающе кивнул, то ли отвечая мне, то ли своим мыслям, глаза не оставляли взглядом моего лица.

— О результатах не спрашиваю. А в поле?

Я позволил скромной, но горделивой улыбке пропустить на своих мужественных губах.

— И в лесу, ваша светлость. И в горах.

Жозефина тихо беседует с Марией, но мне почудилось, что прислушивается к нашему разговору, и я картино откинулся в кресле, насколько позволяют приличия.

Глаза герцога чуть потеплели.

— Да, — произнес он с чувством, — я сразу почувствовал в вас настоящего бойца, искателя приключений и подвигов! Правда, при моем дворце почти все такие, но, к сожалению, их всех очень хорошо знают в соседних землях. А вот вы... как смотрите, чтобы выполнить для меня одно крохотное поручение?

— Располагайте мною, сэр, — ответил я с пьяной лихостью. — Если, конечно, мне оно по зубам!

Он чуть усмехнулся.

— А вы осторожны, сэр Полосатый. Это хорошо.

— Я жив, — ответил я. — В самом деле, хорошо. Что вы хотите?

— Мне нужно, — произнес он со вздохом, — чтобы кто-то проник в замок сэра Корнуэлла... У него слабее гарнизон, замок меньше и хуже укреплен, однако маги намного лучше моих. Кто бы из здешних рыцарей ни попытался войти в его замок, его схватят прямо на воротах. Вас никто не знает, что в данном случае жизненно важно.

Я кивнул.

— Понимаю. А зачем мне этот в замок?

— Вы не заметили, — поинтересовался он, — какие у нас чад и копоть, вообще запах гари?

Я пожал плечами.

— Не обратил внимания. Так везде... ну, почти. А что особенного?

Он поморщился, герцогиня скорбно вздохнула. Мне показалось, что хотела ответить сама, но герцог опередил:

— До недавнего времени замок освещался магическим огнем. Но что-то его погасило. Мои маги говорят, что такие огни тоже стареют и умирают, хотя, думаю, просто врут, оправдывают свое бессилие. У других же горят испокон веков! А у графа Корнуэлла, по слухам, один Кристалл Света есть даже в запасе. Продать или уступить отказался наотрез.

— Понимаю, — сказал я. — Вы благородно испробовали все легальные способы, а теперь, как честный человек, имеете полное моральное право поступить нелегально. Правда, я не понимаю самое главное...

Я сказал это медленно и прямо посмотрел герцогу в глаза. Он держался спокойно, однако лицо застыло, взгляд стал оловянным. Сэр Готмар прислушивался очень старательно, хмурился, кривился, несколько раз пытался вмешаться, но в последний миг останавливался, но сейчас завозился в кресле, словно ему в задницу уперлось каменное острье.

— Сэр Полосатый, — спросил он раздраженно, — как это вы что-то не понимаете?

— Да вот так, — ответил я любезно. — Человек я простой, потому и не понимаю некоторые недосказанности.

— Что именно вам непонятно? — потребовал он грозно.

Я нагло улыбнулся.

— Зачем мне туда идти.

— Вам же сказали, — прорычал он, — чтобы выкрасть Кристалл Света!

Я помотал головой.

— Это я слышал, слышал. Я не понял только, зачем это?

— Чтобы освещать замок! — проревел он.

Герцог молчал, явно очень даже хорошо понял мой вопрос. Я любезно улыбнулся сэру Готмару, это почему-то выводит его из себя, потому я старался улыбаться ему чаще и как можно любезнее.

— Снова вы не поняли, сэр Готмар, — сказал я очень лас-

ково и покосился на Жозефину. — Наверное, вы такой умный, да?.. В церковном хоре петь не пробовали?.. На фига это лично мне?

Он даже отшатнулся, услышав такое непотребство. Глаза испепеляли меня яростным взглядом.

— Вы что, не поняли?.. После этого герцог изволит к вам относиться... благосклоннее!

— А-а-а-а, — протянул я, вельможам хочется, чтобы мы позволяли эксплуатировать себя не за благодеяния, а за надежду на них. Пытаются купить нас не за наличные, а за лотерейный билет. — Вот оно что... А я уж думал, что мне в уплату предложат какую-нибудь недостойную рыцаря хрень... ну там замок с землями, кучу деревенек, сундук с золотом... А тут речь аж о самой благосклонности!.. Так бы и сказали. Конечно, с радостью принимаю просьбу... нет, предложение... нет-нет, я благодарю за предоставленную возможность заслужить высокую благосклонность... ага!

Герцог следил за мной с прежней невозмутимостью, хотя мне показалось, понял больше, чем туповатый сэр Готмар. Вообще единственный, кто понял.

— И что вы решили, сэр Полосатый? — спросил он с интересом.

Глава 2

Я посмотрел на его дочь, она кривит губы в гримаске, значение которой только полный дурак не переведет, а я не полный, я умница и весь в белом, хоть и полосатый.

Другие рыцари тоже смотрят со сдержаным интересом, перестали переговариваться, слушают внимательно. Приосанившись, я ответил зычно:

— Даык, это просто! Конечно же, отнять и поделить — это самое правильное... если отнимаем и делим мы. Вообще, деляться — это по-христиански! Когда делятся с нами.

Герцог что-то хрюкнул, то ли соглашаясь, то ли мысленно споткнувшись, бросил быстрый взгляд на дочь. По ее губам промелькнула победная улыбка, а Мария на всякий случай сделала мне глазки.

Он спросил:

— Когда будете готовы?

Я удивился:

— Ваша светлость, а что мне нужно? Если, конечно, можно долететь на том странном летательном аппарате...

Герцог покачал головой.

— Нет.

— Жаль, — ответил я и тут же быстро добавил, — тогда, если сэр Витерлих снова весьма любезно одолжит странную лошадку его оруженосца, то я сейчас и отправлюсь.

Герцог кивнул несколько замедленно. Ждал другого ответа, даже дочь удивилась, обычно перед выездом на подвиг полагается неделю пировать напропалую, всем рассказывая о предстоящем неслыханном подвиге, только Готмар скрипил морду в довольной гримасе.

— Конечно же, — вскрикнул сэр Витерлих, — я одолжу!

Сэр Трандерт, с которым я сходился в пробном поединке, сказал с замедленной солидностью:

— На вашем месте я бы и свою лошадь отдал. Все равно она у вас уже... немолодая, ха-ха. Весьма преклонных лет, как я понимаю. Шестую Войну Магов вряд ли помнит, но Седьмую — точно.

— У меня не старая, — возразил Витерлих негодующе. — К тому же не лошадь, а конь!.. Сэр Полосатый, я уступаю вам своего личного боевого коня. Да послужит он добру!

— Да, — ответил я, — надеюсь, он мне послужит. Где этот замок?

Сразу несколько человек вытянули руки с выпрямленными указательными пальцами. Далеко-далеко за окном на горе со срезанной верхушкой страшно и пугающе блестает нечто, словно горящий в незримом жару слиток металла.

Солнце бьет из-за наших спин, это для других на том месте замок, для меня же просто сверкающий блеск.

— Ага, — сказал я, — направление взял. Всего хорошего!

Герцог объяснил с неохотой:

— Сэр Полосатый, на джаггере нельзя потому, что вас сразу заметят. И никто так просто Кристалл Света не отдаст.

— Понимаю, — сказал я.

Готмар перебил, чем-то очень разозленный:

— Ваша светлость, скажите этому... гм... рыцарю насчет шелка...

Герцог виновато хлопнул себя по лбу.

— Ах да, моя вина! Вы так быстро собрались на подвиг, что я просто растерялся... Как-то все не по правилам. Чувствуется, что вы издалека. Насчет ткани из шелка паутины знает все?

Я повернулся в кресле так, чтобы Жозефина рассмотрела мой гордый профиль и поняла, что я стараюсь только для нее, как и вообще все, что делаем, подумал, ответил в патетическом недоумении:

— Впервые слышу.

Герцог ударили себя кулаками в бока. На лице простило сильнейшее раскаяние.

— Подумать только, чуть на смерть не послал! Простите, сэр Полосатый. В Ундерлендах все знают, а чужаков мы давно не видели, потому в голову не приходит объяснять такое. Кристаллы Света мгновенно воспламенятся, если их коснется что-то помимо особого шелка, сотканного специально отловленными или выведенными, как утверждают маги, пауками. Вообще у этих платков особенность противиться любой магии...

— Не только магии, — добавил один из рыцарей. — Вон мой оруженосец сгорел, а платок даже не нагрелся.

По знаку герцога принесли ларец из темного дерева. Под взглядами притихших рыцарей он поднял крышку.

— Вот... вот вам из этой ткани, оберните ладонь прежде, чем коснуться Кристалла!..

Я принял платок, тонкий и невесомый, чувствуется прозраческая профанами паутина, но я знаю, грамотный, паутина в сто раз крепче стальной проволоки.

— А в чем там Кристаллы?

Он поклонился.

— Знать бы. Я бывал у сэра Корнуэлла, там освещение изумительное, а знающие говорят, что у него спрятан по меньшей мере еще один Кристалл. В шкатулке или в сундуке. не знаю, но, уверен, внутри устлано, как и здесь, двумя-тремя

слоями этого шелка. Для надежности. Думаю, хранит в личных покоях. Людей у него немного, зато залов... Можно, избегая лишних взглядов, пробраться в спальню.

Я кивнул.

— Хорошо, учту.

Сэр Витерлих вышел помочь мне выбрать коня, в конюшне сказал с одобрительным смешком:

— Я заметил, как вы смотрели на леди Жозефину!.. Думаю, и она заметила. Изумительно, какими красавицами делят Господь женщин, когда хочет, чтобы мужчины были благородными. Ради таких, понятно, можно идти на любые подвиги.

— Она единственная дочь? — спросил я.

— Да, — подтвердил он. — Правда, у него еще два сына, чуть старше. Часто ссорились с отцом, а при первой возможности улизнули с вооруженным отрядом от строгого отца на просторы королевства...

Он и стража на стене в молчании смотрели, как я вскочил на коня, пришпорил и унесся через распахиваемые для меня ворота. Что-то я сделал не так, как ожидало рыцарство за столом, да и сам чую. Надо было набить цену, поторговаться, но самому не терпится исследовать этот загадочный край, и лучше вот так, под прикрытием мандата от герцога, чем по своей воле, как шпион какой.

Когда роща скрыла от меня замок, я повернул коня в чащу. Он всхрапывал и пытался повернуть на тропку, не понимая, какому дураку его отдали, я едва не рвал ему удилима пасть, пока не заставил забраться в глухое место, где не увидят, даже если пройдут рядом.

— Не понимаешь, — сказал я с укором, — своего щастя! Дальше я на своих двоих, а ты отдыхай! Все сделаю и вернусь снова на тебе. Всем скажу, что ты — настоящий рыцарский конь!..

Он презрительно фыркнул, а я выбрался на ближайшую поляну, перетек в крылатого зверя, подпрыгнул и взмахнул крыльями. Почти задевая стволы деревьев, выметнулся из их колодца и пошел ввинчиваться в темнеющее небо.

На землю пал печальный свет ночи, тонкий и призрачный, словно светящаяся вуаль. Закат медленно догорал, ливовые облака темнели, становились сизыми, а потом и вовсе покернели. Луна медленно плывет в ночи, звезд слишком много, но народ везде практичный, смотрит под ноги.

Я завис высоко, растопырив крылья, рассматривал крохотный, словно кукольный замок лорда Корнуэлла. Поменьше, чем у герцога, однако в самом деле освещен ярко и празднично, словно над всем холмом полыхает дневное солнце. Хотя там не холм, это я смотрю сверху, а так замок расположен на вершине отвесной, хотя и невысокой, горы...

Дорога вьется серпантином и обрывается у ворот, загадочных и молчаливых. И вряд ли мне откроют просто так, если явлюсь и скажу, что пришел спереть лишний Кристалл Света, ибо Господь велел делиться.

Донжон высится, как бык среди овец. Мрачная мускулистая громада из массивных каменных блоков, на почтительном расстоянии столпились беленькие радостные домики вспомогательных служб, начиная от дымной кузницы и вкусно пахнущей пекарни, и кончая пропотевшим бараком для воинов.

Все хозяйство огорожено массивным шестигранником стен. Мне показалось, что выстроены первыми: изнутри прилепились все хозяйствственные постройки и просто дома прислуги, челяди и живущих при замке ремесленников.

Крыша донжона остроконечная, на шпиле ветерок лениво шевелит полотнище прапора. Окна узкие и перекрыты толстыми железными гратаами. Пролезет разве что белка, но из меня еще та белка, начал высматривать место, где можно приземлиться незамеченным.

Центр освещен так ярко, что лорда Корнуэлла должны в задницу целовать за такое благодеяние, никакое ворье не сможет подкрасться в темноте, разве что окна придется закрывать ставнями, чтобы заснуть без помех...

Спустившись ниже, я тщательно всматривался в строения, здания, башни, облетел трижды, стараясь не приближаться чересчур близко.

В сторонке пролетела огромная птица, похожая на орла-

стервятника, растопырила крылья, медленно планируя и опустилась на перила балкона на левой стороне донжона. Толстые лапы со скрипом обхватили чешуйчатыми пальцами камень, оставляя на нем царапины. Крылья сложились на спине, как надкрылья гигантского жука, голова беспокойно поворачивалась из стороны в сторону. Один раз уставилась на меня, мороз побежал по моей шкуре, пока не сообразил, что стервятник как раз смотрит не на меня: у птиц глаза по бокам, и чтобы взглянуть на что-то, она как бы отворачивает голову.

Если ей можно, то почему нельзя мне, я сложил крылья и сел на другом конце балкона. В случае конфликта я этого орла как воробья...

Двери распахнуты в комнату, там в полутьме угадывается мебель и широкое ложе под стеной. В красивой позе спит женщина в легкой прозрачной сорочке, очень целомудренно, учитывая ночную жару.

Гриф хрюкло каркнул, женщина застонала, голова ее беспокойно металась по подушке. Затем, не открывая глаз, начала подниматься, как соннамбула.

Я спрыгнул с перил на балкон, превратился в человека.

— Не ходи, — сказал я тихо.

Она ответила так же шепотом:

— Великий и Могучий зовет...

— Это всего лишь пернатое, — сказал я, — хоть и крупное.

Она поднялась и села, медленно опустила ноги на пол, гриф снова прокаркал скрипучим голосом. Женщина послушно пошла к выходу на балкон. Я торопливо взял лук и наложил стрелу. Вокруг все еще спящей колышется некое полупрозрачное облачко, а чем ближе к балкону, тем сильнее трепещет, словно там ветер или свежий воздух размечут на части, но женщина медленно пересекла незримую линию, стервятник каркнул, крылья неспешно расправились, огромные и блестящие от крупных маховых перьев.

Женщина подошла к нему, глаза все еще закрыты. Гриф взмахнул крыльями, лапы ухватили женщину, я тщательно прицелился и выстрелил в пернатую голову.

Раздался жуткий клекот. Крылья забились в судорогах, поднимая ветер. Женщина упала, на нее гриф, я бросился к ним, гриф цел, только длинная стрела пронзила голову насквозь и унеслась в ночной город. Лапы еще дергались, крылья трепыхаются, я протянул руку, но женщина сама с визгом спихнула с себя тушу убитой птицы, лицо смертельно бледное, в глазах ужас.

Я не успел охнуть, как она бросилась мне на шею.

— Спасибо!.. Спасибо, вы сумели...

— Да я ничего, — пробормотал я.

— Я все видела, — вскрикнула она. — Хоть глаза и закрыты, но я слышала зов этого чудовища и слышала ваш голос, господин!

От ее тела пахнет молоком и цветами, вся разогретая, еще теплая и мягкая от крепкого сна. Мои пальцы непроизвольно сжались, вминаясь в ее сладкую плоть, но сам я сказал красиво и гордо:

— Леди, я — рыцарь! Это мой долг!

— Благородный рыцарь, — восхликала она жарко, — я не знаю, как вас благодарить... Давайте об этом подумаем в моей постели, где я постараюсь сделать все, чтобы вы не заскучали!

— Ах леди, — сказал я гордо, — рыцари с женщин не берут. Это все безвозмездно, такая у нас планида. Должны соответствовать, хоть умри. Желаю вам хороших жарких снов, моя леди!.. Надеюсь, я приснюсь вам, а уж вы мне приснитесь точно!

И пока мои инстинкты не пересилили мое хилое рыцарское самосознание, я поспешил прыгнуть на перила соседнего балкона, что ниже, оттуда еще на один и, едва скрылся в темни, поспешил превратиться в летательное. Рыцарская душа пела и кричала от гордости за такой красивый поступок, для рыцаря главное, чтоб красиво, а инстинкты орали и грязно матерились, упустив возможность насытиться, как голодный паук на толстой теплой мухе.

На этот раз я пошел к башне, где в комнатке под самой крышей заметил зеленоватый свет. Надо рисковать, сказал

себе невесело. Если осторожничать, точно ничего не увижу. Тем более не видать Кристалла...

Опустившись ниже, я завис над плоской крышей, сердце колотится, со всей тщательностью выполнил ювелирную посадку, чтобы не грохнуться и даже не топнуть, сложил крылья и затих, прислушиваясь.

Везде тихо, только внизу на стене перекликаются часовые. Ухватившись всеми четырьмя за край крыши, я свесил голову на длинной шее и заглянул через окно в комнату. Тускло освещенное помещение, вещи в беспорядке под стёганными, но так, чтобы не загораживать обзор во все стороны, захламленные полки, обязательные пучки трав на стенах.

В роскошном камине зеленое пламя, я отчетливо ощутил идущий от него холод. Старый иссохшийся маг спиной ко мне за столом сосредоточенно записывает длинным гусиным пером в толстой книге. Чернильницы не видно, как и песочницы, что служила в старину промокашкой.

На столе помимо толстой свечи человеческий череп, только почему-то втрое крупнее. На середине лба ближе к темени еще одна пустая глазница. Именно глазница, а не просто дыра. Пара фолиантов, груда цветных камешков, медный стакан с десятком перьев...

Стараясь не производить шума, я перевоплотился в человека, снова заглянул, маг все в той же позе, но оконные рамы теперь позволят протиснуться.

Глава 3

Не дыша, я тихохонько влез, на цыпочках пробежал к двери, бесшумно приоткрыл и негромко хлопнул. Маг в недоумении обернулся.

Я улыбался ему во весь рот и сразу заговорил:

— Ну и высокая у вас башня!.. Пока взобрался, устал... Ноги дрожат!.. Здравствуйте, я Великий маг Полосатый. А вы маг Чертопрах?

Его глаза выпучивались, он едва выдавил:

— Я маг Изталландр.

— Да? — удивился я. — Точно? А то так похожи на Чер-

топраха!.. Я учил его, учил, много пота пролил, но все-таки дотянул за уши до Великого Мага... хотя уши стали, не поверите, вот такенные! Даже вот такие, точно. Трудолюбивый был... Правда, сто двадцать лет его тесал, как бревно с сучками...

Маг проговорил, давясь словами:

— Как?.. Вошли? Там везде... защитные заклятия... ловушки, капканы, западни!

Я сказал все так же дружелюбно:

— Для нас, Высших Магов, разве это защита?.. Так, ерундишка. А что у вас свечи такие допотопные? Стыдно-стыдно! Не секрет, у лорда есть Кристаллы Света...

Он ответил механически:

— Они все в его спальне, под фирменным замком. Но... кто вы? Как сумели пройти?

Я отмахнулся с небрежностью.

— Да совсем просто. Шел себе со ступеньки на ступеньку. Сперва вообще через две, пока не заморился. У нас, Могучих, такая защита, что мелкие укусы и не чувствуем. У вас красивый огонь, мне нравится.

Осторожно ступая, чтобы его не насторожить, я медленно подошел к камину и протянул руки. Резкий холод охватил пальцы так, что моментально занемели. Похоже, где-то я допустил ошибку или даже промах, маг заметно ожил, взбодрился и смотрит не просто уверенно, а очень уверенно, даже с легкой насмешкой.

— Осторожнее, — сказал он. — Можно обморозить руки!

— Любопытно, — пробормотал я. — А если в комнате холодно?

— Всего лишь меняю цвет.

— И огонь станет горячим?

— Да.

— На ходу?

Он покачал головой.

— Не много хочешь? Но погасить этот и зажечь новый не так уж и трудно.

Я отметил, что он с вежливого «вы» перешел на пренебрежительное «ты», но не подал виду, что меня это насторожило.

— Дикари-с, — сказал я с чувством.

Он поинтересовался едко:

— А у тебя иначе?

— Конечно, — заверил я.

— Как?

— Вот здесь должна быть ручка, — объяснил я. — Небольшая такая... Когда стоит прямо, пламя просто для красоты! Если поворачиваешь влево, становится холодным, это так здорово в жаркое время... Если вправо — огонь из холодного превращается в палящий. И чем дальше поворачиваешь — тем жарче. Я всегда думал, а почему не наоборот? Ад все-таки слева, а в нем жарко...

Он задумался, уже не слушая мои утонченные теологические построения насчет устройства библейской вселенной, только буркнул неприязненно:

— В шеоле как раз вечный холод... Насчет поворотной ручки, что перенаправляет... гм... любопытно, как идея, но не понятно, как у вас это сделано... Там стоит Сумеречный Кристалл?

Я сказал с достоинством:

— Конструированием такой мелочи занимаются маги низшего уровня. Нам даже непристойно знать такие вещи. Мы крупными вещами интересуемся!

Он проворчал:

— Такими?

Огромная скала начала медленно вылезать прямо из пола. Камни потрескивали и превращались в тягучую массу, вроде сырой глины. Когда показалось основание скалы, мокрое и блестящее, она повисла в воздухе. Изталландр повел пальцами, и вся каменная глыба медленно перевернулась. Шевельнулся кистью, и скала завертелась вокруг оси.

— Впечатляет, — признался я. — Но это я уже видел. А можете ли вот так...

Я создал чашку кофе, ароматный запах шибанул в ноздри. Я удержался от соблазна сразу отхлебнуть и протянул Изталландр. Тот осторожно принял, я создал вторую, пальцы жадно обхватили горячие бока. Изталландр смотрел, как я отхлебываю и закатываю глаза. Лицо его застыло, а по глазам вид-

но, с какой бешеною скоростью роется в кладовках памяти, пытаясь найти это древнее заклятие или хотя бы упоминания о нем.

Когда я швырнул в окно пустую, он решился отхлебнуть, прислушался к ощущениям, и так же неспешно, смакуя и анализируя, выпил до дна.

— Хороший напиток, — сказал он сдержанно. — Интересное действие.

— Полезный, — уточнил я. — Это не скалами ворочать.

Он сказал с заметной неприязнью:

— Скала — демонстрация. Я ими не ворочаю просто так, это понятно.

— Понятно, — согласился я. — Хоть и грубо.

— В первую очередь всегда оценивают мощь, — напомнил он.

— Мощного быка запрягают, — напомнил я, — а управляет им потом даже ребенок. Ладно, пожалуй, надо нанести визит вежливости лорду этого замка. Покажешь дорогу?

Он насмешливо засмеялся.

— К лорду Корнуэллу?

— Ну да, — ответил я беспечно.

— Он уже спит.

— Разбудим, — сказал я уверенно. — Мы маги или два хвоста собачих?

— Я-то маг, — проговорил он с расстановкой и очень зловеще, — но как ты думаешь войти, если к нему без спроса не могли даже люди Короля из тени? Да что там Король, сам Сиреневый Лишай обломал зубы... как и Нерпыль и даже никем не побежденный Звездный Предатор.

— Всего лишь? — спросил я.

Он спросил с победным интересом:

— А кого знаешь сильнее?

— Ну, — протянул я, — Чингисхан посильнее точно, как и Аттила... А как насчет Дария или Ксеркса?.. Не слыхали?.. Странно... Хотя чего удивляться, дикари-с!

Минутная растерянность на его лице сменилась подозрительной гримасой.

— Дикари?.. Что-то ты не выглядишь очень уж... мудрым и знающим.

Я сказал скромно:

— А у нас все такие. Застенчивые. Вот, как я. Нам всегда неловко смотреть на незнание других. Как будто это мы виноваты в их невежестве! Хотя, если брать по самой высокой мерке, то да, мы все отвечаем за человечество, как и за братьев наших меньших. Даже за насекомых и бактерий, что входят в наш биоценоз. Не говоря уже про зеленых друзей... Я не о лесных разбойниках, а о самих деревьях, кустах и даже ряске на старых болотах!..

Он слушал несколько ошеломлено, пытаясь вникнуть, и даже вроде бы начал улавливать, о чем я плету словесную вязь. Затем лицо побагровело, а глаза выпучились, как у омура.

— Похоже, ты вовсе не маг... — сказал он злобно. — Говоришь, как припадочный. Но сейчас я узнаю всю правду!

Он вскинул руки в угрожающем жесте, я вскрикнул торопливо:

— Погоди-погоди!

Он произнес злорадно:

— Ну?

— Мне сейчас нельзя драться, — объяснил я.

Он спросил саркастически:

— Это почему же?

— Мне еще двое суток жить в бездрячном режиме, — объяснил я. — Триста лет ждал, выдерживая великий искусственный тяжкое испытание! Так стану ли сейчас все важное рушить, когда всего ничего до высшего стаза?

Он злобно усмехнулся.

— Да? Ну, а мне ничто не мешает... скажем, превратить тебя в жабу!

Он вскинул руки снова, я ринулся прочь и с разбега бросился головой вперед в окно. В ушах засвистел ветер, ужас сковал как морозом все тело, ярко освещенная земля начала приближаться, я однако стиснул зубы и торопливо произнес кодовое слово. Тряхнуло так, что суставы выскочили из сумок, а зубы лязгнули с мощью, способной перекусить ногу

лошади. А то и коня. Ветер ударил в лицо упругой, но непротивной подушкой.

Кости ныли и скрипели, а суставы неохотно возвращались на места. Я кое-как переломил инерцию падения и, красиво растопырив крылья, пролетел над вымощенной булыжником площадью, пару раз собрав грязь нижней челюстью. Дальше подобие улицы сужается и начинает петлять, я замахал крыльями чаще и пошел все выше и выше между темными ночными башнями. Везде тихо, но пахнуло опасностью, я начал закладывать крутой вираж, однако сверху с силой обрушилось тяжелое и твердое.

Я провалился в воздухе на пару локтей, сильные пальцы вцепились в мои широко разнесенные костлявые плечи, а кожаные сапоги с железными наконечниками скребли в поисках опоры по моей чешуйчатой спине.

— Ты откуда взялся, гад... — сипло каркнул я.

Я рванулся в сторону, но цепкие пальцы держатся крепко, ушел резко в другой бок, но сверху сопят, а ладони, как пасти бульдогов, медленно передвигаются, не ослабляя хватки, ближе к моей шее. Запаниковав, я провалился вниз, но вцепившаяся сволочь не отлепилась, гад сумел даже укрепить и ноги, всадив ступни между тупыми шипами на моем гребне.

Я взлетел выше, перемахнул стену и понесся в панике куда глаза глядят, а за это время пальцы неизвестного придвигнулись совсем близко к горлу. Я хрюпел и раздувал его потолще, если вцепится — не разожмутся, а мне либо разбиться насмерть, либо идти на вынужденную посадку куда велят.

Я ринулся вниз, но не сложил крылья, а заработал ими чаще, как сокол-сапсан, что на лету бьет уток. Когда земля начала вырастать слишком стремительно, я перевернулся брюхом вверх и сделал крутую «бочку», промчавшись над блестящей в лунном свете землей.

Мышцы трещали от перегрузок, суставы снова хрустели и высекали из сочленений, глаза залило кровью полопавшихся сосудов. Спину рвануло, будто кто-то пытался выдрать

клок мяса, я почти прочертил хребтом по утоптанной земле, но взмыл и только на высоте ощутил, что на мне никого.

Я злобно прокричал вниз в темноту:

— Ну и где ты, гад, увидел на мне шашечки?

Прождав пару часов, я снова поднялся вверх и начал осторожно приближаться к замку: сперва на предельной для рассматривания высоте, откуда медленно спускался, высматривая новые подробности.

Похоже, маг не поднял тревоги, а если сообщил кому следует о ночном госте, то шум улегся как только сообразили, что прочесывать нечего: неизвестный удрал за пределы замка.

Я ниньдзюшно перелетел стену и тут же рухнул в темноту между двумя полуразвалившимися домиками. Подо мной за трещали гнилые доски, взвилась пыль. Я громко каркнул, это такой чих, по-пернатому, поспешил перетек в человеческое тело, чихнул еще раз, и, перейдя на ночное зрение, быстро огляделся.

Вроде бы никого, я вышел уверенно и пошел деловой походкой занятого человека, озабоченного делами, делами, а еще и дома проблемы, жена скандалит, что ночую у соседки, дура какая-то...

Почти сразу услышал и увидел приближение целого отряда замковой стражи. Впереди крупный воин в металлической кирасе, следом дружно топают двое в толстой коже с металлическими бляхами, легкие пики на плечах, старший при мече на поясе.

Он сразу спросил грозно:

— Стой! Кто такой?

Я охнул:

— И вы не знаете?

— Нет, — ответил старший грозно.

— А вы всех знаете? — спросил я ехидно.

— Всех!

— А новеньких?

— У нас не бывает новеньких, — произнес он грозно. — Взять его!

Двое в коже двинулись ко мне, я повернулся и понесся во всю мочь. Я несся, как олень, разбрызгивая лужи, явно здесь поливают, чтобы прибить пыль. Мокрая булыжная мостовая блестит, будто бегу по тысячам черепах, сомкнувшим панцири. Десятки пар ног, обутые в сапоги с толстыми подошвами, грубо стучат по камням, иногда высекая искры, что значит, на каблуках и носках стальные подковки, под удар такого сапога лучше не попадать.

За очередным углом я успел увидеть дощатую калитку в половину моего роста, а дальше склад и добротная кузница с привычными запахами горелого дерева и железа. Я перепрыгнул калитку и присел за нею. Почти сразу подбежали стражи, человек пять бездумно помчались дальше, один остановился и начал смотреть в сторону дома.

Еще один оглянулся и, остановившись, крикнул раздраженно:

- Ты что, даже птица не успела бы долететь!
- Вообще-то да, — пробормотал первый, — только у меня чувство...
- Какое?
- Что Горлан и другие побежали зря.
- Почему?
- Не чувствую следа, — проговорил он медленно. — А вот здесь пахнет чужаком. И все сильнее...

Он умолк, рука потащила из ножен меч. Я отодвинулся от щелочки и с силой всадил через нее свой клинок в живот стража. Второй только ахнул и начал поднимать обнаженный меч, как я выпрыгнул из темноты, тяжелый удар кулаком в лоб бросил его на стену.

Я сорвал с него рогатый шлем, плащ и, укрывшись, побежал в другую сторону.

По соседней улице топает целый отряд в десять человек, я заорал им разъяренно:

- Чего сопли жуете? Преступник побежал вот туда!
- Командир туда же рявкнул, отряд развернулся, и все неспешной трусцой побежали в ту сторону исполнять долг.
- Молодцы, — крикнул я одобрительно. — Бдите!
- Я держал взглядом донjon, но ворота заперты, там двое

стражей в полном вооружении, на шеях блестят амулеты, подойти в личине исчезника вряд ли...

За спиной послышался новый топот, я отпрыгнул в тень, как же ее мало при таком освещении, четверо крепких ребят с короткими мечами из низкосортного железа бежали хорошо и дружно, но почему-то остановились там, где в двух шагах затаился я.

— Придется делать то, — прорычал один, — чего не люблю.

Второй торопливо кивнул.

— Будет сделано!.. Отряд, слушай мою команду! Обыскать все дома вокруг донжона!

Кто-то вскрикнул:

— А кто будет стеречь, если вдруг выбежит?

— Маг Корчун, — ответил командир. — Быстро, быстро!

— Маг, — пробурчал страж. — Всегда им достается лучшее...

— Учиться надо было, дубина, — сказал первый авторитетно, — а не по бабам с детства.

— А ты?

Я услышал удаляющийся голос:

— Я что, я дурак...

Глава 4

Тихий, как мышь в присутствии кота, я пятился, пока под ноги не попалась забытая хреновым хозяином лопата. Черенок с хрустом переломился, в мою сторону неспешно затопало сразу несколько человек, но никто не жаждет попасть первым под удар из темноты, потому никто не вырывался вперед, а окружали меня умело и организованно.

Я поспешил вскарабкаться на сарай. Не мое это дело, прыгать по крышам, но дома прилеплены один к другому, все промежутки настолько узкие, что телега едва протиснется. Я прыгал через эти неодолимые для остальных пропасти, со смехом отпихивал лестницы, и там грозьями сыпались люди, долго баражтались на земле, неуклюже путаясь в широких

плащах и долго стараясь содрать с морд надвинувшиеся капюшоны.

Народ сперва помогал стражникам, указывая на меня и вопя, но все чаще хохотали над ними, наконец уже мне указывали, откуда лезет стража, где затаились, и я улыбался им, махал ручкой и сражался с удвоенной энергией: красиво и на публику.

Все свои чувства задействовал, потому что двери замка распахнулись, оттуда выскакивают колдуны, начинают плести заклинания, и хотя их умение на мне дает осечку, но вдруг кто догадается сделать подо мной крышу скользкой или обрушит на спину трубу...

Подпрыгнув и прокричав нечто нахальное, что всех убью — один останусь, я отступил и поспешно соскочил с другой стороны на телегу, а оттуда на землю, вошел в шкуру незримника и понесся к раскрытым дверям донжона.

За спиной крики, сердце сжалось в страхе, все-таки заметили и в этой шкуре, колдунов не проведешь, однако народ толпился все там же вокруг домика, маги бегают вокруг и, хватая людей с оружием за руки, указывают в мою сторону.

Я вбежал в распахнутые двери замка, торопливо закрыл на засов и помчался по лестнице наверх. За все время встретил только сонную девку, идет, поправляя подол, и спросоныя еще не слышит крики со двора.

На этаже, где обычно располагают покой лорды, я ворвался в большую комнату, быстро огляделся. Крупный и уже одетый мужчина торопливо застегивает перевязь с длинным мечом, на меня уставился неверящим взглядом.

Я крикнул:

— Лорд Корнэлл?

Он смотрел с изумлением и отвращением. Пальцы легли на рукоять меча.

— Незримник... — прорычал он со злобным узнаванием. — Но все равно, как ты пробрался в мой замок?

— Секрет, — ответил я. — Сэр, очень важные люди просят вас поделиться лишним Кристаллом Света. Незачем держать в сундуке, если он может послужить людям.

Он нагло ухмыльнулся.

— У меня лишних нет.
— Но говорят...
— Они не лишние, — прервал он.

Я сделал к нему шаг, меч в руке острием направлен в его грудь. Он ухмыльнулся зловеще и очертил вокруг себя замысловатую фигуру сдвинутыми в щепотку пальцами.

Мгновенно возникло пять совершенно одинаковых лордов Корнуэллов. Все неспешно потащили из ножен мечи, наслаждаясь страхом на моем лице.

— Ого, — сказал я нарочито дрожащим голосом, — сколько вас... Так как насчет Кристалла?

Все пятеро взревели в бешенстве:

— Дурак, ты получишь вместо него свою смерть!

Они бросились вперед все пятеро, заходя и с боков. Я сделал выпад и всадил меч в грудь лорда настоящего. Он вскрикнул, фантомы исчезли, а он упал, обливаясь кровью.

— Ты... ты... как ты узнал?

— В аду тебе знание о тепловом зрении не понадобится, — ответил я.

— Ты... кто?

— В аду стой у двери, — посоветовал я. — И спрашивай всех входящих. Я отправлю еще многих.

— Как только войдешь, — прошептал он, — я вцеплюсь тебе в горло.

— Ага, — согласился я отстраненно. — Как только, так сразу... Это тот самый сундук?

Он промолчал, только глаза сверкнули ненавидящие, прежде чем погаснуть. Я пробежался по комнате, надо торопиться, за дверью уже прогрохотали тяжелые шаги бегущей охраны. В углу сундук, даже целая скрипяня, вся в железе вычурного литья, я откинул крышку, готовый в любой момент отпрыгнуть. В потолок ударил яркий чистый свет, сильный и ослепляющий, словно там на дне полыхает маленькое солнце.

Хлопая слезящимися глазами, я торопливо выхватил паучинный платок, набросил на ладонь и так сунул в сундук. Пальцы сразу наткнулись на горячий округлый бок, а потом еще и еще, что удивило и встревожило. Герцог говорил про один запасной Кристалл Света, а тут их несколько, что ли?

Мне показалось, что щупаю только что снесенные гусиные яйца. Когда вытащил из сундука, яйцо не слепит глаза, хотя яркое, яркое, торопливо сунул руку снова и сумел зацепить в ладонь еще одно, больше не помещалось.

Опустив на землю, быстро завязал в узелок, и прицепил к поясу. В коридоре снова топот, бегут уже в другую сторону.

Дверь дернули, с той стороны раздался мощный рев:

— Ваша милость, отворите быстрее!..

— Некогда, — ответил я невнятно.

— Отворяй! — заорали на той стороне. — Кто бы ты ни был!.. Где сэр Корнуэлл? Эй, ломайте двери!

— Щас, — крикнул я в ответ.

Дверь затряслась от ударов.

— Быстрее, — орал властный голос, я узнал его хозяина, он гонял меня вокруг донжона, — лорду Корнуэллу нужна помощь!

— Лорду Корнуэллу уже ничего не нужно, — пробурчал я.

— Быстрее рубите двери!

На окне решетка из толстых прутьев, я попытался разогнуть, не удается, подхватил меч и, орудуя им, как рычагом, начал отрывать ее целиком от каменной кладки. Стальные болты скрипели, выходят очень неохотно, я задыхался, затем кончик меча с хрустом обломился.

Я ударился лицом о камень, сцепил зубы и налег снова. Дверь грохотала, выгибалась, потом раздался треск, в щель просунулся кончик топора. Доски рубили уже безостановочно, я хрюпал, в глазах потемнело, решетка отделилась от камня почти наполовину, и тут в дверную дыру начали заглядывать усатые морды.

— Вот он! — заорал кто-то с той стороны.

Я соскочил с окна, подхватил сундук и, пыхтя донес до самой двери, а там перевернул, отворачивая голову, как только мог. Слепящий свет едва не выжег глаза, я с воплем метнулся к окну, вслепую ухватился за решетку. Под пальцами заскрипело, как и мои мускулы. Совершенно ослепший, я рвал и дергал на себя прутья, как разъяренная горилла.

Железо с грохотом полетело на пол. Я протиснулся в ок-

но, обрывая одежду, кодовое слово прохрипел в момент, когда вывалился головой вперед в жуткую тьму.

В ящера превратился на полдороге к земле, чернота со всех сторон оглушила, как бревном по голове. Я зацепил крылом стену каменного здания, в стороне расцвел жуткий цветок: огромный, багровый, с рвущейся вверх кроной.

Я поспешил полетел прочь, зрение начало восстанавливаться, на месте замка уже не багровый цветок, а белый столб ревущего огня. Донжон горит, как стог сухого сена. Толстые каменные глыбы плавятся, словно мягкий воск, текут красными ручьями, а посредине бьет в небо этот жуткий свет...

Поискать платок крючковатыми пальцами не решился, только изогнул шею, пытаясь увидеть что-то в темноте, но на спине блестит чешуя, а на животе отвратительный длинный мех, что за гадкая тварь, надо помалкивать, что я вообще-то эстет.

Чтобы не пугать коня, я рухнул на опушке, перетек в человека, первым делом ощупал тяжесть на поясе. Все верно — два горячих яйца, платок не дает им воспламениться.

Конь тихонько ржанул, когда я вынырнул из темноты и быстро отвязал наброшенный на сучок повод. Уши нервно прядают, я заметил в чаше две пары зеленых глаз. Волки напасть не решались, но время упустили, созывая остальную стаю.

К замку герцога я подъезжал уже на рассвете. Воздух свеж и чист, небо еще бирюзовое, луна медленно бледнеет. Первые облака вспыхнули, подожженные пока спрятавшимся за краем земли солнцем. Затем на кончик крыши донжона пал оранжевый свет и неспешно начал опускаться.

Ворота мне отворили с необычайной поспешностью. Я выехал на все еще освещенный пламенем костров двор, там толпятся рыцари с герцогом во главе. На балконе, как распустившиеся цветы, блестают всеми красками платья леди Жозефины, леди Марии и еще женские одежды знатных дам.

Я подбоченился и сказал достаточно громко, чтобы слышали и дамы на балконе:

— Все сделано, ваша светлость!.. Вот Кристалл Света. Даже два. Там их были десятки, представляете? Я хотел взять все, но платок оказался маловат. Вы не хотели, чтобы я забирал больше, да?

Соскочив на землю, я отвязал узел и прошел через толпу к герцогу. Он тупо посмотрел на сокровище, пальцы задрожали, когда принял из моих рук. Лицо его показалось серым, а губы бледными, как и у других рыцарей.

Я потянул носом, пахнет гарью, а через стену залетают крупные хлопья пепла. Все, кто смотрел на меня, то и дело поворачивают головы и оглядываются на красивое и почти природное зрелище: на месте прекрасного замка графа Корнуэлла на горе светится красное жерло вулкана, вылетают камни, по стенкам стекает лава. Гора стала меньше, чем была, и продолжает медленно опускаться в землю.

Донесся далекий гул, все во дворе, включая герцога, снова повернули в ту сторону головы. На бледных лицах пляшут красные отблески извергающегося кошмара.

Герцог спросил хриплым голосом:

— Что там случилось?

— Я немножко что-то поджег, — объяснил я, — бываю малость неуклюжим, когда тороплюсь. Но надо было чуть задержать погоню... да и следы неплохо замести. Вроде бы замел!

На меня смотрели со странным выражением на лицах, а герцог стал белым, как сама смерть.

— Это все сделали вы?

— Ну, — ответил я в нерешительности, — может быть, и не все... там кто-то чащу с вином еще до меня опрокинул на столе, вот такое пятно! И по-моему, кто-то вытер сапоги о портьеру. Свиньи, а не люди!

— А... пожар?

— Кристаллов было слишком, — объяснил я. — Целый сундук, представляете? Вы же сказали, брать только в паутине, а платок маловат... Это вы нарочно, чтобы остальные вывалил прямо на ковер?.. Так пыхнуло, что задницу припек-

ло!.. Можете понюхать, ей-богу паленым пахнет!.. Но это все мелочи. Главное — Кристалл Света у вас. А второй будет про запас. Вы человек запасистый, не зря же сама его светлость?

Герцог вскрикнул, ухватившись за голову:

— Но сэр Корнуэлл... Он погиб?

— Да как вам сказать, — ответил я дипломатично. — Я же не знаю, какое у него здоровье! Может быть, просто прикинулся мертвым. Правда, когда вспыхнуло... вот уж не думал, что загорится! Я полагал, что просто яркий свет ослепит, остановит... но рвануло крепко. Хотя рушиться начало не сразу, не сразу. Полагаю, все сперва просто пятались, как раки, а потом уже благородно и красиво удалялись во всю прыть, помахивая перьями на шляпах, роняя сперва их, в смысле — перья, потом шляпы, потом... все остальное.

Готмар прорычал лютно:

— Что, все остальное?

Я улыбнулся ему как можно нежнее.

— Мне кажется, — сказал я задумчиво, — Кристаллы Света прожгли пол и все этажи, включая подвальные, достигли в глубинах расплавленного слоя. Потом, как вы понимаете, по прожженной норе вверх помчалась раскаленная магма. Замок был хорош, хороши... пока не подбросило в небо целиком.

Рыцари охали, смотрели расширенными глазами, снова оглядывались на изрыгающий пламя, камни и лаву вулкан. Гора почти сровнялась с землей, мне показалось, что и вулкан утихает.

— Такое ведром воды вряд ли потушишь, — предположил я. — Попытаться можно, конечно, но все-таки вряд ли... тем более, что колодец тоже наверняка провалился в самый ад.

Герцог стоял ни жив ни мертв. Его рыцари говорили грозно и тревожно, все время поворачивались к бушующему вулкану.

Готмар проговорил тяжелым, как сам замок, голосом:

— Ваша светлость, иное лечение хуже самой болезни.

— Теперь вижу, — ответил герцог, не оборачиваясь, — но кто мог предположить...

Готмар смолчал, что он как раз и предостерегал от авантюры послать чужака, бережет сюзерена. Из толпы рыцарей

на меня смотрели кто с ужасом, кто с восторгом, кто с отвращением.

Витерлих протолкался ближе, хлопнул по плечу.

— Ты молодец, сэр Полосатый. Сэр Корнуэлл вообще-то заносчивая скотина. Если подумать, ничего ужасного. Подумаешь, замок сгорел! Вместе с горой. Хорошо бы земли захватить, но наш герцог на такое не пойдет.

— А жаль?

— Жаль, — признался он. — Больно блюдет старые обычаи. За это, правда, и признают верховным сюзереном. Был бы им сэр Корнуэлл, давно бы сместили. Ладно, пойдемте в большой зал! Все равно сейчас пир в честь победы.

Я изумился:

— С утра?

— Утро, — сказал он значительно, — хорошее начало для всего.

Глава 5

Ярко и чересчур внезапно полыхнуло светом. Я охнул и схватился за рукоять меча. Рыцари радостно заорали, хлопали в ладоши, кто-то подбрасывал в воздух шляпу.

Радостный свет, от которого ликующе застучало сердце, разлился над замком, осветил залы, двор и коридоры. Я сразу ощутил себя в праздничном настроении. Рыцари и даже слуги радостно улыбались, поздравляли друг друга, а светильники печально поблекли.

Витерлих хлопнул меня по плечу.

— Ну как? — спросил он довольно, словно это он добыл Кристалл Света. — Челядь, между прочим, радуется больше самого герцога.

— Такие верноподданные?

Он отмахнулся.

— Это же им следить за свечами и вовремя подливать масло в светильники!

— И снимать нагар со свечей, — добавил я.

— И менять вовремя, — сказал он. — Всем меньше работы... Но как здорово, когда яркий свет! Самого унылого чело-

века заставит улыбаться. Пойдемте, сэр Полосатый. Там в ванну честь уже накрывают столы.

— Да я предпочел бы избежать, — сказал я, — этой неслыханной и мало заслуженной чести.

Он расхохотался.

— Ну, вообще-то это в честь возвращения Кристалла Света. Можете праздник не принимать на свой счет.

Когда мы вошли в зал, герцог восседает в кресле с высокой спинкой ровный и царственный, хотя лицо бледнее обычного, а в глазах то и дело мелькает беспокойство.

Меня, как виновника торжества, посадили поближе к семье сюзерена. Слуги тоже ставили передо мной изысканные блюда раньше, чем перед прочими рыцарями.

Жозефина поглядывает искоса, но я только глупо улыбался и гордо приосанивался. Наконец она, сочтя меня не то предельно робким, не то глупым, взяла инициативу в свои руки.

— Сэр Полосатый... — произнесла она ровным голосом, — если вы не против, я попрошу отца, чтобы он подарил вам хороший костюм.

— Зачем? — удивился я.

Она указала взглядом на пирующих.

— Рыцари все одеты... с достоинством.

— В смысле, ярко?

— Так принято.

— Самые яркие птицы поют хуже всех, — сообщил я.

Она посмотрела надменно и с высокомерным удивлением, почему это существо перечит, когда высокородные и высокопоставленные готовы изволить оказать милость.

— Дело даже не в вас, — произнесла она холодновато, — Герцог говорит, что всякое деяние должно вознаграждаться. За хорошее — хорошим, за дурное... Начнутся разговоры, что мы оставили вас без знаков внимания.

Я отмахнулся.

— Поле на замок не запрёшь, — сказал я философски, — а что касается разговоров, то и на самого Господа наговаривали.

— И вам все равно?

— Нет, почему же! За Господа я кого угодно разорву.

— А за себя?

— Абсолютно, — заверил я. — Единственное на свете, что меня может задеть и даже ранить... может быть, даже прибить, как палкой жабу, это ваш неодобрительный взгляд. Даже... э-э... недостаточно одобрительный! Я чувствительный потомушта.

Она посмотрела с удивлением, я откровенно любовался ее совершенным лицом и безупречной фигурой, и, решив, что и так уделила мне слишком много высокого внимания, а она все-таки дочь самого герцога, с благосклонной улыбкой повернулась к сидящему рядом сэру Трандерту.

— Как вы полагаете, — прощебетала она, — турнир в честь сбора урожая состоится?

Тот лихо подкрутил ус.

— Обязательно!.. Такие праздники отменять нельзя.

Она покосилась в мою сторону и продолжала с подъемом:

— И снова победителем выйдет Черный Барон?

— Кто знает, — ответил сэр Трандерт рассудительно. — И прошлые бойцы могут повысить мастерство, и новые растут быстро. Не думаю, что Черному Барону удастся завоевать приз так же легко. Может быть, вообще алмазный венец достанется другому рыцарю.

Они поглядывали и на меня, я должен напыжиться и сказать что-нибудь заносчивое, что этого Черного Барона по ноздри в землю вобью богатырскими ударами, сорву с его шлема перья и брошу к ногам своей дамы, но я элегантно жрал, запивал кисловатым слабеньkim вином, счастливые люди — не знают ни коньяка, ни водки, ни рома, ни виски, хотя даже таким вином ухитряются напиваться.

Сэр Трандерт, которого Жозефина натолкнула на новую идею, пыхтел, сопел, ожидая от меня реакции.

— Сэр Полосатый, — спросил он, не утерпев, — а вы любите турниры?

— Я люблю жареного гуся, — сообщил я. — Еще я люблю поросенка с хреном... Хрен — это овош такой, а то вы сразу начинаете, да еще при дамах.

— А после жареного гуся? — спросил он.

— Что-нить сладкое, — сказал я. — Мед люблю, раз уж из медвежьего угла. И пироги медовые!

— А как насчет скрестить копья на турнире? — поинтересовался он уже напрямую.

Я наморщил лоб.

— Скрестить копья — это хорошо. Но будет ли это противоборство двух мнений? Соревнование двух блестящих умов? Или столкновение двух трепетных душ?.. Я должен определиться сперва, с чем идти на турнир, и какими доводами будем фехтовать!

Они переглянулись, малость прибалдев, другие тоже начали прислушиваться. Сэр Витерлих весело бросил в нашу сторону через стол:

— Сэр Полосатый, разве недостаточно, что кто-то другой может увезти приз, который мог бы достаться вам?

Я подумал, согласился:

— Зависть — сестра соревнования, значит, особа из благородной семьи. А соперник — это негодяй, которому нужно то, что и мне... Но дело в том, что мне на турнире ничего не нужно.

Герцог слушал внимательно, положение обязывает все видеть и все держать под контролем.

— Соперничество, — заметил он осторожно, — питает талант. Чего рыцарь добивается с наивысшим рвением, в том и достигает совершенства.

Сэр Витерлих взглянул в мою сторону и чуть от смеха не захлебнулся в бокале вина.

— Ваша светлость, поосторожнее! Если сэр Полосатый еще чуточку постарается, все Ундерленды спалит!

За столом возникла напряженная тишина. Рыцари мрачнели и косились на окна. С той стороны еще видна красная вершина горы. Извержение прекратилось, но бледный дымок все еще поднимается из горловины.

По мере выпитого рыцари приходили в себя, мрачность улетучивалась, кто-то даже затянул песни, а Витерлих подошел ко мне сзади и обнял дружески.

— Сэр Полосатый, — сказал он пьяно, — вы великолеп-

ны! Вы совершили то, что не каждому из здешних рыцарей было бы под силу!

Я оглядел их хмурые лица и сказал любезно:

— Ну что вы, сэр Витерлих! Любой из них сделал бы то же самое на моем месте. Просто их благородные мор... лица везде примелькались, а меня никто не знал. Только и всего.

Рыцарские морд... лица просветлели, меня перестали по-жирать ненавидящими взглядами, хотя, конечно, не все.

Герцогиня сказала милостиво:

— Сэр Полосатый, теперь вы, надеюсь, займете на постоянной основе более достойное место за столом герцога, чем в самом конце.

— Ага, — сказал я, с трудом удержавшись от соблазна утешить нос рукавом. — Ага!.. Только я по глазам его светлости зрю, что она уготовила мне еще какое-то задание.

Герцог покосился на леди Жозефину, она улыбается снисходительно и смотрит свысока, хоть и милостиво, кивнул несколько нерешительно.

— Вообще-то есть еще одно нерешенное дело, но я полагаю... что вам нужно отдохнуть... подкрепить силы...

Сэр Готмар наклонился к герцогу и долго нашептывал, поглядывая по сторонам черными глазищами злодея. Герцог хмурился, уже растеряв стать великого полководца, кивнул, на лице обреченнное выражение.

— Сэр Готмар, мне ничего другого не остается.

Я сказал как можно оптимистически:

— Что вы, герцог! Для вас я всегда готов на все. Давайте ваше следующее задание.

Герцог поколебался, видно, не в силах сказать то, что насоветовал Готмар, в это время с другой стороны к нему чуть наклонился сэр Витерлих. Я видел, как двигаются его губы, напружили слух, успев уловить слова: «...и не будет претензий за сэра Корнуэлла».

После паузы герцог обратил ко мне чуть посветлевшее лицо.

— Сэр Полосатый, вы абсолютно правы. У меня есть к вам серьезнейшая просьба. Правда, вы устали, надо бы серьезно подкрепить силы...

— Герои отдыхают в седле, — ответил я сурово, — а не в постели! Что у вас там за проблема? Дракона зарубить? Это я люблю.

Он заверил с некоторой торопливостью:

— Нет-нет, ничего сложного. Драконов у нас никогда не было.

— Жаль, — сказал я и обвел взглядом рыцарей, — на них я и набил руку.

— Жаль, — согласился герцог. — Но сейчас меня тревожит иное. Мой племянник Франк отправился исследовать подвалы замка, но, увы, что-то задержался.

Я посмотрел на него с подозрением.

— И это все?

— Его нет уже с месяц, — сообщил герцог.

— А-а-а, — сказал я, — ну тогда да... Что месяц делать в подвалах? Пару недель от силы, ну три, если уж нетороплив и весьма Obstoyaten, a винных бочек много, ну четыре!.. Однако целый месяц... гм...

— Вот-вот, — сказал он. — Правда, никто не знает, сколько на самом деле потребовалось бы времени, однако обещал вернуться через две недели.

— Рыцари слово держат, — сообщил я. — Он был рыцарем?.. О, да, конечно... Наверное, даже баннерный? Тогда его что-то задержало. Он какие подвалы исследовал, извините за деликатную подсказку?

— Не винные, — отмахнулся герцог. — Там есть совсем заброшенные. Туда запрещено входить.

— Почему?

— В некоторых есть щели, — объяснил он нехотя. — Чрез них можно проникнуть в такие подземелья... раньше никто не решался... но вот Франк... И с тех пор о нем ничего.

Сердце мое стукнуло, ладони начали разогреваться. Я сказал как можно равнодушнее:

— Ваша светлость, я схожу за сэром Франком и потороплю. Думаю, поспешит вернуться, узнав, что почему-то начинаете слегка тревожиться.

Он кивнул, не спуская с меня пристального взора.

— Вы очень точно выразили мою мысль. Я начинаю тревожиться. Слегка. Так и скажите.

Сэр Витерлих молча слушал, стоя за моей спиной, но сейчас выпрямился и сказал отчетливо:

— Ваша светлость, это по моей инициативе сэр Готмар привел сюда сэра Полосатого, чему сейчас, судя по его виду, не очень рад. Моя беспечность часто подводит меня... и сейчас вот отвечаю как перед вами, так и перед сэром Готмаром, что сэр Полосатый... ну, скажем, вдруг чего снова...

Герцог быстро поднял руку, прерывая, пока сэр Витерлих не брякнул лишнее.

— Хотите сопровождать сэра Полосатого?

— Да, — ответил Витерлих сокрушенно. — Хотя у меня были другие планы на вечер... а также на всю ночь, но, увы...

Я сказал доброжелательно:

— Сэр Витерлих, у меня нет планов на вечер, потому пойду один.

— Нет, — ответил он, морщась, — я как-то лазил по горам, знаю, что вовремя брошенная веревка может спасти жизнь.

Я подумал, развел руками.

— Сэр Витерлих, только если это вас не затруднит. Ради вас я обещаю вернуться побыстрее.

Витерлих подмигнул, однако по другую сторону герцога заворчал, как злобный кабан в лесу, и поднялся со своего места сэр Готмар. Крохотные глазки смотрели на меня уже не со злостью, а с откровенной ненавистью.

— Ваша светлость, — прорычал он, — барон Витерлих мой человек. Я не могу им рисковать, отправляя с... незнакомцем, который так... отличился.. Пусть сэр Витерлих отдыхает, он это умеет, как никто, а я как раз в развлечениях ничего не смыслю.

Герцог спросил хмуро, видно, что напряженно думает о другом:

— Хотите пойти с сэром Полосатым?

Готмар прорычал зло:

— Не с сэром Полосатым! Просто заменю сэра Витерли-

ха! Хотя бы потому, что я теперь еще больше не доверяю этому... да, этому.

Герцог кивнул.

— Хорошо, сэр Готмар. Зато вам я доверяю всецело.

Готмар повернулся и смерил меня злобным взглядом. Я старался смотреть бесстрастно, хотя внутри тревожно заныло. Герцог взглянул на меня властно и прямо, но я чувствовал его неуверенность и тревогу.

— Туда спускаться пробовали многие, — сказал он со вздохом.

— И как? — спросил я вежливо.

— Возвращались, полные небылиц, — ответил он нехотя. — И все рассказывают разное. Думаю, не заходили так уж далеко. Ровно настолько, чтобы подобрать какую-то косточку и вернуться героями.

— Все? А в самом деле умные?

Он пожал плечами.

— Я сам убедился, — ответил он хмуро, — там путь сперва по расщелинам, потом спуск в пропасть... Ума человек набирается к старости, ладно, пусть к зрелости, но по веревкам лазить проще юнцам... Потому умные оставались в замке, а в подземелье спускались отважные и глупые.

Готмар уточнил:

— Сэр Франк молод и учен!

— Да, — согласился герцог, — он исключение. С детства все занимался всякими тайнами... Вот эти тайны наконец-то его и поймали.

Глава 6

Пир длился и длился, я подчеркнуто куртуазно извинился, дескать, вам всем хорошо, вы все знатные, наподвигались, а мне славные свершения превыше застолий, простите, пойду готовиться к возможности себя показать и подвалы посмотреть, это ж так интересно, так интересно...

Готмар, как мне показалось, даже обрадовался слушаю покинуть пьяницу и остаться со мной наедине. Правда, его сразу увели выбирать веревки и молотки с крючьями, а я вышел из

донжона и с удовольствием вдохнул полной грудью свежий воздух.

Сейчас уже догорает закат, долго же мы пировали, яркий свет заливает и двор, в тени только хозяйственные постройки, прилепившиеся к крепостной стене, под ногами видны все прожилки в камне, я рассмотрел даже муравья, суетливо волокущего дохлого кузнецика к трещине.

— Сэр Полосатый, — прозвучал за спиной кристально чистый женский голос, — вы смотрите на звезды?

Леди Жозефина остановилась в дверном проеме, красиво держась тонкой рукой аристократки за косяк, смотрела на меня сдержанно и малость высокомерно. Свет падает строго сверху, потому тень от ее ресниц кажется густой и глубокой.

— Да, — ответил я, — конечно! Все-таки это наша древняя родина.

— Сэр Полосатый...

— А вы не знаете, — удивился я, — что человек рожден для рая, а в этом мире только изгнаник?.. Как-нибудь расскажу историю, за что его оттуда в шею, в шею да еще и пинком пониже спины... Однако сейчас вот чувствую себя в раю, потому что вы, как светлый и пушистый ангел... смотрите вот, прямо как человек... в ваших глазах такая ангельская кротость и готовность пойти мне навстречу...

Она выпрямилась и сделала строго контролируемый шаг назад.

— Сэр Полосатый, — произнесла она строго. — Я не ангел, я дочь герцога Ульриха!.. И не собираюсь идти навстречу всяkim вашим желаниям!

— Да-да, — подтвердил я, — но вы можете быть и ангелом... так, по совокупности улик... Или не можете? Как жаль...

Она посмотрела на меня многозначительно и, улыбнувшись, уронила платочек. Я уставился на него, решая сложнейшую морально-этическую задачу: рыцарь поднимает платочек, оброненный девушкой даже в случае, если девушка не слишком красива, этим он отличается от нерыцаря. Но я в данной ситуации еще не признан рыцарем со всеми вытекающими

щими, хотя вообще-то никто не спорит, что я вроде бы рыцарь, и, как поступить правильно, никто не подскажет, все умные при дворцах устроились, по дорогам не шастают, с бродягами не общаются.

Наконец я поднял платок и, вытерев нос, подал девушке. Жаркий румянец залил ее щеки, она широко распахнула удивительные глаза, то ли от негодования, то ли от восторга, не знаю, даже задохнулась от избытка чувств, и уже готовилась сказать мне что-то очень энергичное, наверное, признаться в любви, как сверху раздался строгий голос:

— Леди Жозефина!.. вас родители ищут!.. Вы должны быть в зале.

— Я вышла только на минутку, — запротестовала она.

— И до совершеннолетия, — продолжил голос еще строже, — не должны появляться на людях без старших подруг.

Она сердито сверкнула глазами, выпрямилась, но удержала, что рвалось из ее нежных розовых уст. Я сочувствующе развел руками, дескать, простите, леди, я не знал, что вы еще несовершеннолетняя, а с виду не скажешь, вот что значит царственный вид...

Она проговорила негромко:

— Мы еще увидимся, сэр Полосатый!

— Буду спать и видеть, — пообещал я. — Я такой, знаете ли... Такое наснится!

Она исчезла за дверью, а со стороны мастерских в мою сторону двигалась целая группа мужчин. В центре сэр Готмар с мешком за спиной, веревка вокруг пояса и целый моток на плече. В руке большой боевой топор, в другой небольшой рыцарский щит.

— Ну что, — прорычал он со злобной насмешкой, — еще не передумали, сэр Полосатик?

— А вы, сэр Готмарашка?

Он хрюкнул недовольно на столь быстрый ответ, поправил моток веревки, повел плечами, проверяя, а вдруг свалится с таких покатых.

— Идите за мной, — буркнул он.

— Я вас еще не посыпал, — сказал я. — Вслух, по крайней

мере. Но вы уже готовы идти? Хорошо, хорошо... Думаю, вы там встретите много народа.

Он убрал щит и топор за спину, взял у слуги зажженный факел, еще два сунули ему в сумку. Он пошел не оборачиваясь, а я выждал, чтобы между нами появилась дистанция, но Готмар быстро открыл дверь прямо в основании донжона и скрылся за нею.

Пришлось поспешить, три грубые ступеньки привели в винный подвал, спина Готмара маячит уже в на другом конце. Я увидел лестницу в подвал, но не простую: впервые рядом в стене укреплен удобный поручень из темного дерева. То ли сделан для удобства очень немолодого человека, которому часто приходилось спускаться и подниматься, то ли вообще так было принято. Хотя вообще для грубоатого рыцарского времени такое нехарактерно.

Готмар уже спускался, я снова выждал, чтобы не идти слишком близко, ступил на первую ступеньку.

— Ненавижу подвалы, — сказал я раздраженно. — Ненавижу подземелья!

Он буркнул не оборачиваясь:

— Есть идиоты, считающие, что башни безопаснее.

— А в них опаснее? — спросил я с недоверием.

— Намного, — ответил он мрачно.

— Чем?

— Могут упасть.

— Мда, подземелья не падают...

Он спросил с тяжелым сарказмом:

— Жаль, правда?

— Еще как! — ответил я.

Оглянувшись, не видят ли нас сопровождавшие некоторое время слуги, я создал шарик света. Изломанный каменный коридор озарился ровным неярким огнем и поплыл нам навстречу узкими стенами и стертыми ступеньками.

Готмар смотрел враждебно, я ожидал бурной реакции, он некоторое время шел с пылающим факелом в руке, но все же понял, что выглядит глупо, засопел злобно и, загасив факел, сунул в мешок.

— Магия, — произнес он с отвращением. — Недостойно...

— Церковник? — поинтересовался я любезно.

Он зыркнул свирепо, но посчитал ниже достоинства вступать в спор с проходимцем. Ступени все чаще попадались треснутые, пощербленные, а дальше вообще от целого ряда осталось меньше половины. Некоторое время спускались, цепляясь за стену и осторожно опуская ноги на шатающиеся камни.

Шарик света плыл впереди, принаравливаясь к нашей скорости. Готмар сопел, злился, наконец прорычал зло:

— Нельзя было сказать сразу?

— Вы о чём, любезнейший сэр Готмар? — осведомился я.

— Об этом... светлячке.

— А что изменилось бы? — спросил я. — Кроме того, что все знали бы то, что такому осторожному и мудрому человеку, каким вы видите меня, лучше придержать в рукаве?

Он прорычал:

— Я бы не тащил эти факелы. Тяжело нести лишнее.

— Выбросите, — посоветовал я.

— Ну да, — сказал он с явным недоброжелательством. — А вдруг ваше колдовство кончится?

— С чего вдруг?

Он хмыкнул.

— У герцога свет во всем замке погас! А у вас не крупнее навозного жука.

— Резонно, — согласился я. — Несите факелы, сэр Готмар, несите. Жаль, мало взяли.

Лестница привела в такой же подвал, только пустой и поменьше размерами, потому я сразу заметил посередине глубокую трещину. Я полез первым, Готмар всего лишь показал дорогу, а теперь, раз уж присматривает за мной, пусть тащитсѧ сзади...

Трещина, к счастью, наклонная и вся в изломах выступов. Я спускался хоть и осторожно, но быстро. Разогрелся, взмок, а последний отрезок протискивался, обдирая руки и застревая в слишком узкой части.

Готмар, к моему удивлению, догнал, потом я вспомнил, что эту часть местные уже проходили, а Готмар, который вез-

де считает своей обязанностью совать нос, конечно же, побывал тоже.

Я пропыхтел:

— Может быть, есть другой ход?

Он ответил мне в спину сипло:

— Нет...

— Но если не пролезем, то и племяш не пролез?

Готмар прорычал:

— Он мельче...

Стены вроде бы потрескивают, я холодел от одной мысли, что вот если сдвинутся хотя бы на сантиметр, нас раздавит... да ладно, меня раздавит, вот что важно, остальных не жалко, пласти земной коры, насколько помню, всегда в движении...

Я втягивал пузо и выпускал из себя воздух и, когда щель кончилась, вывалился в открытое пространство пещеры почти бездыханный, долго хрюпал и вентилировал легкие.

Сэр Готмар выбрался и рухнул на ровный пол, когда я уже отдохнул. Его распластало, дыхание вырывается с хрипами, как у больного дракона.

Я торопливо поднялся и сказал бодро:

— Ну, пойдем дальше?

Он с трудом воздел себя на ноги, лицо залито потом, глаза покраснели, но ответил сипло:

— Да, конечно.

Я осведомился насмешливо, даже с тайным сочувствием:

— Вы в самом деле готовы?

— Больше, чем вы, — процедил он.

Пещера вырублена грубо и небрежно, но с известным размахом: потолок уходит ввысь, а это нерационально. Я медленно двигался вдоль стены, на камне заметны значки, вырублены достаточно глубоко, хотя края стерлись.

Шар света послушно плывет вверху и впереди, из темноты выступают все новые каменные блоки, среди знаков попадаются стилизованные фигурки людей и животных. Под ногами однажды попалась копоть и даже клочок промасленной ткани, наполовину сгоревшей.

Готмар двигается за моей спиной, держа в руке наготове

боевой топор. Время от времени его жуткая тень на стене обгоняет меня, заставляя нервничать. Я собрался сказать, чтобы убрал оружие, как вдруг впереди между блоками показалась темная щель.

Готмар на этот раз обогнал и заглянул первым. Я послал шарик над его головой, вниз уходит глубокая расщелина.

Я заглянул опасливо, шарик высвечивает только верхнюю часть, где выступающие камни блестят свежими сколами, как свежелопнувший земной пласт кремния. Глубже тьма, тьма...

— Похоже, — произнес я, — мудрый племяш зачем-то спустился туда... Вот следы, а здесь след от веревки. Мы, конечно, туда не полезем, дураков нет... Во всяком случае, настолько дураков.

Он бухнул над моим плечом, словно ударил в большой барабан:

— Будем!.. Мы обещали вернуть сэра Франка.

— Вы обещали всего лишь пошпионить за мной, — напомнил я. — Да еще вроде бы ударить в спину при удобном случае.

Он побагровел, ухватился за рукоять меча.

— Что?

Я спросил любезно:

— Разве не так?

— Я вас мог убить десятки раз!

— Но мы еще не нашли племяша, — напомнил я. — А вот потом, да...

Он испепелял меня лютым взглядом.

— Как только вернемся, — прошипел он сквозь стиснутые челюсти, — вам придется ответить за свои слова с мечом в руке! Но я не такой легкий противник, как сэр Трандерт!

— Принимаю, — прервал я. — Полезете первым?

Он поколебался, еще раз смерил меня злым взглядом и начал вытаскивать из мешка веревку. Я наблюдал, как тщательно закрепил конец за скальный выступ, спустил ноги в разлом. Я потуже завязал ремни своего мешка, Готмар медленно слез в щель, держась обеими руками за веревку.

Я стоял над расщелиной, он одарил меня напоследок злым взглядом и скользнул вниз, опускаясь неожиданно ловко для такого грузного и одоспешенного тела. Я дождался, пока веревка перестала вздрагивать, легонько потянул вверх. Она чуть подалась, затем я ощутил ответный рывок.

— Мы так и не договорились об условных знаках, — пробормотал я. — Ладно...

Сердце екнуло и остановилось, когда я ухватился за веревку и спустил ноги в бездну. Смертный холод охватил все тело, когда сполз с каменного края и начал отвратительный спуск, подошвы то и дело соскальзывают, а веревка начинает казаться недостаточно толстой.

Я смотрел на уходящие вверх пласти, стараясь занять себя проблемой, триас это или мезозой, как будто в самом деле понимаю разницу, но только бы не смотреть вниз.

Подошвы коснулись твердого, я опасливо посмотрел по сторонам. Шарик света носится кругами, высвечивая уже не пещеру, а целый зал. Стены прямые, иероглифы от пола уходят к темному своду. Везде блестят синие и зеленые вкрапления камней.

Готмар в сторонке пробовал выковырнуть один, но сразу же пренебрежительно отмахнулся. И этот зал изуродован древним подземным толчком: ужасная трещина рассекает стену, а за ней и пол. Провалиться может не только человек, но и слон.

Я заглянул, присвистнул в изумлении. Ниже еще помещение, отделенное от этого всего лишь сводом.

— Это чердак, — сказал я. — Спустимся ниже? Или вернемся?

Готмар молча снял вторую веревку и принялся завязывать конец за массивный обломок скалы. Я спустился первым, это легко, когда видишь близкую цель. Готмар следом, оставив конец веревки болтаться на уровне пояса.

Этот зал ужасающе огромен, в центре нечто вроде разрушенного храма, с десяток темных и покрытых копотью колонн. Я хотел было начать осмотр, но Готмар прорычал:

— Здесь наши уже бывали.

— А вы? — спросил я любезно.

— Наши, — рыкнул он, — это люди из замка. Семьдесят лет назад.

— А вы тогда не полезли? — спросил я любезно.

Он нахмурился и пошел через зал, шарик понесся над ним, обогнал, я увидел в самом конце широкую лестницу, что повела вниз, поворачиваясь вокруг оси. Воздух здесь показался намного холоднее, на каменной стене крупные капли влаги, словно ее только что обдала волна прибоя.

Готмар держал топор наготове, стальной полумесяц лезвия поблескивает коротко и злобно, будто стал продолжением руки хозяина.

— Не рано? — буркнул я. — У страха велики глаза и слабоват мочевой пузырь.

Глава 7

Он промолчал, а я не стал оглядываться, а то подумает, что страшусь его всегда готового к бою топора. Вообще-то страшно и самому, а если вспомнить, что общий страх объединяет и злых врагов, ну пусть на время, то, думаю, в спину не ударит. По крайней мере, пока здесь. Другое дело, на обратной дороге...

— С опытным проводником, — сказал я громко, — и заблудиться не страшно.

Он пробурчал, не поворачиваясь:

— Это вы к чему?

— Листю, — сказал я. — Но вы ведь не из тех, кого можно обмануть лестью?

— Да, — сказал он польщенно, — я не такой...

Открылся зал огромных размеров, я вслед за Готмаром осторожно ступил на декоративно расчерченные плитки. Всю эту пещеру вырубали явно не кирками и зубилами. Я сосредоточился и увеличил светимость шарика до максимума. На минутку сильно заболела голова, зато свет озарил помещение просто немыслимых размеров. Спелеологи удавились бы от зависти.

Готмар прошелся к стене, нелепый в позе готовности к

бою и с оружием наготове, но я так же нелеп для него с непонятной печалью во взоре.

- Здесь жили подземные боги?
- Может быть, — ответил я, — еще живут.
- Как это?
- Так и понимайте.

Он повернулся, настороженный и злой. Я прошел мимо, дальше видна высокая сводчатая арка, а за ней проход в другой зал. Готмар обогнал меня и первым вступил на новую территорию... и едва не сорвался в пропасть. Глубокая темная щель начинается сразу за аркой, ширина метра три, но глубина...

Я опасливо заглядывал за край, стены освещены достаточно глубоко, но дальше сгущается темень. Готмар посопел рядом, голос его дрожал, когда он сказал:

— Вон следы. Сэр Франк, похоже, все-таки спустился.
— Да, — сказал я, — видно, живете в свое удовольствие. Может быть, вам проще было объявить кому-нибудь войну?

Он сопел, всматривался, затем прошелся по краю, издалека закричал:

- Вот здесь!
- Что там? — спросил я, не сдвигаясь с места.
- Железный стержень!

Стальной колышек вбит на расстоянии полуметра от края пропасти, я потрогал, вколотили надежно, стена с этой стороны ровная и без острых выступов, что могли бы повредить веревку.

- И что? — спросил я.

Он буркнул хмуро:

— Не понимаю. Где веревка? Как они собирались возвращаться?

— Может быть, — предположил я, — умеют бегать по стене? Как тараканы?

Он смерил меня злым взглядом, но решил пока не задираться, время расплаты придет.

— Если вам не укоротят язык, — прорычал он лютко, — это сделаю я. Но это потом. А пока надо спуститься. Я пойду первым.

— В темноту? — спросил я.

— А хотя бы...

— Нет, — сказал я со вздохом христианина, выходящего на арену Колизея. — К тому же главный — я. Вас, сэр Готмар, приставили всего лишь шпионить за мной. Вот и шпионьте. Сзади. С осколенными зубами и отравленным кинжалом под полой. А я пошел...

Он злобношипел, пока я привязывал веревку, но когда ухватился за нее и спустился на полкорпуса, буркнул:

— Станет страшно, орите погромче. Это у вас должно получиться хорошо. Вытащу... может быть.

— Вы сама доброта, — сказал я.

Даже в толстых боевых перчатках неприятное ощущение, когда вот так скользишь вниз и вниз, время от времени оставляясь и вслушиваясь. Перед глазами убегает вверх то быстро, то медленно каменный разлом с прожилками древних наслоений, где, возможно, кости динозавров и трилобитов, а снизу приближается и никак не приблизится зловещая тьма.

Я всматривался, но там серо и однообразно, кроме того, тихо и никаких запахов. Шарик света высветил далекий каменный пол. Снова выложен изумительно точно плитками, только не цветными, чувствуется некая строгость, почти военная.

Подошвы коснулись пола, но пальцы так занемели, что едва разогнулся. С неохотой подумал, что племяиш потому и застрял — спуститься непросто, а подняться на такую высоту вообще немыслимо. Даже, если бы веревка осталась на месте.

Веревка затрепыхалась, я дважды дернул в ответ, успев подумать снова, что все-таки надо договориться про условные знаки. Веревка мелко задрожала, Готмар был готов и начал спуск сразу же.

Через некоторое время я услышал в полнейшей тиши сиплое дыхание, словно наверху подыхает дракон. Из темноты показались толстые подошвы.

Он скользил с нарастающей скоростью, я собрался, ухватил, но все равно с такой силой ударился пятками, что пова-

лились оба. Я вскочил быстро, он долго и хрипло дышал, поднялся с усилием, прихрамывая и сразу же сказал горестно:

— Вот она!

В десятке шагов на покрытым пылью полу выступает замысловатый выпуклый узор сброшенной с большой высоты веревки. Я задрал голову, но ничего, понятно, не увидел, а Готмар сказал с хрипами в голосе:

— Нечисто дело...

— Полезем назад? — спросил я.

Он ожег меня злым взглядом и, не отвечая, пошел от стены, сильно припадая на левую ногу.

— Почему веревка внизу? — спросил я.

Готмар не ответил. Посреди зала нечто вроде саркофага, даже подходящие по случаю скорбные фигурки на стенах, только саркофаг втрое больше, чем ему полагается быть.

Готмар проговорил почтительно:

— Наши предки были великанами.

— А потомки измельчали, — согласился я и, окинув его взглядом, повторил со значением, — еще как измельчали.

Он буркнул нечто злое, от взмаха его руки пыль на крышке саркофаге взвилась столбом, обнажились глубоко врезанные в дерево узоры. Я провел по ним пальцем и решил, что это искусственная имитация под дерево.

— Франк здесь ничего не трогал, — проговорил Готмар.

— Мертвяков боится? — спросил я. — А вы? Правда, страшно?

Он промолчал, только метнул в мою сторону ненавидящий взгляд. Я прошел дальше, стена испещрена значками, мне даже показалось, что я внутри египетской гробницы, там такие же руны, ведь все непонятное — руны, а еще — каббала проклятая.

Кровь в черепе разогрелась, стучит в висках. Ощущение, что здесь еще есть некто или нечто, помимо нас, появилось не сразу, но постепенно растет. Я обвел зал ошелым взглядом. Готмар с топором в обеих руках и оскаленными зубами поглядывает по сторонам и время от времени угрожающе шевелит лезвием.

— Кажется, — пробормотал я, — начинаю понимать...

— Что? — спросил он нервно.

— Откуда, — сказал я рассеянно, — у вас странный город... С моря... даже с океана шла, как говорят, волна в сотни футов... а то и ярдов высоты, верно? И смыла с лица земли не только города, но и все королевство... Но не стерла подземелья, подвалы и вот такие наглоухо закрытые комплексы...

Он спросил, нервно косясь по сторонам:

— И что?

— Что-то залила водой, а что-то древние успели заизолировать...

Он смотрел тупо, не понимая. Я продолжил не столько для него, как для себя, формулируя и стараясь уложить в сознании:

— Какие-то сорвиголовы вроде племяша, только много-много лет тому, сумели проникнуть в подобный подвал. Нашли нечто такое, что то ли восстановило, то ли выстроило новый город... А потом и они погибли.

Он посмотрел на меня с недоверием.

— Ну... по легендам, наши предки пришли в готовый город, это верно. Но почему те погибли?

Я пожал плечами.

— Может быть, чума. Может, что-то похуже. Мне, собственно, неважно. Сами виноваты! Главное, где ваш чертов племяш.

Он насупился.

— Я бы предпочел, чтобы о благородном сэре Франке говорили в более уважительном тоне.

— Прошу прощения, — извинился я. — На самом деле уважаю таких людей. Исследователей! Во все дырки нос суют. Даже в темные и дурно пахнущие. Не люблю только, что этих ливингстонов приходится отыскивать бедным стенлям, у которых своих дел по горло.

Издали раздался скрежещущий звук. Готмар вздрогнул, судорожно обернулся. Снова тишина, я ощущал чужой запах, однако он прошел вроде бы по стене и снова пропал.

— Что-то слышно? — спросил Готмар тихо.

— А вам?

— Кто-то приближается...

— У меня такое неприятное чувство, что вы правы.

Он затравленно оглядывался по сторонам, шарик света поднялся под самый свод и заливает светом весь зал. Резко усилившийся чужой запах ударил в ноздри, я дернулся и ментально выхватил меч. Готмар, глядя на меня, тоже выставил топор перед собой и замер, прислушиваясь. Я видел, как шевельнулись его губы, но спросить он ничего не успел. В одном месте свет померк, возникла густая тьма, оттуда прыгнули пятеро: трое троллей и два человека в кожаных доспехах, но в шлемах с опущенными забралами.

Я торопливо завращал мечом, сразу стараясь взвинтить темп до предела. Один из воинов неудачно сделал шаг, я разрубил ему плечо, отразил удар второго, увернулся от топора тролля и ударил по толстым, как бревна коленям.

Страшный рев разорвал тишину. Готмар в ответ тоже зардал, нагнетая ярость и стараясь испугать врага. Я ощутил, что в самом деле двигаюсь намного быстрее и успеваю опережать всех троих, а мой меч наносит им легкие раны, пока удачным ударом в горло не свалил тролля. Оставшиеся набросились на меня, я отступал, отражая удары и нанося ответные, а Готмар забежал со спины и ударил второго в кожаных доспехах в спину.

Тот закричал, начал поворачиваться и рухнул Готмару под ноги. Осталось двое, один повернулся к Готмару и сразу же нанес ужасающий удар топором сверху. Готмар подставил щит и упал, перекатился и вскочил на ноги. Щит остался на земле, он умело фехтовал топором, старательно избегая прямого удара, а я с размаху всадил меч троллю в живот, отпрыгнул, успев его выдернуть, вторым ударом отсек руку, а следом нанес тяжелый удар в голову.

Оставшийся тролль теснил Готмара и уже прижал к стене, когда я с силой вогнал ему меч в левый бок и повернул там, распарывая сердце. Монстр взревел так гулко, как кричала бы скала, тяжело повернулся ко мне. Мы встретились взглядами, в его глазах блестает, затухая, лютая злоба, и он рухнул наземь.

Готмар дышал тяжело, рука тряслась, когда оперся на топор. Я сказал сочувствующе:

— У вас кровь течет, сэр Готмар.
Он огрызнулся:
— Это зеленая кровь!
— И что? — спросил я.
— Это не моя кровь, — прорычал он.
— А-а-а, — сказал я. — У вас, значит, не зеленая?.. Ладно, тогда пошли.

— Куда?

— Неприятности приходят и уходят, — объяснил я, — но еще придут, если не доберемся вовремя до их творцов!

Он тяжело шел следом, я слышал как тяжелые шаги, так и сиплое дыхание, которое он старался сдержать, чтобы не дать мне злорадствовать.

— Не люблю подземелий, — сказал я. — Что-то во мне антииндианистое и не тобмрайдерное... Мне летать охота, а не саркофаги двигать! Тоже мне, египтологи шлиманистые... Стой, куда попер?

Готмар оглянулся, очень рассерженный.

— Сэр Полосатый, я попросил бы вас повежливее!
— А что я сказал?
— Мы с вами не на «ты», к счастью, — напомнил он высокомерно.

Вздохнув, я сорвал со стены давно погасший светильник и швырнул вперед. Он зазвенел, подскакивая, в шаге перед Готмаром, и вдруг там провалилась целая плита. Готмар оказался на самом краю, даже наклонился от неожиданности и замахал руками.

Когда он выровнялся, я сказал холодно:

— Прошу прощения. Виноват, нужно было на «вы». И пусть я не успел бы договорить правильно построенную фразу, зато никаких нарушений...

Он посмотрел зверем, но смолчал. Я выждал, он не двигался, только угрюмо смотрел вперед, только бы не видеть мою нагло ухмыляющуюся рожу. Я подумал, сделал шаг, следующий по диагонали, еще два под стеной, пригнулся и скзал холодно:

— Можете вернуться. Но если вам угодно шпионить за

мной и дальше, то повторяйте все мои движения. Ступайте шаг в шаг!

Пригнувшись, почти на четвереньках я двинулся вперед. Из стены вырвался сноп огня, я ощутил его жар на спине, когда он, как плевок дракона, впечатался в стену напротив. Готмар, побелев, двинулся за мной, точно так же прошел на четырех.

— Вон там, — сказал он угрюмо в спину, — дальше стена тоже оплавлена...

— Это да не заметить, — сказал яsarкастически. — А вот куда сейчас?

Он промолчал, я поднялся и пошел прямо, а когда попался широкий красный квадрат, перепрыгнул его по высокой дуге. Из микроскопических щелей выпрыгнули блестящие лезвия и тут же скрылись. Готмар выматерился, я видел, как он ухватился за сердце.

— Смелее, сэр Готмар, — сказал я великолушно. — Кроме ваших неприятностей, у меня есть и другие радости.

Он пробурчал:

— Обычно от одних неприятностей нас отвлекают новые.

Проплывающий, как солнечная рыбка в темной воде, шарик осветил и вторую часть подземелья. На серой каменной стене висит с опущенной головой очень худой человек, слабый и болезненного вида. На руках и ногах настолько толстые стальные браслеты, что мы с Готмаром озабоченно переглянулись. Прикован к металлическим кольям толщиной в руку, вдобавок обе ладони пробиты стальными клиньями, глубоко всаженными в камень.

Я зябко передернул плечами: лодыжки распятого тоже в темной крови, из них торчат широкие шляпки стальных штырей. Длинные нечесаные волосы несчастного закрывают его лицо, я никогда не видел, чтобы отросли так, что почти касаются пояса.

— Круто с ним, — пробормотал я.

Распятый медленно поднял голову. Я охнул от неожиданности, а он отыскал меня мутным взглядом, губы шевельнулись, я услышал хриплый шепот:

— Попробуй и ты...

Я проговорил, запинаясь:

— Что попробовать?

— Разбить цепи, — проговорил он уже отчетливее. —

Найдется же когда-то хоть один...

Я сказал поспешно:

— Да, конечно! Я сейчас... А что, другие уже пробовали?

Он прошептал:

— И не раз...

Бледные губы изогнулись в горько-насмешливой гримасе. Я выхватил меч и ударил по цепи, но лишь послышался звон. Готмар принялся рубить топором, однако на цепях не осталось даже царапины. Озлившись, я сунул меч и ножны, схватился обеими руками за верхушку стального болта, торчащего из раздробленной лодыжки несчастного.

Над головой послышался разочарованный голос:

— Нет, так не получится.

Я сцепил зубы и, не переставая тянуть, прохрипел:

— А как надо?

— Все зачаровано, — сказал он, я различил в голосе тщательно скрываемое страдание. — Только великий чародей может...

— А что нужно?

Мне показалось, что стальной штырь начинает подаваться. Я напрягся, чувствуя, как во мне просыпается нечто злое и упрямое. Пальцы стиснули металл с такой силой, что на нем останутся мои отпечатки, как на мокрой глине. Я тянул и тянул, а металлический болт в самом деле начал удлиняться.

— Нужна сила, — сказал распятый, — большая, чем у Тартеноса...

— А это кто? — спросил я, пыхтя и напрягая мышцы.

— Он и заманил в ловушку.

— Не обязательно, — прорычал я.

— Ты так думаешь?

— Да!

С последним словом я выдернул штырь и едва не упал наизнечь. С него капала кровь, а длиной он оказался почти в два локтя. Распятый смотрел неверяще.

— Кто ты?..

— Просто странник, — ответил я и взялся за второй штырь. — Красивый, загадочный и прекрасный.

Готмар смотрел на меня с великой тревогой, топор не выпускал из рук, поглядывал на распятого, на меня и время от времени посматривал на темнеющий ход, откуда мы вышли.

Второй штырь мне удалось вытащить даже легче, хотя его забили почти по шляпку.

— Здорово же тебя страшились, — сказал я, задыхаясь, — если такими длинными...

— Меня и должны страшиться, — ответил он медленно.

Я перевел дыхание и взялся за его руки. Как только выдрал болт из одной руки, распятый тут же взялся помогать, второй вытащили вместе. К моему изумлению на его теле уже не осталось ран, раздробленные ладони сияют чистотой, нет даже шрамов, а когда встал на ноги и сделал пару пробных шагов, никто не сказал бы, что у него только что были раздроблены ноги.

— Я — Агалантер, — сказал он и посмотрел на обоих внимательно. — Агалантер из Зеленых Скал.

Я сказал вежливо:

— Добро пожаловать в мир, сэр Агалантер.

Готмар поклонился и что-то пробормотал. На лице Агалантера мелькнуло неудовольствие, лицо стало высокомерным и злым.

— Я не сэр, — бросил он раздраженно, — а великий маг.

Готмар поклонился.

— Простите, великий маг Агалантер.

Агалантер скривил губы.

— Да откуда вам меня знать? Двести пятьдесят лет, как подлый Тартенос заманил меня сюда и поступил так мерзко... Нынешнее поколение уже и не помнит!

Готмар нахмурился и спросило неуверенно:

— Не тот ли великий маг, который... убил короля Дертелья, изнасиловал его жену и дочь, отправил собственную мать, а потом предательски уничтожил своих учеников, сумевших достичь его могущества?

Агалантер кивнул.

— Тот. Только не короля Дертелья, как все говорят, а вол-

шебника Йондра, не жену и дочь изнасиловал, а выкрад их и перевез в другое королевство, куда они и стремились, отравил не мать, а королеву оборотней Нри Лемгу, иначе с ней спрятаться было невозможно, и не своих учеников уничтожил, а учеников Черного Мага, которых он готовился выпустить в мир... Хотя да, уничтожил их предательски, но я был один, а их восемнадцать тысяч. А так все верно. Теперь вы понимаете, что вообще-то я вас должен убить...

Готмар молчал, а я ахнул:

— За что? Мы же тебя освободили!

— Вы видели мой позор, — сообщил он, — мою слабость, а я этого не терплю.

Готмар пробормотал:

— А как насчет обычной человеческой благодарности?

— Я маг, — напомнил Агалантер. — Мы стоим выше человеческой морали. Тем более, обычной.

Его взгляд уперся в меня, негодование во мне росло, еще не оформившись в ярость, дрожь прошла по всему телу, нечто во мне ощетинилось и подготовилось к драке.

— Что ж, — процедил я сквозь зубы, — попробуй, если сможешь... Я тебя приковывать не стану. Просто убью прямо здесь и сейчас! А пепел развею. И никто никогда тебя больше не спасет и не возродит.

Готмар замер, топор в его руках подрагивает то ли от напряжения, то ли от страха. Агалантер коротко взглянул на меня, я видел колебание на его лице, затем блеск в его запавших глазах медленно погас.

— В тебе есть мощь, — признал он. — Неясная мне... думаю, неясная и тебе... Хорошо, идите.

Готмар вздохнул с облегчением и попятился, зыркая злобно то на него, то на меня. Я кивнул, вложил меч в ножны.

— Да, мы пойдем. Но не потому, что отпускаешь, а потому что изволим сами!

— Гордая речь, — проронил он с кривой усмешкой. — Давно не слыхивал.

Уже в другом конце зала я обернулся.

— Ты остаешься?.. А если противник вернется приковать

тебя снова? Или размазать по стенам, чего ты наверняка заслуживаешь?

Агалантер покачал головой.

— Я сумею набраться сил раньше.

Глава 8

Низкая арка входа, я зашел, пригибая голову, все еще злой и кипящий, сердце стучит яростно и требует драки. Я несколько раз глубоко вздохнул, стараясь успокоиться, Готмар идет уже рядом и поглядывает озабоченно.

Небольшая комната, стол и пара стульев, на широких по темневших полках множество тиглей разной величины и размера, медных мисок, чаш, сосудов с отварами, настоями и растертыми в порошок сухими травами и корой целебного дерева. Отдельно стеллаж под книги, безобразно толстые, громоздкие, в металлических переплетах, с неровными краями страниц, то ли обгрызенные мышами, то ли ломкие от сотен пройденных лет.

Под сводом пучки трав, корешков, коры, некоторые уже оплела паутина, другие совсем свежие, словно только что сорваны. На столе два тигля, под одним ровно горят угли зеленым пламенем, в другом горкой зеленеют множество трав.

Я пробормотал озадаченно:

— А это все откуда?

— Что? — спросил Готмар.

Я повел мечом в руке, описывая полукруг.

— Мы же не в лесу все-таки!

Он буркнул:

— Тогда и тролли откуда?

— Интересно, — сказал я, — очень интересно...

Он проворчал:

— Из-за такого «интересно» сэр Франк и пропал где-то здесь...

Из дальнего входа льется свет, чуть иного спектра, но теплый и человеческий. Готмар вздрогнул, услышав мои шаги, поспешно отступил, я шагнул в это помещение первым.

Пахнуло холодом, хотя это чисто субъективное: огром-

ный зал выглядит абсолютно стерильным, от пола и до потолка целиком в металле и пластике светлых тонов. Металлические стены, все кресла и непонятные приборы — все из металла чистых тонов.

У меня на миг закружилась голова, странное чудовищное смещение, словно в командном центре по запуску космических кораблей разбили лагерь люди Аттилы! Причем искренне старающиеся все понять и восстановить. Поселившиеся здесь и начавшие... да, начавшие все восстанавливать. Как умеют и как понимают...

На металле или пластике стен с чудовищными усилиями вырублены солярные знаки, что-то общее для египтян, ацтеков, славян и скандинавов. Я почти физически ощутил отчаяние и надежду этих людей, что старались в меру своего понимания сделать как лучше... наверное, и жертвенная кровь здесь не овечья, не овечья.

По ногами хрустнуло, я поспешил посмотреть под ноги. Всего-навсего белая истлевшая кость. Под сапогом рассыпалась в порошок, но не взвилась в воздух, а словно бы растеклась по гладкому полу, истончилась и пропала.

В зале в разных местах разбросаны кости, только один скелет я увидел целым. Готмар сказал возбужденно:

— Здесь прошли до нас!

— По скелетам догадались? — изумился я. — Да как вы сумели, следопыт вы наш шерлокхолмистый!

— Да вот сумел, — буркнул он. — Для вас и это загадка.

— А о почтении к мертвым что скажете?

Он огрызнулся:

— Может быть, снимали кольца или амулеты? У древних они посильнее наших. Но это не сэр Франк.

— Не тот почерк?

— До него здесь побывали, — ответил он равнодушно. — Думаю, он далеко отсюда.

— Тогда поспешим, — сказал я. — Хорошо бы к ужину вернуться. Или к завтраку, ладно.

— Сэр Франк тоже обещал к ужину.

В центре зала возвышение, к нему ведут такие же металлические ступени, но я засмотрелся на сверкающую холод-

ными голубыми гранями огромную глыбу льда на противоположной стороне зала. Она выглядит абсолютно неуместной, как если бы кусок айсберга, характерный для Антарктиды, оказался в Саудовской Аравии.

Мне почудилось, что в прозрачной льдине смутно темнеют фигурки, смахивающие на человеческие. Свет переломился в огромном кристалле, все стало отчетливым, будто высветило прожектором.

С той стороны льдины вход в другой зал, она перегородила его целиком, как будто сработало защитное устройство, и нарушители мгновенно оказались замороженными. Молодой парень в легкой кольчуге до пояса, одет кричаще пышно, золотые шпоры вдвое крупнее моих, а когда я осторожно зашел сбоку, увидел юное лицо с раскрытым ртом. Ни страха в глазах, ни удивления: он даже не успел почувствовать и понять, что произошло. И двое крепких кнехтов с ним, тоже настороженные, готовые к драке, но еще не ощутившие опасность.

— Сэр Готмар, — крикнул я. — Кончайте изучать красоты, а то обзову эстетом. Это не ваш... вернее, герцожий племяш?

Готмар ринулся в нашу сторону бегом. Лицо его менялось, сперва озарилось светом надежды, потом помрачнело, словно вбежал в густую тень.

— Сэр Франк!.. — вскрикнул он горестно.

— Хорошо, — сказал я.

Он огрызнулся:

— Что хорошего?

— Мы выполнили задание, — напомнил я. — Герцог просил нас только найти племянника. И все.

Он не слушал, горестно шептал:

— Господи, я же учил его на коне ездить!.. Я же ему еще деревянный меч строгал...

Я с сочувствием посмотрел в его бледное лицо.

— Да, похоже, на рыбалку уже не пойдет.

Он спросил потерянно:

— Что я герцогу скажу?

— Мы его нашли, — напомнил я. — Именно это и просил

герцог. Найти! Теперь вернемся и расскажем, что юный сэр Франк красиво погиб, исполняя свой долг исследователя. Боясь обидеть вас, сэр Готмар, но этот долг в иных краях много выше рыцарского. Потому что включает в себя и рыцарский... и много чего еще.

Он заходил со всех трех сторон ледяной глыбы, лицо кривится, будто суровый и нелюдимый сэр Готмар вот-вот заплачет. Я на всякий случай присмотрелся к племяшу еще, и хотя из меня Ломброзо неважный, но на этот раз уловил некоторые фамильные черты... Этот племяш лет через тридцать станет вторым Готмаром.

— Я в самом деле искренне сочувствую, — сказал я с неловкостью. — Возвращаемся?

Он покачал головой.

— Я не могу оставить мальчика! Я разобью эту чертову льдину.

— Это не льдина, — сказал я предостерегающе.

— Все равно разобью!

Я опустил ладонь на пояс, но пальцы не отыскали молота. Стало тоскливо и беззащитно, я начал оглядываться в поисках чего-нибудь тяжелого, а сэр Готмар бросился к льдине и с яростным рычанием рубил топором.

Я отошел в сторону, чувствуя, как ноют руки и плечи от бесконечных спусков. В зале отовсюду веет страшной тоской и безнадежностью, отчаянными попытками удержаться, не скатиться в варварство. Похоже, здесь сменились поколения, что либо поддерживали работу установок, либо пытались заставить их работать снова. Скорее, последнее, не случайно эти идиотские рисунки, эта грубая чеканка...

Центральный пульт, так я его назвал по расположению, покрыт темной бугристой коркой. Я осторожно поскреб ногтем, отделилась легко и посыпалась чешуйками засохшей крови. Понятно, первое поколение вымерло, а третье или пятое уже пыталось умилостивить здешних богов ритуальными плясками и жертвоприношениями.

И все-таки какие-то машины работают до сих пор. Пусть в минимальном режиме. Здесь стерильно чистый воздух, достаточно яркий свет, хотя по спектру заметно, что аварийный.

Прозрачная панель слегка подсвечена снизу, значки и символы на верхнем стекле, а под ним...

Я сел в головное кресло, ничего не произошло, хотя у меня возникло ощущение, что нечто огромное проснулось и теперь присматривается ко мне.

— Принимаю командование, — сказал я четко. — Код доступа — абсолютный.

Тишина, нигде ничто не щелкнуло, не сдвинулось, механизмы либо давно мертвы, что всего вероятнее, либо в такой гибернации, что уже не проснутся.

— Говорит Верховный, — сказал я, — принимаю командование. Все погибли, третий помощник младшего курьера возлагает на себя обязанности старших! Отныне все повинуется мне...

Ничто не сдвинулось, ни потеплело, ни похолодало. Вообще никаких изменений, но все то же странное ощущение, что нечто огромное всматривается в меня пристально и упорно.

— Враг близок, — сказал я громко. — Снять всю защиту!..

Я сам чувствовал в своем голосе ерничанье, ну что такое несу, ну кто меня услышит и послушается, дурь какая-то, но вот он, конечный пункт, надо возвращаться, однако гнетет ощущение, что так ничего и не достигли, зря шли, а ведь на самом деле зря, только и того, что узнали, как погиб парнишка... Это я вижу магические и прочие ловушки, этим наделили предки рода Валленштейнов, да и не только этим, а он просто честно и отважно шел по прямой...

На том конце зала сэр Готмар яростно рубил и рубил огромную блестящую льдину. Осколки сверкают в воздухе и, падая на пол, рассыпаются в белое крошево. Он то ли не замечал, что льдина не убывает, взамен срубленного куска льда мгновенно возникает другой, то ли надеялся, что льдина выдохнется первой, либо просто не мог смотреть на застывших там людей...

— Убрать защиту! — велел я со всей властью, какую только мог себе вообразить. — Врага нужно остановить! Последнее средство... Вручную.

За прозрачной панелью на самом донышке появилась

желтая жидкость. Я затаил дыхание, что-то я все-таки сумел, понять бы еще что, но все-таки здорово, хотя начинает бурлить, уровень повышается...

Я ощутил неясную тревогу, так таракан чувствует приближение землетрясения. Оглянулся на Готмара, тот перестал рубить ледник и уставился несколько ошалело. Ледник залистал, начал опадать, но не таять, а словно бы растворяться в воздухе.

Тела троих рухнули на пол, Готмар с воплем бросился к ним. Я повернулся к емкости, желтая жидкость заполнила почти на треть, теперь это не просто желтая вода, а вроде расплавленного металла, что вот-вот прожжет это непрочное стекло.

Я выскоцил из кресла.

— Готмар!.. Сэр Готмар!.. надо уходить!

Он тормошил лежащих, я подбежал и ухватил его за плечо. Он отмахнулся, я охнул, видя, как бледный юноша пошелевелился, скорчился от боли и захрипел.

— Он жив! — прокричал Готмар ликующе.

— Пока еще, — сказал я нервно. — Как и мы все... пока еще. Хватайте в охапку, если он вам так уж дорог! Боюсь, придется отступить из этого весьма любопытного помещения...

— Что случилось? — спросил он, не отрывая рук от найденного племянника герцога.

— Беда, — сказал я торопливо. Опустил ладони на грудь Франка, сосредоточился. Холода не ощущал, но тот сразу открыл глаза и обалдело уставился на Готмара.

— Вы?.. Сэр Готмар, откуда... как вы здесь оказались?

— Уходим, — крикнул я.

— Что... почему?

— Сейчас тут все то ли затопит... то ли сожжет! — сказал я быстро.

Франк оглянулся на неподвижные тела кнектов.

— А мои люди?

— А они живы? — спросил я.

Они смотрели, как я опустил ладони на их лица. Оба

вздрогнули и тут же открыли глаза. Я оглянулся на пульт, цилиндр заполнился желтым почти до краев.

— Все! — заорал я. — Уходим!.. бегом!.. быстро!

Они еще вертели непонимающие головами, но я бросился к чернеющему проему и там остановился, ожидая остальных. В зале раздался режущий уши свист, мигнул свет, стал тревожно-красным. Металлический голос оглушительно прокричал что-то непонятное, но от одного тембра волосы встали дыбом.

Готмар и Франк бросились за мной следом. Франка шатало, Готмар поддерживал его на бегу. Кнехты поднялись и заспешили за ними. Голос прокричал снова, пульт затрясся, желтизна заполнила его до крышки.

Я махал рукой.

— Быстрее!.. Быстрее!.. не оглядывайтесь! Только не оглядывайтесь!

Они пробежали мимо меня все четверо, я заспешил следом. За спиной раздался ужасающий грохот. Ослепительная вспышка ударила в открытый проем, со змеиным шипением закипела и пошла пузырями поверхность дальней стены.

Готмар побелел, сообразив, что со всеми было бы, не оказалось за выступом каменной стены.

Я орал и махал рукой:

— Вперед, вперед!.. К лестнице! Да побыстрее!..

Готмар и Франк впереди, но кнехты очень быстро приходят в себя, бегут хоть и быстро, но не обгоняют патрона, один даже ухитрился вытащить меч и угрюмо поглядывает по сторонам.

Когда пробежали через зал, он озарился в кратчайший миг, словно разом взошло огромное солнце. Я не вытерпел и оглянулся. Через арочный проем вдогонку за нами вливается жидкое золото, так выглядит этот зловещий расплавленный металл, если это металл.

В спину ударило настигающим жаром.

— Быстрее!

Готмар буквально забросил Франка на ступени, прыгнул следом. Я остановился на второй ступеньке, мимо меня метнулись оба кнехта. Один вдруг заорал диким голосом: первая

волна ударила о ступеньку, брызги взлетели не высоко, но упали на сапог. Кожа задымилась, запахло гарью, я уловил сладкий запах горящего мяса.

— Наверх, — орал я. — Эта штука здесь не остановится!

— Точно? — прокричал Готмар.

— Хотите проверить? — прокричал я зло. — Оставайтесь!

Готмар люто сверкнул на меня глазами, его пальцы так и не разжались на кафтане племянника герцога. Кнехты сипло и с натугой дышат, в глазах ужас, когда оглядываются на разливающееся по залу огненное море, но почти с таким же страхом смотрят и на меня.

По лестнице поднимались, приводя дыхание в норму, там внизу желтая лава стала оранжевой, залила зал и начала подниматься со ступеньки на ступеньку.

Без моих понуканий все ускорили шаг. Племянник и кнехты уже полностью пришли в себя и бегут наверх, обгоняя нас. На первой площадке снова остановились, уже не столько перевести дух, как племянник начал спрашивать, откуда мы вдруг выскочили, Готмар сообщил, что его не было месяц, племянник ахнул и заспорил, он-де только сегодня спустился сюда, я прервал обоих и напомнил, что впереди еще непростой подъем, а лава может остановиться на середине лестницы, а может и нет...

Все умолкли, мы поднимались и поднимались, а в спину ощутимо давила сухая жаркая ладонь, словно переполнившийся желтой субстанцией цилиндр прожег дыру в земной коре, и теперь оттуда поступает бесконечная магма.

Глава 9

Лестница вывела в уже знакомый зал, черный и особенно мрачный. Я снова создал шарик огня, даже Готмар отшатнулся от неожиданно яркого света, а Франк и его кнехты отпрыгнули и ухватились за оружие.

— Веревку мы оставили вон там! — сказал Готмар бодро.

Он побежал вдоль стены, я послал шарик огня за ним вдогонку. Мы вчетвером пошли следом, то и дело оглядываясь,

жар становится ощутимее, словно огненное озеро превращается в море.

Вокруг нас сомкнулась тьма, только впереди передвигается освещенное место, да еще за спиной разгорается зловещее багровое зарево расплавленной земли и железа.

Мы ускорили шаг, сэр Готмар стоит под стеной и, задрав голову, неотрывно смотрит вверх. Когда я подбежал, тяжело топая, он даже не шевельнулся.

— Вот здесь, — услышал я сдавленный голос, — вот здесь мы спустились...

Я посмотрел на следы, все верно, свои отличу от любых, задрал голову.

— А где веревка?

Он посмотрел на меня тяжелым взглядом.

— Вон там.

Почти на границе света и тьмы высится покрытая толстым слоем серой пыли горка из той веревки, по которой мы спустились. Падая, подняла тучу пыли, а когда та осела, веревка стала почти незаметной.

— Как же так? — спросил я.

— Не знаю, — ответил Готмар безнадежно, — но сама упасть не могла.

Франк смотрел то на него, то на меня, сказал нерешительно:

— Но... может быть, где-то осталась веревка, по которой спустились мы?

Готмар буркнул:

— Вашу веревку мы нашли сразу, как только спустились. Вон она, кстати.

— Как же, — прошептал Франк, его красивое лицо искаилось в плаксивой гримасе. — Я не хочу даже думать, что кто-то из окружения отца или дяди...

Я прервал:

— Это потом. Сейчас надо думать, как выбраться. Какие идеи?

Готмар развел руками.

— Я не паук, чтобы лезть по отвесной стене. Там кое-где даже уклон в нашу сторону.

Я посмотрел на кнехтов, они замотали головам и даже отступили на шаг.

— Вы, — сказал я сэру Франку, — тоже не муха, чтобыходить по таким стенам, как я понимаю? Или пробовали?

— Вы понимаете верно, — ответил он с горечью. — Нам отсюда не выбраться...

— Мы еще не сгорели, — ответил я. — Давайте так... вы, сэр Готмар, пройдете вдоль стены влево, пока она не кончится... Неважно, стена там или пропасть, а вы, сэр Франк, точно так же вправо. Ваши люди пусть сопровождают своего сюзерена, если вы сюзерен. Вдруг шанс, что обнаружите ступеньки, веревку, уступы... Сейчас хватаемся за все!

Они кивнули и быстро пошли вдоль стены в разные стороны. Я пустил шарик света за Готмаром, он один, а тех трое, сам прислушался в темноте, их шаги удаляются все дальше, торопливо превратился в летающего ящера, ухватил лапой веревку и взмахнул крыльями, поднимая удшающую пыль.

Стена бежала сверху вниз так долго, что я поразился выносливости, с которой спускался так долго. Конец ущелья угадался по легкой багровости свода и черным теням на нем.

Я вылетел почти под потолок, раздались испуганные вскрики. Крылья мои круто повернулись под углом, резкий поворот, я с силой ударил корпусом и распростертыми крыльями в две темные фигуры. Они с дикими криками полетели в пропасть.

Я опустился на землю, третий выдернул из ножен меч. Глаза вытаращенные, меряет меня насмерть перепуганным взглядом, на лезвии блестит багровый огонь упавшего под ноги факела.

— Кто, — проскрипел я нечеловеческим голосом, — кто вас послал?

Он коротко оглянулся, но тут же уставился на меня и пригнулся, готовый к схватке.

— Правильно понял, — сказал я, — от меня не убежишь... Последний раз спрашиваю, кто послал?

Я превратился в человека, тело немилосердно зачесалось, но я смотрел на него немигающим взглядом и старался вы-

глядеть как можно страшнее. Моя рука медленно вытащила из ножен меч.

— Я оставлю тебе жизнь, — сказал я, — если скажешь, кто это затеял. И почему.

Он проговорил дрожащим голосом:

— Мы не знаем почему...

Он бросился с поднятым мечом, но слишком был напуган, да и воин неважный. Я легко выбил меч, ударом рукояти в переносицу сбил с ног. Он барабанялся, я пинком перевернул на спину и приставил острие меча к горлу.

— Так кто послал?

Он прошептал едва слышно:

— Сэр Генетер...

— А он кто?

— Сенешаль...

— Точно?

— Клянусь!

— Спасибо, — сказал и резко всадил меч в горло. — Вообще-то я бываю таким брехлом.

Конец веревки быстро закрепил за вбитый в скальный край штырь, швырнулся во тьму с криком:

— Не спите там!

Прислушивался изо всех сил, наконец веревка натянулась и начала подрагивать. Я вернулся к убитому, обшарил его одежду, с шеи снял амулет, довольно тщательно выполненная коробочка, как старинные часы-луковица, но в ней не завиток женских волос, а горсть странного вида семян. Я пересыпал их себе в карман, позже разберусь, в седле на Зайчике много таких мелких штук зашито.

Над краем пропасти показалась взлохмаченная голова Франка.

Я помог ему выбраться, он упал и прохрипел:

— Скорее... Лава заливает зал...

— Ого, — сказал я.

По веревке кто-то карабкается, я ухватился и принялся тянуть. Франк встал, шатаясь, и тоже взялся помогать.

Это был кнхт, Франк нахмурился, но смолчал, следующим поднялся снова кнхт, Франк вскрикнул:

— А что сэр Готмар?

— Он сказал, — ответил кнхехт хмуро, — пойдет последним.

Веревку мы тянули втроем с такой скоростью, что выдернули сэра Готмара, как рыбу на крючке. Он задыхался, взмокший, с красным распаренным лицом, от одежды отчетливо пахнет дымом, кое-где тлеют коричневыми краями прорехи, а веревка болтается обгорелым концом.

— По... подни... маётся, — услышали мы его хриплый сорванный голос.

Ущелье внизу зловеще багровое, даже стены, то ли от расплавленной магмы, то ли на них падают жуткие блики. Мы щурились, со страхом всматриваясь в этот ужас, что сожжет все, если выплеснется из подвалов замка.

— Уходим, — сказал я.

Готмар указал на труп с перерезанным горлом.

— Их было трое?

— Да, — ответил я. — Уходим.

Он сделал было шаг, но повернулся и посмотрел мне в глаза.

— Он что-то сказал?

— Да, — ответил я кратко. — Сказал.

Он мгновение смотрел, как я повернулся и быстро пошел к последней лестнице, за мной побежали Франк и его помощники. Не оглядываясь, я чувствовал, что Готмар снова замыкает арьергард.

Самое страшное ждало, когда проридались наверх через щель. Я уж подумал, что исполинские плиты под действием тектонических сил сдвинулись за наше отсутствие. Едва не умер, пока проридался наверх, а самое жуткое, что раскаленная лава все-таки заполнила ущелье и залила уступ, где я оставил убитого наемника.

По этой узкой расщелине ей подняться до самого верха — считаные мгновения, я чувствовал настигающий жар, задерживал дыхание, обдирал кожу и наконец вывалился на ступеньки лестницы.

Кнхехты подхватили меня под руки. Я поднялся, шатаясь, сэр Готмар буркнул:

— Надо было мне последним... Неужели еще поднимается?

Франк заглянул в щель, на его лицо снизу пал грозный отблеск багрового огня. После долгой паузы мы услыхали вздох облегчения:

— Остановилось...

— Духу не хватило? — прохрипел Готмар.

— Думаю, просто застывает, — ответил Франк. — Все-таки далеко от недр... Но там уничтожено все! А какие богатства, какие богатства...

Я ощущил упрек, повернулся к нему и скрестил с ним взгляды. Он смотрел дерзко и с обвинением в глазах.

— Какие богатства? — спросил я. — Вы хорошо знаете, как ими пользоваться? Вы вообще хоть знаете, что это? Там был склад магического оружия!.. Не тут ступите, не то тронете — все Ундерленды превратятся в пепел!.. Не только люди и звери — даже земля сгорит!.. Не надо про богатства!

Готмар, к моему удивлению, пробормотал примирительно:

— Теперь не узнать, что там было. Хоть ничего не взяли там, но ничего и не потеряли... Вернемся к герцогу. Мы с сэром Полосатым задание выполнили.

— А какое у вас было задание? — спросил Франк.

— У меня, — ответил я, — отыскать вас после месячного отсутствия. У сэра Готмара — шпионить за мной. Оба мы справились.

Готмар вспылил, но Франк, не давая ему сказать слова, вскрикнул:

— Какой месяц? Я сегодня попрощался с герцогом и спустился в этот подвал!

— Скажите это герцогу, — предложил я.

— И скажу, — пробормотал он упрямо. — Я все помню...

Глава 10

Готмар покрикивал, требовал идти быстрее. Теперь даже не горбится, топор впервые вернулся в чехол за спину. Франк и кнехты едва поспевали за ним, а я шел замыкающим, если что и нападет, то сзади.

Помещение мелко подрагивает, но дрожь чувствую разве что один я, интеллигент все-таки, остальные по сторонам не смотрят.

Когда поднялись в винный подвал, у меня уже подкашивались ноги, на остальных вообще было страшно смотреть. Я первым одолел последние три ступеньки. Пинком распахнул дверь. Навстречу хлынули ослепительные солнечные лучи, двор залит свежестью, челядь деловито суетится, половина из них даже по делу, остальные просто бегают с озабоченными лицами.

Перед донжоном на выносных скамьях герцог Ульрих, Иля, Жозефина с Марией, ряд рукоплещущих рыцарей по старше, а с двух концов двора на снаряженных для схватки конях двое рыцарей с поднятыми кверху копьями подъехали и остановились перед герцогом, склонив перед ним копья.

Трубы пропели еще торжественнее, победители по одному снимали шлемы, чтобы неистовствующая публика увидела лица победителей и воздала им должное.

— Развлекаются, — сказал я потрясенно, — отчество в опасности, а они...

Готмар вышел последним, лицо бледное и осунувшееся, глаза ввалились, как у святого Панфтия на сороковый день голодания. Нас заметили, подняли крик, окружили.

Пока в толпе протискивались к донжуону, навстречу выбежал герцог. Франк ринулся в его распахнутые объятия. Герцог обнимал, хлопал по спине, снова прижал к груди, а когда обратил лицо в сторону Готмара, тот уже вытащил из-за спины огромный топор и встал в боевую стойку.

Герцог вскрикнул:

— Сэр Готмар!.. Что случилось?

Готмар угрюмо посмотрел в мою сторону.

— Я дал слово сразиться с сэром Полосатым, — сказал он глухо. — По возвращении.

Герцог посмотрел с удивлением.

— Нужно ли в такой день, когда все так... гм... когда удалось вернуть сэра Франка живым и невредимым? Впрочем, это ваше дело. Сэр Полосатый?

— Готов, — ответил я. — Если сэр Готмар настаивает. Хотя да, он дал слово, а мужчине слово держать нужно.

Герцог поморщился.

— Хорошо-хорошо. Выбирайте оружие... Устроит место во дворе перед донжоном? Или прямо здесь?

— Прямо здесь, — ответил я.

— Устроит, — ответил и Готмар.

Я вытащил меч, встал в боевую стойку, Готмар хищно развел руки и пошел по кругу, присматриваясь ко мне. Как я разделался с Трандертом, помнит, но уверен, что сам так не попадется.

Я посмотрел на готового к бою Готмара и опустил меч.

— Нам трудно сражаться, — пожаловался я герцогу, — мы с сэром Готмаром перед спуском в подземелье не успели договориться про условные знаки, но не было случая, чтобы не поняли один другого. И вот сейчас вступать в схватку, когда заранее знаем уловки друг друга и вовремя догадаемся, какой замах ложный, какой удар отвлекающий... Такой поединок будет очень длинным, скучным, утомительным и, самое главное, потеряет всю красоту!

Герцог задумался, рыцари шумели, кто одобрительно, кто разочарованно. Я посмотрел на Готмара, тот нехотя опустил щит, а за ним и топор.

— Да, — прорычал он утомленно, — он прав. Мы постоянно... да... ни с кем я еще не ходил в бой так слаженно.

Герцог спросил со странным выражением:

— И что же, вы решили оставить свои разногласия?

Я посмотрел на Готмара и сказал поспешно:

— Ни в коем случае! Мы просто отложим свой поединок.

— На какое время? — спросил герцог.

— Пока не почувствуем, — предложил я, — что сможем показать бой красивый, кровавый и беспощадный!

Герцог повернул голову к своему лучшему рыцарю и начальнику охраны замка.

— Что скажете, сэр Готмар?

— Согласен, — ответил он глухим голосом. — Да, я согласен. Сэр Полосатый сказал то, что я сам хотел сказать. Он просто опередил.

К нам от донжона торопились леди Жозефина с подругами, величественная дюймовочка герцогиня, сгорающая от любопытства, но которая скорее даст себя казнить, чем признается в таком низменном чувстве, слуги и челядины.

Герцог сказал строго, что героям нужно отдохнуть, помыться, одеть что-то чистое и целое взамен изорванного, покоривать, а уж затем узнаем подробности.

Когда я, вымытый и чистенький, явился на пир, к моему удивлению, там уже все было в разгаре. Я думал, что Готмар и Франк в таком состоянии, что не отобьются и от зайцев, однако они довольно уверенно поднимали кубки с вином, кланялись, отвечая на выкрики, и пили, пили...

Я прошел к своему месту, это теперь вблизи герцога, и сел. На меня все уставились с бледными улыбками, а герцог взглянул остро и с недоверием.

— Похоже, — сказал он строго, — сэр Полосатый, вы в самом деле больше всего преуспели в... поджогах. Я просто не понимаю, что можно поджечь в глубинах земли, но вы и там сумели! Я трепещу и надеюсь, что наш замок не провалится в ад, как случилось с владениями сэра Корнуэлла.

Я видел, как медленно бледнеют лица рыцарей, до сильных людей чувство опасности доходит позже, чем до трусливых.

— Ваша светлость, — сказал я уверенно, — все кончилось!.. Лава застыла. По крайней мере застывала, когда мы удалялись гордо и красиво, хотя и быстро, очень быстро. Да и глубоковато она, с Божьей помощью все хорошо, все поют... Почему не поют?

Сэр Готмар обернулся и подал знак музыкантам на балконе. Дирижер взмахнул руками, полилась плавная успокаивающая мелодия, под которую хорошо жевать вегетарианские салаты и диетические блюда без соли и специй.

Герцог вздохнул.

— Хорошо, что все закончилось благополучно.

— Нам повезло, — сказал сэр Готмар.

Рядом с мужем по-матерински улыбается крохотная герцогиня, мне показалось, что она вообще-то и не слушает, занятая тем, чтобы следить за порядком. Зато Жозефина взира-

ет на всю суматоху величественно и надменно, спина неизменно ровная, взгляд холодный, нельзя свое внимание разделять по пустякам.

— Ваша светлость, — заметил я с почтительной гордостью, — осмелюсь куртуазно заметить, на везение рассчитывают слабые! У нас был успех, а не удача. И, если у вас когда-либо появится необходимость в моих скромных... даже скромнейших услугах, располагайте мною.

Он перехватил мой взгляд в сторону его дочери, заметил и то, как по ее губам скользнула легкая, но победная улыбка, помрачнел чуть, потом задумался, бросил испытующий взгляд на Готмара, затем на меня.

— Может быть, — проговорил он медленно, — может быть.

Сэр Трандерт сказал негромко:

— А почему бы сэру Полосатому не дать реабилитироваться?

Герцог, все еще с тяжелыми складками на лбу, спросил хмуро:

— На что намекаете, любезный сэр Трандерт?

— На проблему флота, — ответил любезный сэр. — Воздушного.

Герцог бросил взгляд на меня, отвел взгляд в сторону.

— Нет, это невозможно.

— Почему?

— Потому что невозможно, — повторил он с некоторым раздражением. — Это уже чересчур! Там нужна армия, но она... вряд ли.

Леди Жозефина сказала мне с холодной любезностью:

— Сэр Полосатый, я изволю прогуляться по саду. Вы проводите меня до входа?

— Что за вопрос, леди Жозефина, — воскликнул я. — И даже дальше, дальше, дальше!

Герцог нахмурился, а леди Жозефина произнесла уже совсем строго:

— Нет-нет, сэр Полосатый, только до сада.

— С превеликим удовольствием, — сказал я с чувством. — Располагайте мною, несравненнейшая из всех ледей!

Я подставил руку колечком, но она не поняла значения странного жеста, тогда я протянул руку, и леди Жозефина, едва-едва касаясь ее кончиками пальцев, красиво и ровно-спинно пошла к выходу из зала.

Я семенил рядом, стараясь попадать в шаг, чтобы ее изящные пальчики, не дай Бог, не соскользнули, это же урон моей галантности и учтивости. Перед нами распахнули двери, двор чист и полон водой из колодца, камни влажно блестят, земля между ними черная, жирная, сочная.

По крепостной стене красиво шагают навстречу друг другу закованные в доспехи стражи. На башне тоже бдят, герцог следит, чтобы гарнизон всегда был готов к бою. Странно, если учесть, что здесь не воевали уже сотни лет, если верить рассказам.

Леди Жозефина слегка топнула ножкой в изящной туфельке.

— Сэр Полосатый, вы слушаете?

— Не совсем, — признался я. — Мудрецы говорят, что если хочешь узнать, что на самом деле думает женщина, надо смотреть на нее, но не слушать. Я как раз стараюсь понять, что же вы думаете.

— Ну и как? — спросила она язвительно.

— Не понял, — сказал я еще откровеннее. — А вы что, в самом деле что-то думали? Я имею в виду, красота такое совершенство, что все остальное только мешает.

Она смотрела с сомнением.

— Вы говорите так странно...

— Столичный шик, — объяснил я галантно. — В провинцию все медленно доходит, увы. А ведь и в такой глупи люди, причем — живые! В столице красиво говорить гораздо важнее умения красиво думать.

Она слушала внимательно, лицо медленно погрустнело. Если раньше и была возможность поразить меня герцожьим шиком, то теперь, оказывается, я вообще-то не совсем деревенский, а даже совсем наоборот, столичная штучка.

Мы прошли двор, перед нами за донжоном открылся сад, обрамленный кустами цветущих роз. Мы остановились, я

втянул ароматный запах всеми ноздрями, а леди Жозефина произнесла со вздохом:

— Ласточки низко летают... Как вы думаете, почему?

— Обожрались, — предположил я.

— Ну что вы, сэр Полосатый, — произнесла она укоризненно, — так непоэтично...

— А что? — удивился я. — Здесь комары, как воробы! Вон один клюнул, чуть с ног не сбил... А еще что-то над вами вьется...

Она сказала испуганно:

— Только не бейте, только не бейте! А то у вас такое турнирно-рыцарское лицо... Пусть живет. Может быть, сэра Генетера укусит.

Я спросил настороженно:

— А чем он не угодил?

— Комар?

— Сэр Генетер.

— Один и тот же комплимент третий день говорит! Наверное, выучил с трудом, а теперь всем женщинам...

— А он кто?

— Сенешаль.

— Какой мерзавец, — произнес я с чувством. — Да как он посмел?.. Ладно, я этим займусь. Леди Жозефина, перед вами сад, который вы долго и упорно искали. Я счастлив был вас довести до входа, очень жаль, что не позволили мне ввести себя глубже, но уж ладно, все остальное мне приснится во всех вариантах и во всех подробностях...

Я галантнейшим образом поцеловал ей тонкие аристократические пальчики, откланялся и со скорбным вздохом пошел обратно к донжону, всем своим видом показывая, как до самой глубины души возмущен таким непростительным пренебрежением: мерзавец посмел трижды сказать один и тот же комплимент, скотина!

Сэр Генетер в своих покоях перед большим зеркалом расчесывает пышные и густые волосы. Я тихонько прикрыл за собой дверь, с ходу вытащил меч и приставил к горлу сенешаля.

— Тихо! — шепнул я. — Ничего не говори. Сперва слушай. Кто ты и что ты — это первое. Второе — почему послал

тех троих, чтобы помешали вернуться. Понял? Теперь отвечай. Тихо и внятно.

Он прохрипел, кося обеими глазами на острую сталь перед лицом:

— Это не я...

— Как не ты? — прошипел я. — Я знаю, ты.

— Мне велели...

— Кто?

— Передали приказ из резиденции Его Величества...

— Ого, — протянул я, но голос мой дрогнул. — А почему?

— Не знаю, — шепнул он. — Наверное, там о вас знают больше, чем мы здесь. Или подозревают.

— Из-за простого подозрения могут убить?

Он прошептал:

— Государственные интересы... Что жизни простых людей... или даже знатных...

— Статистика, — согласился я. — А почему нужно было убрать племянника?

— Он единственный, — ответил он уже охотнее, — наследник герцога. У Его Величества другие планы насчет этого замка и принадлежащих ему земель...

Его ладонь все это время по миллиметру подползала к ножу на поясе. Я нарочито опустил меч, сделал вид, что расслабился. Пальцы сжались на рукояти, блеснуло узкое трехгранное лезвие, я отшатнулся, избегая удара, а мой меч вошел до половины в правый бок.

Генетер дернулся, глаза выпучились от болевого шока, когда длинное острье пронзило печень. Я потащил меч обратно, Генетер вздохнул и затих, но пальцы оставались крепко стиснутым на рукояти ножа.

Я вытер лезвие о его одежду, вложил в ножны и вышел, постаравшись одеть нужное выражение лица. По лестнице спускается герцог, вид озабоченный, но когда увидел меня, слегка посветел.

— А, вы здесь, сэр Полосатый!

Я ответил с поклоном:

— Ваша дочь в саду, ваше светлость. Я не осмелился идти следом, все-таки дело интимное, я сам вообще-то люблю под

кустом черемухи да еще под пение соловья... но не хотел бы, чтобы меня застали за таким занятием. А что вы какой-то озабоченный?.. А, догадываюсь. Сэр Готмар рассказал вам подробности?

Он кивнул, лицо стало мрачным.

— Да, кое-что рассказал. Но в голове не укладывается...

— Расположите вдоль позвоночника, — посоветовал я заботливо. — Там тоже мозг, правда!

— Вы что-то можете добавить к его рассказу?

Я оглянулся по сторонам, никто ли не слушает, сказал тихо:

— Ваша светлость, полагаю, сэр Готмар рассказал и о том, что веревки сэра Франка и наши были кем-то сброшены сверху. Я допросил оставшегося, узнал, кто замыслил заговор, и только что его покарал.

Лицо его медленно бледнело.

— Кого, заговор?

— Заговорщиков, — уточнил я.

Его кадык дернулся, герцог не оставлял меня твердым, но встревоженным взглядом.

— Кто?

— Сэр Генетер, — ответил я с сочувствием. — Хуже другое. Это кто-то из окружения Его Величества велел погубить вашего племянника. У них другие планы насчет ваших обширных земель. А Генетер лишь выполнял указания оттуда.

Он прошептал:

— Невероятно... сэр Генетер... Хотя что-то мне говорил и предупреждал еще неделю тому Готмар... Где Генетер? Он у себя? Я велю его немедленно арестовать и допросить!

Я вскрикнул:

— Не шумите, ваше светлости! Это не в ваших интересах. Пусть пока никто не знает, что среди ваших противников уже и сам король.

— Но Генетер...

Я прервал:

— Уже арестован, допрошен и казнен.

Он охнулся, всмотрелся в мое неподвижное лицо.

— Сэр Полосатый, вы... очень быстрый человек.

— Да, — согласился я, — зря хлебалом не щелкаю. Непосредственная угроза ликвидирована. Но будьте осторожны с новыми людьми. Да и старых проверяйте время от времени... Есть же, наверное, нестойкие, что купятся на титулы, должности, земельные наделы...

В дверном проходе показался веселый сэр Трандерт, в руке кубок, в другой — гусиная лапа, помахал приглашающе.

— Ваша светлость, рыцари ждут!.. Сэр Готмар такие чудеса за столом рассказывает!

Герцог вздохнул, усилием воли очистил лицо от тяжелых дум, расправил плечи и ответил звучным голосом сюзерена:

— Иду-иду!.. Сэр Полосатый?

— Иду-иду, — ответил я, как эхо. — Я догоню вас, ваша светлость! Скажите всем, что сэр Генетер споткнулся по пьянни и упал досмерти. Прямо на свой меч. Восемь раз... Хотя что это я, он же один раз упал, я сам видел. Или падучая у него вдруг объявила. Словом, пируйте, а сэры генетеры кровавые в глазах пусть мерещатся мне, я переживу.

Глава 11

Герцог несколько нетвердой походкой ушел с сэром Трандертом, я постоял минутку, стараясь вспомнить, все ли сделал, как лучше завершить мою миссию лазутчика, потом потащился следом.

И почти сразу же негромкий и хорошо контролируемый голос позвал из-за спины:

— Сэр Полосатый...

Я обернулся, мигом увидел ее, наполовину высунувшуюся из-за приоткрытой двери в невзрачную кладовую. Как только она увидела, что оборачиваюсь, сразу же выпрямилась с достоинством, дочь герцога не должна гнуть стан неподобающее.

— Леди Жозефина?

Она сказала тихо:

— Сэр Полосатый, не подходите так близко! А то еще что-то подумают...

— Что случилось?

Она прошептала, глядя очень серьезно и строго:

— Я очень встревожена, сэр Полосатый! У вас было такое лицо, когда я сказала насчет комплиментов сэра Генетера, что я сейчас не знаю, что и думать. Только не затевайте с ним скорбь, умоляю вас!

— Вы к нему неравнодушны? — спросил я.

Она вскрикнула в отвращении:

— Как вы можете? Он отвратителен. Но я не хочу, чтобы дело дошло до дуэли...

Я поклонился, развел руками и скорбнейше вздохнул.

— Поздно.

— Что поздно?

— Заступаться за сэра Генетера, — объяснил он. — За такую непомерную дерзость, как плохо составленный комплимент благороднейшей из благородных ледей, надо отвечать по всех строгости!

Она прошептала, едва дыша:

— И что вы... с ним...

Я гордо расправил плечи и посмотрел ей в глаза недрогнувшим взглядом.

— Как мужчина с мужчиной!

— Это... как?

— Зарезал, — объяснил я свирепо. — Как барана. Пусть в ад учится обращаться с ледями! Никому не позволю недостаточно бережно и трепетно вот так с вами! Вы чудо!.. Вы само совершенство!..

Она заломила руки в очень непривычном для нее чисто женском жесте.

— Ох, сэр Полосатый!.. Вы такое ради меня делаете... Я этого не вынесу. Это слишком! Слишком... слишком...

Она повернулась и пропала в тени, только мои чуткие уши ловили дробный стук каблучков и горестное эхо «слишком, слишком...».

Пир в зале, казалось, и не затихал с того момента, как я его впервые увидел. Только слуг носится вторая смена, пока предыдущие отлеживаются в бездыханном виде.

Герцог на своем троне, герцогиня рядом, место леди Жо-

зефины пустует, зато леди Мария сразу мило улыбнулась мне и послала восхищенный взгляд, но увидела строгое лицо леди Или и сразу увяла, смиренно опустив глазки.

Лицо герцога дернулось, когда увидел меня в дверях, но преодолел себя и царственно медленно указал на место за одно пустое кресло от себя, хотя мог бы, как полагаю, посадить и рядом, сэр Генетер вряд ли придет и сгонит.

— Благодарю вас, ваша светлость, — сказал я с чувством. — Как у вас прекрасно!..

Он выждал, когда сяду, я улыбался и старательно выглядел счастливым, все-таки здесь самые знатные из местных лордов, а также заслужившие почести усердной службой, а я что, мои успехи могли быть случайными, стабильность везде выше внезапного успеха.

Слуги поставили передо мной блюдо, я жестом велел убрать, после третьего милостиво наклонил голову, мне налили вина, а один из слуг встал за моей спиной, готовый обслуживать персонально.

Витерлих пил больше всех, часто провозглашал тосты, дважды с чувством облобызкал Готмара, тот долго брезгливо вытирая щеку, обошел вокруг длиннущего стола и со всеми чокнулся, похлопал меня по плечу, плеская вином на спину.

— Сэр Полосатый, вы великолепны!.. Сэр Готмар многое рассказал!.. Ха-ха... просто чудесно!

Я буркнул:

— Представляю, что он рассказал.

— Не представляете, — заверил он. — Ха-ха, точно не представляете!.. Я впервые не соображу, где соврал, а что правда.

— Франк подскажет, — посоветовал я.

Он отмахнулся.

— Что Франк... Ничего не видел, ничего не слышал, ничего не понял... О, леди Жозефина!

Рыцари дружно встали, леди Жозефина спускается по лестнице прекрасная и величественная, не дочь герцога, а просто королева по манерам и облику, надменному и в то же время с милостивой улыбкой отвечающей на восторженные вопли.

На этот раз она заплела волосы голубыми лентами, а на лбу блестит смарагд в золотом обруче. Там еще масса мелких драгоценных камней, но смарагд, как я понял по восторженному шепоту обалдевших рыцарей, это что-то необыкновенное.

С той же милостивой улыбкой она села рядом с матерью, на меня не смотрит, даже избегает взглядом, хотя я таращусь на нее так же восторженно, как и все, надо, сэр Полосатый, надо.

Герцог то и дело поглядывал в нашу сторону, полагая, что делает это незаметно. На лице такая озабоченность, что я спросил учтиво и с предельной деликатностью:

— Что за хрень мучает вашу светлость? Все хорошо, все поют! Даже играют без подсказки, стоит им только кулак показать. Или у вашей светлости для меня еще поручение?

Он невольно отшатнулся.

— Нет-нет, сэр Полосатый! Только не покидайте застоля... Эй, налейте нашему гостю лучшего вина! Еще!.. Что это за мелкая чаша, подайте золотой кубок!

Сэр Трандерт поднялся со своего места и с кубком в руке обошел гостей, иногда похлопывая кого-то по плечам, но остановился возле герцога и что-то нашептывал на ухо. Герцог хмурился, поглядывал на меня и качал головой.

Леди Жозефина одарила меня милостивым взором где-то второй, а то и третьей степени. Голос ее потеплел на полградуса, но прозвучал все так же ровно и контролируемо:

— Сэр Полосатый, как вам вино из наших подвалов?

— Отменное, — заверил я. — Просто чудное! Думаю, и в самом Геннегау пользовалось бы спросом.

Легкая тень набежала на ее безукоризненное лицо, а я смотрел с восторгом и готовностью поддержать и поддакнуть любому ее хвастовству.

— Мы рады, — произнесла она светски, — что вам здесь нравится. Мой отец очень гостеприимный человек.

— Полностью согласен, — заверил я и сказал пылко, — потому я и готов для него на всяческие подвиги! Драконы у вас водятся?

— Нет, — ответила она чуть растерянно, слишком уж я неожиданно, — вам же сказали, что нет, не водятся...

— А я уже забыл, — признался я. — Рыцари ничего в голове не держат, кроме милостивой улыбки своей дамы! Но жаль, что драконов нет. Так люблю бить этих больших ящериц... Это считается подвигом, хотя для меня так, пустячки.

Герцог все чаще поглядывал в нашу сторону, сэр Трандерт сказал что-то энергично ему на ухо и отошел.

Герцог тяжело вздохнул, обращенный ко мне взор стал страдальческим.

— Сэр Полосатый, — сказал он тускло, — я смотрю, вы так стараетесь заслужить расположение леди Жозефины...

Я ответил лихо:

— А как еще обратить на себя ее внимание? Паук принесит паучихе жирную муху, мол, смотри, какой я лихой охотник, а рыцарь — голову дракона!

Он покачал головой, тревожное выражение не покидало его лица, хотя натужно улыбался и держал голос приподнято веселым.

— Голову дракона? — переспросил он. — Да, конечно...

Я посмотрел на леди Жозефину, выпятил грудь и спросил лихо:

— У вашей светлости для меня есть еще поручение?

Он переспросил:

— А что, сэр Полосатый, вы снова готовы на подвиги?

Мне показалось, что в его голосе больше тревоги, чем радости. Я снова посмотрел на сдержанно улыбающуюся леди Жозефину.

— Всегда готов, ваша светлость!.. Прямо вот ишу, где бы еще совершить подвиг или хоть что-нибудь, если не подвиг!.. Когда жизни нет, остается искать место подвигу.

Герцог спросил с недоумением:

— Нет жизни?

Я указал глазами на его дочь.

— Да вот леди Жозефина холодна, как рыба об лед, а без этого что за жизнь?

Он невольно улыбнулся.

— Она к вам не холодна, сэр Полосатый, уж поверьте ро-

дительскому опыту. Еще как не холодна! Но вы правы, чтобы окончательно воспламенить ее неприступное сердце, нужно в самом деле совершить что-то еще... значительное.

— А что? — спросил я и, выставив вперед ногу, снова попробовал подкрутить воображаемые усы.

Он посмотрел по сторонам, рыцари уже перестали прислушиваться, разбились на группки, пьют друг с другом, а сэр Витерлих безуспешно пытается вернуть общность рыцарского застолья.

— Сэр Полосатый, — проговорил он в некотором затруднении, и я понял, что тема достаточно щекотливая, а то и вообще деликатная, — я сюзерен Ундерленда, остальные лорды в герцогстве — мои вассалы. Так случилось, к счастью, не при мне. Мои деды-прадеды отличились в междоусобной войне, в которой побежденных было много, а победителей... мало. Словом, мой предок, барон Аугсбург захватил власть, его признали герцогом Ундерленда...

— Великий человек был, — сказал я с надлежащим видом и завистливым вздохом. — Славное время подвигов!..

Он посмотрел несколько неопределенно, в его глазах я на миг увидел отражение своей глупой физиономии.

— Да, — произнес он, — да... С тех пор в герцогстве войн не было. Ни одной. Барон Аугсбург, став уже герцогом, сумел поставить дело так, что все споры между рыцарскими кланами разрешались не мечами, а его словом. Но время шло...

Он сделал паузу, а я сказал торопливо:

— Ваша светлость, это так знакомо!.. Центробежная сила, укрепление власти на местах, накопление богатств, налогов центру отдают все меньше, ссылаясь на трудности... словом, все подталкивает к тому, чтобы начинать рычать на центральную власть, а то и показывать зубешки. Так?

Он посмотрел с удивлением.

— А вы... гм... получили неплохое образование, сэр Полосатый.

. Я возразил застенчиво:

— Да что вы, ваша светлость! Это я от природы такой умный. Сам порой изумляюсь: и умный, и красивый, и вообще

весь в белом... Значит, вашу власть уже начинают ставить под сомнение?

Он выставил вперед ладони.

— Нет-нет, еще никто... Просто усиление некоторых лордов вызывает тревогу. А тут еще Его Величество пожаловал. И хотя это мое герцогство и король у меня всего лишь гость, но положение довольно двусмысленное, я все-таки вассал... А тут я на беду допустил некоторый промах...

— Что случилось?

Он пожевал губами, мне показалось, что избегает моего взгляда.

— Лорд Кристин построил скайлер. По договору между моим предком герцогом Аугсбургом и всеми прочими лордами, только герцог имеет право на скайлеры, а все остальные должны довольствоваться простыми джаггерами. Ну, вы понимаете, зачем это сделано...

— Конечно, — ответил я. — В джаггерах, если я правильно понял, можно летать вдвоем-втроем, не больше, а в скайлерах можно перевозить сотню воинов, а то и рыцарей, если те не погнушаются. А это уже подготовка к мятежу!

Он вздохнул.

— Его Величество прибыл очень некстати. Лорд Кристин сразу же пообещал сделать такой же скайлер и для него, чтобы можно было Его Величеству со всем королевским двором...

— И что ответил король?

— Пока ничего, — сказал герцог. — Понимает, положение непростое. Но к лорду Кристину отнесся с повышенным вниманием. И всячески обласкал.

— Это нарушение равновесия, — вставил я. — И всех международных, в смысле, межземельных норм!

Он посмотрел на меня снова с удивлением.

— Очень точно.

— Лорд Кристин нарушает сложившийся порядок, — сказал я. — А это чревато боком. А также ведет к непредсказуемым и темным последствиям.

Герцог кивнул.

— Словом, Его Величество еще не выбрал, кого поддержать.

— Закон или выгода, — пробормотал я, — да, выбирать трудно как раз в полукоррумпированном обществе. Вот до или после — нет проблем!

— Гм...

Я отодвинул тарелку и отвесил короткий поклон, хотя из положения сидя это делать трудно. Лицо держу строгим и значительным, на герцога постарался смотреть преданным взглядом отважного и даже лихого искателя приключений.

— Ваша светлость, с вашего позволения не стану тратить времени на долгие сборы.

Его лицо посветлело, но только на миг, тут же тень набежала на мужественное лицо лорда и правителя.

— Погодите! Что вы собираетесь делать?

Я выпрямился и преданно посмотрел в глаза.

— Как что? Я же посланник мира и дружбы!.. Постараюсь убедить в необходимости сохранять и поддерживать равновесие в мире. Никакого опасного одностороннего вооружения!.. Это чревато экономическими и прочими гуманитарными акциями.

Он вздохнул с облегчением.

— Спасибо, эти слова я и хотел бы услышать, но... почему-то не надеялся. Простите, сэр Полосатый. Ваши слова полны мудрости.

А уж поступки так ваше, мелькнула мысль, нo вслух сказал бодро:

— Это потому что в этом замке все пропитано вашей мудростью, благородный сэр Ульрих! Я вот потерся здесь, пропитался. Вы, как светоч, со всеми делитесь своим светом.

— Спасибо, сэр Полосатый, — сказал он растроганно. — Спасибо! Как только соткете себя в состоянии, идите и поступайте в соответствии со своими словами.

Щас, ответил я мысленно, ребенок я, что ли, в соответствии со своими словами, во загнул, наивный, но вслух заверил со всей искренностью:

— Конечно, ваша светлость! Считайте, операция по принуждению к миру уже началась.

Я поднялся, поклонился сперва леди Жозефине, она вскинула брови и смотрит в высокомерном ожидании, безукоризненная, высеченное из мрамора олицетворение красоты благородной девушки из высшего круга.

Демонстративно подавив горестный вздох, я повернулся к герцогу и отвесил почтительный поклон.

— Ваша светлость...

Он спросил с беспокойством:

— Что, уже?

— Конечно, — ответил я. — Лучший пир для мужчины — кровавый бой, когда под крики убитых мертвцевов идешь по колено в крови, врага поишишь настоящим вином сражения и славы, спотыкаешься о срубленные головы и поскользываешься на вывалившихся кишках, они всегда почему-то скользкие... Мое сердце берсерка тоскует о таких славных днях, когда бьешь других по голове и получаешь сам... разве это не высшее наслаждение?

Я говорил громко и с энтузиазмом, рыцари захлопали, потом поднялись с кубками в руках и заревели могучими голосами походную песню. Думаю, некоторые, судя по их лицам, уже сочли себя в полевом лагере, что готовится к битве.

Я раскланивался, прижимая руку к сердцу, вскидывал длань и потрясал в воздухе, леди Жозефине рискнул послать издали воздушный поцелуй, но снова, дура, не поняла, и я сказал громко, вздернув подбородок и не забыв его чуточку выпятить:

— До встречи в зале Славы!

Глава 12

Я проверил, как вытаскивается новый меч, мне подарили другой, получше, лук у меня свой, да никто и не рискнул предложить альтернативу, чувствуют его мощь, а тем временем из конюшни вывели великолепного коня.

— Ого, — сказал я, — это мне?

— Теперь это ваш, — ответили оба конюха, они повисали на удилах, стараясь удержать жеребца, но он вскидывал голо-

ву и поднимал их играючи. — Его светлость изволил повелеть...

— Передайте мою учтивейшую благодарность, — сказал я растроганным голосом. — У меня никогда такого коня не было. Никогда! Да и меч... чудо, а не меч!

Вообще-то я не всегда брешу по необходимости, а часто вот так, чтобы сделать человеку приятное. А с моей памятью брехать можно много и часто, ничего не забуду, не перепутаю и не попадусь.

Я красиво вскочил в седло, это одна из обязанностей рыцаря, чтоб все красиво и без видимых усилий. Это простолюдин может залезать на лошадь, пыхтя и охая, а мы просто обязаны врать во имя красоты и изящества.

Ворота заскрипели, простор открылся с голубым небом и зеленым лесом далеко впереди. Я вскинул руку в прощании, вдогонку закричали с пожеланиями доброй дороги и удачи, вот же простолюдины, не хотят заслуженного успеха, им хлявшую удачу подавай, сухая земля гремела под копытами, застоявшийся конь все набирал скорость, радуясь возможности размяться.

Вереница нагруженных телег тянется в замок, но некоторые торговцы везут поклажу во выочных тюках, свисающих с обоих боков лошадей и мулов. Простые и бесхитростные люди, не нужно всегда выглядеть с достоинством, смотреть красиво и гордо, следить за манерами, они горбятся, чешутся, сопят, громко портят воздух и вытирают сопли об одежду, простому человеку все можно!

Я проехал по широкой дороге между полями со зреющей пшеницей, скоро жатва, впереди бугристая равнина, почти все холмы заняты либо виноградниками, либо пасется скот. Ундерленды заселены намного плотнее даже Брабанта, не говоря уже о всем Сен-Мари... За спиной послышался настигающий стук копыт. Насторожившись, я повернулся в седле, одновременно хватаясь за рукоять меча. Из-за поворота дороги выметнулся на храпящем коне сэр Готмар. Его жеребец на крутом повороте красиво закидывал ноги и красиво разевал гриву, а ноздри широко раздуваются от бешеної скачки.

Я придержал коня, Готмар натянул повод и остановился рядом со мной. Я холодно молчал, все ясно, требую объяснений, он засопел недовольно и вынужденно буркнул:

— Его светлость поручил мне сопровождать вас, сэр Полосатый.

— Поручил? — переспросил я.

— Да!

— Или это было ваше желание? — уточнил я.

Он зло оскалил зубы.

— Это было и мое желание, если вам так угодно, ибо не доверяю вам. Как и не доверял с самого начала! Герцог со мной все-таки согласился и позволил участвовать.

— В чем? — спросил я. — Ну в чем, а?.. Вы даже не знаете, что я собираюсь. Снова будете всего лишь шпионить.

Он подобрал поводья.

— Советую, сэр Полосатый, не тратить время на обвинения. Когда вернемся, я не стану откладывать наш поединок.

Я сказал холодно, начиная заводиться:

— Так в чем дело? Можем здесь и сейчас.

— Это идея, — сказал он зло и снял с крюка на седле притороченный топор. — Здесь и сейчас!

— Защищайтесь, — сказал я.

Он вскинул топор, лицо злобно-свирепое, взмахнул, я быстрым движением отвел лезвие его заточенной до остроты бритвы стальной болванки в сторону и тут же ударили плашмя слева по голове. Он всхрюкнул, зашатался и рухнул с коня на землю, как мешок с зерном.

Я успокоил свое животное, повернулся в сторону дороги и послал легкой рысью. Сердце колотится часто и возбуждено. Усилием воли заставил себя забыть про этого преданного герцогу дурака и подумать о том, что занимает все это время. Если у себя герцог тщательно охраняет летательные аппараты от посторонних, даже от своих прячет, то здесь смогу что-то понять, а то и захватить для собственного пользования. С скайлерами и джаггерами что-то совсем странное, даже непонятно, чего больше: магии или науки. Ситуация как с жуками: по всем законам науки не могут летать, но... летают.

За спиной послышался конский топот. Я не поверил

ушам, судя по стику, меня догоняет конь Готмара. Обернулся, Готмар покачивается в седле из стороны в сторону, кровь течет со лба и заливает левый глаз.

— В чем дело? — спросил я раздраженно. — Мало?

Он ответил хрипло:

— Я не могу вернуться обесчещенным!.. Защищайтесь, сэр Полосатый!

Я выхватил меч, потому что он уже в ярости послал коня в атаку, а сам вскинул над головой топор. Звон, лязг, рука даже не дрогнула от удара, когда отбил с такой легкостью, что его секира выпорхнула из ослабевшей ладони, как крупная живая рыбина.

Готмар пошатнулся, однако совладал со слабостью и выхватил кинжал. Я сказал зло:

— Не смешите, сэр Готмар.

— Защищайтесь, — прохрипел он.

— А вот не буду, — ответил я. — Но на этот раз просто убью. Сразу. Я вовсе не милосерден, сэр Готмар... А оправдание себе всегда найду! Например, род человеческий от дураков надо чистить. Но, отдавая должное вашему упорству и тупому мужеству, я готов позволить вам следовать за мной и шпионить дальше. Но с условием, что старший я, а вы подчиняетесь каждому моему слову. Поединок же отложим до возращения. Согласны?

Он покачивался в седле, лицо у него было такое, словно видит когда двух сэров Полосатых, когда четырех.

— Если мне подчиняться, — проговорил он сиплым голосом, — то зачем... ехать?

— Минимизировать потери, — пояснил я. — Потери противника, конечно. Чтобы я не поджег чего лишнего.

Он проговорил с трудом:

— Ну, если так... Прежде всего — задание.

— Вот и прекрасно, — ответил я сухо, злой на себя, что опять уступил, снова поддался какой-то не свойственной мне, надеюсь, сентиментальности. — Только... не попадайтесь под ноги. И под руки. Они у меня, сам иногда удивляюсь... не для гуманитарных миссий. Я гуманистарий там, в

глубине, а они совсем даже наоборот, если вам нужно подробно.

Он промолчал. Я повернул коня, некоторое время ехали молча. Я прикидывал, что джаггеры должны охраняться не плохо, а скайлеры — в особенности. Если сядет за руль какой-нибудь пьяный дурак, сможет безнаказанно сбрасывать камни и мебель на головы абсолютно беззащитных, пока не догонят на других дирижаблях. А там уж не знаю, изрешетят стрелами, чтобы упал, или же зацепят крюками и приволокут в место стоянки.

Но вся охрана, понятно, внизу, и если поднимусь выше облаков и растопырю крылья в восходящих потоках теплого воздуха, то смогу безнаказанно рассматривать проплывающие внизу аппараты. Их пассажиры если и смотрят иногда в окна, то их интересует земля, над которой проплывают, в крыше вообще вряд ли есть окна.

— Насколько серьезно, — спросил я, не поворачивая головы, — лорд Кристин намерен бросить вызов герцогу?

Готмар пробормотал:

— Вызов? Я об этом не слыхал.

— Но зачем же герцог попросил меня...

— Герцог велел, — поправил он неприязненно.

— Попросил, — сказал я с нажимом. — Я гость, а не служа!.. Именно попросил решить проблему, которую не может даже поручить ни вам, ни кому-то еще из вас подобных.

Он стиснул челюсти так, что рожа окаменела, а в маленьких глазах ничего не осталось, кроме ненависти.

— Это ваше право, — проговорил он перехваченным от злости голосом, — как трактовать слова герцога. Я считаю, что велел!.. И уверен, мы и сами могли бы справиться с любой проблемой.

Я поинтересовался саркастически:

— Тогда почему же поручено мне?

Он ответил с издевкой:

— Его светлость бережет своих людей. А вот если чужак сгинет, его не жалко.

Я подумал, пожал плечами.

— Резонно. Хотя есть цели, ради которых даже свою жизнь отдать не жаль. Хотя вам понять такое трудновато.

— А вам немыслимо, — отпарировал он.

— Но говорю об этом я!

— Для вас это одни слова, — сказал он презрительно. — Вы даже не знаете, что они значат.

— Я-то рыцарь, — сообщил я надменно, — а вот вы — хрен в конопляном поле. Шпоры, сэр Готмар, на задних ногах еще не делают мужика рыцарем.

На долину пала легкая призрачная тень, блеск доспехов угас, зато бледная луна в пока еще синем небе стала ярче. Толстенькие кучевые облака печально растянулись в лепешки, полиловели и застыли на фоне такого же непривычно бледного заката.

Дорога пошла вниз, по обе стороны поднялись сперва холмы, затем крутые откосы, где так хорошо устраивать засады. Я задействовал все умения, всобаченные мне предками Валленштейна, вроде бы тихо, но береженого Бог бережет...

Впереди стелется туман, сперва плыл мелкими клочьями под конскими копытами, потом загустел, начал подниматься. Когда достиг груди моего коня, я ощутил неясную тревогу, в тумане что-то может подкрасться и цапнуть за сапог.

— Впереди туман еще гуще, — сказал за моей спиной Готмар.

— Будущее всегда туманно, — изрек я умно. Подумал и добавил: — Будет туман — пробьемся, не будет — напустим. А что вас пугает?

— Меня только криворукые пугают, — буркнул он.

— То-то у вас такие широкие рукава, — заметил я.

Из тумана впереди простило раскоряченное дерево совершенно без листьев и мелких веток, а на толстом суку висит, покачиваясь без ветра, большой рог.

Я подъехал ближе, протянул руку. Готмар сказал резко:

— Этого делать нельзя!

— Почему? — спросил я.

— Не знаю, — отрезал он.

— А что будет?

— Не знаю, — повторил он. — Но, говорят, это вот приносит несчастье.

— Язычники, — сказал я презрительно. — Господи, какая дикость, в приметы верят! Может быть, даже в черную кошку или бабу с пустыми ведрами.

Пальцы ощутили холодную и блестящую, как намазанную жиром, поверхность. Я чувствовал даже холод крохотных капелек влаги, конденсировавшихся из тумана.

Готмар уже проехал мимо, развернулся в седле. Глаза его полезли на лоб, а лицо раздулось от гнева.

— Сер Полосатый, не смейте!

— Но для чего он тогда висит? — возразил я. — Зачем, скажите, развиселся здесь на дороге?

— Подвесили очень давно...

— И что?

— Уже никто не знает...

— Пора узнать, — ответил я надменно.

Рог медленно и тяжело покачивался на цепи, как Царь-колокол, который все же подняли и подвесили. Я с трудом повернул его узким концом к себе и осторожно приложил губы к тому месту, где должен быть мундштук.

— Сэр Полосатый! — прокричал Готмар.

Он даже развернул коня и послал ко мне вскачь, но я сорвался с духом и тихонько дунул. Полагал, что просиплю или даже легонько ревну, однако раздался буквально грохот, я едва распознал в нем чудовищно мощный и грозный глас этого рога.

Я в ужасе отдернул руки и отшатнулся в седле. Сердце колотится, что я за дурак, по телу ледяной озноб и чувство, что совершил огромную глупость.

Готмар соскочил с коня и, опустившись на колени, обхватил голову руками. Я огляделся в смятении, почему-то показалось, что сейчас из-под земли полезут мертвяки.

Готмар закричал бешено:

— Сэр Полосатый! Из какой беззаботной страны дураков вы явились?

Я сказал дрожащим голосом:

— Все удовольствия в жизни надо пробовать, как говорят древние мудрецы.

— Так обрубите себе руки! — крикнул он в ярости. — И попробуйте жить без них, если так говорят ваши древние идиоты!

Глава 13

Далеко в тумане раздался мощный вздох, земля дрогнула и качнулась. Я перешел на тепловое зрение, расплывчатые багровые силуэты появлялись из ниоткуда, я насчитал четырех, все выше меня как минимум на голову и шире вдвое.

Все неспешно идут в нашу сторону, медленно расходясь, чтобы зайти и с боков. Конь задрожал и попятился. Я пытался удержать его, но тот в панике мотал головой и пытался вырваться.

Я соскочил на землю, конь тут же развернулся и унесся прочь.

— Берут в клещи, — определил я, — это хорошо. Значит, опасаются.

Готмар прохрипел раздраженно:

— Темно! Я ничего не вижу!

— Счастливый... — ответил я. — А я вот их вижу.

— Точно?

— Как вас, — заверил я. — Могу спутать.

Шагов с десяти начали прступать сквозь туман массивные фигуры. Все похожи на людей, но поверх кожи тускло отбликиваются в лунном свете костяные пластинки. Передний остановился, поднял голову и начал принюхиваться.

Готмар сказал шепотом:

— Теперь и я зрю. Учует?

— Вам виднее, — буркнул я.

— Почему мне?

— Вы похожи, — ответил я. — Солидностью, походкой, эдаким врожденным аристократизмом. И манеры, манеры...

Он засопел, но смолчал, монстр повернул голову в нашу сторону. В темноте глаза из зеленых превратились в красные и продолжали разгораться. Вспыхнули глаза и у других.

Готмар зашептал нечто, я слышал по звуку, как он перехватил поудобнее топор. Я снял с плеча лук, торопливо наложил стрелу.

— Не получится, — сказал он. — Лучше вытаскивайте меч.

— Меча моего нет, — ответил я с горечью.

— А этот?

— Это так, говно вроде вашего топора... Эх!

Я оттянул тетиву и, выбрав взглядом цель, выпустил стрелу. Передний монстр уже перешел на быстрый шаг, а когда стрела ударила его в глаз, почти бежал. Глаз сразу погас, чудовище сделало еще два шага и рухнуло под ноги остальным.

Они с ревом переступали его и тоже ускоряли бег. Я выпустил три стрелы, четвертый набросился на Готмара. Тот отскакивал и рубил по костяным щиткам. Красиво взлетали мелкие щепки и даже высекались искры. Я приставил лезвие к спине чудовища, выбрал щель и, действуя, как шпагой, с силой надавил.

Ужасающий рев потряс нас обоих. Монстр молниеносно развернулся, я не успел уклониться, мощная оплеуха отшвырнула на несколько шагов. Я грохнулся на спину, монстр подбежал ко мне, а сзади за ним бежал с поднятым топором Готмар.

В последний момент он выбросил топор, ухватился за торчащий из спины чудовища клинок и налег всем весом. Монстр взревел, развернулся, сбил человека с ног, но сам шатался, и я, вскочив, подобрал топор Готмара и ударил с размаха в морду.

Кости хрустнули, монстр взревел тише, уже обреченно, упал на бок, задергал лапами. Из темноты поднялся Готмар, вытер кровь с разбитой скулы.

— Ну, зверюга... Если бы добежали все, нам бы не справиться.

Я сказал с удивлением:

— Разве? Я был уверен, что вам одному с ними делать нечего.

Он сердито засопел.

— Ну, вы несколько преувеличиваете. Хотя, конечно, если сильно разозлиться...

— Тихо, — прервал я.

Он послушно застыл. В тумане что-то есть еще, я напрягал все чувства, шепнул Готмару, чтобы тот шел за мной, а сам двинулся вперед с обнаженным мечом в руке.

Мало того что туман, еще и ночь, а луна злорадно спряталась за тучей. Я чувствовал себя гремучей змеей, настолько старательно пытался хоть что-то увидеть в тепловом диапазоне.

Жаль только, что у Готмара такой же багровый силуэт, как и у всех. И если на нас набросятся...

— Тихо, — шепнул он. — Вон там на уступе кто-то есть...

— Где?

— Да вон же...

Я напряг зрение, не понимая, как Готмар видит, если даже я пасую, наконец рассмотрел слабый багровый свет, сделал пару осторожных шагов, стараясь угадать, где голова, где туловище. Верхняя часть слегка темнее. Значит, на голове экранирующий тепло металлический шлем, неизвестный одет в нечто плотное, вроде толстых доспехов из кожи с металлическими бляшками, но вот тут ярко...

Готмар зашипел, когда я натянул лук.

— С ума сошли!.. Он же поднимет шум!

— А вдруг не поднимет, — ответил я и отпустил тетиву.

Легонько щелкнуло, стрела ушла в туман. Далекая багровая фигура дрогнула и повалилась на землю. Готмар исчез впереди, а когда я кое-как добрался до него, он обшаривал убитого.

— Удачный выстрел, — сообщил он. — Прямо в горло.

— При чем тут удача?

— Повезло же!

— Это не везение, — буркнул я.

Я огляделся, коня давно нет, это не мой Зайчик, что будет драться рядом. Конь Готмара удрал наверняка еще дальше.

— Я пошел, — сообщил я, — а вы, любезнейший сэр Готмар, можете простолюдничать дальше.

Через минуту я услышал за спиной торопливые шаги и угремый голос:

— Нужно было посмотреть, кто они такие.

— И что нашли?

— Всего пару монет.

Я сказал язвительно:

— Вы, конечно же, оставили их в карманах убитого?

Он зло засопел и не ответил. Я тихонько шел впереди, просматривая туман в тепловом диапазоне, но все равно сперва услышал дрожание почвы, затем далеко впереди мелькнула искра.

Подрагивание земли усилилось, я торопливо огляделся по сторонам, искра становится крупнее, нечто опасное движется в нашу сторону.

— Сюда, — позвал я, в сторонке от дороги яма, Готмар скатился в нее следом за мной. — Ждем...

— Кто это? — прошептал он.

— Вам лучше знать, — прошипел я. — Аборигены, своих не узнаете.

Искра превратилась в пылающий багровый, а затем и оранжевый силуэт всадника на коне. Земля ощутимо вздрогнула, а когда конь с галопа перешел на рысь, слышались сухие удары в землю, словно били тяжелыми молотами.

Из тумана вынырнула конская голова, за нею и весь конь с ужаснувшим меня всадником: весь из металла, как и конь. Рядом придушиенно охнул Готмар, глаза выпучиваются, как у рака, а рот открылся для вопля, но так и застыл, наподобие скворешника.

Стальной всадник на стальном коне остановился на уступе, в яме под которым мы затаились. Камень начал потрескивать под его тяжестью, я слышал жар разогретого металла.

Стальной конь, стальная упряжь, я с дрожью в коленях видел, как шевелится при движении конской головы уздечка, как позывкают ремешки, а стальные конские ноздри раздуваются, выпуская струи раскаленного пара.

Давно не приходилось прятаться, мелькнула смятенная мысль. Только начал задирать нос, что майордом, а не хрень собачья, как на тебе щелчок по дурной башке.

А стальной всадник, это не медный, что за бедным Евгением скакал, этот если поскакет, то догонит.

— Как с ним сражаться? — прошептал Готмар.

— Никак, — ответил я еще тише.

— Тогда не пройти.

— Умный в гору не пойдет, — ответил я.

Всадник поглядел по сторонам, тронул повод, и конь пошел дальше за мгновение до того, как земля обвалилась к нам в яму. Готмар захрюкал недовольно, однако барабанчился молча, выползая на поверхность, как крот из своей кучи, или даже вылупившийся из куколки навозный жук.

— Еще чуть, — пробурчал он за спиной, — и увидим замок. Но у сэра Кристина очень хорошая охрана. Замок охраняют княхты и легкие всадники, а за скайлерами следят рыцари!

— Ого, — буркнул я. — И не зазорно?

— Охранять скайлеры?

— Служить в охране.

— Они не служат, — сказал он язвительно. — Они охраняют. Скайлеры. Это совсем другое, чем служба. Но вам разницу не понять; верно?

Я прикинулся, сколько еще идти, ощутил растущую злость и обернулся к нему, злой, как кобра.

— Знаете ли, сэр служака! Вы мне не просто осточертели, вы вообще занимаете чужое место!..

Он отшатнулся, озадаченный и даже ошеломленный вспышкой непонятной злости.

— Чужое?

— Да! — отрубил я со злостью.

— А... кто...

— Да куда вам сообразить! — прорычал я злобно. — На вашем месте должна быть хрупкая и пугливая красотка с вот такими!.. Я имею в виду глазами. Она визжит и пугается, но в нужный момент выстрелит, испуганно зажмутившись, в затылок здоровенному гаду, когда тот будет меня додушивать, а вы же разве так сделаете со своими кривыми ручками?.. Я ее буду постоянно спасать, а когда начну то и дело расшибаться с высоких скал о камни внизу, она пугливо спросит, о'кей ли я, на что я мужественно окейну, поднимусь и продолжу спа-

сать мир, потому что за моими плечами она, которая верит, а для мужчины это так важно, нам этого так недостает, а женщины, дуры, этого не понимают!.. А вы в меня верите?

Он прохрипел:

— Ни хрена не понял, но... верю... если вам это так надо...

Я вздохнул и сказал с укором:

— Что-то сил не прибыло. Хреново верите! Убежденность какая-то неубедительная. По воде с такой верой не пойду, точно. Христос сказал, все на вере, все на вере. Как в стране, которую аршином общим по голове... Вот так и мир может хрюкнуться от безверья. Ладно, хватит лежать, пошли быстрее... В самом деле, что понимать, верить надо.

Туман окончательно истаял, за это время вечер незаметно перетек в ночь, прекрасную и чистую, наполненную призрачным лунным светом и тем очарованием, когда трепещущекрылье феи и мелкие эльфики снуют в теплом напоенном ароматами воздухе, а никакие не жучки и не светящиеся мухи.

Готмар брел сзади с таким видом, словно высматривает место между моих лопаток, но я не роговой Зигфрид, у меня вся спина голая и беззащитная, остановился и подождал, чтобы он шел рядом.

Усталый и злой, он буркнулся:

— Вот там дальше первая сторожевая башня.

— Что за башня? — потребовал я.

— Межевая, — сказал он нехотя. — Дальше владения сэра Кристина. Он любит, чтобы все было под его надзором.

— И что, — спросил я недоверчиво, — там сидит некто и берет плату? Не при въезде на мост, не на городских воротах... а просто при пересечении незримой границы?

Он покачал головой.

— Нет, но смотрит, чтобы не вторгались чужаки с оружием. Потому во владениях сэра Кристина практически нет разбойников.

— Разумно, — согласился я. — А что он с ними делает?

— Сэр Кристин?

— Нет, этот страж.

— Убивает, — ответил Готмар лаконично.

— Один? — переспросил я.

— Один, — ответил Готмар.

Я остановился.

— Ладно, тогда изменим тактику. Если он так силен, то пойдем порознь. Сперва я, а если что со мной, вы со всех ног к герцогу! Скажете, что... словом, скажете.

Он смерил меня угрюмым взглядом.

— А почему не пробовать низинками, оврагами, распадками?

— Боюсь, тот гад все равно увидит.

Он побурчал, но остался, а я пошел по дороге, ступая твердо и уверенно, взгляд вперед, где далеко-далеко на пологом холме серебрится неземным серебром залитый лунным светом роскошный замок.

Придорожная башня выросла внезапно, настолько тонкая, что я начал искать взглядом прилепленную к ней лестницу. Странно, если она внутри, то стены должны быть из папиросной бумаги.

Голос сверху прозвучал резкий и требовательный:

— Стой! Кто идет?

— Свои, — ответил я.

— Свои коней крадут, — прозвучал голос. — Стой, я тебе сказал!

— Я ж еще не подошел, — ответил я. — Тебе же легче, не надо надрывать горло.

Но шаг я замедлил, а то подумает, что собираюсь проскочить бегом. На самом верху башни утолщение, как головка мака, даже с такими же ребрами, только не зеленая, а коричневая. Из широкого окна высунулся по плечи мужчина и грозил мне кулаком.

— Стой!

— Встал, — ответил я и остановился. — Что теперь?

— Ты мне очень не нравишься, — ответил страж. — Что-то в тебе есть опасное... Потому поворачивай и топай обратно.

— Всего-то? — спросил яsarкастически. — А если откажусь?

Голос стража мгновенно наполнился лютой злобой, словно давно отвык слышать возражения:

— Ты умрешь!

— Да ты хоть покажись, — попросил я. — Что там у тебя за лук?.. Неужели лучше моего? Давай сравним, это интересно.

Он высунулся из окна больше, а потом, я не поверил глазам, просто вывалился головой вперед. Я инстинктивно ожидал, что с такой высоты превратится в кровавую лепешку, но страж раскинул руки в момент приземления и опустился так, словно соступил с невысокой ступеньки. Лицо его было страшным, страшнее, чем у любого зверя, потому что это лицо человека.

— Впечатляет, — признался я. — Правда, это и я умею.

— А это умеешь? — прошипел он и быстро вытянул в мою сторону руку с растопыренной пятерней. Я был готов, и едва оттуда полыхнул огонь, сам растопырил пальцы навстречу. Огненный шар ощутимо ударился о мою ладонь, отскочил и понесся обратно.

Опешивший страж едва успел уклониться. Шаровая молния ударила в стену башни. Послышался хлопок, в камне появилась дыра с обугленными краями, куда пролезла бы корова средней упитанности.

— Я не хочу тебя убивать, — сказал я легко. — Добрый я сегодня... К дождю, наверное.

— А я хочу! — заорал он. Глаза его начали вылезать из орбит, плечи вздрогнули и задергались, по телу пробежала дрожь, одежда вспыхнула оранжевым огнем. Он злобно закричал и вытянул в мою сторону ладони. — Умри!

Я поспешил выставить, как крохотные щиты, ладони. От стражи метнулась целая стена огня. Я вскрикнул от боли, огонь охватил от пяток до ушей, но и тот пошатнулся, начал хлопать себя ладонями, сбивая часть отброшенного обратно огня.

На мне погасло, не успев разгореться, зато страж полыхал, словно обвязанный сухой берестой.

— Я не гуманист, — сказал я громко, — не гуманист, не гуманист, не гуманист...

Из-за спины набежал хромающий Готмар и прокричал затравленно:

— Это что, заклинание?

— Да!

— Что будет?

— Умнее стану, — огрызнулся я. — А то уже распирает! Щас руку помоши подам...

Страж рухнул нам под ноги. Я вытащил меч и поспешно вонзил ему в горло. Готмар прорычал:

— Он бы и сам издох.

— Нет, — возразил я утомленно.

— Почему?

— Я бы спас, — пояснил я. — Вот из такой я страны дураков.

Готмар посмотрел на меня, сплюнул под ноги.

— Могли бы и не объяснять.

Глава 14

Замок сэра Кристина медленно приближался. Я начал рассматривать по сторонам, хорошо бы рощу, чтобы и от Готмара отделаться, найдя ему занятие, и самому в облик летающего ящера.

Готмар топал сзади, тропка слишком узкая, чтобы рядом, я спросил желчно:

— И почему нарушили мой приказ возвращаться?

Он проворчал:

— Вы сказали насчет возвращения, если с вами что случится. Но не случилось же!

Я отмахнулся.

— Ладно, спорить умеете, вам бы в юристы. Это вон башня тоже сторожевая?

Приземистая башня у края дороги, похожая на трехэтажный дом, два первых этажа вообще без окон, но опасностью от нее не тянет. Напротив, что-то уютное, но ловушки и капканы ставят в самых безобидных местах. Я ощетинился и поглядывал по сторонам, готовый бить все, что движется и шевелится, в том числе и сэра Готмара.

Можно было пройти мимо, никто нас не окликает, Готмар так и сделал и поглядывал нетерпеливо, но я обошел башню дважды в поисках двери, но везде одинаковая стена из светлого песчаника.

— Ну что там? — крикнул он.

— Загадка, — ответил я.

— Какая?

— Тот выпрыгивал из окон, но здесь они слишком узкие...

— Превращается в комара? — предположил он.

— Тогда он должен быть великим магом, — возразил я, блеснув знаниями. — А что делать великому в таком захолустье?

Я вздохнул, собираясь идти вслед за Готмаром, и в этот миг прямо в стене появилась дверь. Простая деревянная, с медной ручкой. Я без колебаний потянул ее на себя, открылась солидная винтовая лестница с широкими ступенями.

Готмар не видел, куда я исчез, дверь на другой стороне, я поднимался быстро, в голове кавардак, пытаюсь сообразить, как держаться, но ничего в череп не лезет.

Лестница вывела наверх, не заперто, я осторожно перешагнул порог чистой, опрятной комнаты. Стол, стулья, полки с посудой и шкаф с книгами — все в идеальном порядке.

За столом лицом ко мне сидит в кресле с высокой спинкой высокий человек с гривой седых волос, величественный, с лицом аристократа, пристрастиившегося к чтению.

При моем появлении он поднял голову, на губах появилась легкая усмешка. Ни страха, ни удивления, а смотрит так, словно увидел старого знакомого.

Я поинтересовался осторожно:

— Мы встречались?

— Нет, — ответил он невозмутимо.

— Тогда почему такой взгляд?

Он улыбнулся, покачал головой.

— Просто я знал о твоем приходе.

Я насторожился, попытался ощутить, откуда придет нападение, но все тихо и мирно, только колдун смотрит с непонятной усмешкой.

— Откуда?

Он развел руками, во взгляде снисходительное выражение стало заметнее.

— Из Книги Мудрости мага Корнинга-младшего. Я сумел прочесть ее, когда мне было двадцать три года, что для столь юного мага не зря считается величайшим достижением. Сейчас мне девяносто три, и я знаю, что именно сегодня оборвется моя жизнь.

Я сказал поспешно:

— Человек я не драчливый. Насилие не переношу. Может быть, обойдемся без драки?

Его улыбка стала шире.

— Мы не вольны над судьбой. Я, конечно, драться не собираюсь, однако это ничего не изменит. Из этой комнаты вы уйдете без единой царапины, а мой труп останется в луже крови... Так я увидел в священной Книге Мудрости...

— ...мага Корнинга-младшего, — договорил я быстро, потому что волшебник говорит мучительно медленно и важно, растягивая слова и упиваясь их торжественным смыслом. — Но, если следовать новейшим алхимическим данным, власть судьбы отменена с приходом нового Бога! Он поступил с человеком достаточно жестоко, дав ему свободную волю, однако теперь человек уже не может жаловаться, что Бог его в чем-то стесняет, не дал того или этого. Каждый сам решает, как ему жить, и как умереть. Никакого фатума!

Он отмахнулся с полнейшим пренебрежением.

— Глупости. Это означало бы, что мир хаотичен и абсолютно неупорядочен. Такое дикое предположение оскорбит даже вашего Бога, сторонником которого вы, судя по убеждениям, являетесь. Нет, юноша! У мира четкая структура, каждая частичка и каждая песчинка занимают указанное ей место!.. И, заглядывая в будущее, можно увидеть место всякой вещи, человеку, поступку, слову.

Я пробормотал:

— Я не хочу с вами драться. Тем более убивать. Я вообще уважаю интеллигенцию.

Он усмехнулся и спросил внезапно:

— А где второй?

— Кто? — переспросил я.

— С вами должен быть кто-то еще, — пояснил он.

— А-а-а-а, — сказал я понимающие, — обязательный спутник героя? Честный, самоотверженный, но глуповатый?.. Который хохмит и ничего не понимает? Санча Панса, он же дед Щукарь, майор Ватсон или туповатый, но преданный гном... Нет, я пока один. Скажите, а вам с таким знанием не страшно?

— Не волнуйтесь за меня, юноша, — ответил он, и я с

изумлением ощущил, что ему в самом деле не страшно. — Когда я узнал, что проживу так долго, я возликовал и полностью посвятил себя алхимии. Жизнь подтвердила, что я прочел верно: мои сверстники умирали, а я жил и работал. И чем ближе дата моей смерти, тем привычнее она для меня.

Я сказал упрямо:

— Вы и сейчас еще не дряхлый старик. Вам жить и жить!

— Увы, юноша... Вы не против, если вас буду звать юношей?

— Не против, — ответил я. — Это меня молодит, а я тоже вижу будущее, где все помешаются на здоровье, долголетии и омоложениях. Ладно, но вы же маг! Должны уметь продлевать себе жизнь!

— Умею, — ответил он просто, — но, увы, в книге Корнинга-младшего сказано...

По ту сторону двери послышался топот, словно по ступенькам мчится кентавр. Дверь распахнулась с таким треском, что ударила о стену и едва не слетела с петель. В проеме в облаке пыли появился, покачиваясь, озверевший Готмар с топором в мускулистой руке.

Он всматривался в нас налитыми кровью глазами, тяжело дышал и свирепо раздувал ноздри.

В мертвой тишине раздался довольный смешок мага:

— Я же говорил!

Готмар шагнул в комнату, я сказал быстро:

— Стоп!.. Ни шагу. Опустите топор.

Готмар прорычал:

— Разве это не колдун?

— Это маг, — поправил я.

— Магов нужно истреблять еще раньше, — прорычал он, — чем колдунов!

— Нет-нет, — сказал я жестче. — Мы истребляем только по необходимости.

— А что, — спросил Готмар люто, — отменяет необходимость?

— Еще большая необходимость, — ответил я.

— Это как?

— Предпочитаю победить, — сказал я, — а не просто убить.

Маг молчал, в полном спокойствии переводил взгляд с меня на Готмара и обратно.

Готмар прорычал злобно:

— Не понимаю ваших методов, однако... вы старший. Хотя по возвращении обжалую.

Он опустил топор, а ладонь другой снял с рукояти ножа на поясе. Я сказал магу с поклоном:

— Было приятно побеседовать с ученым человеком. Увы, дела... Прощайте, а мы пошли, пошли, пошли...

Мы повернулись к двери, маг вскрикнул неверяще:

— Но... как же мое видение?

— Видений не бывает, — сказал я надменно. — А какие бывают, все ложные. От врага рода человеческого.

— Я видел свой труп в луже крови!

Я сказал важно:

— Я же рек: в мир пришел Господь и отменил судьбу, рок, фатум. Нет в мире ничего предначертанного! В будущем будет только то, что сделаем своими руками, а не то, что записано. Прощай, маг. Уверуй в Христа, его учение выше.

Готмар открыл дверь и вышел, придерживая створку для меня. Я перенес ногу через порог, когда за спиной раздался вскрик:

— Нее-е-т! Вы не должны так!.. Звезды сказали, что я погибну еще до рассвета!..

Я повернул голову к окну. Полная луна медленно выныривает из темных лохмотьев облаков, еще ночь, но на востоке намечается светлая полоска на горизонте.

— Звезды солгали, — сказал я с невольным злорадством.

Он вскочил, волосы вздыбились, на лице отчаяние, в глазах страсть и безумная решимость.

— Нет!.. Звезды не лгут. И моя астрология — точная наука.

Он схватил со стола кинжал. Готмар охнул, когда лезвие блеснуло, освобождаясь от ножен, бросился в комнату, однако маг с силой вонзил длинное острие в левый бок, а потом с перекошенным лицом обеими руками рванул направо, вспарывая живот.

Готмар замер над ним, глаза лезут на лоб, повернул голову в мою сторону.

— Чего это он...

— Дело жизни, — ответил я со стыдом и горечью.

Готмар снова посмотрел на слабо дергающееся тело, перевел взгляд на меня.

— Не понимаю... А его никак нельзя спасти? Вылечить? Вы же Франка сумели...

Я кивнул.

— Мог бы.

Он смотрел ошалело с полнейшим непониманием.

— Так почему же...

Я тяжело вздохнул.

— Я дурак... Самовлюбленный дурак, не учел...

— Чего?

— Бывает, — проговорил я трудно, — дело всей жизни становится важнее... самой жизни. Он верил в свои предсказания, и они его не подводили, как он полагал. Мы поставили перед тяжелым выбором: жить дальше, зная, что был не прав, или же доказать нам и себе, что прав. В этом случае что жизнь для мужчины?

Он постоял над трупом, затем вытянулся и медленно отдал честь, как павшему за дело чести рыцарю. После торжественной минуты молчания, спросил:

— Что теперь?

— Вперед и дальше, — ответил я. — Можно без песни.

Рассвет только-только начал поджигать облака, когда роща приблизилась, деревья обступили со всех сторон и начали уходить за наши спины. Я старательно выбирал место, наконец заметил просторную поляну, несколько упавших и уже сухих стволов, остановился.

— И все-таки не понимаю, — сказал я угрюмо, — ну не понимаю! Ухитряются летать — уже чудо, но... строить? Как простые кузнецы могут строить скайлеры?

Он проворчал с неудовольствием:

— Почему же простые кузнецы? У нас много умелых оружейников, мастеров и подмастерьев. Даже катапульту могут смастерить!.. А джаггер или скайлер еще проще...

— Как?

— Однажды в руинах раскопали, — объяснил он, — огромный склад непонятных штук, похожих на крылья жука, только огромных. Лет через двадцать один из магов сумел понять, что, если их составить одна с другой, сразу срастаются. Потом одну заставили двигаться... После чего все маги набежали, все перешупали, пока не научились делать такое, что поднималось в воздух. Сперва творили огромнейшие, но те трудно двигались и плохо поворачивались, ломались от собственной тяжести. Словом, за много лет пришли вот к скайлерам, крупнее делать опасно, и джаггерам — эти мелкие, зато быстрые и поворотливые.

Я спросил:

— Сперва было много?

Он кивнул, посмотрел на меня внимательно.

— Вы что-то знаете? У лордов было множество, у каждого рыцаря и даже у каждого простолюдина! Но когда ломались, починить уже не удавалось. Сейчас в Ундерлендах не так уж и много джаггеров. А скайлер только у герцога Ульрихта и еще у барона Кристина.

Я вздохнул, затем набрался решимости и сказал резко, тоном, не терпящим возражения:

— Сэр Готмар, дальше пойду один.

— Нет, — ответил он немедленно.

— Тогда возвращайтесь, — предложил я.

— Нет, — отрезал он.

— Хорошо, — сказал я со вздохом. — Тогда топаем обратно вместе. Я так и скажу герцогу, что ваше баранье упрямство не позволило выполнить его просьбу... просьбу, сэр Готмар, просьбу!

Он смотрел на меня набычившись.

— Вы не вернетесь, — проговорил он.

— Проверим? — спросил я зло. — Хорошо. Можете следовать за мной до самого замка сэра Ульриха.

Я повернулся и пошел обратно. Готмар некоторое время прожигал мне спину ненавидящим взглядом, затем я услышал его торопливые шаги.

Деревья скользили навстречу все быстрее. Блеснул про-

стор, я вышел на опушку и сделал шаг на дорогу, когда за спиной раздалось угрюмое:

— Ладно... Что вы хотите?

— А ничего, — ответил я со злорадностью победителя. — Вы остаетесь и ждете меня. Возможно, за мной будет погоня. Тогда можете потешить себя иллюзией полезности.

Он смотрел ненавидяще, но голос прозвучал сломленно:

— Когда вас ждать?

— Не знаю, — ответил я. — А вы хотели рыбку поудить?..
Поспать?

Он проворчал что-то, пальцы с такой силой стискивались на рукояти топора, что побелели. Я отвернулся и пошел через лес, прислушался, вроде бы служака остался на указанном ему месте, на цыпочках пробежал, петляя, пока не наткнулся на еще одну поляну, поспешно перетек в личину крылатого ящера и взмыл в воздух.

Лес быстро уменьшился вниз, я торопливо поднялся выше, так не обратят внимания, снизу я не крупнее коршуна, ястреба или беркута, их всегда в небе немало, уже и не обращают внимания на проплывшую по земле тень.

На рассвете всегда самый крепкий сон, на это время ставят в караул самых лучших, но их тоже смаривает. Я спешил успеть, сердце затрепетало ликующе, когда увидел у крайней башни причаленный к ней продолговатый шар, похожий на гигантскую дыню.

Герцог, похоже, прав. Замок барона Кристина хоть и не такой пышный, зато чувствуется военная строгость, порядок. Рыцарские баннеры развешаны в идеальном порядке, все бы хорошо, но вот бараков для кнехтов я насчитал восемь, для мирного времени многовато.

Я перевел взгляд дальше, сердце подпрыгнуло от неожиданности. В огороженном дворе с высокими стенами из крепкого камня расположились тесно три скайлера и не меньше десятка джаггеров. Охранники ходят по стене безостановочно, переговариваются, бряцают оружием.

— Ого-го, — сказал я потрясенно, — у простого лорда целый воздушный флот?

У основания башни отряд в тяжелых доспехах, среди них

я распознал не меньше чем троих рыцарей. Думаю, еще несколько человек в самой башне по ту сторону двери. У всех стражей наверняка амулеты и талисманы, защищающие не только от незримников, но и от чужих магов. Хотя и свой маг в их отряде есть наверняка.

Я спускался быстро, надо спешить, вдруг кто задерет голову, бывают же на свете чудаки.

Скайлер над башней на высоте в два-три человеческих роста, еще одна предосторожность, на тот маловероятный случай, если кто сумеет пробиться сквозь плотный заслон воинов и магов на самый верх.

Дверь в скайлере одна, с торца, там верхушка дыни аккуратно срезана и запечатана круглым люком. Я ухватился всеми четырьмя, рванул на себя, дверь с треском подалась вместе с косяком.

Я едва не упал вниз, но ударил по воздуху крыльями и ввалился вовнутрь. Навстречу бросился человек, я ударил его крылом, сбивая с ног, превратился в человека, сбитый начал подниматься, и я свирепо саданул его кулаком в челюсть.

Глава 15

Он без звука рухнул на пол, я быстро огляделся. В самом деле как внутри небольшого дирижабля, только воздух чист, в носовой части роскошное кресло пилота, там все прозрачное, роскошная позолота на стенах, причудливые рисунки, десятка два сорокаведерных бочек выстроились рядами вдоль обоих бортов, четыре открытых окна, в них угрюмо смотрят четыре огромных арбалета на станинах из крепкого дуба. Возле каждого бочонок с пучком стальных стрел размером с небольшое копье. Арбалетная тетива из скрученной проволоки, а натягивается зубчатым колесом размером с поднос. Сама рукоять должна проходить над самым полом и почти на уровне головы, натянуть тетиву без труда сумеет один человек...

Охранник застонал, пошевелился. Я подошел к нему и завис сверху в угрожающей позе. Молодой парень в роскошнейшем камзоле с причудливым шитьем золотом, такой же

узор и на стенах скайлера, сапоги с золотым орнаментом, даже штаны с нашлепками из драгоценного металла.

— Ты кто? — спросил я жутким голосом.

Он прошептал:

— Управитель скайлера... А кто ты?

— Вопросы задаю я, — гаркнул я страшно. — Ответствуй, тварь дрожащая! Почему здесь столько бочек? Проверяете грузоподъемность? Они полные?

— Да-а...

— С чем? — спросил я, насторожился и повторил вопрос уже строже: — С чем они?

Он проблеял испуганно:

— С маслом...

— Горючим?

— Ну да...

Я быстро огляделся. Герцог, похоже, не просто прав, но даже запаздывает с активными действиями.

— Так, парень, — сказал я и, достав нож, приложил лезвие ножа к нежному горлу. — Правда, холодное? Но вот отсюда брызнет очень горячим, если заартчишься. Поднимай эту штуку!

Он прошептал:

— Не могу...

— Почему?

— Я не предатель...

Я поинтересовался:

— Тебе что, жить не хочется?

— Хочется, — ответил он, — но лучше умереть, чем предать.

— Что за сумасшедший край, — пробормотал я, — вроде бы Сен-Мари...

— У нас не Сен-Мари...

— А что? — спросил я настороженно, — подчинены на прямую Югу?

— Мы — арнитцы, — ответил он гордым шепотом и посмотрел на меня ясным взором, готовый к смерти.

— Ах да, — сказал я и, не отнимая лезвия ножа, с силой ударил его в висок. — Сепаратисты.

Он завалился посреди прохода, я сел на его место. Каждый рычаг — шедевр художественного литья и обработки умелыми мастерами замка. Наверное, полагают, что чем красивее, тем лучше летает.

В то же время рычаги — простые. Это потом придет усложнение и всяческие навороты, а в первых аппаратах всегда только самое необходимое...

Всего три, осталось понять, какой за что отвечает, я ухватился за верхний, дирижабль стронулся с места. Я сообразил, что сейчас начнет переворачиваться, поспешно потащил назад, дирижабль выровнялся. Второй рычаг, сколько ни сдвигал, ничего не дал, пока я не двинул его в другую сторону. Дирижабль тут же плавно пошел вверх.

— Класс, — сказал я обрадованно. — Хорошо, не самолет...

На высоте в пару сот метров я ухватился за рычаг, в этот момент сзади ухватили за горло цепкие руки. В глазах потемнело, я попытался расцепить пальцы, но пилот давил изо всех сил. Я перестал пытаться выломать ему пальцы и с силой ударили назад кулаком, потом еще и еще.

Кабина встала дыбом. Пилот охнулся, я услышал тяжелый грохот. Дирижабль затрясло, прямо в ухо мне раздался яростный вопль:

— Что ты наделал!..

— От...пус...ти, — прохрипел я.

Извернувшись, я схватился с ним врукопашную. Загрохотало, дирижабль затрясло. Краем глаза я увидел, как в открытый зев, где была дверь, срываются, грохоча и сотрясая дирижабль, тяжеленные бочки с маслом.

Пилот упал от удара, но на полу подхватил оброненный ранее нож. С оскаленными зубами пошел на меня, я сорвал с места стул, замахнулся. Пилот закрыл голову обеими руками, не боец, я шарахнулся сперва столом, а потом наподдал ногой.

Он зашатался и начал отступать, но дирижабль из-за катящихся к выходу бочек задрал нос еще сильнее. Пилот упал, заскользил по гладкому полу. Я протянул ему руку, но его понесло вниз. В дверях он попытался уцепиться, но пальцы скользнули. Я услышал вопль ужаса и увидел, как быстро

уменьшается фигурка человека с растопыренными руками и ногами.

— Тогда доведем до конца, — сказал я зло.

Дирижабль остановился в странной позе с сильно задраным носом. Я сам рисковал сорваться и выпасть, но подобрал факел, бросил в него искру, тот вспыхнул жарким огнем, я его швырнул вслед за выпавшим пилотом.

На всякий случай я поджег еще три факела, все побросал вниз. Там кроме разбивающихся бочек с маслом расположились еще два скайлера и множество джаггеров. Потом торопливо сел в кресло пилота и нажал до отказа рычаг горизонтального полета.

Дирижабль с неспешностью кита сдвинулся с места.

— Быстрее, дурак, — торопил я, — быстрее!

Внизу гулко грохнуло, взлетел столб огня и сноп искр. Через полминуты грохнуло еще, пламя поднялось выше. Дирижабль медленно уползал, а разлившееся масло из разбившихся бочек вспыхивало чадящим багровым пламенем, облитые им скайлеры и джаггеры загорались один за другим, всякий раз взрываясь яркими столбами огня. Красная струйка горящего масла поползла в сторону вкопанной в угол двора огромной цистерны с каменными стенками, полной маслянистой жидкости. Я поспешил уводить дирижабль в сторону, с ужасом представляя, какой столб огня взметнется к небесам, когда воспламенится весь запас топлива.

Но хотя скайлер шел на предельной скорости, все же качнуло пару раз очень уж сильно, хотя столбы огня остались далеко за кормой.

Сэр Готмар с топором в обеих руках и заброшенным за спину щитом пригнулся в хищной позе, готовый дорого отдать жизнь в схватке с падающим на него с неба чудовищем.

Я заорал в окно:

— Нечего хлебалом щелкать! Залезайте, пока нет погони!

Он вздрогнул, бросился в одну сторону, в другую, не представляя, где вход, наконец увидел зияющую дыру на месте бывшей двери.

Скайлер тяжело опустился на шесть лап, стилизованных

под драконы, корпус заскрипел настолько тяжело, что я подумал невольно, как бы он сел с сотней бочек, наполненных горючим маслом.

Готмар подбежал, я плавно потянул ручку вверху. Скайлер начал подниматься, Готмар едва успел ухватиться, некоторое время висел, дрыгая ногами в воздухе, кое-как перевалился в трюм и прохрипел раздраженно:

— Это было необходимо?

— Да, — ответил я. — За нами погоня.

— Где? — спросил он.

— Там, — сказал я, не оборачиваясь, — сзади. Где «сзади», вам показать?

Он начал оглядываться, я все поднимал по крутой дуге скайлер, пока в самом деле не увидел, как справа появились и начали приближаться два джаггера.

— Не туда смотрите, — бросил я. — Справа!.. Стрелять из арбалета пробовали? Или рыцарский гонор не позволяет?

Он отыскал взглядом арбалеты, глаза расширились при виде таких чудовищ. Я повернулся к переднему окну, там пока чисто, скайлер ползет медленно, джаггеры явно догоняют. За спиной послышался скрип. Готмар, побагровев от усилий, крутит большое зубчатое колесо, натягивая стальную тетиву.

— Подпустите поближе, — посоветовал я.

— За собой смотрите, — огрызнулся он.

— Вы недостаточно любезны, сэр Готмар, — холодно обронил я. — Весьма!

— А вы вообще... — прорычал он, подумал, но не подобрал слова и закончил: — И вообще!

Джаггеры приближались очень быстро, я начал беспокоиться всерьез, как вдруг сзади сухо щелкнуло. Мелькнула черточка, унеслась к джаггеру, исчезла, тот дернулся влево-вправо и, резко клюнув носом, пошел по дуге вниз.

Я слышал довольноное рычание Готмара. Он снова крутил колесо, но второй джаггер приблизился чуть ли не вплотную, я услышал частую дробь по обшивке.

— Не пробьют! — крикнул он мне, однако в голосе не было особой уверенности. — Это не джаггер, у скайлера шкура намного толще.

— Скоро узнаем, — ответил я.

— Я сейчас и его...

Я не оглядывался, за спиной щелкнуло, потом еще, однако джаггер не желал падать, хотя толстые стрелы стационарных арбалетов, больше похожих на дротики, пробивали с легкостью его стены.

— Еще два! — раздался за спиной крик. — Если пойдут все, нас задавят!

— А сколько их у Кристина?

— Двенадцать, — ответил Готмар. — Землю рыть пошел только один...

— С десяток сжег я на стоянке, — сообщил я. — Ишь, расстоялись... Это последние.

Он охнул:

— То-то огонь был выше облаков... тогда это в самом деле все, что осталось!

— Надеюсь, — бросил я. — Только до облаков было не от джаггеров.

— А от чего...

Он охнул и застыл. Вдали замок барона Кристина страшно и неестественно полыхает от фундамента до самой крыши. Вспыхнуло и полетело вниз горящее знамя с вздернутого гордо шпиля. Подземный резервуар под замком, заполненный горючим маслом, позволил достичь такого жара, что каменные стены на глазах становились багрового, а потом и вишневого цвета, выжигая все внутри замка и превращая в пепел.

— Чудовище, — прорычал он в ужасе. — Вы что-то еще умеете... как жечь?

— Люблю смотреть на огонь, — признался я стыдливо. — Это от предков, все от них.

Скайлер тряхнуло, я уцепился за рукояти. Тряхнуло еще раз и еще, затем раздался яростный вопль Готмара, зазвенела сталь. Я оглянулся и охнул, в отверстие на месте двери прыгнули с джаггера двое воинов с мечами наголо. Тот сразу же провалился вниз, на его место встал другой и оттуда тоже прыгнули двое рыцарей в полных доспехах, но с короткими мечами, удобными для схватки в тесных помещениях.

Готмар оставил арбалеты и с топором в руках ринулся в

бой. Я смотрел беспомощно, но, если буду держаться за рукояти, убьют в спину, поспешно выхватил меч и прыгнул на помощь. Все четверо сражаются умело, движения отточенные, меня трижды зацепили клинками, Готмар тоже ранили, но я сразил двух, Готмар одного. К дверям приблизился джаггер с раскрытой дверью, оттуда скакнул еще один воин, а затем легко перепрыгнул высокий поджарый рыцарь в легких доспехах, чернобородый, с красивым злодейским лицом и мефистофельски изогнутыми бровями.

Он сказал взбешенно:

- Кто посмел?.. Бросайте оружие!
- Щас, — ответил я. — Лови!

Он легко отразил рукоятью меча брошенный мною кинжал. Лицо дрожало от ярости, он грубо раздвинул своих воинов и сам набросился на меня, работая мечом очень умело. Стальной клинок блестел у меня перед глазами так, словно расчертвился, я отступал, потому что отступает сэр Готмар.

— Какие мерзавцы, — процедил он в ярости, — какие мерзавцы...

— От мерзавца слышу, — ответил я, задыхаясь. — Поднять руку на сюзерена — преступление!

— Это называется, — прорычал он люто, — отстаивание вольностей!

— Бунтовщик, — сказал я, — разбойник... жакериец... или вообще гусит...

Вряд ли он понял, какими гнуснейшими прозвищами я его награждаю, но тон мой достаточно оскорбителен, он рычал и рубил все несмотрительнее. Справа от меня послышался вскрик, я на секунду скосил глаза и увидел, что один из воинов барона опускается на колени.

— Двое... на двое... — донесся хриплый и быстро слабеющий голос Готмара, — вот теперь по-честному...

Он шагнул вперед и встал рядом. Его шатало, кровь бежит по лицу, плечу, а на руках пламенеют широкие красные порезы. Я заорал, привлекая внимания к себе. Они не купились, и я, воспользовавшись моментом, всадил лезвие в бок кнехта.

Он охнулся, я отскочил, но недостаточно проворно, меч барона рассек мне камзол на груди и нанес глубокую рану.

— Ну что, сволочь, — прорычал он победно, — подохни!

— Щас, — повторил я. — Мечтай... Сложи оружие, я больше люблю вешать.

Он захотел, обрушил град ударов. Я парировал, время от времени пропуская особенно хитрые, что наносили короткие и мелкие раны. Барон явно на них и рассчитывал, я уже должен ослабеть от потери крови, наседал, и в это время Готмар, собравшись с силами, упал вперед, держа вместо топора чей-то меч в вытянутой руке.

Кристин успел взмахнуть клинком, но тот просвистел над головой Готмара, сорвав клок волос. Лезвие меча вонзилось в его бедро. Он вскрикнул, отступил в агонии, меч медленно вывалился из ладони и звякнул о металлический пол.

Я прыгнул вперед, схватил барона за грудь и с силой швырнулся к выходу.

— Летать умеешь?.. Тогда учись!

Готмар, распластавшись, прохрипел:

— Все...

— Ничего не все, — сказал я и опустился возле него на колени.

— Передайте герцогу... — шепнул он, глаза его закрывались, их затягивала смертная пелена.

— Сами скажете.

— Нет... уже нет...

— Не вздумай подыхать, дурак, — сказал я грубо. — И увиливать от поединка! Забыл, мы должны скрестить мечи по возвращении?

Глава 16

Он начал растягивать губы в предсмертной улыбке, что должна так и застыть, это красиво и мужественно, но я уже держал ладони на его груди, странно, не ощущал ни малейшего холода, зато услышал, как сердце Готмара начало стучать чаще, раны затягиваются на глазах, а его улыбка застыла лишь потому, что дальше уже будет клоунской, а сэр Готмар весь из себя суровая мужественность, иного не допускает даже на смертном одре.

Я поднялся, брезгливо отряхнул ладони и сказал с подчеркнутым раздражением:

— Отечество в опасности, а кто-то тут разлежался весь.

У скайлера, судя по всему, нет автопилота. Останавливается, как только отпустишь рукоять, и я не выпускал из рук рычаги, направляя на посадку, потому что далеко внизу уже крыши замка герцога и просторный двор, красиво вымощенный белым мрамором, где сейчас в растерянности мечется сплюснутый народ.

Я медленно потянул на себя рычаг. Дирижабль послушно и совершенно бесшумно пошел вниз. Недалеко от земли я снова подправил рычагом скорость спуска, скайлер опустился красиво и нежно.

К нам со всех сторон бежали воины. Я увидел среди них и герцога с обнаженным мечом в руке.

Он прокричал издали:

— Что стряслось?

Я выпрыгнул наружу и ответил бодро:

— Задание выполнено!

Готмар вылез следом, его все еще шатало, посмотрел сперва на меня со странным выражением, затем повернулся к герцогу:

— Скайлеры барона Кристина, — проговорил он колеблющимся, как тряпка на ветру, голосом, — уничтожены. Их было три! Джаггеры... тоже. Десять сэр Полосатый сжег прямо на стоянке, один я сбил в воздухе.... Только два с пилотами уцелели. Хотя вряд ли.

Герцог, бледный и растерянный, смотрел то на него, то на меня.

— Но... как? Что мы только не думали, когда на двор и на крыши начали падать с неба люди!.. Последним рухнул сам барон Кристин!.. Из него так и торчит ваш меч, сэр Готмар!.. Я его сразу узнал!

Готмар виновато развел руками.

— Да, это вы мне его подарили... Извините за потерю оружия, сэр Ульрих.

— Но что произошло?

Готмар посмотрел на меня хмуро, я отвернулся и высматривал леди Жозефину. На одном из балконов мелькнуло ее

платье, она спешит перебраться поближе, чтобы услышать подробности. Готмар с усилием растянул губы в подобии улыбки, это было так неожиданно, словно среди грозы из черных туч выглянуло ясное солнце.

— Ваша светлость, — сказал он потрясенно, — вот уж никогда не думал, что буду участвовать в бою под облаками!.. Люди сэра Кристина догнали угнанный сэром Полосатым скайлер на трех уцелевших джаггерах и запрыгнули на лету, представляете? Я о таком и помыслить не мог!.. У них все было давно и очень хорошо подготовлено! Мы даже не предполагали, с чем столкнемся.

Герцог в гневе и растерянности повернулся ко мне.

— Но почему?

— Сэр Готмар прав, — сказал я. — Никогда не думал, что скажу такое, но он в самом деле прав. Барон Кристин загрузил весь скайлер бочками с горючим маслом! Если сбросить на ваш замок, здесь бы все выгорело дотла. Пора разрабатывать систему противовоздушной обороны, сэр Ульрих. Или перехвата на легких джаггерах, что, кстати, мятежный барон и сделал, молодец... Ваша светлость, вы не против, если пойду помоюсь и приведу одежду в порядок? А то вдруг меня увидит леди Жозефина в таких лохмотьях... Я такой стеснительный, такой стеснительный!

Он сказал спешно:

— Да-да, идите... Хотя она уже вас видит.

— Мы делаем вид, — заверил я, — что она меня не видит. А подробности расскажет сэр Готмар. Он мыться не любит.

Когда я, вымытый и чистый, как форель, вошел в зал, сэр Готмар все еще в пятнах копоти и в разорванной одежде сидел в кругу рыцарей. Ему подавали чаши с вином, он то и дело промачивал горло, на пожарах почему-то сухо, и уже заплетающимся языком отвечал, разъяснял, втолковывал, комментировал и открывал глаза на случившееся.

Герцог, мрачный, как грозовая туча, сидел на возвышении. При моем появлении он, как и другие рыцари, встретил меня настороженным взглядом.

Я светло и чисто улыбался, кланялся и снова улыбался. Герцог посмотрел на меня исподлобья.

— Вы отважный рыцарь, — произнес он, из груди вырвался тяжелый вздох. — Но вы... Готмар оказался прав, иначе вы просто не можете...

Я спросил встревоженно:

— Что стряслось?

Он сказал тяжело:

— Замок сэра Кристина, как выяснилось, тоже погиб в огне!.. Выгорел дотла. Неужели нельзя было иначе?

Я виновато развел руками.

— Выход из сложного положения оказался входом в критическое. Кто ж знал, что от огня бывает пожар? Я поверил пилоту барона Кристина, что когда много горючего масла — это безопасно. А оно почему-то ка-а-ак пыхнуло... Никогда бы не подумал. Взяло и загорелось. От одного-единственного факела!

Леди Жозефина смотрела на меня со странным выражением, в котором ужас причудливо смешивается с восхищением. Все-таки женщины более жестокие существа, мелькнула мысль, чем люди.

Герцог произнес невесело:

— Сэр Полосатый, вы нечто ужасное!.. Я совсем не хотел доводить до гибели сэра Кристина!.. Этоуважаемый лорд, очень влиятельный, с множеством родни... Но вы, как говорит сэр Готмар, убили не только его, но и...

— Кристина убил сэр Готмар, — уточнил я поспешно. — Спрос с него! Ох и зверь он... Как вы такого не боитесь держать рядом?

— Но бросили лорда Кристина из скайлера вы?.. Готмар его только ранил... А вы и барона, и его сына...

— Да я его потомство и в глаза не видел! — сказал я честно.

— А пилота? — спросил герцог горестно. — Бедный Фульк!.. Я учил с оружием обращаться, он у меня в оруженосцах ходил... А вы его, как лягушку какую-то...

— А сам сэр Кристин? — спросил я учтиво.

Он вздрогнул.

— Вон там во дворе лежит... лежал. Его соскребывают, чтобы предать земле хоть что-нибудь, кроме окровавленных доспехов.

— Да, — согласился я, — он погиб красиво, с мечом в руке. И падал так красиво, руки растопыривал благородно, величественно, словно парил. Наверняка его возьмут, минуя христианский рай, в Валгаллу.

Кто-то перекрестился, кто-то сжал в пальцах медальон на груди и пошептал нечто. В зал вбегали слуги, столы заполнились едой.

Сэр Витерлих потер ладони.

— Однако, — провозгласил он звучно, — дорогой герцог, ваше поручение доблестный сэр Полосатый все-таки выполнил!.. По-своему.

Сэр Трандерт пробормотал:

— Вот-вот, по-своему. Из каких он краев?

Готмар сказал встревоженно:

— Это не было поручением!.. Даже не просьбой, а так...

Сэр Трандерт пришел на помощь:

— Его светлость всего лишь выразил свою обеспокоенность усилением воздушного флота сэра Кристина. Только и всего! Никаких подталкиваний к действиям!

Сэр Витерлих посмотрел на него, на хмурого герцога, скривился, но сказал все с тем же подъемом:

— Однако... все равно, раз уж собрались здесь, разве это не достаточный повод, чтобы выпить? И отпраздновать... ну, что мы собирались?

Я сказал уже серьезно:

— Ваша светлость, скайлер был до отказа забит бочками с горюче-смазочными материалами. При такой загрузке посадка исключена. Повторяю, вес был рассчитан только на подъем. Возможно, всякий раз добавляли по бочке, чтобы узнать предельный подъемный вес. А сажать скайлер намеревались уже пустым.

Герцог оставался все таким же мрачным, но лица других рыцарей стали строже. У сэра Трандерта вообще вытянулось, как у коня.

— Готовился к войне? — спросил Витерлих.

— Во всяком случае, — ответил я осторожно, — к большому переделу. Не обязательно было сбрасывать все эти бочки, достаточно просто остановить скайлер над вашим замком и...

предъявить ультиматум. Что делать, все беды человеческие берут свое начало исключительно в нашей неспособности тихо сидеть в комнате.

Витерлих спросил в удивлении:

— Это вам хотелось бы сидеть тихо?

— Что вы, — воскликнул я. — Будь моя воля, я бы вообще лежал!.. Даже возлежал! А все подавали бы прямо в постель. И всех тоже.

— А что вам не дает сидеть тихо? — спросил он. — Тем более лежать?

Я развел руками.

— Шило в непотребном месте. Но давайте вернемся к истокам! Прежде чем что-то удвоить, надо решить, у кого ополовинить. Мы с сэром Готмаром с этой задачей справились! У сэра Кристина осталось... ах да, у него мало чего осталось.

— Да и самого сэра Кристина не осталось, — пробормотал Трандерт озабоченно.

Я развел руками.

— Как сказал мудрый сэр Витерлих, я задание выполнил. По-своему. Но ведь параметры мне никто не задавал! Я был в свободном полете. Впрочем, откуда у вас такая интеллигентность? Мы устранили серьезнейшую угрозу, вот что главное. И устранили, как принято, с перегибами, неизбежными и сопутствующими жертвами среди гражданского населения, разрушениями, пожарами, уничтожением культурных и некультурных ценностей... Но учтите, мы никого не насиливали!

Герцог поморщился, но вздохнул и согласился:

— Да, это можно поставить в оправдание. Все-таки насилие входит в обязательный ритуал. Ладно, примем это как данность. Сэр Трандерт и вы, сэр Витерлих, подготовьтесь к объяснениям, которые придется дать совету лордов Ундерлендов. Думаю, у них будет много неприятных вопросов... А доказательств после того, как там прошелся сэр Полосатый, наверное, не осталось вовсе.

Витерлих кивнул.

— Где пройдет сэр Полосатый, там сто лет трава не растет. И птицы не поют.

Пожалуй, только Витерлиха из-за его беспечного нрава гуляки не потрясла жестокая и кровавая победа над соперником герцога. Остальные пугливо перешептываются, прикидывают, как теперь все повернется, когда все поменялось так резко.

Импровизированный пир быстро перерос в официальный. В большом зале за накрытыми столами все больше знатных рыцарей, все в красивых праздничных костюмах, яркие и цветные. Слуги сбиваются с ног, а наскоро собранные музыканты поспешили наладить инструменты и начинают играть преувеличенно бодро и приподнято.

Пир постепенно набирает обороты, тосты все вольнее, а речи бессвязнее, рыцари расстегивают пояса, морды наливаются здоровым буряковым цветом. Крепкие здоровенные мужчины, но ничего крепче вина не видели, даже с крепленым незнакомы, потому этические нормы насчет чрезмерной жестокости вскоре отступили перед натиском подкорки, меня начали поздравлять и те, кто сначала смотрел с отвращением.

Я улыбался, отвечал на тосты, не большой любитель пьянонок, но меня не свалит с ног даже бутылка водки, голова ясная, однако я пробормотал виновато, что перебрал малость, нужно чуточку проветрить голову, и покинул зал.

Слуги тоже шарахнулись от меня, страшного человека, я вышел на крыльце. Воздуха нет вовсе, настолько он чист и прозрачен. Грудь дышит легко, только в сердце все та же тяжесть.

Я уничтожил замок сэра Корнуэлла вместе с гарнизоном, сжег замок барона Кристина и чуть-чуть не сжег замок самого герцога. Самое ужасное, нет во мне ощущения, что сделал нечто ужасное или хотя бы просто нехорошее. Вот тот старуха-ростовщицу убил, а как мучился, всего себя переел по-всякому, а я два замка с людьми — и как с гуся вода. Не потому ли, что во мне часть Терроса? Или это я сам по себе такая сволочь, которой нельзя давать в руки даже простой молоток, потому что все начинает казаться похожим на гвозди?

За спиной приоткрылась дверь, я услышал легкие женские шаги. Не оборачивался, ждал, что скажет Жозефина, потом ощутил по аромату кожи, что это не она.

— И все-таки, — услышал я тихий голос леди Или, —

огонь любви горит ярче, если рыцарь возвращается с победами. А это главное.

— И трофеями, — уточнил я не оборачиваясь.

Она подошла ближе и встала рядом, миниатюрная настолько, что даже на высоких каблуках и с этой неимоверной башней волос едва-едва дотягивается мне до плеча. Легкий аромат горных цветов, редких и живущих на высоких скалах, коснулся моих ноздрей.

— Трофеи, — заметила она, — спутники побед. Как и призы. Но разве не естественно, что женщины любят успешных? Даже, если их побаиваются другие мужчины?

— Понимаю, — пробормотал я, — к сердцу девушки лучше всего подходит главный приз, завоеванный на королевском турнире.

Она сказала лукаво:

— Сэр Полосатый, вы из породы победителей. У женщин глаз наметан. Тем более за это время даже моя милая Жозефина поняла такую спрятанную истину.

— Человека можно даже полюбить, — ответил я, — после того, как его хорошо узнаешь! Правда, и разлюбить, как узнаешь слишком хорошо.

Она засмеялась, красивая и женственная, еще не растерявшая запас красоты и жизненной силы.

— Мужчины просты, — заметила она, — но их не успеваем узнать слишком хорошо, что вас и спасает! То на охоте, то в походах, то месяцами гостите у приятелей.

— И все довольны? — спросил я.

— В семейной жизни, — сказала она серьезно, — нужно вести себя как с огнем. Не подходить слишком близко, чтобы не обжечься, и не очень удаляться, чтобы не замерзнуть.

— А у нас говорят, — вежливо возразил я, — настоящая любовь не та, что выдерживает годы разлуки, а та, что выдерживает годы близости.

Она снова улыбнулась, пожала плечами.

— Возможно, возможно. Однако мы, женщины, существа осторожные. Предпочитаем мужа, который всю жизнь в походах, любящему мужу, который не вылезает из вашей спальни, а потом требует развод. Вы заметили, как хорош граф Трандерт?

У него прекрасный замок и богатые владения, но он проводит треть года здесь, в нашем замке!.. А барон Витерлих? А Бовман, Бульбоне, Феофан? Они все богатые и могущественные лорды, но мужчина не должен сидеть дома! Так, можно сказать, принято... Однако что у нас за странный перекос в беседе?..

Я кротко поклонился.

— Стремимся показаться умнее, чем мы есть. А на фига это нам? Вы бесподобно красивы, этого достаточно, чтобы все мужчины завидовали герцогу. Я достаточно силен и, как говорят, удачлив, чтобы прожить вообще без мозгов. Мудрость — сила слабых.

— Вы умеете говорить комплименты, — сказала она одобрительно. — Это говорит о многом. Женщина любит, чтобы ей пускали пыль в глаза, и чем больше пускают этой пыли, тем сильней раскрывает глаза, чтобы больше пыли в них попало. Какие у вас дальнейшие планы, сэр Полосатый?

Я ответил бодро и по возможности бездумно:

— Самый лучший план — оставить все на волю случая! Я не хочу смешить до слез Господа, рассказывая вслух о своих планах.

Она кивнула.

— Это верно относительно долгого планирования. А на ближайшее будущее?

Я задумался, смахнул пальцем с затылка.

— Сперва за меня планировал отец, потом сюзерен... А сейчас вроде бы никто.

Она сказала без усмешки:

— Вскоре будет планировать жена.

— Наверное, — сказал я серьезно, — это хорошо. Все-таки сидит дома, думает. Думает, думает! Повезло герцогу!

Она отмахнулась.

— Ну что вы, сэр Полосатый! Герцог все решает сам, такой уж он скрытный.

— Но вы-то все равно все понимаете? — спросил я. — Женская интуиция...

Она отмахнулась.

— То, что все называют интуицией женщины, объясняется просто прозрачностью мужских намерений. Хотя, признаю, вы повели себя так, что не только мужчины, но даже я

не сразу поняла ваш предельно решительный характер. Мужчины просто шокированы!

— Но ведь все сделано, — возразил я, — как хотел герцог! Она скромно улыбнулась.

— Герцог привык к спокойной жизни. Когда был моложе, такое одобрял. А сейчас ему хочется все решать без насилия и крови... Идеалист!

— Вы меняетесь меньше? — спросил я.

— Мы более практичны, — пояснила она. — Женщины стремятся видеть людей такими, какие они есть, чтобы не ошибаться в выборе, а герцог хотел бы видеть в людях только лучшее... А как вы?

Теперь она смотрела строго и вопрошающе. Я ощутил, что это и есть главное, к чему она подводила разговор осторожно и издалека.

— Если честно, — ответил я, — мне очень нравится позиция герцога. Это очень благородно, видеть в людях только лучшее! Это достойно всяческого уважения. И почтения. И даже преклонения.

Она слушала внимательно, а когда я умолк, некоторое время молчала. Я не двигался, тогда она повторила настойчиво:

— А как вы? Лично вы?

Я вздохнул и развел руками.

— К сожалению, я не настолько силен, чтобы не замечать всей мерзости в человеке. Я ее вижу и потому всегда настороже. И всегда готов дать сдачи. Иногда — загодя.

Она улыбнулась, сразу стала мягче, словно из нее вынули стальной стержень, заулыбалась чарующе.

— Спасибо, сэр Полосатый. Именно это я и хотела услышать! Я хотела бы, чтобы в окружении герцога было больше людей, которые смотрят... как вы.

Глава 17

За нашими спинами хлопнула дверь. Звучно ступая подкованными каблуками и похрустывая новенькой кожей сапог, на крыльце вышел один из рыцарей.

— А-а, вы здесь, — сказал он довольно, — а герцог искал

vas, сэр Полосатый. Леди Иля, если я могу вам заменить героя последних дней...

Она покачала головой.

— Спасибо, сэр Бовман, но, думаю, сэра Полосатого никто заменить не сможет! Да-да, я уже возвращаюсь. Сэр Полосатый, если заскучаете у герцога, вы знаете, где пируют рыцари!

Я ответил с поклоном:

— Спасибо, моя леди!.. Надеюсь, герцог позволит мне припасть к сосуду своей мудрости и не отгонит большой толстой палкой.

Она заговорщицки улыбнулась, словно мы двое, вот такие практические, состоим в неком молчаливом заговоре против ее идеалистичного мужа.

Дворецкий перехватил в холле и почтительно сообщил, что герцог сейчас изволил отправиться в свои покои. Я обратил внимание, что меня не позвали, не велели, а просто информировали, чтобы я даже в такой малости был волен идти или нет.

Я еще не переступил порог, а взгляд уже забегал по противоположной стене с богатейшей коллекцией мечей, топоров, секир, булав, шестоперов, моргенштернов, клевцов и прочего лакомства для мужчин. Рыцарские доспехи стоят в углах, в руках турнирные копья, а еще на одной стене роскошнейшая коллекция щитов, от простых круглых, до самых вычурных.

— Сразу чувствуется боец, — раздался голос герцога. Он сидел за столом, где уже ждут нас два золотых кубка, украшенных по ободу драгоценными камнями, и старинный медный кувшин, позеленевший от древности. — Нравится?

— Да, — сказал я, — конечно!

Он указал на стул по ту сторону стола, я сел с вежливым поклоном. За спиной герцога красочные гобелены на всю стену, сцены охоты перемежаются с батальными, а также одна хорошо проработанная осада крепости, видно даже выражение ярости на лицах сражающихся.

Мебель добротная, солидная, очень дорогая, но без кричащей пышности, чувствуется аристократизм до мозга костей.

— Позвольте, — сказал он, — я налью сам... Посторонних

нет, никто не укорит, что старший наливает младшему... просто я хозяин, вы гость...

Темно-красное вино лилось в кубок медленно и тягуче, как мед, я ощутил сильный запах и почти увидел залитые солнцем холмы, где вызревал виноград.

— Хорошо? — спросил герцог, он наблюдал за моим лицом. — Как на вкус?

— Как и на запах, — ответил я и сделал еще глоток. — Просто чудесное... Никогда такое не пробовал!

— Из старых запасов, — пояснил он. — Такого вина больше нет. Неизвестно, как древние его делали. Что удивительно, даже через тысячи лет не превращается в уксус!.. Никогда не пробовали разыскивать древние вещи? У некоторых это становится целью жизни... А вам, наверное, повезло бы и в этом. Вы невероятно удачливы... при полном и ужасающем невежестве. Правда, невежество — категория временная. Надеюсь, со временем мы сможем посвящать вас все больше в наши дела.

Я спросил медленно:

— Наши... Это какие?

Он ответил многозначительно:

— Не обязательно быть особой высокого ранга, чтобы быть посвященным в высокие тайны.

— Верю, — ответил я легко, — если вы имеете в виду всевозможные тайные рыцарские ордена.

Он вздрогнул, напрягся. Голос его прозвучал неестественно спокойно:

— Что вы о них знаете?

— Что существуют, — ответил я. — Одни возникают, другие рассыпаются, некоторые живут веками. Польза от них тоже разная.

Он всматривался в меня исподлобья. Лицо контролировало, но руки выдавали волнение, когда нервно перебирал пальцы.

— Вы удивительно много знаете о таких вещах, — проговорил он мрачно.

— Разве? — удивился я. — Говорю же, знаю лишь, что они существуют. К примеру, наше рыцарское братство уже закрытый орден, куда непросто попасть постороннему. Есть

более высокая степень посвящения — паладины. Есть в рыцарстве ордена, основанные на иных принципах... Не удивляйтесь, я хоть и не член рыцарских орденов, но я кое-что о них слышал. Хотя бы от своего сюзерена, благородного герцога Готфрида Брабантского, который нередко вел с молодыми рыцарями такие беседы, полные намеков.

Он подумал, затем кивнул.

— Понимаю, герцог подыскивал благородных рыцарей, способных стать новыми членами. Но в некоторые тайны нельзя посвящать даже членов своей семьи, если они не принесли особой присяги.

Я посмотрел на него с удивлением.

— А кого можно?

— Того, — сказал он уже загадочнее, — кто больше, чем член семьи.

Я ответил бодро:

— Наше рыцарское братство, как сказал Господь, выше родственных уз!

Он посмотрел внимательно, я вдруг ощутил в нем желание сказать нечто большее, чем может, однако он сказал достаточно сдержанно:

— Вы правы, сэр Полосатый. Рыцарское братство в самом деле должно быть выше. К сожалению, большинство считает, что это чересчур. Но рыцари из рыцарей считают именно так.

Он явно на что-то намекал, я старался понять, в самом ли деле прощупывает меня на предмет будущей вербовки, на всякий случай ответил достаточно осторожно:

— Рыцари из рыцарей... Свой круг среди рыцарей?

— Верно.

— Но рыцарство, — сказал я, — тоже нуждается в духовном ядре. Я понимаю, герцог Готфрид делал больше, чем требуется просто от рыцаря и сюзерена.

Он сдержанно улыбнулся.

— Не знаю, мой юный друг, насколько Готфрид посвящал вас в подобные дела, но, должен заметить... да, вы правы. Он делал больше! Все мы должны делать наибольшее из того, на что способны сердца наши и души.

— Но не всегда удается, — сказал я так же осторожно.

Его глаза обшаривали меня взглядом, я видел, как он колеблется, не выбрав еще, на каком шаге остановиться, кивнул и произнес небрежно:

— Да, такое бывает. Даже у Готфрида.

— Особенно, — добавил я, — когда это так далеко.

Он переспросил с напряженной улыбкой:

— Если цель, например, зажата между Великим Хребтом и океаном...

— Но герцог побывал и по ту сторону Хребта, — обронил я так же небрежно, словно мимоходом.

Он наклонил голову.

— Да, это был подвиг.

— И блеснул на Каталаунском турнире, — продолжал я с сильно бьющимся сердцем. — Хотя не это было главной целью.

Он смотрел на меня с бледной и несколько натянутой улыбкой.

— Да?

Некоторое время мы смотрели друг на друга в упор. Я ответил медленно и тщательно подбирая слова:

— По возвращении он не рассказывал, ради чего туда ездил. Лишь намекнул, что у настоящего рыцаря должны быть более высокие цели, чем одержать победу в турнире, хотя мне это и сейчас непонятно почему? Но я верю своему сюзерену. Если есть еще цель, кроме выигрыша в турнире, то она должна быть намного более значимой Золотого Шлема и пропуска на Юг.

Герцог вздохнул, мне показалось, что он испытывает некоторое облегчение, однако голос прозвучал достаточно сурово:

— Если герцог допускает такую утечку сведений... а это он сделал намеренно, значит, доверяет вам очень-очень многое.

Я переспросил в недоумении:

— А что он сказал?

— Многое сказал, — ответил он. — Хотя в данном случае превысил полномочия.

Я сказал поспешно:

— Герцог ничего не сказал! Но я вылавливал его туманные намеки, выстраивал и... что получил, то получил.

Он кивнул.

— Это лучше. Все это вы придумали сами, мой юный

друг. А правда или ваши домыслы можете узнать, когда сами станете одним из нас.

Я раскрыл рот.

— Это как?

Он улыбнулся.

— Ядро рыцарей, которые соблюдают рыцарский устав наиболее ревностно, держатся вместе. Мы больше доверяем друг другу, больше поддерживаем один другого... Словом, ваш сюзерен, герцог Готфрид Брабантский, в этом круге далеко не последний человек. Это все, что я пока могу сказать, сэр Полосатый. Еще вина?

В зале пир гремит веселый, как свадьба, а герцог еще при мне из своего кабинета послал сюда оруженосца за самыми знатными рыцарями. Надо спешно решить, как поступить с внезапно освободившимися землями с уже засеянными полями, с множеством деревень и сел, а также что сказать другим лордам в ответ на обвинения, что посыплются градом.

Я выбрал свободное место и сел, прислушиваясь к разговорам. Что-то никто и не вспоминает о короле Кейдане, а самому начинать о нем разговор вроде бы не с чего, хотя...

Подошел с кубком вина в руке Витерлих, сытый, довольный и пьяный.

— Ну как вам здесь, — спросил он звучно, — сэр Полосатый? Осматриваетесь?

— Чем больше осматриваюсь, — ответил я, — тем больше завидую кротам.

Он так захохотал, что вино брызнуло даже из ноздрей, а это вызвало хохот и у пирующих.

— Чем же?

— Хорошо им, — сказал я. — Как думаете, у Его Величества тоже вот так идет бесконечный пир?

Он покачал головой, на лице проступило нечто вроде зависти.

— Говорят, при королевском дворе на первом месте танцы, балы, куртуазные разговоры, выезды на охоту, флирт, загадочные и в то же время весьма доступные женщины, если умеешь подойти... конечно, пиры тоже есть, как без них, но,

если честно, любое застолье насточертевает, если вот так без конца одно и то же!

Я сказал задумчиво:

— Может быть, как-то поглядеть... хотя бы одним глазком? Хотя чужих туда вряд ли допустят.

Он посерезнел, одним махом осушил кубок и передал подбежавшему слуге.

— Кто знает... Король здесь нечастый гость. Последний раз в Ундерлендах был его дед, Его Величество Балдуин Пятый по прозвищу Синий Нос. Уж не помню, по какому поводу.

От стола повернулся в нашу сторону сэр Трандерт.

— Тоже не от хорошей жизни, позвольте заметить. Кстати, а не организовать ли нам большую охоту? А то и у меня что-то зад стал тяжеловат от сидений за столом. Да и бегай я чаще за оленями, не уступил бы так легко сэру Полосатому.

Сэр Витерлих повеселел на глазах, отстранил услужливо предлагаемый слугой полный кубок и пошел по рядам, уговаривая насчет охоты.

Я перехватил внимательный взгляд леди Или. Говорят, ничто так не мешает роману, как чувство юмора у женщины и его отсутствие у мужчины, потому стараюсь выглядеть тупым и самовлюбленным дурнем, но, боюсь, где-то либо сплоховал, либо переиграл, леди Иля в какой-то момент встрепенулась и начала прислушиваться к моим словам куда внимательнее, чем раньше.

С рассеянно-блаженным видом я иногда отхлебывал вина, расковырял пирог и выбирал печеночную начинку, но в голове все тот же ад и круговерть горячих мыслей. Итак, если вспомнить, к чему привело появление герцога Готфрида с его отрядом «южан», как мы их называли: была попытка совершить переворот в Фоссано, считавшемся нестабильным королевством. Долго подготавливаемый и тщательно спланированный заговор почти во всем удался, но Барбароссу только тяжело ранили. От смерти я его спасти успел и вывез в безопасное место, а потом восставших альбигойцев самих пустили под нож.

Интересно, знает ли герцог, что его друга Готфрида, которому прочили корону Фоссано, настоящие заговорщики считали временной фигурой? Ибо потом, как я понял из подслушан-

ного разговора, его должен был сменить Отто Крисп, в то время работавший под прикрытием должности капитана стражи замка одного из местных феодалов. Речь шла не просто о смене неподобного короля своим человеком, а о некой глубокой реформе общества. Отец Игнес, один из главных руководителей заговора, намекал на то, что рыцарство станет анархонизмом. Видимо, по аналогии с Сен-Мари, а то и пошли бы еще дальше.

Но, если этот захват власти в Фоссано планировал герцог Ульрих, мог ли он санкционировать уничтожение рыцарства? Или же нечто пошло не по его сценарию? Кто-то перехватил игру и сыграл свою партию. А у того хитреца в последний момент вожжи перехватил я, сам не подозревая еще, что влез в очень крупную игру.

Голова шла кругом, я поднялся и, сообщив громко, что пойду помою руки, чего никто не понял, вышел из зала, а затем из донжона.

Витерлих вышел за мной почти сразу, шумный и веселый, заорал из дверного проема:

— Хорошую идею подали, сэр Полосатый! Я уже почти договорился о большой охоте. Теперь бы Его Величеству передать приглашение...

— Тогда уж охота в его честь, — сказал я. — Большая королевская.

— Вряд ли, — сказал он с сожалением. — Герцог очень ревностно следит за соблюдением своих вольностей. Короля может пригласить только как гостя. Впрочем, и это хорошо... Почему покинули пир? Там сейчас как раз сэр Готмар такие чудеса рассказывает о ваших приключениях...

— И что?

— Мне кажется, — заметил он, — много врет.

— Не думаю, — ответил я.

— Почему?

— Чтобы врать, — объяснил я, — необходима смекалка. Дураку лучше оставаться честным.

Он коротко хохотнул.

— Да, в наличии смекалки сэра Готмара обвинить трудно. Но зато он надежен.

— Это да, — согласился я. — Временами несносен, но спи-

ну защищать такому доверить можно. Простите, сэр Витерлих, это я вышел проветрить голову, потому что сейчас меня ждет серьезнейший разговор с его светлостью герцогом Ульрихом.

Он сам посеръезнел, видя, как я произношу эти слова, сочувствующе вздохнул.

— Он ждет вас?

— Он еще не знает, — ответил я мрачно.

Он вздохнул.

— Ну, если вы такой серьезный сами... Успеха! А я выпью за вас.

— Спасибо, барон.

Глава 18

Герцог слушал внимательно, а я, подбирая самые емкие слова, рассказывал, что их план был достаточно прост, но обещал успех. Они поняли, что в Сен-Мари, к сожалению, не удастся восстановить королевство духа, чести и благородства, так как народ уже развернут до предела, потому решили взоры направить на другие королевства, где разложение еще не достигло такой степени. Но по эту сторону Великого Хребта нет других королевств, если не считать неисследованные области океана.

Потому после тщательнейшей подготовки они начали забрасывать через Перевал людей в северные королевства и подыскивать места для приложения сил. Выбор пал на королевство Фоссано. Там власть, как считалось, традиционно слаба: то и дело дворцовые перевороты, королей убивают, травят, душат в постелях, а последний из королей — вообще вожак крупной шайки разбойников, ухитрившийся вторгнуться во дворец и убить законного короля, выбросив его, смертельно раненного, прямо с балкона на площадь под ноги оцепеневшей толпы.

Герцог кивнул, глаза его не оставляли пронзительным взглядом моего лица.

— Вам либо рассказали много, — сказал он сдержанно, — либо вы сами очень хорошо и точно восстановили многие события, связывая разрозненные эпизоды.

— Спасибо, ваша светлость!

— Однако, — сказал он со вздохом, — вы правы, велико-

лепно разработанный план дал трещину. Как выяснилось, крохотной песчинкой, остановившей наши жернова, оказался некий беглый авантюрист с севера, подлый и беспринципный жулик по имени Ричард Длинные Руки. Надеюсь, когда-нибудь мне удастся сомкнуть пальцы на его глотке!

Он произнес это с такой свирепой ненавистью, что я невольно пощупал кадык.

— Вы уверены, — спросил я бледным голосом, — что все получилось бы именно так, как вы задумали?

— Если бы не этот Ричард...

— Простите, — сказал я поспешно, — что перебиваю, однако откуда тогда просочилась информация, что некая группа планировала воспользоваться вашим переворотом, чтобы совершить свой? Как только вы очистите дорогу герцогу Готфриду, его убивают, и власть захватывают некие черные заговорщики? Которых вы никак не хотели видеть?

Он побледнел, лицо напряглось. Чужим голосом проговорил:

— Сэр Полосатый, это очень тяжелое обвинение.

Я развел руками.

— Сейчас спросите, откуда я это знаю.

— Конечно, — сказал он таким жестким голосом, что я покосился по сторонам, не входят ли в комнату стражи, готовые схватить меня за локти. — Вы не можете знать такие подробности!

— Могу, — возразил я. — Герцог после неудачного переворота попал в плен к Барбароссе. Тот его продержал недолго, а так как в прошлом были почти приятелями, отпустил без выкупа. А пока держал в плену, рассказал, как некая черная секта, проникнув в орден, выизнавала его... ваши тайны. И даже попыталаась, уничтожив герцога, захватить власть в Фоссано в свои руки! Ваш проклятый Ричард Длинные Руки спасал королевство не от герцога Готфрида, а от заговорщиков черного культа!

Он медленно бледнел, лицо вытянулось, а под глазами пролегли глубокие темные тени. После долгого молчания проговорил тяжелым голосом:

— К сожалению, у нас нет связи с Брабантом. Оборвалась так внезапно, что наводит на тревожные мысли. А посыпать

гонцов трудно и накладно, одиночкам не пройти по дорогам над пропастью, а отряд привлечет внимание захвативших Сен-Мари варваров.

— Но сейчас их нет.

Он кивнул.

— Потому я сразу же послал людей к герцогу Готфриду. Надеюсь, он расскажет все очень подробно. Молитесь, сэр Полосатый, чтобы ваши чудовищные слова оказались правдой.

— Лучше бы они оказались неправдой, — возразил я. — Но, увы, это правда, благородный сэр Ульрих! Простите за такие недобрые вести. Понимаю, вы предпочли бы получить поражение в прямой схватке за власть, чем знать, что вас мерзко использовали более хитрые, циничные и беспринципные.

Он угрюмо смотрел, как я встал, откланялся и пошел к двери. Лицо его осунулось и постарело. Я оглянулся, вздохнул и тихонько прикрыл за собой дверь.

В зале веселый гвалт, песни, музыканты уже играют лишь бы погромче, все равно никто не слушает, лица благородных рыцарей раскраснелись, пряжки на поясах сдвинуты.

Леди Жозефина посмотрела на меня с ехиднейшим интересом.

— И в чем это были ваши руки, сэр Полосатый? — осведомилась она. — Вы так долго их мыли...

— Хоть мы погрязли в чистоте и уюте, — сказал я, — но руки и шею мыть надо. Я почему-то уверен, что вы шею мыли. Недавно, даже на этой неделе.

Она нахмурилась.

— Какой вы учтивый, сэр Полосатый!

— По части учтивости лучше пересолить, — согласился я, — чем недосолить. Так мне говорила бабушка.

Она наморщила носик.

— А вот граф Биллун говорит, что с настоящей учтивостью вы и близко незнакомы! Что вы ему скажете?

Я пожал плечами.

— Бабушка меня учила, что, если осел меня лягнет, не стоит отвечать ему тем же.

— Но вы подружились с сэром Витерлихом, а он не замечен в куртуазности!

— Если дружишь с хромым, — сказал я, — сам начинаешь прихрамывать. Вообще-то я встречал людей, что оказывались неучтивыми потому, что были чересчур учтивы, и несносными из-за чрезмерной вежливости. Все хорошо в меру, моя милая леди.

Она вспыхнула глазами, щечками и отрезала с повышенным жаром:

— Я не ваша милая леди!

— Я сам содрогаюсь, — признался я. — Брякнул вот и трепещу, когда представил, что пытался бы разморозить ледяную королеву! Не-е-е-ет, мне чего-нибудь попроще...

Иля смотрела с интересом и удовольствием. Ей, судя по ее виду, такая пикировка куда любопытнее, чем бесконечные разговоры мужчин о способах разделывания оленевой туши и как лучше содрать шкуру с лесного кабана.

В зал вместе со слугами вошел паж герцога, крохотный и чуть не лопающийся от важности мальчишка лет семи, одетый с непомерной пышностью. Не особо привлекая внимание, он обогнул стол и, приблизившись к леди Иле и ее дочери, что-то сказал, а потом, не дожидаясь ответа, приблизился ко мне и пропищал тоненьким, как у комарика, голоском:

— Сэр Полосатый, его светлость приглашает вас на обед в свои покой.

— Обед, — пробормотал я и покосился на бурное застолье, — а это что?

— Это не обед, — пояснил он как умел.

— А-а-а, — сказал я, — передай его светлости мою наискреннейшую благодарность. Скажи, я бесконечно тронут и растроган и, конечно же, не приду, а прилечу!

Паж исчез, я минут десять еще поторчал за столом, слушая гам и веселые вопли, потом снова зазвучали пьяные песни, это чересчур даже для моих не слишком музыкальных ушей, я поднялся и, выдерживая блаженно-счастливую улыбку, пошел из зала, время от времени хватаясь за стену.

Паж меня встретил у выхода, учтиво хоть и несколько неуклюже поклонился.

— Следуйте за мной, сэр.

— Следую, — ответил я весело. — Веди, будущий победитель драконов!

Он повеселел и, растеряв важность, попробовал поскакать от счастья на одной ножке, но пышный костюм помешал. Мимо нас прошли покой герцога, кабинет с коллекцией оружия, наконец в залитом радостном светом коридоре блеснула золотыми накладками массивная дверь. Я обратил внимание на золотую ручку, где в основании поблескивает россыпь мелких рубинов.

Паж постучал в дверь, после паузы отворил и сказал с поклоном тем же комариным голоском:

— Прошу вас, сэр!

Я переступил порог, быстро охватывая взглядом помещение и обстановку. Небольшая уютная комната, везде богато и пышно, только вместо люстры торчит металлический крюк, но свет падает сверху ровный, чистый, радостный, переливающийся искрами в дорогих бокалах и фужерах.

За столом только герцог, но свободных стульев еще три. Сердце мое тревожно екнуло, слишком уж тесен круг, здесь хрен затеряешься.

— Польщен, — сказал я, делая первый шаг и кланяясь. — Весьма польщен! До глубины фибр души!.. До мозга костей... Я даже не знаю, как и ответить на такую честь, ваша светлость... Слов таких не отыщу, а то лезут тут всякие, недостаточно... емкие!

Герцог радушно улыбался, восторги нравятся даже женщинам, сделал рукой великолушно небрежный жест, указывая на свободный стул по ту сторону стола.

— Присаживайтесь, сэр Полосатый. Мы с женой думали, чем еще отметить ваши необычные деяния. Она и предложила пообедать вместе, чтобы узнать вас поближе.

Я сел, кротко и почтительно, ответил, глядя ему в глаза с надлежащей святостью и трепетностью от такой великой чести:

— Да, ваша светлость! Как скажете, ваша светлость! Я вне себя от такой незаслуженной чести! Это же какое счастье: смеяться с мудрыми и обедать с богатыми!

Герцог, благосклонно улыбаясь, заметил:

— Не откладывайте, сэр Полосатый, до ужина того, что можете съесть за обедом.

— А где обед? — спросил я наивно.

Он улыбнулся шире.

— Сейчас подадут. А мы подождем, пока к нам присоединятся мои супруга и дочь.

— Обед в тесном кругу? — воскликнул я с восторгом. — Семейный уют! О, этого так недостает в нашей бурной жизни, наполненной приключениями, подвигами и свершениями!

В его запавших глазах мелькнула тень тревоги.

— Представляю, — сказал он сумрачно, — ваш путь... Он не был усеян розами, верно?

— Ни впереди, — подтвердил я охотно, — ни сзади. Но зато это путь славы!

— Да, конечно, — согласился он. — Путь славы тернист, но что для мужчины выше?

— Женщина? — предположил я.

Он в сомнении посмотрел на меня.

— Для кого как, сэр Полосатый, для кого как... А вот и наши дамы!

Леди Иля и ее дочь вошли быстро, веселые и с раскрасневшимися щеками, наслушались комплиментов. Я вскочил и придвинул для леди Жозефины стул. Герцог вскинул брови, стараясь понять значение этого жеста. Щеки Жозефины слегка порозовели, она грациозно опустилась на сиденье, не забыв поблагодарить меня едва заметным кивком.

Леди Иля произнесла с милой улыбкой:

— Любому мужчине приятнее видеть накрытый к обеду стол, чем слышать, как его жена умело рассуждает о политике государей.

Неслышно вошли слуги, быстро и умело расставили перед нами пустые тарелки из серебра, положили золотые ложки и ножи. Иля постоянно и победно улыбается, чувствуется, что это ее идея пригласить меня на семейный обед в тесном кругу.

Жозефина смотрит с покровительственным великодушием, как на подобранныго по дороге облезлого щенка, который оказался на диво сообразительным, послушным и уже начиняет стеречь дом.

Я покосился на стол, пока одни пустые приборы, когда же начнем есть и пить, без этого уже не представляю рыцарские залы.

Герцог согнал с лица улыбку и сказал строго:

— Мне сказали, сэр Полосатый, вы очень настойчиво расспрашивали рыцарей и даже челядь насчет церкви?

Иля сказала быстро:

— У нас есть часовня!

Герцог, не обращая внимания на ее реплику, требовательно смотрел на меня.

Я ответил со всей почтительностью:

— Бог не должен страдать из-за тупости священника или непонимания его роли со стороны лордов. Религия без власти погибнет, а власть без религии перестанет действовать. В Ундерлендах это еще не ощутили в полной мере, потому что церкви есть в городах и селах... Но если не восстановить и при замках...

Он смотрел с раздражением, я смиренно и стойко выдержал его взгляд, все-таки речь об убеждениях, тут отступать недостойно.

— Разве церковь, — спросил он недовольно, — в стенах? Церковь — во множестве верующих. Если их нет, зачем это лишнее сооружение из камня?

Я ответил кротко:

— Ваша светлость, вы знаете, зачем церковь.

Он поморщился сильнее, отмахнулся.

— Ладно, это сложный вопрос, не стоит его касаться походя. Хотя я удивлен вашим интересом к таким вещам... Как вы относитесь к жареной оленине?

— Как и к жареной гусятине, — сообщил я, — то есть весьма положительно! В смысле, положу на свою тарелку, а когда очищу, то еще положу!

Женщины засмеялись, даже герцог улыбнулся, а леди Жозефина спросила с подчеркнутым интересом:

— Сэр Полосатый, а вы хороший охотник?

— Ложь, — ответил я, — не считается ложью при ответе на вопрос, который спрашивающий не должен был зада-

вать... А теперь отвечу громко и честно: да, просто замечательный!

Снова все засмеялись, даже леди Жозефина раздвинула губы в улыбке, но не шире, чем до коренных зубов, словно там у нее либо кривые, либо желтые.

Герцог сказал с веселой суровостью:

— Сэр Полосатый, вы так хорошо провели спасение моего племянника... Он и сэр Готмар все спорят, никак не могут понять, как вы сумели выбраться и спустить им веревку! Вы просто необыкновенный человек, сэр Полосатый. И хотя оба говорят, что там в самых дальних подземельях погибли какие-то немыслимые сокровища, но я человек осторожный, и не считаю своим то, что не лежит в кладовой под замком, ключ от которой в моем кармане!

Я ответил с поклоном:

— Очень мудрая политика, ваша светлость!

— Зрелая, — уточнил он. — Взвешенная. Франк очень молод, везде видит кувшины с джиннами. Причем обязательно дружелюбными! А я скорее подумаю, что такой джинн может сровнять мой замок с землей...

— Очень мудро, — подтвердил я.

Он посмотрел на Жозефину, затем перевел взгляд на супругу.

— Милая, ты не помнишь, чем закончилась тяжба графа Трандерта с бароном Феофаном?

— Которая, — уточнила Иля, — из-за участка в излучине реки?

— Нет, из-за потравы поля коровами из деревни, принадлежащей крестьянам Феофана. Граф усмотрел тогда попрание его прав...

Герцогиня приглушенным голосом принялась объяснять тонкости конфликта между соседями, а я вежливо перенес внимание на их дочь, неприлично вслушиваться в чужой разговор, пусть даже он ведется за общим столом.

Жозефина прекрасна и безукоризненна, хотя бы в мелочи допустила небрежность, но, увы, дочь герцога блудет себя и ни на секунду не уронит величие дочери сюзерена Ундерлендов.

Я сказал очень смиренно и с протяжным вздохом:

— Ах, снова мы не рядом, прекрасная фея!.. И я не могу за вами поухаживать, разве что тянуться через стол, опрокидывая блюда. Сердце мое рвется...

Она дерзко улыбнулась.

— Сэр Полосатый, вам никто не мешает ухаживать за присутствующими здесь дамами. И не думаю, что так уж обе отвергнут ваши галантные ухаживания.

— Мое сердце стонет по вашей... э-э... улыбке.

Она сказала покровительственно:

— Но я же вам улыбаюсь?

— Это не та улыбка, — сказал я печально.

— А какая?

— Нежности мало, — сказал я кротко. — А я внутри сам тонкий и чувствительный! Потому и жду от женщины, представляете, нежности!

Она сдвинула бровки в недоумении, пытаясь что-то вспомнить об этой, как ее, нежности. Как дочь герцога, ее воспитывали быть величественной, гордой, недоступной, строго беречь честь и достоинство, не отвечать на пошлые ухаживания, а они все пошлые, выглядеть и держаться, величественно наклонять голову и одаривать милостивой улыбкой, но изредка, изредка, она ж не дочь какого-нибудь захудалого виконта, барона или даже графа, те могут чаще, и чем ниже титул — тем чаще, а она должна редко, ибо ее улыбка — крупная монета, раздавать направо и налево непозволительно и не по рангу...

Леди Иля, не прерывая разговора с мужем, посматривала в нашу сторону с мягкой материнской улыбкой. Молодежь пикируется, а это прелюдия к следующей ступеньке вечной игры, в конце которой каждая из сторон надеется на выигрыш, но почему-то считает себя проигравшей.

Глава 19

Герцог кашлянул, герцогиня посмотрела на него вопросительно и указала глазами на гостя. Он кивнул ей, а мне сказал:

— И тем не менее, сэр Полосатый... вы изумили все наше рыцарство, выполнив... хоть и с чрезмерной жестокостью... точнее, пойдя навстречу нашим некоторым пожеланиям.

— Да-да, — вставила Иля с живостью, — это были всего лишь пожелания герцога, которые проводить в жизнь было совсем не обязательно.

Герцог кивнул и продолжил:

— Но вы взялись со всей энергией молодости, а молодость всегда... гм... чрезмерна. Теперь у меня даже два Кристалла взамен одного погасшего. Милый Франк снова с нами, а еще устранена угроза моему сюзеренитету над Ундерлендами.

Иля добавила:

— А чрезмерность... добавит уважения.

Я старался не переводить взгляд с одного на другого, чтобы не показать понимание роли вроде бы тихой и всегда мило улыбающейся супруги.

Герцог посмотрел на меня внимательно и улыбнулся.

— Сэр Полосатый, — произнес он потеплевшим тоном, — среди моих рыцарей пойдут разговоры, если за такие подвиги не награжу вас.

Я сделал отмечаящий жест.

— Полноте, ваша светлость! Вы меня засмущали. Что вам, сюзерену Ундерлендов, чьи-то разговоры? Властитель должен идти по жизни, как носорог, это зверь такой, вроде вепря, но в десять раз крупнее, хоть и с тем же характером.

— Над обществом, — заметил он легко, — имеют прочную власть только дела, а не слова.

— Над обществом, — мягко сказал я и улыбнулся, чтобы смягчить сказанное, — имеют власть только идеи. Но раз уж вы не хотите о церкви...

Он чуть сдвинул брови, но продолжил говорить все тем же легким тоном:

— У нас говорят: не проглатывай веры больше, чем можешь переварить. Если народу не нужны церкви, то силой туда загонять не стоит. Но мы отвлеклись. Леди Иля мне вовремя напомнила, что все подвиги должны быть вознаграждены, иначе их количество уменьшится.

Щеки леди Жозефины заалели, очень уж непривычное зрелище, она взглянула уже не победоносно, а беспомощно, быстро встала.

— Отец, позволь мне покинуть обед... на время.

— Что случилось? — удивился герцог, но герцогиня толкнула его, и он сказал по-отечески заботливо: — Хорошо, но вернись обязательно!

Она наклонила голову и быстро пошла по направлению к двери, все ускоряя бег, а из зала почти выбежала. Герцог проводил ее ласковым взглядом, полным отеческой нежности.

— Как она выросла, моя девочка... Да, так вот, сэр Полосатый, вернемся к вам. Вы за такой короткий срок сделали немыслимо много. Я просто не знаю, чем наградить вас и как наградить, но вот моя супруга подсказывает неплохой вариант.

Я ощущал понятную тревогу, все награды обязывают, недаром же при получении принято бубнить, как попугай, что рассматриваем как аванс, а вообще-то в лепешку, чтобы оправдать, доказать...

— Ваша светлость! — сказал я предельно искренне. — Ну зачем делать то, что не хочется? Так поступают только припертые к стене. У вас снова все стабильно! Да и, честно говоря, вы не сможете сделать меня выше ростом, шире в плечах, а меч мой таким, чтобы сам дрался, а я только смотрел... Я вообще люблю смотреть, когда дерутся. Все, что можете предложить, мне не понадобится! Я выбрался из своего медвежьего угла посмотреть мир, и я это обязательно сделаю.

Герцог слушал внимательно и с непроницаемым лицом. Леди Иля смотрела большими глазами, словно старалась понять, что у меня там глубже под откатанными словами, ибо язык дан человеку для сокрытия мыслей.

Герцог откинулся на высокую спинку трона, лицо одеревенело, словно никак не может собраться с мыслями.

— Вы собираетесь уехать? — спросил он непонимающе.

— Да.

— Из нашего замка?

— Из Ундерлендов, — ответил я. — Сперва хочу посмотреть океан, все-таки земли некоторых лордов выходят к воде... Здесь есть порт? Или надо возвращаться в Сен-Мари? Я слышал, в Таракконе много кораблей. Если удастся попасть на борт, я бы побывал на островах, а больше всего хочу доплыть до Юга!

Он нахмурился.

— Что-то я не понял, сэр Полосатый.

— Спрашивайте, — сказал я любезно. — На все отвечу! Даже на то, чего не знаю.

Он не усмехнулся на попытку сострить, спросил неприятным голосом:

— А как же леди Жозефина?

— Что с ней? — спросил я. — Заболела?.. А с виду такая крепенькая, хоть и бледновата, правда... Но это сказывается врожденный аристократизм и недостаток солнца.

— Леди Жозефина здорова, — сообщил он холодновато.

— Слава Богу, — сказал я и перекрестился.

— Дело в другом, — ответил он медленно, — я просто не думаю, что она захочет, чтобы ее муж отправлялся на острова. Тем более на Юг. И вообще покидал Ундерленды.

Леди Иля засмеялась, словно муж неожиданно отмочил великолепную шутку:

— Ха-ха, ты великолепен, милый Ульрих!.. Сэр Полосатый сейчас со стула рухнет.

Я засмеялся еще громче:

— Что вы, леди Иля, я же прекрасно понимаю, что его светлость шутит! Великолепный солдатский юмор, простой и незамысловатый, но яркий и неожиданный, он нравится как простым людям, так и самым утонченным аристократам. Его светлость прекрасно знает, что я и не мечтал породниться с вами!

Герцог смотрел на меня с прежним непроницаемым лицом, но в глубине его глаз я читал, что сказанное вовсе не было шуткой.

Я развел руками и окинул взглядом зал.

— Я все это сделал, чтобы оказаться в этом великолепном месте и сидеть с вами за одним столом! Разве это не достаточно высокая честь? Все это называется великим ратным трудом к вящей пользе Отечества. В данном случае вашего. В смысле, анклава, который еще не отчество, но над этим потом поработают. О наградах и не помышлял, я весь из себя сама скромность и застенчивость, Ваша светлость, вы ж меня насквозь видите, как один наш государь бояр! Ваша прекраснейшая дочь свободна, свободна, свободна!.. Во всех смыслах. Вы уж пристройте ее с государственной пользой, увязав династическим браком. Например, с графом Трандертоном.

Он все еще не сводил с меня глаз, каменное лицо не меняется, умеет держать, буркнул:

— А почему не с Витерлихом?

— Пьет много, — ответил я с сожалением. — Будь он сыном виконта — еще можно, но барон... гм, так и герцогство пропьет. Да и земли занимает неудобные.

— А барон Феофан?

— Не имеет выхода к морю, — ответил я. — А еще над его землями висит тысячелетняя вражда с соседями. Сейчас опустошают его приграничье, там приходится держать прожорливую армию. Свои служить не хотят, приходится набирать чужаков, а это истощит казну. Вам оно надо в такое ввязываться?

Он подумал, кивнул.

— Ладно. А что скажете о Бульбоне?

— Этот всем хорош, — согласился я. — Да только чересчур крут и воинствен. Даже для нашего драчливого времени. Давно не получал по рогам, шел от победы к победе, но уже видно, что совсем закусил удила и потерял осторожность. Он и вас постараится сразу же сместь, чтобы захватить в свои руки побольше войск и казны для кормежки войск. Ну, мне все равно, что он с вами сделает...

Он буркнул саркастически:

— Ну, спасибо.

— Мы ж о судьбах страны, — напомнил я, — что наши жизни? Так вот, устранив вас, ввязывается в большую войну, стремясь захватить мир, но там и обломают. И покруче обламывали! А победители сами придут сюда. И все пожгут и снесут... Граф Трандерт — самая удачная кандидатура. Его земли имеют выход к морю, защищены от соседей широкой бурной рекой, старой вражды с кем-то нет, у него мир и покой, народ богатеет...

Он вздохнул, прорычал устало и разочарованно:

— Знаете, сэр Полосатый... До этого разговора я думал, как бы вас отговорить от руки моей дочери... дать что-нибудь такое... ну, не равноценное, понятно, но все-таки... а вот сейчас отказываетесь, снимая с моих плеч такую гору, но мне что-то не весело. Думаю, лучше бы отдать дочь все-таки в ваши руки.

Я поклонился, сказал твердо:

— Думая токмо о вящей славе и благе вашего Отечества, вынужден отказаться.

— Подумайте, — сказал он. — Я сам давно прикидывал на счет графа Трандерта, баронов Витерлиха, Жерара, Феофана, Бульбоне... никому ничего не говорил, перекладывал так и эдак, а тут вы взяли и все выложили, как будто я вам когда-то рассказал! Да так четко все, а у меня это плавало как в тумане.

— Ваша светлость, — сказал я предостерегающе, — лучше синица в руке, чем в другом месте. Граф Трандерт потому и торчит здесь, отпугивая остальных женихов, что давно глаз на нее положил! Это надежно. А вот я — темная лошадка. У меня может, как вы изволили намекнуть, получится еще тот журавль, но может та же синица издохнуть в жутких корчах. А граф Трандерт — уже рядом. Проявите государственную мудрость.

Он вздохнул, покачал головой.

— Мудрость — это не всегда осторожность. Мудрость — это и умение рискнуть, видя вдали нечто огромное... Но не стану настаивать, ибо вижу ваше нежелание стремиться завоевать сердце леди Жозефины. Гм, чем же не понравилась или насторожила? Надо выспросить ее нянек... Что ж, мы благодарим вас, сэр Полосатый, за все, что сделали... Все же я хотел бы чем-то наградить вас.

Разговор подошел к логическому концу, завершение хорошо бы взять на себя, облегчая герцогу задачу, я встал, поклонился и сказал с наибольшим жаром, какой мог изобразить:

— Ваша светлость! Уже присутствие в вашем доме — большая честь. А вот так за одним столом — нет чести выше. Позвольте откланяться и начать сборы?

Он проговорил в некотором замешательстве или затруднении:

— Да, разумеется. Но мне хотелось бы, чтобы мы еще побороли как-нибудь. Основательнее.

Я воскликнул:

— Да, сэр Ульрих! А мне как бы хотелось!

— Езжайте, — сказал он. — По дороге постараитесь узнать про славные деяния и заветы благородного рыцаря Марешала. Это понадобится.

К счастью, я успел покинуть обеденный зал герцога раньше, чем вернулась леди Жозефина, не хотелось бы видеть ее лицо.

Во дворе мне пытались подарить великолепного жеребца и прекрасные рыцарские доспехи, я глупо и невнятно отнекивался, не могу же сказать в лоб, что как только скроюсь с глаз долой, в ближайшем укромном месте стегну коня, чтобы до мой бегом, а меня ввысь взметнут великолепные отвратительные крылья настолько гадкого ящера, что просто прелесть.

Конь резво сбежал в широкую котловину с пологими краями. Я оглянулся, но замок виден весь, значит, могут видеть и меня. Справа потянулись зеленые холмы с удивительно сочной травой, словно корни достигают подземных вод, очень часто попадаются ручьи.

Впереди начала вырастать густая роща, я еще раз оглянулся, и хотя замок пока виден, но никто не свяжет меня с летающим ящером, даже если случайно кто и увидит это чудовище.

— Быстрее, лошадка, — сказал я весело. — И запоминай дорогу обратно!..

С веселым звоном копыт по сухой земле мы влетели под легкую ажурную тень мощно раскинувших ветви древесных гигантов. Я почти сразу же остановил коня, слез на землю и похлопал по крупу.

— Можешь возвращаться, дурашка, — сказал я ласково. — Бить не буду, передумал... Сам убежишь, когда увидишь...

Он остался смотреть с недоумением, я задрал голову, небо закрывают толстые суковатые ветки, шкуру изорвут, а вон там дальше полянка как раз под мои крылья.

Солнце упало на плечи, когда я вышел на середину, день жаркий, хоть и клонится к закату. Я набрал в грудь воздуха... по нервам резко и болезненно ударило холодом. Я круто развернулся, чувствуя опасность. Сверху обрушилась мелкоячеистая сеть, из-за деревьев выбежали люди. Тяжелый удар свалил меня с ног, со всех сторон обрушились частые жестокие удары. Голову тряхнуло, в ушах раздался далекий звон, я потерял сознание.

Глава 20

Голова раскалывается, я попытался поднять веки и охнулся от жгучей боли. Регенерация очнулась и пригасила боль, но во всем теле все та же непонятная изнуряющая жуткая слабость. Не открывая глаз, я хотел прикрыть ладонью глаза от режущего света, но рука не повиновалась. Вторая — тоже.

Не смог я пошевелить и ногами, а когда открыл глаза, передо мной в трех шагах стена в черной мохнатой копоти, чуть левее дверной проем, в полутьме блестит металл отполированной частым прикосновением рук.

Сам я прикован металлическими скобами к стене, а еще у меня на обеих ногах цепи. Я задержал дыхание, тихо произнес кодовое слово...

По телу пробежала едва заметная дрожь, но я остался в прежнем теле. Зато увидел, как в углу пошевелился некто, закряхтел, раздался скрипучий голос:

— Матильд, просыпайся... Я могу не удержать.

Второй голос, сонный и недовольный, прохрипел раздраженно:

— Ты, и не можешь?

— Да в нем что-то мощное.

— Сейчас, сейчас!

Дрожь утихла, я чувствовал себя так, словно меня распластывает по стене мощный ветер. Двое в темных плащах с опущенными на лица капюшонах побормотали заклятия, снова опустились на узкую лавочку и затихли.

Я сцепил зубы, что за дурак, надо было взлетать прямо с опушками, никто не смотрит мне вслед, а и смотрели бы, ничего бы не поняли. Слишком гладко все шло, расслабился, забыл, что сильные и умелые пловцы тонут чаще трусливых новичков.

С отвратительным лязгом, больно ударившим по ушам, распахнулась металлическая дверь. В коридоре колеблется свет от множества факелов, по ступенькам осторожно спустился грузный человек в яркой и пышной одежде вельможи. Несмотря на яркую одежду попугая, он показался человеком очень собранным и опасным.

С последней его свел, подав руку, еще один, помоложе.

Вошли двое с факелами, последним появился обнаженный до пояса мрачный мужик, подпоясанный широким кожаным фартуком. Он сразу же начал раздувать угли в горне и деловито перебирать на стене крючья. Вельможа неспешно прошел ко мне, глядя в пол, затем резко вскинул голову.

Возможно, он ожидал, что вздрогну при виде его ужасающей хари с безумными глазами, в самом деле жутковат, как только и выжил после таких ран.

— Итак, — сказал он резко, — перед тобой барон Арнульф. В моем ведении служба охраны Его Величества. Мы знаем, ты хотел пробраться в замок, где изволит отдыхать король Сен-Мари!

Я промолчал, он постоял некоторое время, я так и не ответил, он кивнул палачу. Тот пошуровал угли, пепел с них слетел, багровость начала превращаться в оранжевость.

Второй вельможа, молодой и красивый, прошел в угол к двум закапюшоненным фигурам.

— Не спать, мерзавцы, — сказал он с угрозой, — когда мы поймали такую крупную рыбу!.. Удалось выяснить, какими чарами он пользуется?

Один из магов сказал торопливо:

- Нет еще, ваша милость!
- Почему?

— Магия... разная, ваша милость!.. Там, откуда он пришел, другие амулеты, другие талисманы...

Вельможа повысил голос:

- У него нет амулетов!.. Даже крест отобрали!
- Но магия в нем еще есть, — сказал второй маг быстро.
- Однако высвободиться ей не дадим, не сомневайтесь.
- Точно?
- Мешать легче, чем потом бороться.

Вельможа покачался перед ними с носка на каблук и обратно, поморщился и повернулся к своему приятелю. Тот угрюмо кивнул, повернулся ко мне:

- Мы знаем, — сказал он кратко, — кто ты.

Он помолчал, давая мне время возразить, что я не тот, за кого меня принимают, что я вообще мимо проходил и что я вообще не здешний.

Не дождавшись реакции, он нахмурился и сказал резким голосом:

— Ты тот проходимец, который возглавил войска Брабанта и проникших на земли Сен-Мари шак из северных земель! Мы не знаем, как тебе удалось это сделать... но здесь узнаем. Здесь узнают все!

Я снова промолчал, второй сказал равнодушно:

— В любом случае надо сперва обработать. Тогда не только заговорит, даже петь научится. Долго и протяжно.

Арнульф кивнул.

— Да, у нас для этого есть хорошие умельцы. Эй, Джон, у тебя все готово? Когда Его Величество изволит посетить этот подвал, вид преступника должен... что должен?

Палач вытянулся в струнку.

— ...ласкать его взор!

— Молодец, запомнил наконец.

— Рад стараться!

— Можешь начинать, — сказал он и, бросив на меня холодный взгляд, отошел в сторону.

Палач лицом ко мне помешивал багровые угли в огромной жаровне на массивном треножнике. Накаленный воздух струится к низкому потолку, в жаровне как будто сокровищница с огромными рубинами. Сверху прибежал слуга с металлической корзинкой и, отворачивая лицо от жара, высыпал в жаровню еще пылающие рубины.

Оба вельможи обошли пыточный подвал, спокойно и жутковато рассматривали ужасные крючки и клещи для вырывания мяса, переговаривались, какое дает эффект лучше. Я слышал все достаточно отчетливо, возможно, пытка уже началась, сперва вот так, чтобы был готов и воспринимал все острее, дополняя своим воображением.

Плечи палача заблестели, покрываясь потом, теперь напоминал отвратительное животное морских глубин. На меня поглядывал изредка, всякий раз злобная ухмылка кривила толстогубый рот, показывая выбитые передние зубы.

Я сказал торопливо:

— Вы так шутите? С чего бы тот самый Ричард оказался здесь?.. Может быть, злой колдун набросил на меня его личину?

Второй вельможа остановился передо мной, раскорячив ноги, и сказал неприятным голосом:

— Голубчик, у нас здесь столько магов, никакая личина не спасет! Все видят, кто есть кто. А ты — человек приметный.

— Я здесь никогда не был!

Он усмехнулся, красивое породистое лицо стало злым, как у голодного волка.

— Зато я был в Брабанте. В свите Его Величества. Ты меня не помнишь, я не такой видный красавец, но тебя там все запомнили. Мы вообще о тебе много знаем. И о том, что ты нашел приют у герцога Ульриха, с него еще спросим за такие вольности, достойные разве что мятежника, и о твоих гнусностях здесь, когда ты предательски погубил достойнейшего барона Кристина...

Арнульф вставил с усмешкой:

— Гаспader, он еще не знает, что вчера ко двору Его Величества прибыл барон Фортескью. Утверждает, что посол от установившего свою власть на большей части королевства майордома Ричарда Длинные Руки.

Он криво усмехнулся, граф Гаспader покосился на него с неодобрением.

— А затем нам Фортескью?

— Например, для опознания.

— Барон, — сказал Гаспader наставительно, — вряд ли его расшатаем или напугаем словами. Эти грубые люди понимают только физическое воздействие. А здесь, к счастью, для этого есть все необходимое.

Арнульф величественно наклонил голову.

— Думаю, — сказал он со зловещей усмешкой, — даже больше, чем понадобится. Такие только с виду смотрятся несокрушимыми. А как дойдет до... гм... физического воздействия... Идите к дамам, благородный сэр Гаспader. Сейчас здесь начнется.

Палач подошел медленно и вразвалку. В руке прут с вишневым кончиком, срываются короткие быстро гаснущие искры.

— Ненавижу красавчиков, — сообщил он хриплым голосом. — А люблю, когда они орут!.. Обожаю.

Я кивнул на него Арнульфу.

— Вот вам пара. Вы и похожи.

Начальник службы охраны короля проигнорировал выпад, а палачу сказал коротко:

— Начинай.

Палач прижал кончик раскаленного прута к моему боку. Я вскрикнул от жуткой боли, зашипело, подвал начал наполняться запахом горелого мяса.

Гаспадер удовлетворенно крякнул, перед ним распахнули двери, и он вышел из подвала. Усмешка Арнульфа стала еще отвратительнее.

— Вот теперь ты поймешь, — процедил он, — куда ты попал...

Из угла, где расположились оба мага, раздалось довольное хихиканье.

На второй день беспрерывных пыток дверь распахнулась, вместе со свежим воздухом я уловил запахи дорогих духов. По ступенькам спустилась группа ярко одетых и таких неуместных здесь придворных. На заднем плане я рассмотрел даже женские платья, но обе дамы стыдливо прикрыли лица темной вуалью, подчеркивая, что их здесь нет, а если кто-то скажет, что видел их в таком неподходящем для женщин месте, тот свинья и нахал.

Все пугливо жались друг к другу, опасаясь запачкаться о покрытые копотью стены, отстраняясь от расхаживающего палача, потного и смердящего.

Спустя несколько минут дверь распахнулась снова. По ступенькам медленно и важно сошел высокий человек, сильно располневший и с обвисающими щеками, в невероятно яркой и бессмысленно кричащей одежде. На голове блестаетискрами королевская корона, рубины в ней блестят зловеще, словно раскаленные угли в жаровне.

Придворные склонили головы, он так же медленно и величаво приблизился ко мне.

— Вот он, — сказал он с довольным смешком, — покоритель, как он считал, королевства Сен-Мари!.. Грязное и тупое животное, что он может знать о нашей подлинной моши?.. Ты меня слышишь, тварь?

Я молчал, Арнульф сделал шаг вперед и сказал почти тельно:

— Его подвергли предварительной обработке, но так, чтобы он мог слышать и говорить.

Кейдан произнес сладострастно:

— Все верно, я хочу долго слышать его крики. И видеть, как он все чувствует и страдает!..

— Все будет сделано, — ответил Арнульф бесстрастно.

Кейдан, похояхатывая, начал рассказывать своей свите, что о моем появлении при дворце герцога узнали на второй день, но еще не знали, кто я такой. Присматривали просто за самим герцогом, заодно и заинтересовались человеком, который разрушил замок сэра Корнуэлла. Однако потом, когда погиб верноподданный сэр Кристин, на которого Его Величество возлагал большие надежды, за этим незнакомцем начали следить неотрывно.

И к тому времени, когда покинул замок герцога Ульриха, уже знали, кто это на самом деле. Впрочем, если бы остался в замке, туда бы прибыли королевские войска при поддержке могучих магов и схватили бы уже не одного этого мятежника.

— Подонок, — прохрипел я, — трус... Удидал, как последняя тварь, даже столицу бросил... а здесь геройствуешь?

Лицо Кейдана перекосилось, злобное торжество в глазах уступило место бешеной злобе.

— Но ты здесь! — прокричал он, срывааясь на визг. — Ты у меня в руках!

— Ошибаешься...

Он заорал:

— В чем?

— Зато в моих руках все королевство, — прошептал я, но ощущил, что все услышали. — Ты уже не король... Ты всего лишь мелкий палац.

— Я король! — прокричал он тонким поросячим голосом. — И восстановлю власть над всеми землями. Ты в моих руках!

— Ошибаешься, — ответил я. — Всем войском руководит граф Ришар де Бюэй, великий полководец. Он не такой дурак, как я, и в ловушку не полезет. Есть я или нет меня, он

удержит власть над Сен-Мари. Ты можешь разорвать меня на части прямо сейчас, в твоем положении ничего не изменится.

Палач подошел с раскаленным прутом и начал выжигать на груди узоры. Мужчины жадно вытянули шею, стараясь ничего не упустить, одна из женщин сблеванула, а другая вскрикнула дурным голосом и опрометью понеслась по ступенькам вверх, где моментально исчезла за дверью.

Я держался достаточно долго, что заставило Кейдана чуть ли не визжать от удовольствия, затем рухнул в черноту.

Очнулся не скоро, как мне показалось, в лицо плещут холодной водой из колодца. Сильно пахнет горелым мясом, будто тут сожгли стадо коров. Как только я подавал признаки жизни, пытки возобновлялись снова и снова.

Я потерял счет дням, дым выедает глаза, хотя под самым потолком в стене отверстие. Я видел иногда свет солнечного дня, иногда оттуда тянет прохладой ночи.

Маги подходили, осматривали и, подновив заклятия, уходили в угол снова. Иногда их сменяли другие, но в подвале всегда было не меньше двух человек. Между приступами боли я пытался сосредоточиться и превратиться хоть в птицу, хоть во что-нибудь, но не слышал даже знакомого покалывания по телу.

Иногда, когда боль выворачивала наизнанку, чувствовал близость чего-то ужасного, что может высвободиться из меня и сжечь весь мир, но опять же маги не спускают глаз. Я захлебывался криком, рвался из цепей, терял сознание и приходил снова под ушатом холодной воды, чувствуя, как иссякают силы.

Терял сознание я все чаще, наконец однажды сквозь грохот крови в ушах услышал:

— ...бесполезно... он ничего не чувствует...

— А если взбодрить?

— У него нет сил. Сразу теряет сознание, а тогда какой толк от пыток?

— Его Величество любит наблюдать...

— Его Величество обожает слышать его крики! Но сейчас это просто бесчувственное тело... не кричит и даже не дергается...

— Тогда что?

— Его Величество торопит с казнью.

— Скажи ему, что мы еще попытаемся заставить его отречься от захваченных земель...

— Но он же сказал, войска подчиняются другому!

— Там все рыцари, — донесся саркастический голос. — Для них свято: сам погибай, а сюзерена выручай. Я уже послал в столицу сообщение.

— О пленнике?

— Да, дескать, ваш майордом в наших руках.

— А что говорит Его Величество?

По голосу слышно было, что говоривший с трудом сдерживает раздражение:

— Его Величество слишком ненавидит этого человека и потому способен на весьма неадекватные поступки! Но мы, верные слуги Его Величества, должны преследовать истинные цели Его Величества! Если удастся обменять этого человека на уход войск из Сен-Мари... разве это не будет правильнее?

Второй голос упрямо забубнил о том, что спорить с Его Величеством или действовать у него за спиной очень опасно, но подошел палач с раскаленным докрасна железом, я услышал шипение на моей груди и уловил запах горящего мяса. Волна слабости бросила в черноту небытия.

Глава 21

Череп набит раскаленными углями. Я поспешил приглушил боль, пока снова не потерял сознание. Распухшие и слипшиеся от крови веки долго не могли расцепиться, а вспухшее от побоев лицо превратило глаза в щелочки.

Яркий свет факелов удариł, словно палкой. Я зажмурился, боль вернулась, я кое-как заглушил ее снова. Мое бесчувственное тело снимали со стены, расковывали и снова заковывали уже в другие цепи, переворачивая, как бревно.

Над головой прогремел, отдаваясь болью при каждом звуке, голос:

— Отмучился... Такому смерть — облегчение...

— Да уж, — сказал другой, — досталось ему...

Мелькнула вялая мысль, что поднимут и понесут, хотя бы

ногами вперед, но не тут-то было: вытащили, как мешок с гнилым мясом, с размаха зашвырнули, гремя цепями, на телегу.

Я сильно ударился и сообразил, что если чувствую, то еще не расчленили, пока еще не расчленили. Но везут, как понятно по лицам охранников с обеих сторон телеги, именно на расчленение.

На какое-то время потерял сознание, а когда очнулся от свежего воздуха и ветерка в лицо, издали доносится мерный шум. Лошадь идет шагом, над бортами вижу блещущие металлом шлемы и длинные пики.

Я уцепился за край и приподнял голову. Справа и слева очень близко проплывают дома, а спереди доносится ровный гул множества голосов. Стены уходят в стороны, как половинки занавеса, открывается широкая сцена площади. Цепь закованых в железо воинов удерживает толпу празднично одетого народа, а в середине площади из деревянного помоста торчит мощный ошкуренный столб с двумя металлическими цепями.

У подножья помоста красиво и очень старательно уложены вязанки дров и хвороста. В десятке шагов еще один помост, широкий и украшенный красным бархатом. Такая же красная дорожка устилает ступеньки и тянется через площадь к дальнему дворцу. На самом помосте одно кресло с высокой спинкой и несколько широких лавок.

Пока мы выдвигались на площадь, с той стороны примчались легкие повозки. Слуги подставили ступеньки с золотыми бляшками, Кейдан вышел дородно и величаво, за ним выпорхнула красивая и достаточно молодая женщина. Из других повозоксыпали, как горох, придворные.

Мой возница сказал соседу с удивлением:

— Что-то Его Величество так рано... Обычно появляется, чтобы дать команду поджигать!

Второй ответил тихонько:

— Говорят, этот преступник его личный враг. Потому ничего не хочет пропустить.

— А-а-а, — сказал первый, — тогда понятно. Пусть наслаждается...

Лошадь неспешно дотащила телегу до помоста. Двое дюжих кузнецов быстро разбили скобы, что крепили цепи к те-

леге, меня подняли, всего обвешанного железом, поволокли по ступенькам наверх.

Лицом я оказался к помосту, где расположились Кейдан с его двором. Он подался вперед, жадно наблюдая, как меня поднимают и приковывают к столбу. Мне показалось, что у него потекли слюни.

За цепью стражников народ орет, размахивает руками, подбрасывает шапки. Все одеты по-праздничному, не на работу пришли — на развлечение. Вон уже снуют по толпе лоточники с пирожками, разносят кувшины с вином, продают кружками.

На королевский помост поднялся дородный мужчина во множестве одежд одна поверх другой. Когда он повернулся в мою сторону, я узнал Арнульфа, старшего над палачами, что провел всю пытку от начала до конца, не уступив этой радости никому больше.

Он церемонно поклонился Кейдану, тот милостиво наклонил голову. Арнульф послушно вскинул руки и, выждав, когда шум стихнет, вытащил из-за пояса и развернул длинный лист бумаги.

— К смертной казни, — прокричал он, заглядывая в лист одним глазом, — через сожжение приговаривается... самый мерзкий преступник за всю историю королевства... сэр Ричард Валленштейн, незаконнорожденный сын герцога Готфрида Валленштейна Брабантского!..

Народ закричал, слева от меня несколько дюжих голосов, явно соревнуясь, выкрикивали:

- Смерть!
- На медленном огне!
- Брабантцы — предатели!
- Смерть Брабанту!
- Герцога Валленштейна тоже на костер!
- Уничтожить Брабант!
- Этого четверовать, а сжечь потом!
- Нет, лучше просто сжечь! Медленно...

На помост вышел громадный мужик, обнаженный до пояса, но в надвинутом на голову капюшоне и в плотно облагающей лицо плотной маске с прорезями для глаз.

Снизу ему подали зажженный факел, он прошелся вдоль

помоста, показывая себя, мускулистые руки и громадный торс, поиграл плечами, солнце блестит на них, как на обкатанных морскими волнами камнях.

На помосте, где король и самые знатные из его двора, радостное оживление. Все тянутся к Кейдану и то ли поздравляют, то ли советуют жечь помедленнее, помедленнее...

Палач остановился и, повернувшись, лицом к королю, ждал сигнала. Король поднялся, все взоры прикованы к нему. Наслаждаясь моментом, он начал поднимать руку, растигивая удовольствие и глядя на меня сладострастно, потом обратил внимание, что головы в толпе начинают поворачиваться в другую сторону.

Донесся стук копыт, через площадь по узкому проходу в сторону королевского помоста вихрем пронесся всадник... нет, всадница. Широкополая шляпа слетела с ее головы и повисла на ленточке за спиной, ветер растрепал белокурье пышные волосы.

Все как зачарованные смотрели, как она красиво промчалась между двумя рядами воинов с копьями, у королевского помоста ей пытались загородить дорогу, однако женщина вскинула над головой бумагу.

— Срочно!.. — прокричала она звонко. — От Его Императорского Величества!

Стражи поспешили отпрыгнуть в стороны. Она проворно взбежала по ступенькам, один из вельмож протянул руку, то ли помочь взойти на помост, то ли взять послание. Женщина даже не повела бровью, легкая и быстрая, так же бегом, почти не переходя на быстрый шаг, миновала строй вельмож.

Кейдан смотрел с явным неудовольствием. Она мило улыбнулась ему, но свиток сунула Арнульфу. Тот на мгновение замер, затем важно выпрямился и, сорвав печати, начал разворачивать трубку. Я ожидал, что рулон бумаги опустится, как жалюзи, до самого пола, однако Арнульф придержал, я видел как он сразу заглянул в конец, видимо, пропуская шапку из всевозможных титулов всемогущего императора.

Кейдан повернул голову в мою сторону. Я старался смотреть индифферентно, хотя сердце стучит в панике, а в голове барабанится слабыми крыльишками пугливая надежда на чудо.

— Поджигай! — велел Кейдан.
Палач с факелом в руке повернулся в мою сторону.
Арнульф вскрикнул торопливо:
— Нет!.. Ваше Величество, это вам лично от императора.
Кейдан сказал раздраженно:
— Да, читай. А ты — поджигай, я же сказал!
Арнульф закричал в страхе:
— Нет! Ваше Величество, это как раз по поводу нашего...
вашего пленника. Его Величество император Герман Третий
повелел распорядиться его судьбой иначе!

Голос его, несмотря на страх, звучал вроде бы зловеще,
потому Кейдан вместо того, чтобы в третий раз сказать:
«Поджигай!» и проследить, чтобы палач все-таки поджег хво-
рост, спросил с подозрением:

— Письмо о нем? Об этой сволочи?
— Да, — ответил Арнульф упавшим голосом.

Кейдан осведомился:

— Что изволит Его Императорское Величество?

Арнульф всматривался в бумагу с великим недоверием,
даже провел по ней носом, будто принюхивался. Двое магов
подошли поспешно и подвигали растопыренными ладонями,
у обоих пальцы светятся зловеще зеленым.

Когда они кивнули и отошли, Арнульф сказал громко,
как и положено оглашать указы самого императора:

— Его Императорское Величество повелевает вам пере-
дать бургграфу Ричарду маркграфство Гандерсгейм. Самого
же бургграфа Ричарда жалует титулом маркграфа и милости-
во поясняет, что Его Императорскому Величеству нужны лю-
ди, которые пользуются поддержкой населения и умеют на-
ходить выход из сложных ситуаций.

Кейдан спросил бешено:

— Каких? Он сейчас сгорит! Пусть найдет выход!
— Его Императорское Величество, — пояснил Ар-
нульф, — имеет в виду события в Тартарене.

Кейдан вскочил, глаза метали молнии.

— Кто-то ввел Его Императорское Величество в заблуж-
дение!.. Этот проходимец не может быть маркграфом!

Арнульф сказал ему услужливо:

— Тем более, маркграфом Гандерсгейма. Но, может быть, это и хорошо?

Кулаки Кейдана сжимались и разжимались, словно держит меня за глотку и наслаждается, давая время от времени сделать глоток воздуха. Глаза вылезли из орбит, он стал похож на огромную глубоководную рыбу, безобразную и отвратительную.

— Нет, — прокричал он, — я уничтожу его сейчас!

Арнульф сказал торопливо:

— Ваше Величество, умоляю! Напоминаю, Гандерсгейм!.. Не станете же противиться священной воле нашего великого и несравненного императора?

Кейдан застыл, стиснутые кулаки разжались, сейчас они больше похожи на крючковатые лапы гарпии с острыми когтями, морда красная, как буряк, на лице отчаяние.

— Хорошо, — сказал он осевшим голосом, — Император мудр, он знает, что делает. Снимите цепи с этой... сволочи.

Женщина впервые оглянулась в мою сторону. Она уже заново укрепила шляпу на пышной прическе, тень полей падает на нежное лицо, но я видел, как смеются глаза, а губы сложились в едва заметную трубочку, словно украдкой послала воздушный поцелуй.

Кейдан с ненавистью посмотрел на нее, а Бабетта сияла, чистая и солнечная, как ангел, уже привычно кокетничая и показывая, как хороша сейчас и вообще.

— Погодите! — вскрикнул Кейдан внезапно. — Стойте!

Арнульф повернулся к нему и спросил с поклоном:

— Да, Ваше Величество?

Кейдан крикнул:

— Он еще не сказал, что принимает щедрый дар императора!.. Он не сказал!

Арнульф повернулся в мою сторону. Взгляд рыбьих глаз скользнул по мне холодно и враждебно.

— Полагаю, — произнес он медленно, — пленник примет.

Кейдан сказал живо:

— Нет, пусть ответит! Он же завоеватель! Он не захочет приносить присягу даже императору!

На площади стояла такая напряженная тишина, что, ко-

гда в дальнем доме заплакал ребенок, все вздрогнули, словно у них над ухом ударили в литавры.

Арнульф спросил в мертвом молчании:

— Сэр Ричард, принимаете ли вы щедрый дар императора? Приносите ли ему присягу верности? Обязуетесь ли выполнять обязанности маркграфа честно и добросовестно?

Несмотря на гул в голове и общую слабость, тысячи вариантов промелькнули в черепе. Если Кейдан рассчитывает, что мое рыцарство заставит гордо умереть на костре или на плахе, он просто дурак и все еще не понял, с кем имеет дело.

— Да, — ответил я, заставляя язык двигаться, а гортань издавать звуки. — Благодарю императора Германа за великую честь и доверие! Обязуюсь навести порядок в вверенной мне марке. Спасибо императору! Слава императору! Да здравствует император! Хвала императору, справедливому и милостивому!

Бабетта насмешливо и весьма нахально улыбалась. Из монолитного отряда рыцарей поднялась одинокая рука с оттопыренным большим пальцем. Мне показалось, что я узнал эту руку.

Но взгляд Кейдана говорит, что если с этой площади и уйду живым, то из города меня вынесут вперед ногами.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ 1

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	43
Глава 8	51
Глава 9	58
Глава 10	63
Глава 11	69
Глава 12	79
Глава 13	88
Глава 14	97
Глава 15	104
Глава 16	110
Глава 17	119
Глава 18	125
Глава 19	131
Глава 20	138

ЧАСТЬ 2

Глава 1	148
Глава 2	153
Глава 3	161
Глава 4	167
Глава 5	175
Глава 6	181
Глава 7	190

Глава 8	195
Глава 9	201
Глава 10	209
Глава 11	215
Глава 12	226
Глава 13	232
Глава 14	238
Глава 15	249
Глава 16	258
Глава 17	265
Глава 18	274

ЧАСТЬ 3

Глава 1	284
Глава 2	292
Глава 3	299
Глава 4	307
Глава 5	314
Глава 6	321
Глава 7	329
Глава 8	340
Глава 9	347
Глава 10	352
Глава 11	361
Глава 12	369
Глава 13	376
Глава 14	384
Глава 15	392
Глава 16	399
Глава 17	408
Глава 18	416
Глава 19	424
Глава 20	431
Глава 21	438

Литературно-художественное издание

Гай Юлий Орловский
РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ — МАРКГРАФ

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Тагирова*

Художественный редактор *А. Стариakov*

Технический редактор *Н. Носова*

Компьютерная верстка *А. Пучкова*

Корректор *Е. Самолетова*

В оформлении переплета использован рисунок художника *В. Коробейникова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 27.01.2009.
Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бумага газ. Усл. печ. л. 23,52.
Тираж 65 100 экз. Заказ № 6081

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksмо-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо»
зарубежными оптовыми покупателями обращаться в ООО «Дип покет»**
E-mail: foreignseller@eksмо-sale.ru

International Sales:
International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders.
foreignseller@eksмо-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.
E-mail: vipzakaz@eksмо-sale.ru**

**Оптовая торговля бумагио-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksмо-sale.ru, сайт: www.kanc-eksмо.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Ставки, 24ЗА.
Тел. (863) 220-19-34.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел./факс: (044) 501-91-19.
В Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.
В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. gm.eksмо_almaty@arnar.kz

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

**В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.**

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

ISBN 978-5-699-33574-9

9 785699 335749 >

Фиц@рд

Длинные Руки —
маркграф

